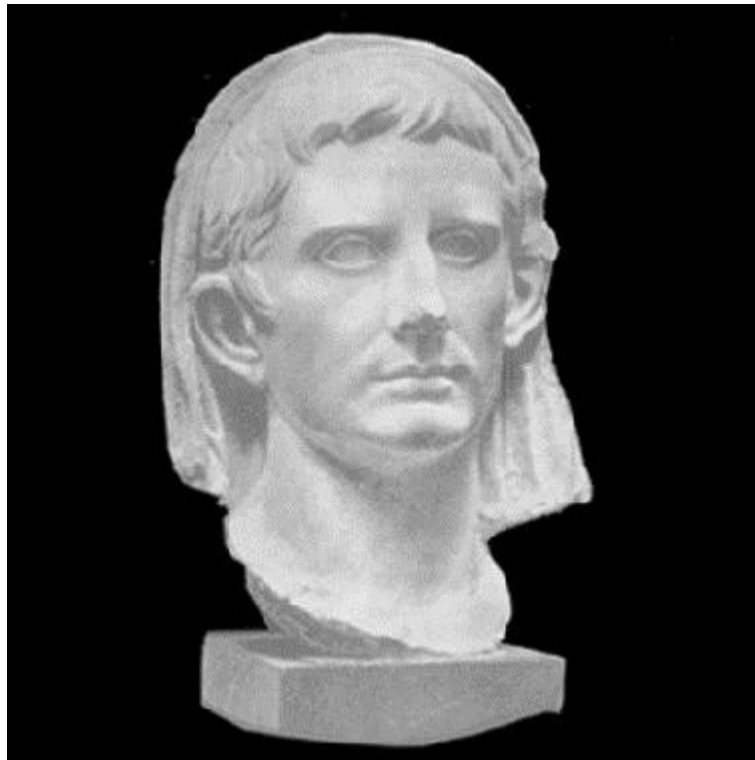

Август

Джон Бакан
(лорд Твидсмюр)

AUGUSTUS
Museo Civico, Ancona

Автор и книга

Джон Бьюкен (р. Перт, Шотландия, 1875; † Монреаль, Канада, 1940) был шотландским писателем, сделавшим многогранную карьеру журналиста, политика и государственного администратора.

Окончив Оксфорд вскоре после англо-бурской войны, он в течение двух лет служил личным секретарем Верховного комиссара в Южной Африке (оставив нам интересную статью о Йоханнесбурге, частично литературу о путешествиях, частично политический памфлет), но вернулся в Англию, где все больше увлекался писательством и издательской деятельностью. Его писательский талант и твердая

вера в британские имперские идеалы заложили основу для дальнейшей его карьеры: когда мир Началась Первая война, он стал военным корреспондентом *The Times* из Лондона и писателем в правительственном разведывательном корпусе, ежемесячно пишущим пропагандистские статьи о ходе войны; в конце концов, он служил в штабе британской армии во Франции в качестве директора по информации. После войны он стал директором информационного агентства Reuters и был избран президентом Шотландского исторического общества, представлял шотландские университеты в парламенте с 1927 по 1935 год, занимал пост лорда Верховного комиссара Генеральной ассамблеи Церкви Шотландии и ректора Эдинбургского университета.

В 1935 году король Георг V назначил его генерал-губернатором Канады и по этому случаю присвоил ему звание пэра как 1-му барону Твидсмуру. Это был спорный шаг, и сам Джон Бьюкенен не хотел звания пэра, но чувствовал, что не может противиться желаниям короля. Однако Канада приветствовала его как человека, сделавшего себя сам, и, в свою очередь, вскоре после вступления в должность он писал друзьям: "Я страстный канадец в своей любви к стране и народу". За время своего пребывания на посту генерал-губернатора он объездил страну вдоль и поперек, первым посетив Арктику и военно-морскую базу Тихоокеанского побережья в Эскимальте. Он скоропостижно скончался в 1940 году в Канаде, будучи генерал-губернатором.

Читать далее: Дж. Уильям Гэлбрейт, *Джон Бьюкен: образцовый генерал-губернатор* (Dundurn Press, Торонто, 2013)

Но Джон Бьюкен был прежде всего писателем. Его писательская лихорадка началась рано, и к тому времени, когда он окончил Оксфорд, он уже опубликовал несколько книг, естественно, включая *историю Брейзнуз-колледжа*, своей альма-матер; он продолжал публиковать в среднем около двух книг в год до конца своей жизни, всего более сотни. Около половины из них — художественная литература, большинство исторических романов или триллеров - его самый известный, "*Тридцать девять шагов*" (1915), послужил основой для нескольких экранизаций, - но он также много писал об истории Шотландии, а также британской истории, эссе, литературу о путешествиях, даже немного поэзии; и несколько биографий, среди которых *лорд Минто*, *мемуары* (1928), предметом которых были генерал—губернатор Канады — *сэр Вальтер Скотт* и *Юлий Цезарь*, оба опубликованы в 1932 году, а также *Оливер Кромвель* (1934).

В то время как "*Юлий Цезарь*" был относительно коротким, несколько романтизированным и написанным для школьников ("слишком много деталей было предоставлено для школьников и слишком мало для ученых" - это в значительной степени единодушное мнение), единодушно также то, что с *Августом* Бьюкен достиг чего-то значительно большего, чем простая биография, и книга получила широкую похвалу критиков: он предпринимает очень серьезную попытку проникнуть в суть того, что представлял Август и его переосмысление Римской

республики. Он действительно представляет первого императора Рима в идеальном свете, что проблематично, когда ему приходится иметь дело с триумвиральными проскрипциями; но тогда и никому другому не удалось устранить несоответствие между ролью Августа в них и в целом мягким характером его более позднего правления. И все же Бьюкенен не настолько ослеплен восхищением, чтобы не видеть недостатков своего объекта, и даже пишет (стр. 328): "Замкнутый, цепкий, осторожный и в то же время бесстрашный, [Огастес] потрясающий, но он не привлекателен".

Печатная книга подписана:

Моему другу
Уильяму Лайону Маккензи Кингу,
четырежды премьер-министру Канады

Содержание

<i>Предисловие</i>	7
--------------------	---

Книга I. Октавий

I ЗИМА В АПОЛЛОНИИ	19
II СПОРНОЕ НАСЛЕДСТВО	38

Книга II. Цезарь Октавиан

I ТРИУМВИРАТ: ФИЛИППЫ	65
II ВОСТОК И ЗАПАД	76
III РАЗРЫВ С АНТОНИЕМ: АКЦИЯ	96

Книга III. Первый гражданин

I ФОНДЫ	125
II КОНСЕРВАТОРСКАЯ РЕСПУБЛИКА	142
III ТВОРЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ	164

Книга IV. Отец Отечества

I ПОЛНЫЙ ПРИНЦИПАТ	195
II ДОМ ЦЕЗАРЯ	235
III РИМСКАЯ ЖИЗНЬ	252
IV АВГУСТОВСКИЙ МИР	277
V ТЕНЬ НА СЕВЕРЕ	303
VI ЗАКРЫТИЕ	319

СТРАНИЦА С ТАБЛИЦЕЙ	домашнего хозяйства
АВГУСТА	фронтисписе 16
ИМПЕРИЯ ПРИ АВГУСТЕ	в конце

Технические детали

Использованное издание

На этих веб-страницах приводится мой экземпляр июльской перепечатки 1947 года первого издания (1937), Hodder and Stoughton, Дом Святого Павла, Лондон, Е. С. 4. (твердый переплет). Поскольку Джон Бьюкен умер в 1940 году, его книга находится в общественном достоянии с 1 января 2011 года.

Разбивка на страницы и локальные ссылки

В целях цитирования и индексации нумерация страниц указана на правом поле текста на разворотах страниц (например, в конце этой строки); стр. 57 это также

локальные ссылки. Сторонники абсолютной точности, конечно, найдут якорь в его точном месте в исходном коде.

Кроме того, я вставил ряд других локальных якорей: любые ссылки, которые могут потребоваться для размещения собственных перекрестных ссылок авторов, а также несколько других для моих собственных целей. Если, в свою очередь, у вас есть веб-сайт и вы хотели бы разместить ссылку на какой-то конкретный фрагмент текста, пожалуйста, дайте мне знать: я буду рад вставить туда также локальный якорь.

Корректурa

Как почти всегда, я перепечатал текст от руки, а не сканировал его — не только для минимизации ошибок перед корректурой, но и как возможность для меня поближе познакомиться с работой, упражнение, которое я от всей души рекомендую: *Qui scribit, bis legit*. (Благонамеренные попытки заставить меня сканировать текст, в случае успеха, просто превратили бы меня в некую машину: гамбит отклонен.)

Моя транскрипция была тщательно вычитана. В приведенном ниже оглавлении разделы показаны на синем фоне, указывая на то, что я считаю их текст полностью безошибочным; красный фон означал бы, что страница не была вычитана. Как и в других местах сайта, строка заголовка в верхней части веб-страницы каждой главы будет напоминать вам о ней в той же цветовой гамме.

Основной текст печатной книги был на удивление хорошо вычитан, всего с четырьмя типографскими ошибками. Два были тривиальными, и я пометил их пунктирным подчеркиванием, вот так: как и везде на моем сайте, проведите курсором по подчеркнутым словам, чтобы прочитать, что на самом деле напечатано. Два других были важны и отмечены такой пулей, как эта.^o

Сноски, однако, были плохо вычитаны, особенно в том, что касается разделов, глав или номеров книг при цитировании древних источников. Я смог исправить большинство из них; некоторые оказались неподатливыми всем моим усилиям, и в результате я не смог предоставить несколько ссылок.

Подчеркнутые значения указывают на преобразование в метрические показатели; проведите по ним курсором аналогичным образом, чтобы прочитать их; *например*, 10 миль.

Небольшое количество странных вариантов написания, любопытных оборотов фразы и т.д. Были отмечены `<!--sic` в исходном коде, просто чтобы подтвердить, что они были проверены.

Если вы заметили какие-либо ошибки, пожалуйста, напишите мне, конечно: особенно если перед вами экземпляр печатной книги.

Значок, который я использую для обозначения этого дочернего сайта, - это фотография портрета Августа, которая служит фронтисписом книги (вверху) , и рисунки на обложке.

Предисловие

Эта книга - попытка проникнуть в частичку разума великого человека. В юности я был очарован Юлием Цезарем и был готов поверить вместе с Моммзенем и его школой, что конструктивные идеи, которые обычно приписывают его внучатому племяннику, были порождены его гениальностью. По мере продолжения моих исследований я чувствовал несостоятельность этой точки зрения, как и той, другой, которая, похоже, занимает свое место в наши дни и которая сделала бы Агриппу истинным архитектором Римской империи. Я пришел к выводу, что Огастес, несмотря на то, что у него были способные коллеги — и одним из его дарований была способность выбирать сотрудников, — всегда был главным дизайнером и главным исполнителем. Мне показалось, что я нашел в его работах глубокий практический ум, который встречается в истории еще реже, чем основополагающий идеализм. Следовательно, со времен моего студенчества Август внушал мне живой интерес, который поддерживался тем опытом, который я получил при различных условиях, к тем проблемам управления, которые во многом одинаковы во все века. Две канадские зимы позволили мне выполнить задачу, начатую много лет назад.

Гиббон жаловался, что ему приходилось "собирать деяния Траяна по проблескам сокращения или в сомнительном свете панегирика". Власти Августа едва ли более удовлетворительны. Основные современные источники утрачены: тринадцать книг собственной автобиографии Августа; три книги переписки между ним и Цицероном; мемуары Агриппины; труды Асиния Поллиона и Мессаллы Корвина; тридцать книг Ливия, охватывающих период с 44 по 9 год до нашей эры; брошюры таких людей, как Дамаск. Также исчезла большая часть нашего материала для понимания римской мысли и общества: почти Оппий и Юлий Сатурнин, и большая часть Николая из стр. 8 всех второстепенных поэтов; значительная часть Цицерона; пьесы, которые были не пересказами с греческого, вслед за Плавтом или Теренцием, а подлинными отражениями римской жизни. Некоторые из этих утерянных источников, без сомнения, воплощены в работах более поздних хронистов, но невозможно понять, что является подлинным заимствованием, а что - авторским приукрашиванием. Помимо второстепенных современников, таких как Страбон и Веллей, мы в основном зависим от авторов, живших на полвека-два столетия позже, — Плутарха, Аппиана, Светония, двух Плиниев и Диона Кассия, и все они были моралистами или сплетниками, у которых было мало исторической совести. Единственный гениальный человек, Тацит, также писал спустя много времени после этого события, и, как было сказано о Карлейле, он "предпочитал серьезность правде".

К счастью, несовершенные литературные источники могут быть дополнены важными археологическими материалами и эпиграфикой. Поскольку последующие посланники императора Фердинанда II впервые скопировал Monumentum Ancyranum в 1555 году, каждое столетие приносило новые открытия. Папирусы прояснили многие моменты в управлении Египтом, а надписи, содержащие законы, эдикты и рекомендации сената, расширили наши знания об управлении провинциями. Блестящая работа экскаваторов пролила новый свет на скульптуру и архитектуру Августа. Но, несмотря на все сказанное, у нас все еще мало материалов для оценки этого человека и его работы. Главным ориентиром по-прежнему должна оставаться традиция; мы знаем, что последующие эпохи верили в определенные вещи о нем, а продолжительная вера не может быть необоснованной.

Один великий ученый писал о подверженности ошибкам любой исторической реконструкции: "Традиция дает нам только руины. Чем внимательнее мы их проверяем и исследуем, тем яснее видим, насколько они разрушительны, а из руин невозможно построить целое. Традиция мертва; наша задача - возродить ушедшую жизнь. Мы знаем, что призраки не могут говорить, пока не выпьют крови, а духи, которых мы вызываем, требуют крови наших сердец. Мы с радостью даем им это, и если они затем отвечают на наш вопрос, что-то от нас вошло в них".¹ Я осознаю, что моя интерпретация Августа - это р9личное, незаметно окрашенное моими собственными убеждениями. Но поскольку историк чувствует себя как дома в эпоху, похожую на его собственную, я надеюсь, что потрясения нашего времени могут дать представление о проблемах ранней Римской империи, которое, возможно, было недоступно ученым, жившим в более легкие времена.

Я был вынужден сделать большие наброски благодаря доброте моих друзей в Европе и хотел бы особенно поблагодарить за их щедрую помощь профессора Оксфорда Хью Ласта и графа Роберто Вайса.

Джей Би

ДОМ ПРАВИТЕЛЬСТВА, ОТТАВА

Примечание автора:

¹ Виламович, *Греческие исторические сочинения и Аполлон*, 25.°

КНИГА I: ОКТАВИЙ

стр. 19 Глава Я

зимовал в Аполлонии

(45-44 г. до н. э.)

Домотканый плащ, закрывавший половину его щеки,
слегка опустился, и я успел мельком увидеть — только один!

Одного было достаточно, чьим— чьим могло быть это лицо?

Эти неухоженные небрежные волосы — каштановые, желтоватые
—

Эти сверкающие глаза под нависшими бровями

(Встречаются друг с другом, и между ними правит ястребиный
нос)

— Этого было достаточно, больше не требовалось ни малейшего
взгляда!

БРАУНИНГ, "*Император Аугусто*" —

Я

Город Аполлония на Иллирийском побережье, старая колония Коринфа, весной 44 года до н.э. был центром разнообразной жизни. Это был оживленный порт, поскольку это был один из выходов на Адриатическое море великой Виа Эгнатия, большой дороги из Рима на Восток; это была военная база; и в течение нескольких лет его мягкий воздух и положение дома на полпути- между Востоком и Западом привлекали сюда ученых, слава которых принесла им множество учеников. Как морской порт, гарнизон и университетский городок, он был приятным местом обитания молодежи.

Среди тех, кто прогуливался по его улицам в мягкую мартовскую погоду, был один, на кого многие оборачивались, чтобы взглянуть во второй раз, ибо он был внучатым племянником того, кто теперь был властелином мира. Но он был молодым человеком, который сам по себе где угодно привлек бы к себе внимание. Его звали Гай Октавий Турин,¹ и он приехал в Аполлонию прошлой осенью, чтобы завершить

образование, которое было прервано 20-войнами в Испании. Сейчас ему было уже наполовину- исполнилось девятнадцать, он родился 23 сентября 63 года на корабле консула Цицерона. Телосложением он был невысоким и щуплым, не дотягивая до пяти футов семи дюймов, но он был хорошо сложен, и его невысокий рост не бросался в глаза. Черты его лица были вылеплены так изящно, что казались почти девичьими, поскольку джулианская линия обладала заметной утонченностью, но впечатление, производимое на зрителя, не было женственным. Решительный рот и нос с высокой переносицей запрещали это, но прежде всего спокойные, сияющие серые глаза. Это были чудесные глаза, такие пронизательные, с таким пристальным вниманием, что тем, на кого он обращал их, приходилось отводить взгляд.² Его лицо было бледным, потому что он всегда был хрупким мальчиком, но время от времени он восхитительно краснел. Его голос был тихим и приятным, и весь его вид излучал спокойствие и самообладание, лишь с легким оттенком страдания. Для своих лет он казался до нелепости зрелым, и у него было мало юношеских недостатков; он пил мало вина и ел не больше птицы из-за плохого пищеварения. Но, хотя в нем не было ничего от хорошего компаньона, в нем была грация, которая очаровывала, и намек на скрытую силу, которая производила впечатление.

В юности Октавиус выглядел ученым, каким был с детства. Он произносил речи, едва выйдя из колыбели, а в подростковом возрасте серьезно изучал то, что в Риме называлось философией. Как и вся римская молодежь, он уделял много времени риторике, науке, которая обучала литературному стилю и искусству убеждения; но он не принадлежал к той молодежи, которую презирал Цицерон, чьим увлечением были экстравагантные тропы и новые идиомы. Как и у его двоюродного дедушки, у него был сухой вкус в письмах, он предпочитал мансарду коринфской манере. Такая же строгость проявилась в его философских интересах. Равнодушный греческий ученый, он не был приверженцем какого-либо эллинского мастера, но на римский манер был чем-то вроде свободного-копья и эклектика. Как и его двоюродный дед снова, он 21-го попал под чары Посидоний,³ стоиком, которые заимствованы из многих школ, и хотел жениться на мысли о Греции и Востока с римской традицией, в поисках того, что может быть универсальной веры в универсальную империю. В отличие от многих своих молодых современников, Октавий не испытывал презрения к древнеримским обычаям и не испытывал чрезмерной любви к экзотике.

Этот скромный молодой человек привез с собой наставника, некоего Аполлодора, древнего ученого из Пергама, главной задачей которого было улучшить свой запинаящийся греческий. Но его друзья не ограничивались его сокурсниками по Академии. Шесть легионов были расквартированы в Иллирии и Македонии, и, как и подобало тому, кто был назначен в штаб Юлия, он много времени проводил в военном обществе. Он был популярен среди офицеров, потому что мог из первых рук рассказать им о недавней испанской кампании, и у него было очарование родства и дружбы с лучшим солдатом того времени. Кроме того, в нем чувствовалось высокое предназначение, и предзнаменования, сопровождавшие его рождение и детство, были обычным предметом разговоров в столовых. Однажды в Аполлонии он посетил астролога Теогена, который был настолько ошеломлен

великолепием его гороскопа, что с благоговением бросился к его ногам. В мальчике была жилка суеверия, и этот инцидент укрепил его уверенность в себе, поскольку значительно повысил его авторитет в народе.⁴

Помимо его наставника Аполлодора и другого *ученого*, некоего Афинодора из Тарса, у него было несколько близких друзей его возраста. Одним из них был Сальвидиен Руфус, чьей дружбе было суждено иметь трагический конец. Ближе к нему был Гай Цилний Меценат, человек на несколько лет старше его, который утверждал, что происходит из старого царского дома Этрурии. Меценат был поразительной фигурой, с ввалившимися глазами и сильными, резкими чертами лица, которым не доставало римского образца. Его манеры, несмотря на суровую внешность, были странно женственными; иногда он одевался фантастически, а его главный интерес, по-видимому, проявляли литераторы и знатоки кораблестроения. Но Октавиус ценил его советы, которые давались всегда с полной откровенностью, и он не сомневался в его привязанности. Честолюбие Мецената, казалось, никогда не было направлено на самого себя, а только на своих друзей.

Ближе всех был его ровесник Марк Випсаний Агриппа. Не происходя из знатной семьи, римской или этрусской, Агриппа уже был товарищем Октавия в его короткой кампании и завоевал любовь и доверие, которым предстояло оставаться непоколебимыми в течение тридцати лет.⁵ Он был весьма впечатляющим молодым человеком с прямыми бровями, глубоко запавшими пронизательными глазами, массивной челюстью и ртом столь же изящной формы, как у самого Юлия.⁶ Он обладал всей мудростью Мецената, но уже сейчас было ясно, что он больше, чем советник и дипломат, и в критической ситуации может стать лидером людей. Офицеры в кают-компании уважали его военные суждения и находили в нем дух, близкий их сердцам, а его преданность Октавию возвышала последнего в их глазах. Он не был внучатым племянником повелителя мира, но он сам был материалом, из которого были сделаны повелители мира. Этот восемнадцатилетний юноша был одним из самых компетентных людей на свете, но все его силы были положены на алтарь дружбы. Он является высшим примером в истории человека первого порядка, которого преданность вынудила занять второе место.

Происхождение Октавий родился в Риме, в доме на восточной оконечности Палатина, но его семья была провинциальной. Его дед, представитель плебейского клана Октавианов, был банкиром в вольском городе Велитрах - профессия, которая в глазах римлян не делала чести тем, кто ею занимался. Его отец, однако, возвел семью в ранг официальной знати, поскольку служил государству в качестве квестора, плебейского эдила и претора и честно и компетентно управлял Македонией, проведя несколько успешных небольших кампаний против горных племен.⁷ Более того, он вступил в брак с р23одним из самых гордых патрицианских домов, Юлианами, поскольку его жена Атия была дочерью велитрийского буржуа М. Атия Бальба и Юлии, сестры Гая Юлия Цезаря. Он мог бы стать консулом, если бы не умер в 58 году на своей вилле в Ноле, когда его сыну не было еще и пяти лет. Мальчик воспитывался в деревне, в основном в Велитре, но также в других

загородных домах своей состоятельной- семьи. Вскоре Атия снова вышла замуж, за консула Л. Марий Филипп, сын знаменитого оратора с таким именем и близкий друг Цицерона. Но эта связь с более широкой жизнью Рима не могла помешать строгости воспитания Октавия. Он держался поближе к своим книгам, режим его жизни был спартанским, и ему редко разрешалось посещать столицу. Лишь однажды, прежде чем облачиться в мужское одеяние, он появился на публике, когда в возрасте двенадцати лет произнес обычную хвалебную речь на похоронах своей бабушки Юлии, и римское общество с интересом смотрело на скромного, красивого ребенка, родственника великого человека, у которого не было собственного сына.

Юлий Ибо в те дни Юлий стремился занять первое место в мире. Пока Октавий находился со своим наставником в Велитрах, или Ноле, или на кампанской вилле своего отчима, борьба с Помпеем была в самом разгаре. Отчим был умеренным помпеянцем в своих симпатиях, но семейные связи удерживали его нейтралитет, и семья никогда не была втянута в войну. Когда в 49 году Юлий перешел Рубикон, мальчику было четырнадцать, и он жил в глубине страны; но по мере того, как кампания продолжалась и Италия попала в руки завоевателя, его все чаще привозили в Рим и относились к нему с некоторым уважением, подобающим принцу крови. После Фарсала, когда ему едва исполнилось шестнадцать, он официально стал мужчиной и примерно в то же время был избран в коллегию понтификов, что было значительной честью для столь молодого человека. Теперь он выполнял определенные общественные обязанности, иногда председательствуя, как это имели право делать понтифики, в преторианских судах, но он по-прежнему жил уединенной жизнью под строгим присмотром своей матери, и это уединение и таинственность усиливали общественный интерес. Ибо теперь все считали его очевидным наследником того, кто сделал себя р24 во всех смыслах монархом мира.

Это была ситуация, которая вполне могла вскружить голову более светлому человеку. Но молодой человек держался особняком и, казалось, был доволен исполнительностью и скрытностью. И все же его мысли были заняты двоюродным дедушкой, и он страстно желал его возвращения. За всю свою жизнь он почти не видел его, поскольку Юлий отправился в Галлию, когда был еще маленьким ребенком, и маловероятно, что эти двое встречались в лихорадочные месяцы перед тем, как первый отправился в кампанию, закончившуюся при Фарсале. Но когда победитель вернулся из Александрии осенью 47 года, состоялась встреча, и сердце пожилого человека потянулось к красивому юноше, который был главным оставшимся мужчиной его расы. Он хотел бы взять Октавиуса с собой в Африку, и Октавиус очень хотел туда поехать, но его здоровье в то время было слабым, и мать запретила это путешествие. Но после Тапса он фактически стал членом семьи диктатора, хотя официально еще не был усыновлен.⁸ Он разделил его триумф, ехав в колеснице рядом с ним; он убедил его простить помпейского брата Агриппы, попавшего в африканский плен; он стоял рядом с ним во время жертвоприношений и сидел рядом с ним в театре; он был впереди всей своей свиты и, казалось, был обречен, несмотря на свои годы, быть постоянным помощником диктатора и фактически главой его администрации.

Но здоровье сослужило ему плохую службу. Жаркая погода в Риме вызвала лихорадку, и он был больным человеком, когда в декабре 46 года Юлий отправился в Испанию, чтобы сразиться в своей последней битве. В начале нового года он достаточно оправился, чтобы последовать за ним, и после опасного и трудного путешествия присоединился к нему в Кальпе на следующий день после Мунды. Вместе с ним он переправился в Карфаген и участвовал в предварительных советах по поводу нового устройства империи. Он вернулся один в Рим, где ему теперь приходилось передвигаться осторожно, поскольку за ним ухаживали со всех сторон как за приближенным завоевателя. Предстояла парфянская кампания, и как один из двух мастеров конницы он был в центре событий. Более того, Сенат, по просьбе Юлия, произвел его в патриции. Но в те трудные месяцы Октавий действовал так осторожно, что не нажил себе врагов и не связывал себя никакими группировками или интригами. Он приходился Юлию внучатым племянником, но, по его словам, был всего лишь юношей, ему еще предстояло завершить образование, и все дела должны были подождать возвращения Юлия. В сентябре он на мгновение встретился с владыкой мира, когда приехал домой, чтобы проследить за восстановлением империи. Но вскоре он уехал со своим наставником в Аполлонию — вероятно, по собственному желанию. Он стал объектом привязанности великого человека и поверенным в его замыслах, но в голове у него все еще царил смятение. Ему нужен был досуг, чтобы поразмыслить над теми огромными проблемами правительства, о которых он теперь имел представление, и над тем, что казалось его собственным высоким, но непредсказуемым предназначением.

II

Большинству людей в то время мир казался клубком узлов, ожидающих, когда их разрубят меч. Но Октавий впитал в себя достаточно философии, чтобы не доверять мечу как лекарству от всех болезней, у него в крови было римское восприятие прошлого, и в те спокойные месяцы его разум возвращался к долгой истории своего народа и пытался оценить многие элементы, от которых зависело будущее Рима.

Он увидел позади себя одно из чудес истории. Маленький укрепленный городок, центр общины йоменов, за четыре столетия со дня своего основания стал владычицей всей Италии. Два столетия спустя она контролировала берега Средиземного моря и большую часть империи Александра; ее незначительные холмы стали такими же знаменитыми, как Акрополь или Пирамиды; название горного потока, омывающего ее стены, было так же знакомо людям, как река Египта; а ее коммерческая экспансия не отставала от ее завоеваний. Удары молота судьбы, казалось, не ослабляли, а закаляли ее силы и побуждали к новым свершениям. Но в этом удивительном развитии не произошло р26соответствующей корректировки ее телосложения.⁹ Она все еще сохраняла античные формы старого города-государства, формы, постоянно нарушаемые или игнорируемые, но все еще теоретически неприкосновенные. Муниципалитет пытался управлять половиной

мира, причем весьма любопытный и тонко сбалансированный муниципалитет. Расширение ее границ было достигнуто скорее случайно, чем намеренно, поскольку именно ее желание быть в безопасности в Италии привело к тому, что империя неохотно оказалась в ее руках. Ее устоявшаяся политика всегда была антиэкспансионистской, что объясняет ее медлительность в пересмотре своего государственного механизма.

Республика и империя В этом правительстве главным принципом, начиная с Закона Двенадцати Таблиц, был суверенитет римского народа. Но люди были лишь высшей властью, и они скорее царствовали, чем управляли — неизбежно, поскольку на практике они имели в виду только полумиллионное население в пределах городских границ. Их власть заключалась в выборе магистратов, и фактическая работа правительства находилась в руках этих магистратов и Сената, который олицетворял коллективную мудрость и основные традиции Рима. Старое различие между патрициями и плебеями теперь имело мало значения; новая аристократия была должностной знатью, состоящей из тех семей, которые занимали высокие посты в государстве. Отвращение такого органа к иностранным завоеваниям становится достаточно понятным, если вспомнить, что новая провинция означала дополнительного губернатора и что увеличение числа магистратов за счет увеличения их численности уменьшало их исключительную гордость и эффективный контроль.¹⁰

Судьба оказалась слишком сильной для сената, и нежелательные завоевания сами посыпались ему в руки, ибо в Риме был свирепый инстинкт роста, не поддающийся ограничениям. Он предпринимал отчаянные усилия, чтобы сохранить свой древний престиж. Число преторов было увеличено, а система профессиональных-магистратур позволила возложить на существующих офицеров двойные обязанности. Но это не решило проблему, поскольку количество кораблей иностранного губернаторавскоре превысило желаемую норму. Если человеческая изобретательность не справляется со срочной задачей, может вмешаться судьба. В Римском собрании все еще оставались остатки власти, и в случае кризиса, который серьезно затронул его, римский народ мог настоять на назначении какого-нибудь любимого генерала или политика на особое и верховодящее командование. С этим нововведением Республике в ее строгом смысле пришел конец. Новая империя стала слишком большой и слишком сложной для старой машины. Когда Сенат или народ назначали великого человека для удовлетворения какой-нибудь неотложной нужды и давали ему армию, древнее правление подрывалось в своих основах. Экстренный прием, примененный к старым формам, оказался более действенным, чем все остальные.

Это были факты, которые признавал каждый мыслящий римлянин того времени. Была неохотно завоевана огромная империя, естественными границами которой, по общему признанию, рано или поздно должны были стать Атлантика, африканская пустыня, Евфрат, Дунай и Рейн. На Востоке была угроза со стороны Парфии, а грозная туча германских народов мрачно нависла над Севером. Внутри римских

границ многие провинции представляли собой бормочущие вулканы. Не было разработано никакого серьезного механизма управления провинциями. Не существовало постоянной государственной службы. Губернаторы менялись ежегодно, и полностью от их личных качеств зависело, будут ли условия их полномочий справедливыми или репрессивными. Доходы от провинций, которые были главным источником доходов Рима, передавались на откуп акционерным обществам римских капиталистов. Контроль со стороны Сената был недостаточным; действительно, тот факт, что деньги и люди могли быть получены из провинций без полномочий Сената, представлял прямую угрозу престижу Сената. Римский народ не имел тягу к презентабельной единообразия, и, будучи сырьевой бизнес, удовлетворившись любая система, которая бы работала; "они ценят", - заявил один из их более поздних историков, "реальность империи и пренебрегать своими пустыми формами".¹¹ Но какие-то принципы там должны быть, какой бы эластичной и серьезной системы там ни было. "Все провинции скорбят, - говорил Цицерон своим соотечественникам. - Все свободные люди жалуются. ... Римский народ больше не может сопротивляться. ... их жалобы, их стенания и их слезы".¹²

Верховное командование самого Рима на протяжении столетия было ареной борьбы между оптиматами, консервативной знатью, желавшей увековечить правление Сената, и популярами, радикальными реформаторами, стремившимися к переменам с помощью Народного собрания. Оба утверждали, что их действия были оправданы конституцией; оба последовательно нарушали основы конституции. Главным оружием обоих было экстренное назначение Высшего командования, особого магистрата с диктаторскими полномочиями,¹³ Суллы, Помпея, Цезаря — всегда допустимое в кризисных ситуациях, но теперь ставшее обычной практикой. Чрезвычайное лекарство конституции, по выражению Берка, стало ее хлебом насущным. Четыреста лет центр тяжести находился в Сенате; теперь он переместился, и никто не мог сказать, куда. "С Течением веков любопытный, но сравнительно простой тип политики превратился в мешанину конституционного права и обычаев, сквозь которую не мог проникнуть даже острый взгляд римского юриста и которую даже его способность к фиктивному толкованию и изобретению компромиссов не могла свести к системе".¹⁴ Но теоретическая аномалия мало что значила по сравнению с практическим крахом. Ассамблея вообще не могла управлять страной, а Сенат, у которого были две задачи - управлять империей и обуздывать новую демократию, потерпел неудачу и в той, и в другой. Постепенно пришло осознание того, что необходимые реформы могли исходить только от той части, где сейчас находилась истинная власть — Высшего командования, человека, которому были предоставлены высшие полномочия и за которым стояла армия.

В конце концов дело должно дойти до меча — это были вынуждены признать самые миролюбивые и законопослушные люди. Между консерваторами, которые не желали подчиняться логике фактов, и радикалами, которые требовали изменений, которые они четко не представляли, не было никакой надежды на компромисс. Армии, новый вид армии, стали единственным арбитром. В старые времена каждый гражданин был солдатом, который бесплатно служил в маленьких войнах. Согласно

Ливию, затянувшаяся осада Вейи сначала вынудила ввести войска. Борьба с Карфагеном и последовавшие за ней испанские войны положили начало системе сверхсрочной службы; поражение Ганнибала наложило на Рим наказание в виде империи и грандиозных кампаний, в которые граждане призывались крайне неохотно. Соответственно, Мариус превратил армию в добровольческие силы, зачисленные под командование определенного генерала для конкретной кампании, и таким образом коренным образом изменил ее характер. Судьба солдат теперь была связана с судьбой их командира; только он мог обеспечить им должное вознаграждение, и они были обязаны своей лояльностью ему, а не государству. Популярный генерал, который мог поднять людей и привлечь их на свою сторону, обладал оружием настолько мощным, что оно полностью нарушило баланс конституции. У Рима не было постоянной армии в Италии и лишь небольшие силы в провинциях; только полководец с хорошей репутацией мог набрать рекрутов, и за эту службу он мог выдвигать свои условия. Сенат не имел права рассчитывать на лояльность армии. Верховное командование с тех пор, как начались далекие войны, стало признанной частью государственной машины. Сулла, Помпей и Юлий показали, что оно является основной частью. Суждено ли было древней гражданской конституции уступить место военной сатрапии?

Октавиус — он не зря был отпрыском банкиров - смотрел не только на политические головоломки, но и на экономические проблемы страны. В напряжении войн и беспорядков они были забыты, но они были там, на заднем плане, вечным раздражителем. Римская экономика была несбалансированной. Импорт дешевого зерна р30 разорил старых крестьян-собственников. Некоторые успешно перешли от пшеницы к оливкам и виноградным лозам, но многие разорились, и то, что когда-то было пахотной землей, теперь превратилось в грубые пастбища, обрабатываемые акционерными компаниями или индивидуальными капиталистами с помощью рабского труда. Рим не был самообеспечивающим государством и ненадежно зависел в плане продовольствия от постоянного господства над морем. Система раздачи зерна обнищала его граждан. Сам город был центром мировых финансовых операций — как внук банкира, он хорошо их знал; северная сторона Форума была гнездом банков и фондовых бирж; но промышленная жизнь города была скудной, а торговля, по крайней мере в руках римлян, имела узкий размах. У купца было мало покупок в государстве, поскольку ему так и не удалось улучшить гавань в Остии, и для своих более крупных судов он был вынужден использовать Путеолы, расположенные в ста пятидесяти милях от города; в то время как большинство людей не считали его вполне респектабельным. В рабовладельческом обществе торговля и промышленность всегда со скидкой. Государственные финансы были гротескными. В Италии не существовало прямого налогообложения; доход поступал от арендной платы за общественные земли, монополии на продажу и одной или двух небольших пошлин; основную часть государственных доходов составляла провинциальная дань, взимаемая по столь нелепой системе, что едва ли половина того, что платили провинциалы, поступала в казну. Общий доход римлян составлял, возможно, три миллиона фунтов стерлингов, и скудость результата была

соизмерима с грубостью методов. Октавий был достаточно опытным финансистом, чтобы не испытывать особого уважения к финансовому аппарату Рима.

Он был в достаточной степени моралистом и философом, чтобы беспокоиться о менее весомых вещах. В низших классах древнеримский род почти вымер, и люди, голосовавшие в Собрании, были конгломератом представителей всех рас. Было подсчитано, что около девяноста процентов были иностранного производства,¹⁵ и источником их происхождения был в основном Восток. Более бедные граждане были немногим больше паразитов, которых кормили бесплатным государственным хлебом, р31развлекали бесплатные государственные шоу - превосходный материал для демагога. Средний класс редко был промышленником или торговцем в почетном смысле этого слова; богатые среди них сколотили свое состояние главным образом за счет государственной ренты и налогов, за счет контрактов с армией, за счет торговли рабами и за счет разновидности банковского дела, которое лучше было бы описать как спекулятивное ростовщичество.¹⁶ Аристократы по рождению либо присоединились к "новым людям" в гонке за богатством, либо стали закоснелыми почитателями реликвий и педантами происхождения. Будучи выходцем из буржуазии, Октавиус страдал от их грубого высокомерия. За исключением сельских районов и нескольких старомодных городских-домов, традиционные римские "gravitas" и "pietas" остались в прошлом.

Конституция в хаосе Это была неприятная картина для молодого человека, выросшего в деревне, получившего серьезное образование, любящего жизнь, которая, казалось, исчезает, и прошлое, отделенное огромной пропастью от настоящего. Ясно было одно. Продуманные системы сдержек и противовесов, предусмотренные этой конституцией, привели лишь к потере всякой ответственности. Эта конституция была "хаотичным результатом попыток остановить внутреннюю революцию и слабых и ненаправленных усилий наладить соотношение изношенных полномочий. Государство, в котором каждое из трех народных собраний имеет право выражать суверенную волю народа, не обладает организацией, способной удовлетворить потребность, для которой существуют конституции, — упорядоченное удовлетворение всех потребностей гражданской жизни посредством ряда актов, обладающих бессрочной силой".¹⁷ Позиция сената была не менее аномальной и бессильной. Власть сменявших друг друга высших командиров была возвращением к варварству. Все римское правительство рухнуло, и что должно было прийти ему на смену? Можно ли его когда-нибудь заменить? Мог ли народ, который не смог управлять городом, править миром? Разве успех Рима не стал его гибелью?

Он выслушал защиту Сената, выдвинутую Цицероном по-хозяйски и гневно обычным консерватором. р32заключалась просто в том, что Республика работала достаточно хорошо, пока триумвират Юлия, Помпея и Красса не вывел машину из строя. Конституция была сбалансированной вещью, как давным-давно утверждал грек Полибий, искусным сочетанием монархии, аристократии и демократии. Магистраты с их правом инициативы в Сенате и Ассамблее обладали широкими

исполнительными полномочиями, которые были смягчены авторитетом Сената в вопросах политики. Право вето трибунов защищало личность. Сенат олицетворял способности и опыт государства, в то время как всенародные выборы магистратов давали общественному мнению конституционное средство самовыражения.¹⁸ Пусть Рим вернется на проторенную дорогу, к старым обычаям, и все будет хорошо. Но ясному уму молодого человека было ясно, что такого возврата быть не может. Традиционная машина капризничала в течение столетия и теперь была повреждена после ремонта. Пока существует империя, Высшее командование должно оставаться, а вместе с ним и диктаторские армии, в руках которых находится власть. Было ли какое-либо решение? Должен ли выбор лежать между династиями и напыщенностью, между варварством и неразберихой?

Кредо Юлия Это были академические размышления, внезапно напомнил себе Октавиус, потому что совсем забыл о Юлии. Династ, который приходился ему двоюродным дедом, изгнал всех остальных с поля боя и заставил Сенат замереть в благоговейном страхе перед его тенью, а мир успокоиться под его рукой. У этого человека был новый образ жизни для Рима. Октавиус слышал, как он объяснял это во время поздних дежурств в лагере своим тихим пронзительным голосом, когда глаза на худощавом лице, казалось, в свете лампы обладали властным блеском орла Юпитера. Он слышал, как друзья Джулиуса обсуждали этот вопрос. В последующие недели в Аполлонию пришло известие об эдиктах, которые были первыми шагами в новой политике р33. Он попытался собрать эти фрагменты воедино в свод доктрин.

Закон и порядок должны быть восстановлены. Империей нужно управлять, и в ней должен быть центр власти. Римскому миру требовалась единая административная система. Это не могло быть дано Народом, ибо толпа не могла править. Это не могло быть сделано Сенатом, который показал себя в высшей степени некомпетентным и в любом случае не имел средств заручиться лояльностью солдат. Только человек мог удовлетворить эту потребность, человек, которому была безраздельно предана армия, и это была единственная армия. Полководец без армии, как обнаружил Помпей, был ничтожеством, и, поскольку армия теперь была необходимостью, тот, кто ею управлял, должен был быть хозяином государства. Идея личного суверена, пришедшая из Греции и с Востока и долгое время витавшая на задворках римских умов, теперь должна была стать фактом, поскольку это была единственная альтернатива анархии.

Это был главный принцип Джулиуса. Из этого следовало, что старая автократия оптиматов и сената должна исчезнуть. Это действительно произошло. Юлий всегда отрицал — это было одно из немногих обвинений, которые его раздражали, — что он разрушил Республику; он всего лишь нанес удар по тирании вредоносного роста, в котором не было ничего республиканского. Он уже тихо отправил Сенат в отставку, хотя и относился к нему с подчеркнуто уважительным отношением. Он и новая государственная служба, которую он создавал, должны были стать механизмом правления. Он сам назначит всех губернаторов провинций и будет

нести ответственность за их честность и компетентность. Он восстановит империю на основе разума и человечности.

Это должна была быть империя нового типа. Кое-что было почерпнуто из мечтаний Александра, но по большей части это было творение его собственного глубокого и дерзкого ума. Предполагались широкие местные свободы. Он предложил децентрализовать, учредить местное самоуправление в Италии как начало всемирной системы свободных муниципалитетов. Риму суждено было стать лишь величайшим из многих великих и автономных городов. Должна была существовать универсальная римская нация, а не город с сонмом подневольных провинций, и гражданский корабль в нем должен был быть открыт для всех, кто был достоин.....¹⁹ Упадок римского плебса был бы искуплен мужеством новых народов.

Это была великолепная концепция, и, изложенная энергичным, обаятельным голосом Юлиуса с его знаменитыми "императорскими факультетами", она поначалу загорелась воображением молодого человека. Это было также практично, не прихоть философа, а политика опытного государственного деятеля. В сочетании с этим были проведены тщательно продуманные юридические и финансовые реформы. Существовала обширная схема экономического развития, о которой Октавиус узнавал от корреспондентов, знавших его интерес к подобным вещам: широкомасштабная колонизация, государственная помощь итальянскому сельскому хозяйству и торговле империи, новые порты и гаваней, освоение пустынных земель, судоходный канал через Коринфский перешеек, восстановление заброшенных городов, которые были ключевыми-с коммерческой точки зрения. Дух, покори́вший мир, был занят перестройкой-этого мира.

Народные настроения Первое воздействие этой политики на сознание Октавия привело его в замешательство и покорное восхищение. Но, размышляя над этим в течение зимних месяцев, он начал сомневаться не в мудрости, а в осуществимости некоторых из них. Ему не очень понравилась идея создания корабля для граждан империи. Он верил, что итальянская раса неизмеримо превосходит любую другую, и не хотел, чтобы она затерялась в неразберихе многоязычия. Он происходил из деловой семьи, которая гордилась своим тактом в выборе возможных вариантов. К тому же консервативного склада, поскольку по меньшей мере половина его сородичей была на стороне Оптиматов. Он любил старые порядки страны и не имел естественной тяги к революции. Милитаризму как таковому он не доверял. Так же поступал и Юлий, который часто заявлял, что ни одна нация не может постоянно находиться под властью военного положения; но разве военный элемент не доминировал в плане его двоюродного дедушки? Ему искренне не нравились дикие разговоры, которые он слышал в лагере от возбужденных солдат р35, а в Риме - от демагогов цезарианства. Когда он читал дело, мир требовал мира и закона, а не свобод и привилегий. Это означало возвращение к устоявшимся обычаям, с которыми были знакомы люди, что, в свою очередь, означало восстановление в той или иной форме Республики. Теперь для обычного римлянина Республика не имела

смысла без Сената, а Сенат Юлия превратился в фарс. Существовало глубоко укоренившееся общественное мнение, которым даже гений не мог безнаказанно пренебрегать. Если бы Юлий не имел этого перевеса на своей стороне после того, как перешел Рубикон, он никогда бы не победил Помпея. В долгосрочной перспективе народные настроения умалили бы славу любого завоевателя. Жесткий, исключительный городской консерватизм старого города-государства все еще был могущественной силой. Разумно ли было начинать с пренебрежения им? Нельзя ли найти какой-нибудь способ сохранить, во всяком случае, старые формы и примирить аристократию, ибо какой-то правящий класс должен существовать, даже если бы он был на новой и лучшей основе? Он обнаружил, что почти согласен со старым Цицероном, к которому Юлий был склонен относиться с добродушным презрением.

Пока Октавиус ломал голову над этим вопросом, одна мысль не давала ему покоя. Его двоюродный дед уже приступил к своей работе. Было достигнуто многое, чего нельзя было отменить. Рим был привержен курсу, который предполагал своего рода личную суверенность. Теперь Юлию было пятьдесят восемь лет, и возрастные недуги давили на него. Кто станет его преемником в правительстве мира? Рим не потерпел бы наследственной монархии в обычном смысле этого слова, но было очевидно, что Юлий должен назначить преемника, и многие мелочи в последнее время подсказывали, на кого падет его выбор. С трепетом, в котором смешивались гордость и страх, молодой человек осознал, что следующим хозяином мира может стать он сам.

III

Мартовские иды Однажды днем в конце марта вольноотпущенник из дома его матери прибыл в Аполлонию с письмом р3бдля Октавия. В нем содержались судьбоносные новости. Дата была 15 марта, и в нем говорилось, что в тот самый день Юлий был убит в здании Сената. В нем не говорилось, кем, только "его врагами". "Пришло время, - писала Атия, - когда ты должен играть роль мужчины, принимать решения и действовать, ибо никто не может предсказать, что может произойти". Серьезные слова для того, кто не употреблял высокопарных выражений.

Новость просочилась наружу, через час ею был полон город, ее слышали солдаты, и в тот же вечер в жилище Октавиуса толпились те, кто предлагал помощь. Граждане пообещали ему безопасное убежище, войска - помощь, чтобы отомстить за убитого Юлия и отвоевать наследие, которое принадлежало ему по праву. Он осторожно отложил их в сторону и до поздней ночи просидел наедине со своими друзьями. Некоторые, как Агриппа и Сальвидиен Руф, хотели, чтобы он немедленно нанес удар и двинулся на Рим во главе македонских легионов.²⁰ Других — возможно, Меценат был среди них — советовали ему подстраховаться, немедленно

отправиться в Италию и разведать местность, прежде чем брать на себя обязательства. Он выбрал последнее. Потребовалось день или два, чтобы раздобыть корабль, а когда он был найден, то оказался плохим кораблем, и именно по дрозжевым морям он добрался до Гидрунта (Отранто), ближайшей точки на побережье Калабрии. Он уже принял осторожную политику, поскольку избегал густонаселенного Брундизия.

День, когда вольноотпущенник Атии принес письмо, был последним в юности Октавия. Новость нарушила его спокойствие и взбудоражила разум. К великому Юлиусу он испытывал нечто большее, чем мальчишеское преклонение перед героем и гордость родственника; он пробудил в нем одно из редких чувств натуры, которую нелегко разжечь до любви. Мысль о нем, загнанном, как благородный олень, собаками, привела его в бешенство и вызвала его первый порыв - горячую месть. Эту страсть он сразу обуздал. Месть будет, но она должна быть осторожной и просчитанной. В настоящее время он знал мало. Он не знал, кто были убийцы, и подозревал, что может обнаружить странные фигуры в заговоре. Он не знал, был ли он наследником Юлиуса; он был его ближайшим родственником, но формального усыновления р37 не было. Он отклонил мольбы Агриппы и легионов, поскольку мало что знал о войне, и у него не было оснований думать, что он обладает каким-то особым военным талантом. Выступление в Италии в качестве династического любителя могло закончиться печальным фиаско. Он понял, что стоит на острие бритвы. Он был полон решимости пробиться к фортуне, но сначала должен найти свои инструменты. Так или иначе, он наденет мантию Цезаря, но он должен дожидаться подходящего момента, чтобы надеть ее. Бесконечная осторожность, сжатые губы, непоколебимое терпение - вот, должно быть, его правило.

До сих пор он был открытым в обращении, немного вспыльчивым, но легко поддавался уговорам, с обаятельным мальчишеством, которое хорошо сочеталось с его красивым лицом. Теперь веселость юности умерла в нем. Его лицо превратилось в маску. В знак траура он отрастил бороду,²¹ год и не брился шесть лет. Его здоровье пошатнулось, а кожа покрылась пятнами. Он застегивался на все пуговицы и держал свои мысли в секрете даже от самых близких друзей. На печати, которую он использовал, было изображение сфинкса.²² Все силы его существа были сосредоточены за одной властной решимостью.

Примечания автора:

¹ Прозвище, которым он никогда не пользовался, было дано ему в память о победе его отца над бандой беглых рабов при Туриях. Сало. *День. Август.* 7.

"geminas cui tempora flammæ
laeta vomunt."

Virg. Aen. VIII.680.

³ О Посидонии см. издание "Фрагментов" Бейка (Лейден, 1810); "Философия миттлеренского стоа" Шмекеля (1902); и "Стоики и скептики" Бевана, глава III.

⁴ Сентябрь. *День. августа.* 94.

⁵ Представляется вероятным, что эти молодые люди скромного происхождения, Агриппа и Сальвидиен Руф, уже привлекли внимание Юлия, который привязал их к Октавию. Другими примерами были П. Вентидий Басс и Корнелий Галл.

⁶ Смотрите, в частности, бюст Бутринто, С. А. Н., IV (Фото), 154.

⁷ Об Октавии старшем см. Свет. *Див. августа.* 3; Велл. II.59; Cic. *ad Q. fr.* I.1.21, 2.7; C. I. L., 279.

⁸ Несмотря на то, что Николаю было 8 лет, кажется очевидным, что Юлий так и не усыновил его при жизни. Ср. Дион XLV.3; Велл. II.59; Ливий, *Эпит.* 116.

⁹ Следует отметить, что неспособность Республики управлять империей была вызвана дефектами административной машины, а не доктриной и принципами. Специальный суд, осуществляющий правосознание, был учрежден еще в 242 году до н.э. Теорию, лежащую в основе этого замечательного нововведения, можно найти в знаменитом определении истинного права Цицерона, *de Rep.* III.2, одном из

немногих отрывков в работе, который до открытия ватиканского палимпсеста в 1822 году был известен миру благодаря цитате Лактанция.

¹⁰ Этот момент был полностью рассмотрен проф. Марш в "*Основании Римской империи*", ч. I.

¹¹ Tac. *Ann.* XV.32..

¹² в *Верр.* III.87.

¹³ О необычных командах см. Хаммонд, *Принципат Августа*, 14кв.

¹⁴ Гринидж, *Рим. Общественная жизнь*, 146.

¹⁵ Это точка зрения Тенни Фрэнка (основанная на vol. VI *ЦРУ*), *Экономика. История Рима*, 213. Ср. Cic. *pro Flacco* 17.

¹⁶ См. Warde Fowler, *Soc. Жизнь в Риме*, глава III. Классическим местом является Полиб. VI.17.

¹⁷ Гринидж, *указ. соч.*, 261.

¹⁸ Цицерон в своих "*о Республике*" и "*о законе*", опираясь на Панэция и Полибия, нашел ближайший подход к идеальному "смешанному" государственному устройству в республике до-Гракхов — "Законность в статусе временного сената, несправедливость в популо либеро паука для населения, плерак сенатус аукториатат " . . . gererentur, atque uti consules potestatem haberent tempore dumtaxat annuam, genere ipso ac jure regiam." *de Rep.* II.56. Cf. Polyb. VI.3, 7, 11.

¹⁹ Он предоставил избирательное право Цизальпинской Галлии, в то время как она оставалась провинцией, что показывает, что он не видел несоответствия между провинциальным статусом и полноправным римским гражданином. О совершенно ином отношении Августа читайте в истории о Сале. *Div. Aug.* 40.

²⁰ Велл. II.59.5; Приложение III.10; Nic. 16.

²¹ Иными словами, он отложил церемонию "депонирования барба", которая в знатных римских семьях сопровождала достижение зрелости.

²² Сентября. *День. августа.* 50.

Глава II

Спорное наследство

(44-43 гг. до н. э.)

Je suis jeune, il est vrai : mais aux âmes bien nées

La valeur n'attend point le nombre des années.

КОРНЕЛЬ, *Дон Родриг*.^a

Я

Когда Октавиус, которому еще не исполнилось девятнадцати, высадился в Калабрии в день середины-апреля,¹ года, у него было одно твердое решение: но это было эмоцией, а не политикой, поскольку он еще не имел точных знаний.² Он был полон решимости отомстить за единственного великого человека, которого он когда-либо знал, за человека своей крови, который относился к нему с отеческой нежностью и разжигал его воображение своими мечтами. Он также был полон решимости сыграть важную роль в делах Рима, поскольку Юлий пробудил в нем честолюбие. Но теперь, когда Юлий мертв, это будет нелегко. Он сознавал, что без мантии цезаря, которая придавала бы ему достоинство, он был всего лишь провинциальным буржуа с примесью благородной крови; состоятельным- человеком, но не обладающим большим состоянием; без влиятельных связей, неопытным в политических делах и прискорбно молодым. Это был случай с подростком, выступающим против великанов. Мысль о своем бессилии сводила его с ума, но, если можно судить о юноше по мужчине, он никак не показывал этого своим близким, а с ледяным спокойствием ожидал более подробных новостей.

Новости из Рима Эта новость, дошедшая до него на полпути- к Брундизию, была достаточно ошеломляющей. Убийство было р39поделены самым Юлием старые товарищи по оружию, как Децим Брут и Trebonius, но лидеры были амбициозные выскочки Гай Кассий и Марк Брут, Катон племянник, кого Юлия уважали за его удивительное тяжести. Когда дело было сделано, нервы убийц не выдержали, и они бежали в Капитолий. Марк Антоний, старший консул, взял на себя управление городом с помощью Лепида, командира конницы. Кальпурния передала ему бумаги своего мужа и наличные деньги, и он созвал заседание Сената на 17 марта, на котором была объявлена всеобщая амнистия и ратифицированы указы Юлия, как принятые, так и только предложенные. В тот же день он пригласил убийц на ужин. Но за этим последовали дикие выходки. На похоронах три дня спустя ветераны армий Цезаря взяли на себя руководство церемонией. На Форум привезли гроб из слоновой кости, и певцы распевали стихи старого поэта: "Я спас тех, кто был моей смертью". Затем Антоний с трибуны произнес слова, которые привели толпу в

ярость.³ На самом Форуме был сложен погребальный костер, и тело Юлия превратилось в пепел посреди такой сцены безумия и плача, какую Рим редко видел. После этого начались жестокие беспорядки, возглавляемые подставным племянником Мария, и поспешный исход всех, кому было что терять — Брута и Кассия, Цицерона, Клеопатру и разношерстную знать и сенаторов.

Антоний контролировал ситуацию и вел тонкую игру. Он раззадорил толпу, а затем наказал ее. Казалось, он твердо решил никому не быть врагом. Он поддерживал цезарианцев, позволив Долабелле сменить Юлия на посту консула, хотя когда-то тот яростно выступал против этого назначения, и заручился поддержкой Лепида, добившись его незаконного избрания Высшим понтификом. Но он также был настроен примирительно по отношению к сенату; он сам с. 40предложил декрет, навсегда упраздняющий власть диктатора; он добился для Брута разрешения отсутствовать в Риме сверх установленного законом срока, разрешенного городскому претору; он даже сделал дружеские предложения Цицерону. Но больше всего он был занят другим, поскольку в его руках была большая часть богатства Юлия, и из его бумаг он постоянно находил новые постановления, которым Сенат заранее придал силу закона, которые обогатили его и укрепили его власть, но которые большинство людей считали подделками. Чем больше Октавий думал о деяниях Антония, тем меньше они ему нравились.

Но была одна новость, которая перевешивала все остальные. Юлий своим завещанием усыновил его как своего сына. Сделав щедрые завещания каждому римскому гражданину, он оставил ему три четверти своего огромного состояния, оставшаяся четверть досталась другим его внучатым племянникам, Луцию Пинарию и Квинту Педию.⁴ Антоний, Децим Брут и несколько других были названы альтернативными наследниками на случай, если кто-либо или все племянники откажутся от завещания. Это известие глубоко тронуло Октавия; великий человек, за которого он уже поклялся отомстить, выбрал его своим преемником, наследником, как он это понимал, не только своего имени и богатства, но и своих мечтаний. Мантия Цезаря теперь была на его плечах, и ни один мужчина не должен был сорвать ее с него.

Его решимость вскоре подверглась испытанию, поскольку в Брундизии он нашел письма от своей матери Атии и отчима Филиппа, в которых они убеждали его отказаться от наследства. Мать умоляла его немедленно приехать к ней. Филипп был старым помпеянцем и робким существом; ему он ответил, что не может опозорить имя, которого Юлий считал его достойным. Атия, чей совет много значил для него,⁵ он ответил знаменитыми словами, которыми Ахилл ответил своей матери Фетиде: "Теперь я иду вперед, чтобы напасть на губителя того, кого я любил; тогда я Я принимаю свою смерть, когда p41Зевс и другие бессмертные пожелают совершить это".⁶ Но он поспешил выполнить ее приказ. Она и Филипп были в Путеолах; так же как и Цицерон, и цезарианцы, такие как Бальб, Гиртий и Панса, и толпа римской знати. Он отправится туда и разведает местность. А пока он должен действовать осторожно. Он был наследником Юлия, но, тем не менее, человеком

незначительным, а Антоний был у власти и, по слухам, был занят тем, что распоряжался той частью своего наследства, которую Юлий передал в храм Опса по своему личному распоряжению. Он уже был обременен предложениями помощи от ветеранов цезарианства, которые столпились вокруг него и умоляли его повести их отомстить за убийство. Он мягко отклонял подобные призывы. Его первым делом было отправиться в Рим, чтобы уведомить городского претора о том, что он принял наследство, объявить на публичном собрании о своих планах по исполнению завещания и официально утвердить свое усыновление. Один важный шаг он все же предпринял с учетом будущих возможностей: как наследник Юлия, он послал в Азию за сокровищами, которые Юлий хранил там для парфянской кампании. В остальном он был частным лицом, озабоченным только своими личными правами и обязанностями. Его "pietas", его преданность памяти своего родственника, была флагом, под которым он должен был войти в общественную жизнь.⁷

Октавий в ПUTEОЛАХ В ПUTEОЛЫ он направлялся Аппиевой дорогой, получая по пути смущающие знаки внимания от колонистов и ветеранов, некоторые из которых продолжили службу в его свите. Он был вынужден позволить, чтобы к нему обращались как к цезарю. Он добрался до виллы своего отчима примерно 18-го и обнаружил, что, хотя Филипп все еще был против его курса, сердце его матери было с ним. На следующий день он встретился с Бальбом и рассказал ему о своих намерениях: этот верный цезарианец был первым за пределами своего семейного круга, кто узнал о них. В тот же день он нанес визит Цицерону, и шестидесятидвухлетний государственный деятель-и девятнадцатилетний юноша деликатно маневрировали, чтобы занять позицию, и пытались прочесть мысли друг друга.

Октавий и Цицерон Цицерон был последним из республиканцев-философов. р42какое-то время он был другом Джулиуса; разве он однажды не написал: "Я сгораю от любви к нему"? В последней битве он без особого энтузиазма перешел на сторону Помпея, потому что его дело было более или менее делом сената; но после того, как Фарсал Юлий обошелся с ним по-доброму, старик обратился к письмам в новом порыве сочинительства. Смерть Джулиуса открыла широкие возможности для разума, который мало соприкасался с реальностью. Он страстно одобрил убийство, сделал Брута и Кассия богами и приложил все усилия, чтобы укрепить намерения сбитых с толку заговорщиков. Но зловещая фигура Антония преградила дорогу к возрожденной республике, и теперь он сидел на своей загородной вилле, забрасывая письмами множество друзей, иногда окрыленный надеждой, чаще пронзительный от отчаяния, пытаясь привести в порядок свои мысли, написав трактат о "Старости", планируя со своим неиссякаемым энтузиазмом новую работу о "Долге", философ, потерявший всякое философское равновесие. Он был поглощен большей частью человеческой ненависти и мучился мечтами снова стать, как во времена Катилины, спасителем своей страны. Октавий немного знал его в Риме, изучал его "*О Республике*" и "*О законничестве*" и усвоил от них определенные доктрины, о которых ему всегда следовало помнить.⁸ Будучи учеником Панетия и Посидония, он почитал мастеров своего дела. В кредо Цицерона было многое, с чем

он соглашался, и он надеялся получить от него некоторое представление о цели и силе фракции, ставшей причиной смерти Юлия.

Итак, как почтительный юноша, не думающий ни о чем, кроме своих семейных обязанностей, он обратился к старому государственному деятелю. Он обращался к нему "отец", избегал любых спорных вопросов, с грустью заявлял, что нынешняя ситуация невыносима, и смиренно искал руководства. Он произвел благоприятное впечатление, которое несколько смягчалось тем, что его окружало много цезарианцев. Цицерон писал Аттику, что молодой человек, по-видимому, очень предан ему, хотя и не понимает, как человек с таким прошлым может быть хорошим гражданином. Он считал его безвредным и бесцветным; его сводила с ума мысль, что этот юноша может безопасно отправиться в Рим, в то время как его герои, Брут и Кассий, не осмеливаются там показаться; но он находил немного злорадное утешение в мысли, что ему придется повздорить с Антонием, прежде чем тот получит свое наследство.⁹

От Цицерона Октавий получил больше просвещения, чем он сам дал. Он понял, что сам по-прежнему остается незначительной личностью, простым истцом, который должен воплотить свои права в факты. Республиканцы не слишком беспокоились о нем; более скромные цезарианцы могли столпиться вокруг него, но лидер цезарианцев, Антоний, грабил его наследие. Цицерон был настроен сердечно, потому что увидел в этом юноше клин, который мог расколоть фракцию его врагов. Задача, за которую он взялся, внезапно приобрела новый размах. Ему придется сражаться не только с ассасинами, но и с друзьями Юлия. Осторожность была более чем когда-либо его обязанностью. В долгосрочной перспективе он должен был непримиримо выступить против "освободителей", но сначала он должен был поставить мат Антонию, и для этого республиканцы могли бы оказаться полезными временными союзниками. Поэтому он должен держаться поближе к Цицерону, в котором, по-видимому, родились новые качества. Консерватизм последнего, отчасти почтение юриста к древним вещам, отчасти чувство провинциала к старой аристократии, стали его боевым кредо. Он утратил свою прежнюю мечту о *concordia ordinum* и стал яростным сторонником. Его личное тщеславие превратилось в нечто более благородное, в стремление во второй раз спасти государство от разбоя и ради этого пойти на величайший риск. Мужество, отчаянное мужество, несмотря на временные колебания и страхи, уже стало дыханием старика. Несомненно, Цицероном нельзя пренебрегать.

Октавий отправился в Рим, куда прибыл к концу первой недели мая. На данный момент в городе было тихо, и он был тепло встречен толпой, которая была бенефициаром по завещанию Юлия и надеялась на деньги его наследника, а также старыми солдатами галльских войн. Нимб вокруг солнца, когда он въезжал в город⁴⁴, казалось, обещал благосклонность богов. У власти находились три Антония: Марк консул, Гай претор и Луций трибун. Гаю он официально объявил о своем согласии на усыновление, в то время как Луций представил его на официальном публичном собрании. Там он произнес сдержанную речь, пообещал

немедленно выплатить каждому гражданину наследство Юлия и отпраздновать, если необходимо, за свой счет июльские игры, назначенные в честь побед Юлия. Об амнистии убийцам он умолчал, чем сильно разочаровал Цицерона.¹⁰ Ничего предосудительного не произошло, за исключением того, что на некоторых играх, перенесенных с апреля, трибун запретил ему пользоваться позолоченным креслом Юлия, а аплодисменты зрителей из среднего класса сказали ему, что у республиканцев все еще много доброжелателей в Риме. Луций Антоний тоже проявил любопытную чопорность в вопросе закона, необходимого для ратификации его усыновления.

Марк Антоний Но именно поведение Марка Антония вызывало у него беспокойство. Консул продемонстрировал свое мнение о незначительности Октавия, покинув город в последнюю неделю¹¹ апреля перед его прибытием. Сейчас он был занят в Кампании, набирая телохранителей из ветеранов и сирийцев, некоторых из которых он отправлял партиями в Рим. Октавиус должен дожидаться его возвращения, чтобы раздобыть наличные для выплаты наследства Юлия. У него было собственное большое состояние, и он также мог рассчитывать на помощь своей матери, но ввиду того, что могло потребоваться в будущем, он не был склонен истощать свой личный счет. Теперь он был владельцем большей части имущества своего двоюродного дедушки, но большая его часть состояла из недвижимого имущества и рабов, и ему также угрожали многочисленные судебные иски. Готовыми деньгами были те, что были депонированы в храме Опса, и крупная сумма, которую Кальпурния передала в ночь убийства; прежнюю Энтони аннексировал, а последнюю он использовал для выплаты своих долгов и покупки сторонников. Он должен как можно скорее договориться с этим человеком, который теперь возвышался на его пути, как Колосс.

Историку оценить характер Марка Антония не легче, чем в тот момент Октавию. Последний встречался с ним часто, за Антоний Р45 было подлатать его ссоры с Юлием, отправился по завоевателя после Мунда, был его коллега по консула-корабля, и были часто говорят как о предначертанной ему наследника. Красивый на суровый римский манер, грубый в привычках, неумеренный в аппетитах, в юности, полной долгов и разврата, он сохранил то, что Шекспир заставляет Брута называть его "живым духом". Как солдат, он не обладал профессиональными талантами Лабiena или Квинта Цицерона, но в нем было что-то от "Caesariana celeritas".¹² У него был вспыльчивый характер, но его было легко успокоить, а его юмор, доброжелательность и жизнелюбие быстро принесли ему популярность и подлинную силу лидера. Октавий не доверял ему и не любил его. Он подозревал, как и многие, в его преданности Юлию. Это великолепное буйное человекообразное животное не привлекало привередливого юношу с хрупким здоровьем. Ему Антоний казался *фальшивым добряком*; он не был великим солдатом, у него не было зачатков культуры,¹³ хотя он обладал своего рода грубым красноречием, и никто до сих пор не подозревал в нем государственного таланта. Но теперь, на пороге своего сорокалетия,¹⁴ лет, он, казалось, изменил свой характер. Когда Октавиус вспоминал то, что ему рассказали о его недавних деяниях, он, должно

быть, размышлял о том, что сыграл свою роль с заметной сдержанностью и мастерством. Он сохранил свою власть над цезарианцами, не порвав окончательно с республиканцами, и сделал себя первой властью в государстве. Он использовал деньги Юлия, чтобы купить себе союзников, и теперь находился в Кампании, набирая телохранителей из старых солдат Юлия. Ходили слухи, что влияние его прошлого проявляется в сильной раздражительности и приступах невротического возбуждения, а также в проявлении нового беспокойства о своей личной безопасности.¹⁵ Как бы там ни было, пока он не допустил ни одной ошибки. То, что он выиграл, он не собирался так просто отпускать. Единственная надежда заключалась в том, что в долгой игре более холодная голова и более дисциплинированный ум смогут переиграть это блестящее по темпераменту создание.

Антоний вернулся в Рим около 20 мая со своей телохранительницей из вооруженных ветеранов, которые также голосовали бы в любом народном собрании. На деньги Октавия он заключил союз с зятем-Цицерона, негодяем Долабеллой. Город сразу же превратился в раскаленное-ложе слухов. Антоний намеревался пренебречь амнистией убийцам; он надеялся сделать себя диктатором; он намеревался жонглировать высокими должностями по своему усмотрению; он публиковал воображаемые указы Цезаря в соответствии со своим удобством. "Освободители" были в панике, и Цицерон отчаялся управлять государством. Заседание Сената было назначено на 1 июня, но на него явились лишь немногие сенаторы. Соответственно, Антоний выбрал более простую и быструю процедуру. Он провел плебисцит, продлевающий полномочия консулов в провинциях с двух до пяти лет. Он закрепил за собой Македонию и ее легионы, а за Долабеллой - Сирию. Бруту и Кассию, которым Цезарь передал эти провинции, вместо этого предложили командовать кораблями для снабжения зерном, а когда это оскорбительное предложение было отклонено, им были переданы второстепенные правительства Крита и Кирены. Тем временем он уговорил своего брата ввести новый аграрный закон, чтобы примирить ветеранов.

К Октавиусу он испытывал только презрение. Он пренебрежительно отзывался о нем как о "мальчишке" и насмеялся над его ростовщическим происхождением. Он отказался передать состояние Юлиуса, так что наследнику пришлось выплачивать наследство из своего собственного кармана. Он заблокировал выдвижение своей кандидатуры на трибунский пост, настаивая на юридическом возражении, которое часто игнорировалось. Он согласился побеседовать с ним в старом доме Помпея, но заставил ждать в приемной и в своей короткой речи обошелся с ним с нарочитой невежливостью.¹⁶ Молодой человек был взбудоражен тщательно рассчитанной энергией. У него был свой отряд ветеранов, и на улицах Рима он обвинил Антония в предательстве памяти Юлия, поскольку тот ничего не сделал, чтобы р47отомстить за него, и присвоил деньги, которые должны были достаться народу. Он заявил, что сам оплатит наследство, даже если это будет стоить ему последнего пенни. С надеждой на будущее он написал своим друзьям в македонских легионах, рассказав им о своем позорном обращении. Кульминация наступила в июле, когда

проводились игры в честь побед Юлия. Октавий снова попытался представить позолоченный стул, но Антоний запретил ему, хотя на этот раз народные чувства были на его стороне. The Сид ЮлийВ последний день на небесах появилась комета, сид Юлий, которую население восприняло как знак того, что Юлий принят богами, и которую даже спокойный Октавий приветствовал как счастливое предзнаменование.¹⁷ Антоний наконец осознал факты. У этого молодого человека были настоящие последователи среди наиболее ярких цезареанцев, и было бы разумно умиротворить его. Его телохранитель уже сделал ему замечание за бесцеремонное обращение с наследником Юлия. Теперь он добился путем плебисцита в обмен на Македонию командования Цизальпинской Галлией,¹⁸ вместе с македонскими легионами, и, имея в руках этот козырь, мог позволить себе быть щедрым. Он согласился на официальное примирение.¹⁹

Трения с Антонием имели один хороший результат; они укрепили позиции Октавия среди республиканцев. У него хватало мудрости поддерживать тесные контакты с Цицероном, и мнение Цицерона имело большое значение для консерваторов. Старый государственный деятель пребывал сейчас в печальном расположении духа, разрываясь между долгом и личными интересами. Он строил планы вернуться в Грецию, а затем не решался покинуть свою родину. Настроение у него было столько, что знаменитая фраза, написанная после смерти его дочери: "долгие века, когда у меня больше не будет важнее в моих глазах, чем короткий промежуток жизни, который действительно кажется слишком длинным".²⁰ его главный страх был Энтони, и его главной надеждой и опорой, несмотря на сомнения р48Брут, теперь Октавия. В июне он написал о нем Аттику, впервые назвав его Октавианом и тем самым признав усыновление Юлия:

Я ясно вижу, что у него есть мозги и дух, и он настолько хорошо расположен к нашим героям, насколько мы могли бы пожелать. Но мы должны тщательно взвесить степень доверия, которое может быть оказано на него, принимая во внимание его возраст, его имя, его положение наследника Цезаря и его воспитание. Он должен быть обучен, и прежде всего он должен быть отчужден от Энтони. ... У него превосходный характер, если только это надолго.²¹

Стратегия Октавия После нескольких месяцев сомнений и ожидания Октавий, опираясь на проницательность Агриппы и Мецената,²² разработал политику, стратегический план, который допускал большой оппортунизм в тактике. Его главной целью было отомстить за Джулиуса и продолжить его работу, а это означало, что рано или поздно он окажется в непримиримой оппозиции к республиканским консерваторам. Антоний разделял первую часть его замысла; но теперь было ясно, что Антоний, если бы мог, не признал бы его союзником, но приложил бы все усилия, чтобы сделать себя *фактическим* наследником и преемницей Юлия. Чтобы образумить Антония, требовались две вещи. Он должен был обзавестись собственными вооруженными сторонниками путем щедрых расходов и искусной пропаганды, поскольку, в конце концов, его имя, усыновление и наследование произвели сильное эмоциональное впечатление на ветеранов

цезарианской эпохи. Во-вторых, он должен поддерживать хорошие отношения со всеми, кто боялся Антония и не доверял ему. Перед ними он должен предстать молодым человеком, стремящимся только к своим законным правам, поклонником Юлия, но также проникнутым трезвыми республиканскими чувствами. Он должен продолжать справедливо отзываться об "освободителях", что бы он ни чувствовал по отношению к ним в своем сердце. Его роль должна быть ролью мягкого сторонника кесарева сечения, но решительного антиантонианца. Гай Марцелл, муж его сестры Октавии, был ценным союзником, как и Цицерон.

Энтони нервничал из-за этого молчаливого, замкнутого молодого человека. Это правда, что Октавий поддержал его притязания на Цизальпинскую Галлию против Децима Брута, стр. 49но, поскольку последний был одним из главных убийц, он был обязан сделать это или потерять касту с каждым цезарианцем. Но он опасался своей растущей популярности среди экстремалов среди ветеранов. Он тоже начинал терять самообладание. Цицерон прибыл в Рим в конце августа и произнес в Сенате речь, известную как Первая филиппика, которая содержала достойную критику его недавних действий и во многом способствовала сплочению консерваторов. Антоний проявил свою нервозность, выдвинув против Октавия нелепое обвинение в покушении на убийство, для которого он не смог представить никаких доказательств. Молодой человек высмеял это обвинение, и вскоре весь Рим присоединился к смеху.²³

И все же позиция Антония вполне могла показаться неприступной. Он вытеснил Децима Брута из Цизальпинской Галлии, а в следующем году ему предстояло захватить и Кельтскую Галлию. Его друг Долабелла получил бы Сирию, а Децим, если бы получил Македонию, остался бы без легионов. Брут и Кассий были растерянными скитальцами. Большинство губернаторов провинций, имевших в своем распоряжении армии, были цезарианцами и, вероятно, были его друзьями — Планк в Кельтской Галлии, Азиний Поллион в Дальней Испании и Лепид, которому вскоре предстояло захватить Здешнюю Испанию и Нарбонну. Ситуация приближалась к кризису, и жизненно важным вопросом был контроль над армиями. Его первым делом было обзавестись собственной. У него уже были кампанские рекруты из ветеранов и кондотьеров, и четыре приданных ему македонских легиона находились в море. 9 октября он отправился в Брундизий, чтобы встретиться с ними. Его жена Фульвия поехала с ним; когда-то она была женой гангстера Клодия и была одной из тех ужасных женщин, которых время от времени выпускают римляне, - несексуальных, неумолимых, исполненных безумной жажды власти. Она и его брат Луций, более слабая версия его самого, теперь были его главными советниками.

Октавиусу следовало действовать немедленно. Его примирение с Энтони было разрушено фальшивым обвинением в убийстве⁵⁰, и теперь эти двое предстали в глазах общественности как объявленные враги. Он послал агентов для переговоров с македонскими легионами и распространения листовок, излагающих его позицию, а сам совершил поездку по колониям старых солдат в Кампании, призывая их от имени Юлия вновь-записаться в армию и предлагая каждому вознаграждение в

размере двадцати фунтов стерлингов. Должно быть, он либо вернул часть наличных денег, которые Энтони присвоил, либо продал часть недвижимости за наличные, поскольку не похоже, что он укрепил свое собственное состояние или состояние своей матери; с этого момента он, кажется, никогда не испытывал финансовых затруднений. Он собрал трехтысячное войско, впоследствии организованное в два легиона. Это был смелый шаг, поскольку у него не было законного военного командования и мандата от Сената или народа, и, соответственно, это первое деяние, зафиксированное в *Res Gestae*, кратком изложении основных событий его жизни: "В возрасте девятнадцати лет, своим собственным авторитетом и за свой счет, я собрал армию, с помощью которой освободил республику от гнета тиранической группировки". *The* Армия, та самая армия, с которой он должен был одержать победу при Акциуме.²⁴ Он сделал первый шаг в своей кампании возмездия.

Антонию повезло меньше. При Суэссе он провел чистку среди новобранцев, казнив несколько солдат, в преданности которых он сомневался. В Брундизий он обнаружил, что прибыли только три легиона: II, IV и Марсианский, и что пропаганда Октавия среди них сделала свое дело. Они были в тяжелом настроении, злясь на Антония за его очевидную пассивность как мстителя Юлия и противопоставляя его скудную щедрость щедрости Октавия. Антоний предал смерти нескольких офицеров и около трехсот человек и на мгновение, казалось, подавил мятеж. Он отобрал телохранителей, с которыми направился в Рим, прихватив по дороге "Жаворонка",²⁵ этого знаменитого подразделения времен галльских войн, и приказав другим своим легионам следовать по прибрежной дороге в Арминум, который был путем в Цизальпинскую Галлию.

Важное решение Теперь Октавиусу предстояло столкнуться с деликатной проблемой. У него была своего рода армия, но что ему было с ней делать? Его сила намного уступала силе Антония, если только он не смог привлечь на свою сторону македонские легионы. Его власть принадлежала римскому населению и ветеранам, боготворившим память Юлия, а также значительной части буржуазии и аристократии, которые не доверяли Антонию. Но он пытался вести двух плохо-спаренных лошадей в одной упряжке. Первые выступали за месть убийцам, вторые либо обожали "освободителей", либо боялись гражданской войны. В своей оппозиции Антонию он не должен отталкивать тех, кто, будучи хорошо расположен к наследнику Юлия, был на стороне Антония против "освободителей": воспитывая цезарианцев, он должен каким-то образом сохранить доверие классов, которые видели в нем консервативную силу, не враждебную восстановленной республике. Каким должен быть его следующий шаг? Должен ли он остаться в Кампании со своими рекрутами или ему следует отправиться в Рим и испытать свою судьбу?

Это было трудное решение для девятнадцатилетнего юноши, но Октавий не колебался. Он засыпал Цицерона письмами с просьбой о совете, но его решение уже было принято. В этом решении он продемонстрировал свою способность к чрезвычайной смелости, поскольку в своих отношениях с Цицероном он проявил

свой дар терпеливой дипломатии. Сам Цицерон пребывал в раздвоенном сознании. В целом он поддерживал переезд в Рим, поскольку Октавий казался единственной защитой от Антония, и он обещал действовать через Сенат. Но старик был обеспокоен. Октавий умолял его приехать в столицу и спасти республику, как он уже делал однажды, — искусная лесть, которая не подвела; но он боялся Антония и не хотел покидать морское-побережье и средства побега за границу, и он не мог быть вполне уверен в политике молодого человека. Он излил свои беды Аттику.²⁶ Октавий был всего лишь мальчиком. Он выступал против Антония, но было ли это ради Республики или ради него самого? Ясно было одно: римская война была неминуема, и он тосковал по Бруту и Кассию, ныне изгнанным за море.

В Рим Октавий отправился 10 ноября со своими тремя тысячами и сразу же оказался на ненадежной почве. В храме Цезаря он провел публичное собрание, на котором трибун жестоко напал на Антония; он последовал в том же духе, подробно рассказав о великих деяниях Юлия и унижениях, которые он сам претерпел от рук Антония. Эта речь была одной из его немногих грубых ошибок, потому что она никому не понравилась. Его солдаты, многие из которых служили вместе с Антонием, посмеялись над нападением на своего старого предводителя, и Октавий был вынужден распустить тех, кто хотел вернуться домой, и выплатить дополнительные вознаграждения тем, кто остался. Консерваторы, и без того напуганные дерзостью юноши, были оскорблены его восхвалением Цезаря и всего, что оно подразумевало, а также зловещими словами о "достижении почестей моего отца". Цицерону это понравилось меньше всего. В последнем письме к Аттику, которым мы располагаем, он восклицает: "Какая речь!"²⁷ Но теперь личные финансовые обстоятельства вынудили его приехать в Рим, и с мужеством, тем более достойным восхищения из-за его природной робости, старик препоясал свои чресла для последней битвы.²⁸

Октавий не мог оставаться в Риме, потому что Антоний со своим телохранителем и Жаворонком был у его ворот. Он оказался на более коварной почве, чем когда-либо, поскольку начал терять доверие цезарианцев, а консерваторы не воспринимали его всерьез. Он и Агриппа — ибо у него не было других советчиков, кроме таких нерешительных родственников, как Филипп и Марцелл, — двое молодых людей, которым еще не исполнилось двадцати, бросали вызов самому прославленному воину эпохи, который мог командовать грозными армиями и который вызывал те же чувства у народа, что и они сами. В то же время они добивались союза с аристократией, политику которой они ненавидели и которая смеялась над ними, как дети, играющие в войну. Антоний тоже был занят клеветой, насмехаясь над скромным происхождением Октавия и распространяя рассказы о неприличных р53
²⁹ Октавий играл в единственную разрешенную ему игру, но когда он уехал из Рима в Этрурию, где за счет дополнительных щедрых расходов набрал новых рекрутов, он, должно быть, не увидел света на своем пути.

Ошибка Антония Внезапно ситуация изменилась. Антоний вступил в столицу около 20 ноября в полном военном облачении, оставив большую часть своих войск в Тибуре, но прихватив с собой телохранителей, достаточных, чтобы внушить

благочестивый страх горожанам. Он был в отвратительном настроении и издал эдикт, оскорбляющий Октавия и назначающий заседание Сената на 24-е число. В тот день он не появился; Цицерон говорит, что он был пьян, но естественное объяснение - новости, которые он получил от Тибура. Ибо марсианский легион, помня о своей старой доброте к Октавию и поддавшись влиянию его пропаганды, не подчинился приказу и свернул с прибрежной дороги на Ариминум, и теперь находился в Альба-Лонге. Антоний поспешил туда, но был встречен закрытыми воротами и градом стрел со стен. Он присутствовал на отложенном заседании Сената 28-го числа, где протолкнул ряд указов и выделил некоторые свободные провинции своим собственным сторонникам. Затем он поспешил в Тибур, где получил известие, что IV легион последовал примеру марсианина. Со своими новобранцами, "Жаворонком" и II легионом он отправился в Ариминум, оставив своего брата Луция приводить с собой оставшийся македонский легион, XXXV, который к этому времени прибыл в Брундизий.³⁰ Он уже приказал Дециму Бруту передать Цизальпинскую Галлию. Децим ответил, что он удерживал свою провинцию по приказу сената и народа; но, понимая, что он не может встретиться с Антонием в открытом поле и должен ждать помощи из Рима, он двинулся на юг и примерно в середине декабря заперся в Мутине (Модена) и приготовился выдержать осаду.

Октавиус должен был стать единственной надеждой республиканцев, р54более рослый надеюсь, он нашел себе немалую армию — два легиона из ветеранов кампании, один из этрусских призывников, IV и Марса. Более того, он заключил договор с Децимом Брутом, следуя своей привычке не оставлять без согласия ни одного возможного союзника.³¹ Он благоразумно согласился с избранием трибуном одного из главных убийц, "завистливого Каски". "Освободители" перестали насмехаться над его молодостью и теперь видели в нем спасителя, единственного защитника республики. Цицерон, прибыв в Рим, обнаружил себя гражданским лидером в отсутствие обоих консулов, и теперь Цицерон решил, что наследнику Юлия следует доверять.

Итак, пока Октавий медленно продвигался на север по следам Антония, в Риме произошло много судьбоносных событий. Страх перед новой гражданской войной лежал на всех сторонах, даже на Антонии, который был занят маневрированием в борьбе за положение и интригами с губернаторами западных провинций Лепидом, Планком и Поллионом и не желал немедленного столкновения с оружием в руках. Только Октавий и Цицерон были полны решимости сделать то, что, по их мнению, было неизбежно. Филиппики Цицерон, действительно, отбросил все литературные увлечения и теперь горел желанием оседлать бурю. По словам Ферреро, "дерзкая фигура старого оратора возвышалась среди всеобщего колебания подобно огромному шаткому валуну посреди равнины".³² Он стал в его собственных глазах проводником к тому состоянию, которое он нарисовал в своей "*Республике*". Была опубликована его вторая филиппика против Антония, и он был занят перепиской с западными проконсулами, от решения которых, как он видел, в конечном счете должен был зависеть исход дела. 20 декабря он произнес свою Третью филиппику,

умеренную речь, в которой предложил вотумы доверия Дециму и Октавию и внес резолюцию, предусматривающую проведение заседания Сената 1 января при новых консулах Гиртии и Пансе, чтобы аннулировать распоряжение Антония провинциями. В Четвертой Филиппике, обращенной в тот день к народу, он бросил Антонию предзнаменование битвы.

Теперь Цицерон явно рассчитывал на поддержку Октавия. ^{р55}Он публично обращался к нему "Цезарь". Наступило 1 января, и Сенат собрался под охраной вооруженной охраны. Последовали долгие дебаты, в ходе которых более умеренные друзья Антония настаивали на том, что, прежде чем объявлять его врагом общества, следует направить посольство для переговоров. Цицерон ответил шедевром инвективы, известным как Пятое Филиппическое послание, в котором он обрушивался с упреками на Антония и возлагал свою веру на Октавия. "Какой бог, - спросил он, - дал римскому народу эту богоподобную- молодость?" Он сравнил его подвиги с подвигами молодого Помпея. Он взял на себя обязательство гарантировать свою добросовестность:

Я досконально знаю все чувства этого молодого человека. Для него нет ничего дороже свободного государства, ничто не имеет для него большего веса, чем ваше влияние, ничто так не желательно ему, как доброе мнение добродетельных людей, ничто так не радует его, как истинная слава. ... Я осмеливаюсь даже дать свое слово, что Гай Цезарь всегда будет таким же лояльным гражданином, каким он является-по сей день, и в соответствии с нашими самыми горячими пожеланиями и молитвами.³³

Сенат поддержал предложение посольства, но согласился продолжить военные приготовления и назначил одного из новых консулов принять верховное командование армией. Октавию были оказаны почести: ему было присвоено звание сенатора; государство выплатит обещанные им вознаграждения двум присоединившимся к нему македонским легионам; он должен был получить право баллотироваться на пост консула за десять лет до достижения установленного законом возраста; в его честь должна была быть установлена позолоченная статуя;³⁴ он был объединен с двумя консулами в командовании армией, с "империумом" про-претора. Теперь его положение было упорядочено, хотя, поскольку консулы были его коллегами, у него не было главной власти, на которую он надеялся. 7 января он принял фасции, символ своего командования.³⁵ Ему уже предлагали ^{р56}его войска, но он благоразумно отказался, предпочтя дожидаться разрешения сената.³⁶

II

Первые месяцы 43 года до нашей эры были полны слабых маневров в поисках позиции. Сенат, несмотря на Цицерона, не желал объявлять Антония врагом государства и таким образом официально начинать войну. Антоний, хотя он, без

сомнения, мог бы сокрушить Децима, если бы действовал немедленно, стремился укрепить свои силы и заручиться поддержкой западных проконсулов, поэтому он был очень готов затянуть переговоры; Мутина, которую он, должно быть, считал, что может взять, когда пожелает. Он ответил сенаторскому посольству, объявив о своей готовности отказаться от Цизальпинской Галлии, если ему будет предоставлена Кельтская Галлия с шестью легионами до конца 39 года, если его ветераны будут награждены, все его указы подтверждены и не возникнет вопроса о деньгах, которые он взял из государственной казны. Когда этот ответ был получен, Сенат, по настоянию Цицерона, 1 февраля объявил военное положение. Но антонианцам удалось затянуть разбирательство, и Панса, другой консул, выступил в поход только 19 марта.

У Октавия в эти недели были серьезные причины для беспокойства. Его коллега Гиртий был больным человеком и полностью лежал на спине. Он не был слишком уверен в лояльности своего собственного командования. В то время как Антоний насмеялся над его молодостью,³⁷ он также писал ему в частном порядке, предупреждая, что Цицерон обманет его и что ни один антицезарец никогда не сможет быть его другом.³⁸ По этому последнему пункту стр. 57У Октавиуса было много подтверждающих доказательств. Их переговоры с Антонием показали, насколько нерешительно консерваторы относились к делу, в котором он стал их союзником. Пылкие филиппики Цицерона были доказательством его отвращения к Антонию, но теперь стали распространяться его замечания, свидетельствующие о его прохладном отношении к Октавию. Более того, новости из-за рубежа придавали делам новый оттенок. Бруту и Кассию были переданы Македония и Сирия; прежнюю провинцию Брут оккупировал и собрал себе грозную армию, в то время как Кассий собирался сделать то же самое с Сирией, и ему было поручено наказать Долабеллу, убившего наместника Азии. С этими новыми сенаторскими армиями на Востоке консерваторы вскоре могут оказаться в состоянии обойтись без него самого. Далее, хотя Лепид говорил неуверенно, Планк в Кельтской Галлии, казалось, был твердо на стороне Сената. Были все основания опасаться, что вскоре от него, которого принимали только как оружие, откажутся. Октавиус никогда так ярко не демонстрировал свое удивительное самообладание, как в это трудное время. Он не предпринял поспешных шагов; он понял, что его первым делом было подрезать Антонию крылья и сделать себя грозным. Поэтому он вел себя как послушный слуга государства, ожидающий приказов, и тратил свой слишком богатый досуг на совершенствование своего литературного и ораторского стиля.³⁹

Война на Севере Но поход на север от Пансы в конце марта положил конец времени ожидания. Децим в Мутине сообщил Октавию с помощью почтовых голубей⁴⁰, что его гарнизон умирает с голоду и, если его немедленно не доставят, должен сдаться. Нам нет необходимости задерживаться на деталях последовавшей за этим небрежной кампании. Мутина Мутина на Эмилианском пути находилась примерно на равном расстоянии от Пармы на западе и бононии (Болоньи) на востоке, городов, ныне находящихся в руках Антония. Гиртий находился • в одиннадцати милях к востоку от Бононии, а Октавий • примерно в девяти милях от нее на своем правом

фланге. Претор Вентидий Басс, сторонник Антония, набирал три легиона ветеранов, и Антоний ждал их прибытия. Но известие о марше Пансы на север 19 марта побудило его к действию, поскольку ему грозила опасность быть обойденным с фланга и окруженным. Он покинул Бононию и подтянул свои позиции ближе к Мутине, разместив одновременно два легиона, II и XXXV, у Форума Галлорум в болотистой местности между двумя городами, чтобы задержать наступление Пансы. Его ошибка заключалась в том, что он позволил последнему с его необученными рекрутами беспрепятственно покинуть Апеннинские перевалы. Ибо 14 апреля Панса достиг Бононии. Он сразу же двинулся на соединение с Гиртием и 15-го числа попал в засаду Антония на форуме Галлорум. Это была битва в основном между ветеранами Антони и марсианином, и поначалу преимущество первых сказывалось. Но Гиртий из соседней Мутины двинулся на восток в поддержку, и, когда войска Антония отступили с недисциплинированным триумфом, он атаковал их двадцатью когортами ветеранов, в то время как Октавий защищал лагерь. Антоний был остановлен и отступил в направлении Мутины; Панса был смертельно ранен, его, Гиртия и Октавия их войска провозгласили императорами. Неделью спустя, 21 апреля, Антоний снова предложил сражение, поскольку его противники угрожали снять блокаду. Децим совершил вылазку из Мутины, в то время как Октавий разгромил два легиона Антония и загнал их обратно в лагерь, в который проник Гиртий и погиб на крепостных валах. Антоний, потерпев сокрушительное поражение и оказавшись в серьезной опасности, взял "Жаворонок" и остатки других своих легионов и бежал Эмилианским путем в Трансальпийскую Галлию. 22-го Панса скончался от полученных ран в Бононии. Голодающий гарнизон Децима был слишком слаб, чтобы преследовать его, а с людьми Октавия обошлись грубо, так что Антонию, к которому теперь присоединились Вентидий Басс и его новые легионы, ничего не угрожало. Он снова продемонстрировал старую цезарианскую "целеритас", и к середине мая он был за горами и в безопасности на Форуме Юлия (Фрежюс).⁴¹

Оба консула были мертвы — "хорошие люди, - писал Цицерон, - но не более того". Сенату "Форум Галлорум" р59и "Мутина" казались окончательными победами, и он вызвал доверие, чтобы раскрыть свои истинные предубеждения. Антоний, наконец, был объявлен врагом общества. Децима сделали героем северных сражений и признали триумфатором. Секст Помпей, сын Помпея, был вызван из Марселя, чтобы возглавить военно-морской флот и охранять побережье Италии. Брут и Кассий были утверждены в своих провинциях и получили верховное командование в империи к востоку от Адриатики. Сенат считал себя победителем. Она была уверена в лояльности западных правителей, Лепида, Планка и Поллиона, и с их помощью, не считая Октавия, могла выставить более двадцати легионов против горстки Антония, в то время как Брут и Кассий удерживали Восток с семнадцатью. Республика на старых началах, казалось, уже восстановлена.

Октавию, ожидавшему в Бононии, пока Децим с трудом преодолевал горы по следу Антония, было совершенно ясно, что вскоре он будет устранен. До его ушей дошла эпиграмма Цицерона о том, что его следует "восхвалять, аплодировать и

отвергнуть", ⁴² и, казалось, это отвергание началось. Ему было приказано передать легионы Пансы, а также его собственные IV и Марсианский легионы Дециму Бруту. Он не был упомянут в благодарственном голосовании армии. Ему не дали места в комиссии, назначенной для пересмотра указов Антония. Ему было отказано в триумфе и даже в овациях. Консерваторы распространяли о нем всевозможные слухи, например, что в Муutine он показал белое перо и был ответственен за смерть Пансы. Более того, Сенат пытался договориться со своими войсками за спиной их генерала. Цицерону было очень приятно писать о "замечательном природном проявлении добродетели" молодого Цезаря, ⁴³ но старик явно был его другом лишь до тех пор, пока довольствовался ролью его инструмента.

Октавиус, подводя итоги, понял, что теперь он достиг-половины своей цели. Из суматошной кампании Мутины он один извлек выгоду. Он стал достаточно грозным, чтобы Антоний относился к нему с уважением. Он удерживал Цизальпинскую Галлию и возглавлял единственную армию в Италии. Ничто не стояло между ним и Римом. Если Юлий должен был быть отомщен, если он должен был приложить руку к переделу империи, то пришло время разорвать протвиеоеественный союз с республиканцами и заключить мир с Антонием. Поэтому он решил передать свои легионы Дециму и отказался присоединиться к преследованию Антония. Он сидел неподвижно и ждал. Ему еще предстояло добиться одного, прежде чем он порвет с Сенатом. Чтобы встретиться с Антонием на равных, он должен быть консулом и юридически главой государства. Поэтому в течение месяца или двух он продолжал вести переговоры, используя в качестве посредника наполовину обезумевшего Цицерона.

Ключ к разгадке ситуации лежал на западных проконсулах и их армиях: Лепиде в Нарбонне, Планке в Кельтской Галлии и Поллионе в Испании. Сенат считал, что они верны его интересам; Антоний был убежден, что он наверняка сможет привлечь на свою сторону первого и, вероятно, двух других, и именно поэтому он сейчас находился к северу от Альп. С этими тремя мы еще встретимся в этом повествовании. Ни один из них не был командующим персонажем. Лепид, "этот человек-флюгер", ⁴⁴ ставший по милости Антония Высшим понтифексом, был тщеславным, непостоянным, потакающим своим прихотям, ничтожеством Антония. Планк был эгоистичным распорядителем времени, "страдающим хронической болезнью предательства", ⁴⁵ чьим единственным заслуживающим похвалы достижением было основание Лайонса. Поллио, более авторитетная фигура, был маленьким метром, а не солдатом. Октавий полагал, что они будут глиной в руках Антония, и его прогноз оправдался. 29 мая Лепид перешел на сторону Антония. Планк, к которому присоединился Децим Брут, сначала оказал некоторое демонстративное сопротивление, и все лето за Альпами шли марши и контратаки. Но ни у Антония, ни у Октавия не было никаких сомнений относительно конечной цели. Большинство войск были цезарианцами и вынудили бы своих командиров перейти на сторону цезарианцев, как только их лидеры заключили бы мир.

Известие о дезертирстве Лепида заставило сенат объявить его врагом общества и поручить ^{р61}Октавию защищать Италию. Последний, будучи занят переговорами с Антонием через посредство Лепида, не забывал о ситуации в Риме. Примерно в середине июля он отправил туда посольство от своих войск, чтобы уладить некоторые вопросы о щедротах и запросить у консула корабль для их генерала. Последний вопрос уже поднимался Цицероном, но Сенат сослался на техническую трудность; поскольку оба консула умерли, а претор не смог создать более высокую власть, чем его собственная, необходимо было подождать до нового года, когда, как говорилось, покровительство вернется к Отцам призывников. Таков был ответ, данный депутации от легионов, которым также было отказано в вознаграждении, на которое они претендовали.

Поход на Рим По мнению Октавия, настал момент для быстрых действий. Сенат проявил к нему явную враждебность, и он не мог позволить себе отступать из-за формальностей, которыми в прошлом пренебрегали.⁴⁶ Со своими восемью легионами он перешел Рубикон, как до него его двоюродный дед, и двинулся на Рим. Соппротивление рухнуло; три тамошних легиона, два из которых прибыли из Африки, встали на его сторону; убедившись в безопасности своей матери и сестры, он вошел в город и почувствовал себя его хозяином. Сенат поспешил исполнить его волю. Городской претор назначил двух проконсулов для проведения выборов, и 19 августа вместе со своим двоюродным братом Квинтом Педием он был должным образом избран консулом. Двенадцать стервятников, как и в случае с Ромулом, услужливо присутствовали при его первом принятии покровительства. Из государственной казны он выплатил обещанные награды своим войскам. Закон, необходимый для подтверждения его усыновления, до сих пор блокировавшийся Антонием, был принят, амнистия марта 44 года до н.э. была отменена, и был учрежден специальный суд для объявления убийц Юлия вне закона. Цицерон покинул Рим, чтобы никогда не вернуться. Его нервы были не выдержаны, и он написал Октавиусу трогательное последнее слово, в котором благодарил его за отпуск и верил, что это означает прощение за прошлое и снисхождение к будущему.⁴⁷

Теперь Октавий был консулом в более молодом возрасте, чем ^{р62}Помпей, за двадцать четыре года до установленной законом даты. С одиннадцатью легионами он был хозяином Рима и всей Италии. На его стороне была не только верность Цезарю, но и симпатии многих представителей среднего класса, которые видели в нем единственную альтернативу Антонию. На данный момент он был в безопасности; когда-нибудь ему предстояло сразиться с Брутом и Кассием, но они были далеко, и им еще предстояло объединить свои армии, и когда этот день настанет, он надеялся, что Антоний будет на его стороне. Он сделал себя настолько грозным, что последние должны были принять его на равных, и вместе они достигли бы его первой цели - отомстить за Юлия. То, что лежало за пределами, все еще находилось на коленях богов; в эти трудные времена нужно жить сегодняшним днем. Трое юношей — Октавию и Агриппе было всего девятнадцать, а Меценат на несколько лет старше — имели в своем активе выдающиеся достижения, и главным

действующим лицом был сам Октавий. Он терпеливо разруливал чрезвычайно сложную ситуацию, нащупывая свой путь с не по годам развитой осмотрительностью, убирая паруса, чтобы ловить любой попутный ветер, но никогда не забывал о своем конечном порту. Он подавил свою гордыню и сделал себя слугой своих врагов, пока через них не добился согласия со своими естественными союзниками. Он заставил тех, кто был наиболее готов предать его, стать его невольными орудиями. Он завоевал репутацию уравновешенного человека, так что люди забыли о его молодости. Он сразу же проявил сверхъестественную сдержанность и высочайшую уверенность в себе; по удачному выражению Авла Геллия, он был "высоко поднят в сознании самого себя".⁴⁸ Прежде всего, он завоевал цезарианский шарм, который для Рима того времени был тем же, чем наполеоновская легенда девятнадцатого века была для Франции. Теперь, по римскому обычаю, его звали Гай Юлий Цезарь Октавиан. Что более важно, для легионов и народа он был цезарем.

Примечания автора:

¹ Гардтхаузен, I.52-3.

² Что касается мнения Октавия в течение этого года, то у нас мало прямых доказательств. Основными источниками являются общая переписка Цицерона и несколько ссылок в *Res Gestae*. Светоний довольно информативен, но жизнеописания современников Плутарха, таких как Цицерон, Брут и Антоний, проливают мало света на главную фигуру. Дион риторичен и рассеян. Для описания реальных событий Аппиан - лучший путеводитель, поскольку он использовал не только мемуары Августа, но и утерянный труд Асиния Поллиона.

³ Светоний (*Число июля* 84) отрицает, что Антоний произносил речь, и Ферреро (III.27н.) принимает его отрицание на том основании, что Цицерон не упоминает об этом в своих письмах современников. Но смотрите *ad Att.* XIV.10. Все остальные историки принимают эту речь: Приложение. II.143-7; Дион XLIV.35-49; *Plut. Ant.* 14.

⁴ Они отдали свои доли Октавию, не желая такой проклятой наследственности.

⁵ Такта. *Диалог*. 28. The *Dialogus*"*Germania* and *Agricola*, but I incline to its Tacitean authorship. Cf., however, C. Marchesi, *Tacito* (1924), 301 sqq.

⁶ *Илиада*, XVIII.98 кв.

⁷ М. А. Леви, *Оттавиано капопарте*, I.88 кв. О значении завещания Юлия см. С. А. Н., IX.724-6.

⁸ О влиянии мысли Цицерона на Августа см. "Сисеронианские действия и дебюты принципа" А. Олтрамара в *Rev. des Ét. L.* (1932), 58-90.

⁹ Cic. *ad Brut.* I.17.5; *ad Att.* XIV. 10, 11, 12.

¹⁰ *ad Att.* XV.2.

¹¹ *ad Att.* XIV.15; ср. Райс Холмс, I.190.

¹² Cic. *ad Att.* XVI.10.

¹³ О его плохой латыни читайте в его письме к Cic., *ad Att.* XIV.13a и Cic. *Фил.* XIII.43. Литературной разборчивости Октавиуса отдается много должное, например, Авл. Гелл., XV.7; Дион XLV.2.7; Так.Энн. XIII.3.

¹⁴ Год рождения Антония неизвестен; возможно, это был 83, 82 или 81 год до н. э. Приложение V.8, 33; Гардтхаузен, II.5 н.

¹⁵ Cic. *ad Att.* XV.20 — "iste qui umbras timet"; *Phil.* I.11.27.

¹⁶ Приложение.III.14; Nic. 28; *Plut.Ant.* 16; Велл. II.60.3. Антоний не обладал тактом Цезаря, который, заставив Цицерона ждать, принес пространные извинения, *ad Att.*XIV. 1.

¹⁷ Плиний *H.* X.II.93. Мальковати, 63.

¹⁸ Дата закона о перестановке провинций неизвестна. Ферреро (III.85) размещает его после завершения игр, но, скорее всего, он был обнародован в первой половине июня. См. Леви, *Оттавиано Капонарте*, I.77.

¹⁹ ДиоXLV.8; Ник. 29; *Plut.Ant.*16.

²⁰ *ad Att.* XII.18.

²¹ *Тамже.*, XV.12.

²² Ник. 31.

²³ Цицерон поверил этой истории и одобрил ее; но желание было сильнее мысли. *ad Fam.* XII.23. Это отклонено Nic. 30, *App.*III.39 и *Plut.Ant.*16.

²⁴ См. изд. Харди. из *Пн. Анк.*, 27.

²⁵ Неясно, где Антоний нашел *Алауду*; возможно, это были ветераны, которых он повторно-завербовал во время своего путешествия по Италии в мае. Для этого легиона см. Suet. *Div. Jul.* 24, и Pauly-Wissowa, I.1295, XII.1208.

²⁶ *ad Att.* XVI.8, 9.

²⁷ *ad Att.* XVI.15; cf. Тиррелл, VI.XVIII, н.

²⁸ Декабря он прибыл. 9. Я следую за Райсом Холмсом (I.204) в его интерпретации *ad Fam.* XI.5.

²⁹ *Cic. Phil.* III.vi.15; VIII.21; Suet. *Div. Aug.* 68. Юность Октавия была мишенью для скандальных историй, которые сами по себе опровергаются, поскольку трудно понять, как у молодого человека со слабым здоровьем, ежедневно сталкивающегося с отчаянными проблемами, могло быть время или склонность к излишествам. См. р88ниже.

³⁰ См. Райс Холмс, I.201-2.

³¹ Дион XLV.15.

³² III.129.

³³ *Phil.* Ст.16, 43, 50, 51.

³⁴ Честь, оказанная за последние три столетия только Сулле, Помпею и Юлию. Велл. II.61.

³⁵ C. I. L. X.8375.

³⁶ приложение.ИИИ.48. 7 января был Октавиан в "умирает ассерти империи." *Пн. -пт. АНК.Я.3-5; С. И. Л.ХП.433*. Точное значение слова *imperium* и его различные коннотации вовлекали ученых в споры, в которых юридическое сливается с метафизическим. Утверждалось, что он унаследовал Император как преименование от Юлия и использовал его, как только согласился на усыновление. (Мамочки. *Staatsr.* II.2.767, основанный на DioLII.40-1; *ср.* Сало. *День. июля.* 76.) О различных взглядах см. С. А. Н. IX.728; Гринидж, *указ. соч.* 337п.; и Макфайден, *История титула императора* (1920). Я думаю, маловероятно, что Октавий с самого начала принял это преименование, потому что, если бы это было так, Цицерон упомянул бы об этом. См. p100 *ниже*.

³⁷ Cic. *Фил.* XIII.11.

³⁸ Это письмо сохранилось в Тринадцатом Филиппике.

³⁹ Suet. *Div. Aug.* 84.

⁴⁰ Pliny *N. H.* X.

⁴¹ Действие на Форуме Галлорум реконструировано Райсом Холмсом, I.51-4, основываясь на приложениях. III. 66, 67, разрозненных упоминаниях Цицерона (*ad Fam.* X.30, 33; *Фил.* XIV), Suet. *Div.* 10 августа и DioXLVI.37. О Мутине мы почти ничего не знаем.

⁴² Cic. *ad Fam.* XI.20.

⁴³ *от Рождества Христова*. I.3.

⁴⁴ "homo ventosissimus", фраза Децима Брута. Cic. *ad Fam.* XI.9.

⁴⁵ "morbo proditor," Vell. II.83.

⁴⁶ *например*, в 49 году до н. э.

⁴⁷ Сохранено Нонием, 436; см. Тиррелл, VI.354.

⁴⁸ "conscientia sua subnixus."

Примечание Тайера:

^a Дон Родриг на самом деле является оратором, а не названием произведения. Это самая известная пьеса Корнелия "Сид".

КНИГА II: ЦЕЗАРЬ ОКТАВИАН

стр. 65 Глава I

Триумвират: Филиппы
(43-42 гг. до н. э.)

Моя судьба вопиет,
И делает каждую мелкую артерию в этом теле
Такой же стойкой, как нерв немейского льва.
Меня все еще зовут!

Гамлет.

Я

Октавиан двинулся на север в сентябре, номинально, чтобы выступить против Антония, а также воздать должное незадачливому Дециму. Он ждал в Цизальпинской Галлии, в то время как Антоний и Лепид, к которым теперь присоединились войска Планка, выступили ему навстречу на юг. Встреча, к которой готовилось много переписки, состоялась на острове в притоке реки По, между Бононией и Мутиной, в конце октября или начале ноября. В течение двух дней все трое совещались, и условия урегулирования были согласованы. Октавиан передал свой корабль "консул", который достался креатуре Антония, бывшему-погонщику мулов Вентидию Бассу; Лепид и Планк должны были стать консулами на 42 год; до конца года и на пять последующих лет Лепид, Антоний и Октавиан должны были быть назначены триумвирами для восстановления Республики с преобладающими исполнительными и законодательными полномочиями, на корабле диктатора без названия. Брут и Кассий удерживали Восток, но западная империя была разделена между ними тремя. Антоний захватил Цизальпинскую и Кельтскую Галлию, Лепид - Нарбонну и Испанию, в то время как Октавиану достались Африка и острова - наименее легкое командование, поскольку Секст Помпей владел морями. Солдаты одобрили этот пакт, поскольку он означал сужение возможностей или, по крайней мере, территории гражданской войны. Еще больше их успокоило обещание крупных пожалований хороших итальянских земель и объявление о помолвке Октавиана с Клавдией, падчерицей Антония и рбби дочерью Фульвии. Цезарианцы наконец объединились.

Союзники двинулись на Рим, и был провозглашен триумвират. Аппиан сохранил условия провозглашения.¹ Главным мотивом считалась месть убийцам Юлия, но прежде чем за архиассасинами, Брутом и Кассием, можно было последовать за границу, необходимо было сделать Италию безопасной для триумвиров. Кроме того, чтобы снабдить военный-сундук и выплатить войскам денежное довольствие, необходимо было собрать деньги, поскольку государственная казна была пуста. Это означало проскрипцию по линии Суллы. На севере был составлен небольшой предварительный список проскрипционных, в котором значилось имя Цицерона. Затем шел длинный список из трехсот сенаторов и двух тысяч рыцарей — богатых людей, которым требовались деньги, опасных и неуверенных в себе людей, личных врагов того или иного триумвира. Шекспир изобразил эту омерзительную перепалку:

МУР Эти многие, значит, умрут: их имена уколоты.
АВЕЙ.

ОКТ Твой брат тоже должен умереть: согласен ли ты,
ЯБРЬ. Лепид?

ЛЕР. Я согласен —

ОКТ У к о л и
ЯБРЬ е г о , Э н т о н и .

ЛЕР. При условии, что Публий не выживет,

Он сын твоей сестры, Марк Антоний.

МУР Он не выживет; смотри, я проклинаяю его пятном.²
АВЕЙ.

Затем до конца года четыре всадника Апокалипсиса разъезжали по стране. Некоторые из объявленных вне закона бежали за границу к Бруту, Кассию и Сексту Помпею. Некоторых спасла верность их рабов и родственников. Некоторых умоляли уйти такие нежные женщины, как Октавия. Но кровь лилась рекой, и Педий, другой консул, умер от ужаса. Триумвиры достигли своей цели. Теперь они могли пересечь море, имея за спиной изувеченную и безмолвную землю, и они накопили за счет конфискаций достаточно средств, чтобы обеспечить себя войной.

Смерть Цицерона Одним из первых умер Цицерон. У него было мало имущества, только долги, но Антоний не мог простить ему хлестких Филиппик. Плутарх рассказал историю о том зимнем дне в лесу на-берегу моря, когда старик протянул свою хрупкую шею под меч центуриона, и о том более позднем дне в Риме, когда по приказу Антония голова была установлена над Рострой, и "римляне содрогнулись,

ибо, казалось, увидели там не лицо Цицерона, а образ души Антония".³ Он встретил свою смерть по высшему римскому обычаю — единственное несчастье в его жизни, говорит Ливий, которое привело его в ужас. у него было мужественное лицо. Вердикт едва ли справедлив; справедливее замечание того же историка о том, что он был настолько великой фигурой, что потребовался бы Цицерон, чтобы должным образом восхвалить его. В те бурные годы, когда пала Римская республика, мыслитель и ученый не привлекали внимания в той же степени, что прямой человек действия, и Цицерон казался тусклым в огромной тени Юлия. Его слабости понятны даже ребенку: его невинное тщеславие, отсутствие реализма, сентиментальность по отношению к мертвым вещам, его болезненная чувствительность, его несовершенное суждение о характере, его частые приступы робости. Большая голова, тонкая шея, подвижный рот оратора не могли так влиять на людей, как орлиное лицо Юлия. Он потерпел неудачу и погиб, потому что был Цицероном. Литератор в кризисной ситуации, который оглядывается вокруг вопроса, не может обладать целеустремленностью того, кто видит сиюминутную необходимость. И все же следует помнить, что он мог победить свою природную робость и действовать при случае с величайшей дерзостью, что было гораздо большим достижением, чем дерзкая доблесть Антония. И давайте также помнить, что в конечном итоге восторжествовало кредо Цицерона. Его мечта сбылась. Его гуманизм и человечность сделали его пророком более мягкого мира. Человек, которому святой Августин обязан первым шагом в своем обращении,⁴ который был для святого Амвросия образцом, а для святого Иеронима "rex oratorum", ученый, чьи работы были главной движущей силой Возрождения, оказал непреходящее влияние на мир. В то время как другие расширяли границы Римской империи, он "раздвинул границы латинского гения".⁵

р68 Проскрипция триумвиров - самое темное пятно в послужном списке Октавиана. Настолько мрачный, что древние писатели, рассматривая благодетельное правление Августа, были вынуждены предположить то, что психологи называют "диссоциированными личностями" — распущенную молодежь, безжалостную и эгоцентричную, которая каким-то чудом благодаря успеху превратилась в образец добродетели. Другие объясняли трансформацию явным пресыщением злом.⁶ Человеческой природе свойственна любовь к жестоким драмам и неоправданному упрощению, чего не может принять трезвая история. Не следует забывать, что Октавиан жил в суровых условиях и что во время гражданской войны верят самым диким сплетням. Когда после падения дома Юлиев-Клавдиев историкам больше не нужно было проявлять осмотрительность, древние сплетни возродились. Справедливо можно сказать, что большинство скандалов, связанных с молодостью Октавиана, следует рассматривать как злой умысел фракции Антония,⁷ воспроизводимый последующими поколениями в политических целях. Но остается один факт, который ни один апологет не смог должным образом оправдать, - это⁸ его ответственность за кампанию жестоких убийств. Трещина в его натуре, чудесная перемена в настроении - это слишком поверхностные объяснения. Проскрипция соответствовала характеру, в котором были странные глубины добра и зла и который, хотя с годами расширился и смягчился, по сути остался тем же самым.

В Октавиане эмоциональная сторона развивалась медленно, но с самого начала рациональное начало было-сильным. У него всегда была способность к привязанности, даже глубокой привязанности, но ее область была строго ограничена. Он испытывал эту любовь к своей матери Атии, которая умерла в начале триумвирата; к Юлию, в случае с которым она сочеталась с глубоким интеллектуальным почтением; к Агриппе и Меценату, в которых было что-то от товарищества молодежи, участвующей в одном и том же приключении. В более поздние годы она была распространена на некоторых членов его семьи. Для этих немногих это было сильное чувство; к остальному миру он поначалу относился с подозрением и никогда, даже когда приходил успех, не проявлял ничего, кроме сдержанной благожелательности. Цель Октавиана Но с интеллектуальной стороны у него были определенные цели, которых он придерживался с р69 серьезной страстью. Первым было завершить задачу преобразования империи, начатую его двоюродным дедом. Вторым было самому стать главным агентом в этой работе. Нам нет необходимости приписывать ему в возрасте девятнадцати лет даже зачатки политики, которая создала принципат. Чем он обладал с самого начала, так это определенными руководящими идеями, почерпнутыми у Юлиуса, страстью к порядку, реалистичным взглядам на факты и верой в то, что он обладает способностью к реконструкции. Итак, на своем сложном пути он руководствовался светом трех принципов. Один из них был эмоциональным — месть за Юлия, мотив, в котором было что-то от римских "пъетас". Вторым был интеллект, решимость вывести порядок из хаоса, государственное устройство из бандитизма. Этой цели он придерживался с твердостью преданного. Государство должно быть-восстановлено любой ценой, и только насилие может обуздать насилие. Для решения этой задачи он использовал как каменное сердце эгоцентричного юноши, так и моральный оппортунизм фанатика. Его точка зрения совпадала с точкой зрения Горация Уолпола: "Ни одна великая страна никогда не спасалась хорошими людьми, потому что хорошие люди не пойдут на то, что может оказаться необходимым".

Была и третья цель, в которой смешивались эмоциональное и рациональное. У него была сильная жилка суеверия, в отличие от холодного скептицизма Юлиуса, и он был падок до предзнаменований. Он считал себя предназначенным для высокой миссии, ради которой должны быть принесены в жертву личное счастье, дружба, непринужденность, общепринятая мораль. Подобно Наполеону, он следовал за своей звездой. Это убеждение придало его юности ту уверенность, которую кальвинист черпает из ощущения, что каждый его шаг предопределен Богом. "Italiam non sponte sequor" — крик Энея всегда был его уверенностью и утешением.

С точки зрения создавшегося таким образом мнения, запрет был оправдан как общественными, так и личными потребностями. Брута и Кассия с армиями Востока еще предстояло вычислить. Сенат и республиканцы раскрыли своего злейшего врага. Их клыки должны быть вырваны, а их поместья увеличены. "Поскольку мы намерены, - говорилось в обращении триумвиров к римскому народу, - вести эту войну на расстоянии от вашего имени, нам кажется небезопасным ни для нас, ни для вас оставлять р70 остальных наших врагов здесь, позади нас, поскольку они

воспользуются нашим отсутствием и будут подстерегать случайности войны. Мы также не думаем, что в нынешней чрезвычайной ситуации нам следует медлить с действиями из каких-либо соображений о них, скорее мы должны убрать их всех с дороги". Жестоко, но не без оснований со стороны здравого смысла. Несомненно, именно так республиканцы поступили бы с цезарианцами, будь они выше всех. Что касается самого Октавиана, то он все еще находился на острие бритвы. Он поддерживал непримиримых врагов. Убийцы поджидали его на каждом углу. Он с трудом договорился о своей покупке с Антонием; если бы с помощью половинчатой политики он ослабил союз, а союз потерпел неудачу, он сам стал бы первой жертвой. Настаивать на помиловании в сложившихся обстоятельствах потребовало бы не только донкихотского мужества, но и отказа от всех надежд, которые он лелеял с детства, и принесения в жертву тяжелого труда, длившегося восемнадцать месяцев отчаяния. Исходя из фактов, поведение Октавиана можно понять, если его нельзя оправдать.

Мы тоже должны судить об этом в свете моральных стандартов его времени. Прошедшее столетие было царством террора, поскольку Рим пережил девять отдельных гражданских войн, четыре преднамеренных массовых убийства и длинную череду политических убийц от Гракхов до Юлия. - Борьба не на жизнь, а на смерть с Ганнибалом, с инцидентами, которые были ничем не лучше человеческих жертвоприношений,⁹ надолго испортила римский характер и оставила в нем стержень жестокой бесчеловечности. Цицерон мог бы основать закон на естественной любви человека к человеку,¹⁰ но римскому юристу пришлось бы долго искать этот товар. Даже Вергилий, пророк лучшего мира, разрешает Энею, идеальной фигуре, которая в какой-то степени олицетворяла более позднего Августа, предавать закованных в цепи узников сожжению на погребальном костре Паллады. В Римской дня триумвиров' дел не может показаться более варварскими, чем другие события в сравнительно недавнюю историю, чем Gracchan забоя, или Сулла-запрет, или ир71общественного бойня семь тысяч самнитов, или шесть тысяч гладиаторов Спартака распяли вдоль дороги в Капую.

Из трех ответственных лиц только Октавиан проявил какие-то проблески милосердия. С самого начала он выступал против запрета, но когда это было согласовано, он торговался так же тщательно, как и его коллеги, и был непреклонен в достижении его главной цели на том основании, что подобные вещи должны делаться эффективно или не делаться вообще.¹¹ Но ясно, что, помимо этой цели, он единственный из триумвиров пытался смягчить последствия отвратительного дела. Его жестокость была проявлением политики, а не темперамента. В прекрасной истории Виспулло и Турии именно Октавиан вычеркнул имя мужа из списка обреченных.¹²

Октавиан и Цицерон Именно его согласие на смерть Цицерона больше всего подмочило его репутацию в глазах потомков. Но между ним и Цицероном не было доброты. Молодой человек многому научился у старшего, чему ему предстояло однажды применить на практике, но связь была умозрительной, а не сердечной.

Сорок лет спустя, когда он застал внука за чтением книги старого философа, он говорил об авторе как о хорошем человеке, любившем свою страну,¹³ но фантастично видеть в этой дани раскаяние за свою долю в его смерти. Для Октавиана Цицерон, должно быть, всегда был главой и прикрытием нападения. Он был печально известен своей неблагодарностью к Юлию, который подружился с ним; он истерически ликовал на Мартовские иды и сделал ассасинов богами и героями; он был мозгом фракции, стремившейся возродить рухнувшую Республику. Он был готов использовать Октавиана как инструмент, но не делал секрета из своего намерения избавиться от него, когда он достигнет своей цели. Было ли противоестественным, что Октавиан сделал то же самое с Цицероном?

II

42 год до нашей эры начался для триумвиров тревожно. Они заключили смертный мир в Италии, но за пределами Италии⁷² против них собирались грозные силы. Сын Помпея Секст обосновался после Мунды в западных морях и привлек к себе большое количество сторонников из числа старых помпеянцев. Антоний вел с ним переговоры, но не смог выплатить пять миллионов фунтов стерлингов, которые он требовал в качестве стоимости имущества своего отца; сенат пообещал ему все и сделал его-главнокомандующим адмиралтейством; триумвиры внесли его в список запрещенных. Секст нанес ответный удар, захватив Сицилию и Сардинию, превратив эти острова в Адулламскую пещеру для изгнанных республиканцев и поставив под угрозу морские-поставки в Рим. Пират стал независимым властелином. На Востоке ситуация была еще более сложной. Кассий контролировал Азию и был занят сбором войск и накоплением сокровищ. Он напугал Долабеллу до самоубийства и собрал грозный флот, часть которого была использована для обездвиживания Клеопатры в Египте, а часть под командованием Стация Мурка и Гнея Домиция Агенобарба для наблюдения за Адриатикой. Брут отказался от своей провинции Македония и ранней весной встретился с Кассием в Смирне и разработал стратегический план. Они верили, что Секст Помпей заставит триумвиров быть занятыми в Италии и что их первой задачей было укрепить свою власть на Востоке. Они грабили города Азии, заключили мир с Ородом Парфянским, а в сентябре переправились через Геллеспонт и заняли позицию к западу от Филиппов, на Эгнатийской дороге, в пределах досягаемости своего флота в Неаполе. Они контролировали море и самую богатую часть империи и верили, что смогут загнать триумвиров в тупик до тех пор, пока голод или мятежи не сломят их армии.

Антонию предстояла трудная роль, потому что он должен был поддерживать успех в обоих направлениях. Он отправил Гая Норбана и Децидия Саксу с восемью легионами через Адриатику, а сам собрал двадцать легионов, которые должны были стать его основными экспедиционными силами на Восток. Но транспортные трудности и постоянная угроза с моря задержали его, и корабли смогли отплыть только в разгар лета. Тем временем у Октавиана были свои проблемы. 1 января

Сенат обожествил Юлия, так что теперь — как бы там ни было — он был "divi filius", ^{р73}сыном бога. Ему было поручено навести порядок вместе с Секстом Помпеем, но экспедиция, которую он послал против него под командованием Сальвидиена Руфа, потерпела фиаско. Затем его подвело здоровье; оно никогда не было хорошим, и оно было ослаблено волнениями последних двух лет. Но когда Антоний призвал его и его флот к себе на помощь в Брундизий, он не посмел отказаться. Если Брут и Кассий будут разгромлены, Антонию нельзя будет позволить завладеть всей славой; если они победят, он ничего не сможет сделать в Италии, чтобы предотвратить безвозвратное разорение.

Норбан и Децидий, двинувшись по Эгнатиевой дороге, захватили Амфиполь, прошли за Филиппы и заняли горные перевалы. Там в конце сентября они вступили в соприкосновение с наступающими республиканцами. Но последние фланговым ударом вынудили передовое войско триумвиров отступить к Амфиполу, а сами заняли в Филиппах сильную позицию на возвышенности, защищенную с севера горами, а с юга морским-болотом. Антоний, опасаясь за Амфиполь, поспешил по Эгнатиевой дороге, и Октавиан, которого плохое-здоровье задержало в Диррахии, заставил себя присоединиться к нему.

Перед Филиппами Филиппы, хотя и являются решающим событием в мировой истории, не представляют военного интереса как битва. Армии были почти равны по численности пехоты, по девятнадцать легионов в каждой, и лучшее качество и выучка цезарианцев уравнивались превосходством республиканцев в кавалерии. Цель Брута и Кассия, располагавших флотом и богатым Востоком для поддержки, состояла в том, чтобы позволить врагу сломить его силы в неприступной крепости, в то время как цель Антония состояла в том, чтобы немедленно привести дело к решению, поскольку он не мог позволить себе ждать. В первые дни октября, в сезон ветра и дождя, он много раз предлагал бой, но безрезультатно. Затем он решил попытаться перерезать коммуникации противника с Неаполем и ночью начал сооружать дамбу через морское-болото. Кампания превратилась в борьбу инженеров, как и многие из кампаний Юлия. Кассий, командовавший левым флангом противника, начал контрудары, и сражение завязалось, по-видимому, скорее случайно, чем преднамеренно. Войска Брута справа разгромили ^{р74}Октавиана и ворвались в его лагерь, но яростная атака Антония продлила день на его участке и выбила Кассия из его окопов. Кассий, не знавший об успехе Брута и считавший свой собственный плен неизбежным, пал от его меча, и известие о его смерти вынудило Брута отступить с завоеванной им территории. В течение двух недель он удерживал свою позицию, но не смог сдержать нетерпения своих войск и был вынужден перейти в наступление. Триумвиры быстро воспользовались шансом, так как пришло известие, что Мурк и Агенобарб уничтожили транспорты, перевозившие их подкрепление. Сражение началось ближе к вечеру 23 октября, и за короткое время триумвиры прорвали три линии противника, и, пока Октавиан штурмовал лагерь, Антоний преследовал беглецов в горах. Брут с четырьмя легионами отступил в полном порядке, но на

следующее утро, убедившись, что побег невозможен, он убедил вольноотпущенника убить его.¹⁴

Брут Вместе с Брутом погибло дело республики, ибо он единственный из ее лидеров обладал моральным авторитетом, который может облагородить застой и реакцию. Это странная случайность, которая дала ему такое громкое имя в истории, ибо сам этот человек был незначителен. Из двух главных врагов Юлия Кассий был более энергичным и решительным в действиях, но он принадлежал к типу, обычному в истории, - амбициозный кондотьер, который легко приспосабливает принципы к личным интересам. Брут был более редким видом, который одновременно впечатлял и озадачивал своих современников. Юлий из дружбы к его матери Сервилиии был его постоянным покровителем и, по-видимому, относился к нему с полунасмешливым уважением как к интересной реликвии; его политика, как и политика Наполеона, заключалась в том, чтобы быть вежливым со старой знатью. Знаменитый комментарий о нем: "*Quicquid vult valde vult*"¹⁵ - это в такой же степени критика его ограниченного кругозора, как и его целеустремленности. Цицерон спорил с ним и льстил ему, но, похоже, не очень-то любил его. У Брута были торжественные снисходительные манеры, жесткое лицо, педантичный стиль в речи и письме и жесткий нелюбезный характер. Он был способен на крайнюю жестокость, как он показал в своем обращении с азиатскими городами до Филиппов, и он был до последней степени скуп. Когда дело касалось его инвестиций, в нем было мало принципиальности, и он вымогал сорок восемь процентов у одной несчастной общины киприотов.¹⁶ Его жизненная философия не была глубокой, и он умер, отрекшись от своего вероучения.¹⁷ Он был эгоистом и формалистом, но все же снискал необычайный авторитет, поскольку своим современникам казался живым воплощением некоторых древних добродетелей, ушедших из мира. Если воспользоваться фразой Сиднея Смита о Фрэнсисе Хорнере, то на его лице был написан римский эквивалент Десяти заповедей, а вокруг него царил вид недостижимой респектабельности. История по одному из своих капризов увековечила эту репутацию, и он остается "благороднейшим римлянином", хотя на самом деле он был обычным примером аристократических добродетелей и пороков. Цицерон был в гораздо более прямом смысле последним республиканцем.

Полуобразованный Антоний восхищался знаниями и качествами, которых он не разделял, и был готов с честью отнестись к мертвому цареубийце. Говорят, Октавиан был суров с пленными и особенно оскорбил останки Брута. Эти истории не сходятся воедино,¹⁸ но ясно одно: Октавиан не мог проститься с Брутом, ему не нравились как личность, так и типаж. Он ненавидел человека, который был протее Юлия, а также его убийцей. Что касается этого типа, он был так же нетерпим к нему, как его двоюродный дед к Катону. По выражению Цицерона, это был просто необитаемый остров: "берег, небо и полное запустение".

Примечания автора:

¹ IV.6.

² Юлий Цезарь, Акт IV.

³ Plut. Cic. 47, 48.

⁴ "Ille vero liber (Cicero's *Hortensius*) mutavit affectum meum, et ad te ipsum, Domine, mutavit preces meas et vota ac desideria mea fecit alia." *Исповедаться*, III.4.

⁵ Дань уважения самому Юлию. Cic. *ad Brut.* 72; Плиний *H. X.* VII.117.

⁶ "Lassam crudelitatem," Seneca, *de clem.* I.9.

⁷ например,, Сало. *Див. август.* 68, 69. См. стр.-9 ниже.

⁸ Попыток будут найдены в Vell. II.61, и Дион XLVII.7.

⁹ Ливий XXII.57.6.

¹⁰ "Natura propensi sumus ad diligendos homines, quod fundamentum iuris est." *de Leg.* I.43.

¹¹ Suet. *Сало.* 27.

¹² Приложение.IV.16; Значение Макс.VI.7.2;° *C.I. L.VI.1527*; Дессау, 8393.

¹³ Макроб. *Сатурн*. II.4.18; Plut. *Cic.* 49.

Примечание Тайера: В онлайн-издании Масробий Цезарь говорит не о Цицероне, а о Катоне.

¹⁴ Властями Филиппов являются приложениеIV.108кв.; ДионXLVII.41кв.; Велл. II.70; Plut.*Ant.* 22; *Брут*. 41кв. О задействованных войсках см. Райс Холмс, I.217. Дата второго сражения устанавливается по последним найденным фрагментам *Фасты* из Пренесте. Битва была реконструирована Райсом Холмсом, I.84-8, и Ферреро, III.201-7; *ср.* also Kromayer, *Schlachten-Atlas Roms*, Abt. IV. Существует тщательное изучение предварительных движений П. Коллартом в *Bull. de K. Белл.*, LIII (1929) 351-64.

¹⁵ *Cic. ad Att.* XIV.1;° *cf.* Тиррелл, Ст.249.

¹⁶ *Cic. ad Att.* V.21; VI.1.2.

¹⁷ ДионXLVI.49.

¹⁸ Их можно будет найти в Сале. *День. августа*. 13; Приложение.IV.135; Plut.*Ant.* 22; *Брут*. 53; но смотри *Mon. Anc.*I.13-15, и Ульпиана, *Dig.* XLVIII.24.

Глава II

Восток и Запад

(42-37 гг. до н. э.)

У меня есть некоторые права на память в этом королевстве, которые приглашают меня теперь заявить о себе.

Гамлет.

Я

Филиппы увидели конец армии Республики. Ее лидеры теперь были беженцами или кондотьерами. Мурк доставил часть из них Сексту Помпею; так присоединился к Агенобарбу, который с семьюдесятью кораблями занялся пиратством в Адриатике; некоторые пали от мечей, некоторые были казнены, многие были помилованы. Подчиненные офицеры были по большей части допущены к благодати, включая сына апулийского вольноотпущенника, двадцатитрехлетнего юношу, некоего Квинта Горация Флакка, который бросил занятия в афинском колледже, чтобы последовать примеру Брута.

Первой задачей, стоявшей перед Антонием и Октавианом, было сократить свою разросшуюся армию, сорок семь легионов, составленных из их собственных сил и сдавшегося противника. Второй заключался в том, чтобы усмирить распушенных с помощью щедрот и земель. Третий заключался в том, чтобы пополнить истощенную казну, поскольку впереди маячили гигантские обязательства. Четвертым было сокрушить последние элементы недовольства — Секста Помпея на Западе, остатки республиканцев на Востоке — и вновь-установить власть Рима среди восточных князей, пользующихся покровительством. На выполнение этой задачи нельзя было терять времени, поскольку именно задержка Юлия после Фарсала привела к Тапсусу и Мунде. Наконец, среди триумвиров должна была произойти какая-то перестройка, поскольку Лепид потерпел неудачу. Как консул, он находился под каблуком у ужасной Фульвии, и его сильно подозревали в сговоре с Секстом Помпеем. В любом случае, он никогда не был чем-то большим, чем р77шифр, важный только для легионов, которые он привел в пул,

худощавый, недостойный
мужчина, которого
встречают, чтобы отправить с поручениями.

Вскоре был произведен роспуск войск. В Филиппах была основана военная колония, предшественница обширной колониционной деятельности на Западе.

Одиннадцать легионов, которые были готовы продолжить свою службу, были оставлены под ружьем; шесть достались Антонию, и Октавиан отправил ему два из своих пяти в обмен на два, которые были оставлены в Цизальпинской Галлии. Затем произошло повторное-разделение провинций. Цизальпийская Галлия вышла из категории провинций и стала частью Италии. Антоний сохранил кельтскую Галлию и отнял у Лепида Нарбонну; Октавиану достались Африка и Испания с сомнительным добавлением Сицилии и Сардинии, которые теперь находились в руках Секста Помпея. Позже должна была состояться корректировка, если Лепид окажется менее вероломным, чем предполагалось.¹

Раздел Мира Это был неравный раздел, ибо Антонию досталась не только львиная доля добычи, но и более легкая задача на будущее. Он был настоящим героем Филиппов, и солдаты смотрели на него как на своего командира. Октавиан, хотя и достойно проявил себя во втором сражении, большую часть кампании был болен и теперь был настолько слаб, что мог совершать лишь короткие ежедневные поездки, и выглядел таким больным, что в Риме уже шептались о его смерти. Его болезнь, по-видимому, была нервным расстройством желудка, которому он всегда был подвержен и которое обострялось во время стресса. Как мог этот больной юноша соперничать в глазах легионов с великолепным Антонием, переполненным жизнерадостностью и в расцвете физических сил? У последнего были все карты на руках. У него был выбор победоносного экспедиционного корпуса. В Галлии была вторая великая армия, одиннадцать легионов под командованием Фуфия Калена и тринадцать под командованием Вентидия Басса, Асиния Поллиона и Планка, и эти генералы были его креатурами.

р78 Более того, у него была более ответственная задача. Он должен был навести порядок среди мелких князьков Востока, но для римского оружия это было нетрудным делом. Ему нужно было собрать деньги в единственном регионе, где они могли быть. Он контролировал эту сокровищницу древних цивилизаций, к которой уже давно обращались взоры римлян. На Востоке также находилось единственное практическое продолжение империи. Он унаследовал планы Юлия относительно парфянской кампании, и эта грандиозная мечта всегда была у него на задворках сознания. Мнение о том, что Антоний выбрал Восток из-за чувственной тяги к его роскоши, не соответствует характеру этого человека. Он выбрал его, потому что это была прекрасная роль, естественное оружие для удовлетворения амбиций и истинная награда завоевателя.

Солдатское поселение Совсем другим было в жизни Октавиана. С незначительными силами ему пришлось противостоять грозному Сексту и, по всей вероятности, другим, поскольку он не мог поверить, что спутники Антония с готовностью подчинятся его приказам. Он должен был восстановить господство закона в расстроенной и обнищавшей Италии. Не имея никаких средств, кроме тех, которыми Антоний мог его снабдить, он был вынужден взяться за огромное дело по расселению солдат и найти полмиллиона акров хорошей земли в Италии — что означало либо разочарование ветеранов, либо озлобление насильственно лишенных

собственности. Он пользовался слабой популярностью в легионах, но его искренне не любили большинство других классов, которые предпочитали жизнерадостную жестокость Антония холодной и снисходительной строгости Октавиана. Этот бледный, страдающий диспепсией молодой человек взялся за дело, которое могло бы обескуражить самого стойкого.

Согласно Аппиану, его выбор был обусловлен состоянием его здоровья,² но объяснение явно абсурдное. Восток был гораздо более легкой сферой деятельности для инвалида, чем беспокойный Запад. Октавиан брал то, что ему давали, потому что у него не было выбора. Но когда его носилки тряслись по Эгнатианской дороге, он, возможно, увидел свет в конце своего пути. Ясно, что с самого начала у него были инстинкты, которым позже суждено было развиться в принципы правления. Доказательством является его с самого начала страстное желание занять должность трибуна; он осознал, в чем заключалась власть трибуна⁷⁹. Он видел, что если бы ему удалось преуспеть в своей, казалось бы, безнадежной задаче, умиротворить Италию и привлечь ее на свою сторону, он добился бы чего-то гораздо большего, чем любой громкий восточный триумф. В отличие от Юлия, он верил, что в Италии находится центр тяжести империи и что только на итальянской расе может быть построена новая империя.³

Sit Romana potens Itala virtute propago.

Итак, хотя Энтони улыбнулся дурацкому поручению, с которым он отправил своего коллегу, тем самым избавив его от дальнейшего соперничества, этот коллега не был полностью недоволен. Ему был дан шанс обеспечить то, что должно было стать будущей основой его власти.

II

Путешествуя медленно и мучительно, с многочисленными остановками для отдыха, Октавиан добрался до Рима в начале года 41. Он застал брата Антония Луция, консула, только что отпраздновавшего триумф в связи с каким-то тривиальным успехом в Галлии, и жену Антония Фульвию, контролирующую правительство, с Лепидом в качестве ее раба. Он продемонстрировал свое письменное соглашение с Антонием, но в остальном оставил политику в покое, поскольку был призван к неотложному делу. В Италии царил хаос. Переселение солдат продолжалось в течение года, и результаты были катастрофическими. Старые арендаторы были выселены, и дороги заполнили бродяги; все землевладельцы были в страхе, и многие разорились; депутаты из всех городов стекались в Рим в знак протеста против грабежей. У него были шумные легионы, которые он привел с собой, которые все еще требовали удовлетворения, и в Италии были орды ветеранов, которым он дал обещания, ожидавшие исполнения. С тревожным сердцем он назначил уполномоченных и землемеров и приступил к распределению земли.

Это было его первое крупное административное задание, выполненное вопреки времени и с огромными трудностями, и он проявил в нем свои качества, поскольку уже доказал свои таланты в запутанной дипломатической игре. Там, где были доступны государственные владения, бизнес был простым, но свободных государственных земель было мало. Но там были обширные муниципальные территории, и были отобраны девятнадцать итальянских городов и выделена треть их владений для заселения. Были также дальнейшие конфискации имущества, принадлежащего непокорным республиканцам. Существующие владельцы или арендаторы, против которых не было выдвинуто никаких политических обвинений, должны были получить компенсацию, но им пришлось дожидаться своих денег, поскольку пока у Октавиана не было средств. Тяжелых случаев было бесчисленное множество, и его враги извлекали из них максимум пользы. Простые люди тяжело страдали. Гораций, бежавший из Филиппов, обнаружил, что небольшое поместье его отца исчезло, и ему пришлось зарабатывать себе на хлеб в низших чинах государственной службы. Небольшое владение Вергилия близ Мантуи оказалось под угрозой, но на данный момент было спасено с помощью его покровителей, Азиния Поллиона и Корнелия Галла, и несколько преждевременно он благословил Октавиана как бога, который вмешался.⁴ В Умбрии два других поэта, Тибулл и Проперций, обнаружили, что их семьи разорились.^а Октавиан находился на деликатной почве. Он должен был сохранять веру в солдат и сохранять их преданность, но не в меньшей степени он должен был завоевать доверие гражданских классов, от которых зависело восстановление государства. Он не осмеливался испортить оружие, в котором вскоре снова возникнет необходимость, но также он не осмеливался разрушить конечную цель, для которой это оружие должно было быть использовано.

В целом ему удалось сбалансировать свои обязанности. Солдаты не отделились друг от друга, и недовольство гражданских лиц не стало настолько громким, чтобы Луций и Фульвия могли использовать их против него. Он был милосерден всякий раз, когда мог быть милосердным в безопасности, и он начал прощать запрещенных.⁵ Если он не мог заплатить за всю землю, которой владел, он старался справиться с тяжелыми случаями.⁶ Он также спокойно отнесся к экономическим последствиям 81. Огромные скопления земли были разделены, и большинство солдат, которым были предоставлены наделы, были сельскими жителями, набранными родом с ферм. Таковы были легионы, которые он сам набрал в Италии — в Кампании и на севере; таковы были войска, набранные Вентидием Басом и Децимом Брутом, Гиртием и Пансой. То, что на итальянской земле оказалось несколько сотен тысяч человек с небольшими владениями, было явным выигрышем.

Его успех встревожил Фульвию и Луция. Они видели, что он завоевывает популярность в Италии, в то время как Антоний был далеко. Перед ними открывались широкие возможности для проказ. Они утверждали, что являются голосом гражданских лиц, с которыми плохо обращались. Они утверждали, что Октавиан отдавал предпочтение своим собственным легионам в ущерб легионам Антония и что право на выделение земли принадлежало Луцию, который, будучи

консулом, претендовал на полномочия, противоречащие полномочиям триумвиров. Мотивом Луция, прикрывавшегося братской преданностью, было простое честолюбие, мотивом Фульвии, возможно, была ревность обезумевшей жены, которая стремилась насильственными средствами вернуть заблудшего мужа. Ситуация осложнялась чем-то очень похожим на голод в Риме, поскольку флоты Секста и Агенобарба нанесли ущерб поставкам зерна. Октавий оказался перед дилеммой. Он был вынужден идти на уступки собственникам, особенно из сенаторского сословия, и каждая уступка грозила мятежом в войсках. Более того, легаты Антония на Западе проявили враждебность и отказались разрешить проход через Галлию легионов, которые он отправил в Испанию. Это был один из самых критических моментов в его карьере. Он пытался образумить Фульвию и Луция, заявляя о своей верности соглашению с Антонием и предлагая передавать все спорные вопросы на рассмотрение сената. Но они ничего этого не хотели и принялись организовывать боевые силы, Фульвия оккупировала Пренесте и, опоясанная мечом, отдавала приказы, как командующий армией.

Перусия Этот призыв к оружию был удачным для Октавиана, поскольку побудил его собственные легионы вступить в спор. Они организовали собрание в Габиях, на котором присутствовал только Октавиан р82, Луций и Фульвия отказались предстать перед тем, что они называли "парламентом в обносках".⁷ Они полагались на легатов Антония в Италии и Галлии, Калена, Вентидия Басса, Планка и Поллиона. Но они оказались сломанными тростинками, поскольку не знали, каковы были истинные желания Антония. Столкновение было неизбежно, и Октавиан действовал быстро. Он послал легион в Брундизий, чтобы предотвратить высадку Агенобарба с моря; он оставил Лепиду с двумя легионами для размещения гарнизона в Риме; он отозвал войска, предназначенные для Испании под командованием Сальвидиена Руфа; и он дал Агриппе, в качестве его первого командования, летучий отряд Гарри Луцию. Последний укрылся в старом горном городке Перузия (Perugia), который считался неприступным, и ждал, когда легаты его брата освободят его. Но эти легаты ничем не рисковали, и облегчение не пришло. Всю осень и зиму город находился в плотной осаде, во многом по плану, которому Юлий следовал в Алезии, и к концу февраля 40 года до н.э. Луций был вынужден сдаться. Октавиан был милостив к антонийским вождям, как и должен был быть, и Луцию и Фульвии было позволено беспрепятственно уехать, чтобы больше не иметь значения до своей смерти. Но город был сожжен, по-видимому, случайно, а остатки республиканского гарнизона и беженцы-сенаторы были преданы смерти. Для Октавиана это был последний этап отмщения за убийство Юлия *игосударственный переворот* умирающего консервативного движения. Он не видел причин быть милосердным к непримиримым.⁸

Падение Перузии оставило Октавиана под контролем Италии. Восстание в Кампании, возглавляемое Тиберием Клавдием Нероном, было легко подавлено, и Нерон и его жена Ливия бежали на Сицилию. Два легиона Планка перешли на сторону р83conqueror. Поллион удалился на север, а Басс остался в окрестностях Брундизия. Кален в Галлии умер вовремя, и Октавиан, поспешив туда, принял свои

одиннадцать легионов, которыми он командовал Сальвидиену Руфу. Теперь он мог умиротворить Лепида с помощью африканской провинции и шести галльских легионов. Оставались две опасности - Секст и Антоний, союза с которыми он опасался, поскольку, хотя теперь у него под началом было более или менее сорок легионов, эти двое удерживали море и могли опустошить побережье Италии. Его первый шаг был направлен в сторону Секста. Он уже был дважды помолвлен — в ранней юности с дочерью коллеги Юлия, Сервилия Исаврика, и в возрасте двадцати лет с Клавдией, падчерицей Антония. Ни один из браков не был заключен, и теперь, благодаря дипломатии Мецената, он женился на Скрибонии, много раз выходившей замуж, сестре Скрибония Либо, чья дочь была женой Секста. Ее помнят только как мать его дочери Джулии.

Антоний и Клеопатра А что же тогда с Антонием, у которого был ключ к разгадке проблемы? После Филиппов, что касалось Рима, он исчез за горизонтом, и до столицы доходили лишь отдельные слухи о его деяниях. Перед ним стояла серьезная задача, которую он решал со всей своей прежней энергией, в то время как в глубине души он лелеял мечту о завоевании Парфян, которая была честолюбивой мечтой его великого учителя и которая, как он верил, одна могла исправить экономическое неравновесие империи. Он совершил королевское путешествие по провинции Азия, Сирия и Палестина, получая почести бога, собирая огромные суммы в качестве дани, которую он выплачивал сразу же после их получения, награждая тех, кто выступал против республиканцев, и наказывая тех, кто им помогал, и устанавливая порядок наследования в королевствах-клиентах. В Вифинии он познакомился с Иродом Иудейским, который произвел на него впечатление своими способностями и которого, хотя он и подружился с Кассием, он сделал тетрархом. Был еще один клиент -монарх, Клеопатра Египетская, которая была подругой Юлия. Ее триумvir вызвал к себе на встречу в Тарс в Киликии в конце лета 41 года до н. э.

стр. 84 Антоний - один из ярких примеров в истории разделенных натур. Его лицо, которое, если мы можем судить по его монетам, при всей своей силе было дисгармоничным и бесформенным, было показателем его характера. Он запинаясь, как иногда и его язык. Он обладал римским даром храбрости в невзгодах и находчивости в трудностях; когда дул восточный ветер, он был мужчиной и солдатом. У него был настоящий административный талант, и большая часть его работы по восстановлению Востока была продолжена. Но в его душе не было равновесия. Когда на него светило солнце, он был склонен впасть в лень и потворство своим желаниям. Его обычная добродушность могла смениться вместе с его настроением откровенной жестокостью. Его тщеславие было непомерным, и он обладал всеми слабостями тщеславного человека. В Риме, этом рассаднике сплетен, его враги извращали каждое его действие, и его бездействие во время перузийской войны приписывали пьянству и разврату, в то время как он все время был занят делами императорского значения. Клевета вошла в историю вслед за ним, поскольку Плутарх неизменно настроен враждебно, а Дион, который, по-видимому,

пользовался мемуарами Августа, естественно, несимпатичен, хотя у Аппиана можно найти следы беспристрастности утраченного труда Поллиона.

Что касается Клеопатры, то у скандалистки было чистое поле деятельности. Она была единственным человеком, за исключением Ганнибала, который когда-либо наводил страх на Рим, и она дошла до нас как жрица беззаконной любви, высшая соблазнительница добродетели, сексуальная дегенератка, нимфоманка, владычица всех нечестивых искусств Востока. Есть причина пересмотреть эту точку зрения. Она не была уроженкой Востока, будучи по происхождению наполовину гречанкой, наполовину македонянкой, в ней не было ни капли египетской крови. Она была так далека от того, чтобы быть игрушкой любви, что от начала до конца была политиком, с виртуозным хладнокровием ведя игру в высокие амбиции. Возможно, она и была влюблена в Джулиуса, но маловероятно, что ее сердце когда-либо принадлежало какому-либо другому мужчине. Она была высокообразованна, и ее борьба была направлена не только за свое египетское царство, но и за определенный тип эллинской культуры, последним поборником которой она считала себя. При всем обаянии этой женщины, она обладала упорством воли и мужеством самого сильного мужчины. Прежде всего, она обладала огромной притягательной жизненной силой. Качества ее ярких предков расцвели в этом последнем отпрыске их расы, превратившись в нечто вроде колдовства. Более женственная, чем другие женщины, в ней было больше стали и огня, чем в любом мужчине, так что, подобно Виоле из *"Двенадцатой ночи"*, она была не только дочерьми, но и братьями в доме своего отца.

Она инсценировала свое прибытие с непревзойденным искусством. Плутарх — а вслед за ним и несравненный Шекспир — описал ее путешествие на галере вверх по Киднусу, благоухающие паруса невесты и флейты, сопровождающих ее Возлюбленных, нимф и Граций. Ей было двадцать девять, что Бальзак считал самым опасным возрастом женщины, не красавица в обычном смысле этого слова, но с лицом, которое не мог забыть ни один мужчина, и вкрадчивым голосом, который околдовывал всех, кто его слышал. Антоний видел ее четырнадцатилетней девочкой, когда был молодым кавалерийским офицером у Габиния в Египте, и, должно быть, часто встречал ее, когда она была в Риме любовницей Юлия. Но теперь пришло откровение. У него было интеллектуальное тщеславие недоучки, и он выдавал себя за филэллинку, и ее приход казался повторением-древней божественной легенды о рождении Афродиты из пены. До сих пор он щедро и грубо получал удовольствие от женщин, но эта женщина, полная воздуха и огня, отличалась от пышнотелых римских красавиц и сирийских танцовщиц. Она покорила его воображение и интеллект, поскольку у него хватило ума распознать ее дерзкий дух. Он покорно последовал за ней в Александрию.

Там зимой, пока Перусия умирала с голоду, она играла в ловкую игру. Она была подлинной египетской патриоткой и, насколько нам известно, проявила заметный талант в управлении страной. Она была любима коренным египтянином, потому что говорила на их языке, с уважением относилась к их богам и имела вокруг себя

божественную ауру как реинкарнация Исиды. Она желала сделать свою страну самой богатой и возделанной на земле, а для этого ей нужна была поддержка римских легионов. Приманкой было завоевание Парфии, которое, по мнению Антония, казалось жизненно важным для Рима и средства для которого могли быть предоставлены богатствами Египта. Поэтому р86ее задачей было стать незаменимой для Антония, и зимой 41-40 года до н.э. она творила свои чары. Она была его верной спутницей, напарницей в фантастических приключениях, но она не забывала о своей цели. Она поощряла его амбиции, но ничего не давала ему, ни средств из своей казны, ни своей любви, пока не была уверена, что он заплатит за нее.

Антоний и Октавиан Новости из Италии медленно просачивались на восток. Это дошло до Антония только тогда, когда он оторвался от Клеопатры и отправился на север, в Сирию, услышав о вторжении парфян. Там он обнаружил, что королевства-клиенты пребывают в хаосе, а вражескими армиями руководят римские дезертиры. Его первым делом, должно быть, было набрать побольше войск, и, когда его осенило, он получил известия о Перусии. К Луцию и Фульвии он не испытывал симпатии, поскольку они своим безрассудством нанесли ущерб его делу и лишили его расположения ветеранов цезарианства. Но захват Октавианом Галлии был совсем другим делом, поскольку именно в тамошних легионах он ожидал подкрепления в предстоящей кампании. Он был готов быть верным Октавиану, но Октавиан, в свою очередь, должен быть верен ему. Он отправился в Афины, где нашел Луция и Фульвию и услышал их рассказ о горе. Это мало тронуло его, но посланцы Секста тоже были там. Если Октавиан обманывал его, орден должен быть взят с собой. Поллион был в северной Италии, Вентидий околачивался в окрестностях Брундивия, а Агенобарб со своим пиратским флотом был на его стороне. Это, вместе с Секстом, позволяло ему спорить с Октавианом, и если молодой человек не прислушивался к доводам разума, он присоединялся к Сексту, чтобы наказать его. Соответственно, вместе с Секстом и Агенобарбом он отплыл в Италию.

Он обнаружил, что Брундивий закрыт от него гарнизоном Октавиана, который не желал иметь дела с Агенобарбом как с одним из убийц Юлия. Он блокировал город и захватил Сипонт, лежавший на северном побережье, в то время как Секст изгнал небольшой отряд Октавиана с Сардинии и угрожал южной Италии. Агриппа отвоевал Сипонт, а Октавиан выступил против Антония в Брундивии. Но солдаты с обеих сторон были против войны, и Антоний, помня о сложностях на Востоке, не хотел принуждать их. р87Смерть Фульвии упростила ситуацию. Он послал Агенобарба управлять Вифинией и убедил Секста вернуться на Сицилию. Октавиан был не менее уступчив, и в первые дни октября 40 года до н.э. с помощью Мецената и Поллиона между триумвирами в Брундивии был заключен мир. Произошел новый раздел империи: Октавиану был отведен весь Запад, за исключением Лепида в Африке, а Антонию - все земли от Ионического моря до Евфрата. Октавиану была предоставлена полная свобода действий против Секста, если он не сможет заключить с ним мир, а Антоний должен был получить пять галльских легионов для Парфии и равное с Октавианом право набирать рекрутов в Италии. Сальвидиен Руф,

назначенный преемником Калена, оказался предателем, как показал Антоний, и после разоблачения покончил с собой, и Октавиан воспринял перевод своих легионов без сожаления, поскольку не мог быть уверен в их лояльности.

Мизенский пакт Новая дружба была скреплена женитьбой Антония на сестре Октавиана Октавии, вдове Гая Марцелла и одной из немногих привлекательных фигур среди римских женщин того времени. Красивая и мудрая, она была "слишком святой, холодной и чопорной собеседницей", чтобы долго удерживать напористого Антония. Триумвиры нанесли визит в Рим, но их оvation были омрачены недовольством городской черни, оголодавшей из-за перебоев с поставками зерна. Было крайне необходимо уничтожить Секста и его флот или договориться с ним. Последний план был опробован первым. В Путеолах произошла неудачная встреча, и, наконец, ранней весной 39 года до н.э. в Мизене, на южной оконечности Байского залива, была достигнута договоренность, когда Секст согласился на условия вывести своих людей из Италии и оставить корабли с зерном в покое. На кораблях флота и в Риме устраивались пышные празднества, а дочь Секста была обручена Марцеллом с сыном Октавии. Антоний отбыл на восток, а Октавиан поспешил в Галлию, чтобы назначить Агриппу губернатором этой провинции. Этот прекрасный солдат наконец-то твердо встал на почетный курс. Он был городским претором в 40 году до нашей эры и был назначен консулом на 38 год до нашей эры

Октавиану шел двадцать четвертый год, и он преодолел еще одно из огромных опасностей своей юности. р88У него был мир с Антонием, по крайней мере, на время, и за эту передышку он мог бы навести порядок в Италии. Теперь, когда водянистое солнце фортуны окутывало его слабым теплом, его характер постепенно смягчался. Он по-прежнему был подвержен внезапным заболеваниям, но у него остались позади хроническая анемия и несварение желудка, которые искалечили его в юности. Он больше не был одинок; товарищи его юности стали в полном смысле слова его помощниками, ибо теперь ясно проявился военный гений Агриппы и дипломатический талант Мецената; ему была предана основная масса армий, в глазах которых он носил мантию Юлия, и огромная масса простых граждан, которые начинали смотреть на него как на единственное прибежище-соблюдающих закон. Казалось, в нем были стабильность и простой здравый смысл, которых не было в Антонии и еще меньше в ничтожестве Лепиде. Именно на Октавиана, а не на консерваторов можно было бы рассчитывать, чтобы вернуть старые добрые времена.

Историки изображают его в то время ненавистным всем людоедом с холодной жестокостью, ревнивым, угрюмым и неумолимым, который правил только страхом, проводя свои дни между публичным терроризмом и частными дебошами. Нет никаких доказательств в пользу такой точки зрения. Характер Августа не проявился чудесным образом в полной мере; он уже развивался в Октавиане. Ему пришлось отказаться от своей молодости и вести жесткую игру с закрытыми губами, и ему предстояло нести шрамы от этого до самой смерти. Он еще мало что знал о той непередаваемой вещи, которая называется "blanditia", легкой, непринужденной

вежливости. Но он медленно расстегивал пуговицы и, будучи долгое время вынужден жить сегодняшним днем, начинал, наконец, видеть перспективу и горизонт. Он разрабатывал стратегию, а также тактику силы. Представление о нем как о оргиасте просто немыслимо.⁹ Для кутежей у него не было ни здоровья, ни времени, так как при слабом теле он был вынужден "ужасно трудиться". Подобные сказки были распространены на своем первом пришествии в Рим, но Цицерон описал р89его тогда в качестве яркого примера старого-мира, целомудрия,¹⁰ и оратор, никогда бы не осмелился навлечь всеобщее посмешище, если его репутация была, как известно, иначе. Нравственность Октавиана была не выше, чем у людей его возраста, но, несомненно, и не хуже. Слишком часто забывают, что обвинение в сексуальном пороке было "обычной формой" в Риме и фактически не имело под собой никаких оснований. Оскорбление морали оппонента было общепринятой ораторской практикой, к которой не нужно относиться серьезно.¹¹ Это было похоже на "полет" среди шотландских *макаров*, отчасти литературный обычай, отчасти традиция, уходящая корнями в старую религию, подобно оскорблению генерала во время его триумфа, чтобы отвратить от успеха ревность богов. Мы находим, что Цицерон в самых дружеских выражениях переписывался с такими людьми, как Пизон и Ватиний, которых незадолго до этого он пригвоздил к позорному столбу как врагов человечества.

Четвертая эклога Доказательством того, что популярность Октавиана в обществе росла, является четвертая эклога Вергилия, написанная не позднее 39 года до н.э. Это хвалебный гимн Брундизийскому пакту и новой надежде на мир. Будь ребенок, который должен родиться, чтобы открыть Золотой век, сыном Поллиона, или Антония и Октавии, или Октавиана и Скрибонии,¹² Октавиан находится в центре картины. Утонченный пуританизм Вергилия никогда бы не привел в его транслунные мечты человека, которого все считали порочным монстром. В римском мире медленно зарождалась новая надежда. Старые обычаи уходили в прошлое; политика, некогда бывшая главной заботой Рима, исчезла в звоне оружия; вельможи больше не щеголяли своим богатством в экзотических развлечениях, поскольку большинство из них были мертвы или разорились. С плохой ушли товара; храмы были попадания в Р90разорение;¹³ народ голодал; государственной религией, к которой Сцевола и Цицерон прильнула,¹⁴ распадалась, и нового вероучения из Греции дал Рим не на своем месте. Но после многих лет материализма и нищеты люди начали заглядывать в свои души, и вместе с этой инквизицией пришло чувство греховности, новое благоговение и новая надежда. Дух эпохи торжествовал; мы видим разочарование в литераторах, в Саллюстии, в великом предисловии Ливия к его истории, в ранних стихах Горация,¹⁵ и у Вергилия мы находим проблеск света. Спасение не могло прийти ни от высокого аскетизма Лукреция, ни от космического примирения стоиков, ни от антикварной изобретательности синкретистов вроде Варрона. Она заключалась в возвращении к старой простоте. Счастлив человек, "знающий причины", но счастливее он, "будучи новичком в агрессиях".

III

С Секстом было еще не покончено. У него были законные претензии, поскольку на Пелопоннесе, который должен был стать одной из его провинций, Антоний помешал ему собирать доходы. Но его главной жалобой было то, что триумвиры не признали его равным себе, и вскоре он возобновил свои грабежи на судах с зерном и у итальянского побережья. Это была угроза, с которой Октавиану предстояло столкнуться, поскольку в Италии не могло быть мира, когда этот пират контролировал море. Война была неизбежна, и Октавиан обратился к Антонию за помощью и советом. Антоний прибыл в Брундизий, но, обнаружив, что Октавиан задержался, немедленно вернулся в Грецию, удовлетворившись бессмысленным советом своему коллеге уважать Мизенский пакт. Этот Секст уже был сломлен, и Октавиан был вынужден готовиться к кампании, спешно выводя войска из Галлии, создавая военно-морские базы в Брундизии и Путеолах и строя корабли для пополнения своего иссякающего флота. Он опубликовал условия Мизенского мирного договора стр. 91, чтобы доказать свою добрую веру, и, поскольку фиктивному союзу с Секстом пришел конец, он развелся со Скрибонией в самый день рождения Юлии.

Брак Октавиана Развод был вопросом политики, но у него был другой мотив. В его жизнь вошел новый элемент, который был признаком вернувшейся к нему молодости. Он по уши влюбился. Это была не "благородная привязанность" — восхитительная фраза Моммзена¹⁶, — с которой Юлий относился к своим супругам, а страсть, сохранившаяся до его последнего дня. Этой дамой была Ливия, дочь Ливия Друзаса, яркого антицезарианца, умершего после Филиппов. Она происходила из древнего дворянского рода, была красива, добродетельна и всепоглощающе честолюбива, и ей было всего девятнадцать.¹⁷ Она была очень молодой замужем за другим аристократом, Тиберием Клавдием Нероном, которого Цицерон когда-то пытался сосватать Туллии, и, будучи едва ли ребенком, родила ему сына, который должен был стать императором Тиберием, в то время как второй сын, Друз, родился всего за три дня до ее свадьбы с Октавианом, 17 января 38 года до н.э. Они с мужем были в Перусии во время ее осады и бежали к Сексту на Сицилию. Они быстро устали от привычек Секста и переехали в Спарту, откуда вернулись в Италию, когда все более-менее уладилось. Октавиан, вероятно, познакомился с Ливией по возвращении из Галлии в конце сентября 39 года до н.э. Он страстно влюбился и сбрил бороду, чтобы улучшить свою внешность.¹⁸ Ухаживание прошло успешно, и муж оказался покладистым; Ливия переехала жить в дом Октавиана, а свадебная церемония была проведена по специальному разрешению понтификов.¹⁹

Этот брак, основанный на любви, имел глубокие политические последствия. Это привело Октавиана в тесный контакт с высшей знатью Рима и остатками сенаторской партии. Это укрепило союз, которого он всегда желал, между менее агрессивными консерваторами р92и цезарианской военной демократией. Это был примирительный манифест, призыв к новому выстраиванию политических убеждений. Что касается личной стороны, это дало ему жену, которая в течение

пятидесяти лет была его мудрым советником и верной помощницей; но это также привело в его круг представителей рода Клавдиев, блестящих, необъяснимых, зараженных каким-то глубоким врожденным безумием, одной из самых способных и с самой трагической судьбой из великих семей Рима.²⁰

Кампания против Секста началась неудачно, поскольку была похожа на легендарную битву между волком и акулой, в которой участвовали противники, сила которых заключалась в разных элементах. Кроме того, Октавиан не обладал таким мастерством ведения войны, как его двоюродный дед, и у него хватило мудрости осознать это. У него не было способности Агриппы видеть кампанию в целом и работать над большим стратегическим планом — высшей формы военного таланта; не было у него и дара Антония руководить командой людей и его тактического мастерства в реальном сражении. Его дары были полностью гражданскими. К счастью, Секст был одарен не лучше, будучи вечным кондотьером, который мог выигрывать сражения, но не войну.

Долгая и решающая кампания, начавшаяся в 38 году до н.э., не имеет большого значения ни для военного, ни для изучающего политику. Это было неуклюжее препятствие, которое необходимо было преодолеть, предпоследняя угроза, с которой Октавиусу пришлось столкнуться на своем пути к власти. Единственные наши авторитеты, Дион и Аппиан, явно не понимали, о чем они писали, поэтому невозможно восстановить детали с какой-либо уверенностью. Менас, вольноотпущенник Секста, владевшего Сардинией, передал остров и три легиона Октавиану. Последний назначил его и Кальвизия Сабина, бывшего-консула, двумя своими адмиралами и приготовился атаковать Сицилию, в то время как его сухопутные войска были размещены в Регии. Секста не застали врасплох. В Кумах произошли нерешительные действия, но Октавиан действовал слишком медленно и осторожно: в проливе его остановили корабли Секста, а на следующий день шторм довершил его катастрофу. Он потерял половину своего флота, и Сексту оставалось торжествующе кукарекать в морских-зеленых одеждах и провозгласить себя сыном Нептуна. К счастью, пират был таким же слабым полководцем, как и триумвир, и не предпринял никаких попыток развить свою победу.....

Октавия Таким образом, 38 год до н.э. завершился мрачно. К 37 году до н.э. Октавиан провел более тщательные приготовления. Он вызвал из Галлии избранного консулом Агриппу и назначил его верховным командующим. Агриппа только что одержал заметные победы над германскими племенами и, первый из римских полководцев со времен Юлия, перенес орлов за Рейн; но, обладая характерным воспитанием, он отказался от триумфа в тот момент, когда Рим испытывал нехватку средств, а Секст был непобедим. Ему еще предстояло освоить искусство морской войны, но его острый ум подсказывал ему, что первой задачей было обеспечить безопасную гавань в качестве базы и тренировочного полигона. Соответственно, он соединил мелководное Лукринское озеро в Байском заливе с более глубоким озером Аверн и прорыл широкий канал, соединивший их с морем. Также Октавиан отправил Мецената к Антонию в Грецию умолять о помощи.

Помощь была оказана. Ранней весной Антоний прибыл в Тарент с мощным флотом в сопровождении Октавии, чьи убеждения преодолели вполне естественные подозрения ее брата. Было решено продлить триумвират еще на пять лет.²¹ Антоний должен был предоставить своему коллеге сто двадцать кораблей, а Октавиан, в свою очередь, должен был предоставить двадцать тысяч легионеров для парфянской войны. Октавия и ее ребенок остались с Октавианом, а Антоний обратил свое лицо на восток.

Теперь он фактически передал своему коллеге управление Западом, в то время как сам взял на себя управление Востоком. Его общий план поселения там состоял в том, чтобы укрепить позиции монархов-клиентов, часто сидящих на ненадежных тронах. Но его главной заботой была угроза со стороны Парфии, этой странной державы, по большей части скифской по происхождению, которая была одной из сатрапий Александра, но которая давным-давно изгнала Селевкидов и основала свою собственную династию Аршакидов. Римский ренегат Лабиен, р94как мы видели, вторгся в Сирию и оккупировал ее, и после Брундизийского перемирия Антоний послал своего наместника Вентидия разобраться с ним. Вентидий добился успеха: он победил и убил Лабиена в 39 году до н.э., а в следующем году то же самое сделал Пакор, сын парфянского царя Орода. В то же время вторжение иллирийских парфян в Македонию было отражено сначала Цензорином, а затем Поллионом. Но Парфия была сдержана, а не побеждена, Антоний не мог полностью доверять Вентидию, и тот был вынужден спешно отправиться на восток, чтобы поддержать Ирода в борьбе с его соперником Антигоном. После встречи с Октавианом в Таренте он вернулся в Сирию, чтобы всерьез подготовиться к крупной парфянской кампании.

Три зимы он счастливо прожил с Октавией в Афинах. Если остроумие и смелость Клеопатры были для него откровением о том, какой может быть женщина, то Октавия показала ему очарование простой доброты. Она была так же высокообразованна, как египетская царица, и бесконечно более спокойна. Он стал благопристойным мужем и занялся изучением философии. Но ветхий Адам был все еще силен в нем, и у него случались вспышки безумия величия, когда он позволял некоторым своим восточным подданным поклоняться ему как богу Дионису. Если бы у Октавии был сын, все могло бы сложиться иначе, но к осени 37 года до нашей эры он устал от респектабельности. Он был верен Октавиану, более верен, чем Октавиан был к нему, и его недовольство своим коллегой распространялось и на сестру его коллеги. Он устал от "скромных взглядов и спокойных выводов Октавии" и начал подумывать о более модном вине. Но в основном он думал о новом положении дел. Он понял, что задача, которую он возложил на Октавиана и которая, как он считал, сокрушит его, на самом деле принесла ему состояние. Он невольно передал ему контроль над Римом и западным миром. Сбитый с толку подчиненный был в опасности стать его хозяином. Равновесие могло быть восстановлено только оглушительным триумфом на Востоке, и его взор вернулся к Парфии. У него было всего двадцать четыре легиона, хотя от Октавиана ожидалось еще больше, но его р95главной потребностью были деньги. Этого можно было добиться только от

Клеопатры, которой он пренебрегал почти четыре года. Воспоминание о ее полезности, возможно, было для него таким же сильным, как воспоминание о ее прелестях; если, оглядываясь назад, он влюблялся в нее лично, то, несомненно, был влюблен и в ее состояние. Он вызвал царицу Египта на встречу с собой в Антиохию и тем самым вступил в последний трагический этап своей карьеры.

Примечания автора:

¹ Для изучения противоречивых утверждений Диона и Аппиана см. Райс Холмс, I.218-19.

² V.3.

³ См. по этому поводу С. Димарцо, "Аугусто и Италия" в *N. Ant.* (1932), 312.

⁴ *Экл.* I.6-10.

⁵ Dessau, 8393.

⁶ Я думаю, ясно, что мы не можем принять утверждение в *Mon. Anc.* I.16-19, что он заплатил за всю захваченную землю, имея в виду колонизацию после Филиппов.

⁷ "senatus caligatus."

⁸ Перуанская война полна неопределенностей. Октавиан, по-видимому, имел при себе четыре легиона ветеранов, помимо шести под командованием Сальвидиена. У Луция было шестеро детей, которых он вырастил в качестве консула, и он

рассчитывал на одиннадцать в Цизальпинской Галлии, которые были ему бесполезны. Агриппа, по-видимому, был в основном ответственен за тактику осады: но см. Рейнгольд, *М. Агриппа*, 18-20. Власти - Suet. *Div. Aug.* 14; Приложение.V.24кв.; DioXLVIII.12кв.; Велл. II.74. История человеческих жертвоприношений ("arae Perusinae"), рассказанная Светонием и Дионом, а также Сенекой (*de clem.*I.11), явно ложна; ср. J. S. Reid, "Human Sacrifices in Rome," *J. R. S.*II(1912), 414-..

⁹ Власти, ответственные за предъявление обвинений, - Suet. *Div. Aug.* 70; ДиоЛЕВИ.43; Сенека, *де клем.*I.10. Ферреро, любящий яркие цвета, безоговорочно принимает их (III.247).

¹⁰ *Фил.* III.15.

¹¹ Большинство менее известных латинских авторов, чьи произведения случайно уцелели, стремились развеять свою скуку, пересказывая древние скандалы, такие как истории о пристрастии Траяна к вину и мальчикам и "винолентия" безупречного Нервы.

¹² Первое - это точка зрения Ферреро (III.237); второе - К. А. Х. (X.69); третье, к которому я склоняюсь, полностью обсуждается в "*Мессинской эклоге Вергилия*" Майора и др. (1907). См. также J. Carcopino, "*Вергилий и тайна Четвертой*", "*и Églogue* (1930), and Rose, ", "*Справочник по лат. Литература*, 242н.

¹³ Августу пришлось восстановить не менее восьмидесяти-двух.*Понедельник. Анк.* IV.17.

¹⁴ Ср.Августин, *Civ. Dei* IV.27.

¹⁵ например, *Эпод.* XVI.

¹⁶ "eine ehrliche Zuneigung."

¹⁷ "genere, probitate, forma Romanarum eminentissima," Vell. II.75.

¹⁸ Дион XLVIII.34.

¹⁹ Весь вопрос о датах обсуждается и некоторые традиционные скандалы опровергаются Дж. Каркопино, "Брак Октава и де Ливи", *преподобная история.*, CLXI (1929) 325-36.

²⁰ Ливия сама принадлежала к роду Клавдиев, поскольку ее отец, М. Ливий Друзас Клавдиан, был Клавдианом, который был принят в Род Ливий.

²¹ Неясно, насколько эта договоренность получила юридическое подтверждение. Был закон о создании первого триумvirата, и, похоже, был проведен плебисцит, полученный юридически настроенным Октавианом, для подтверждения второго. Но Аппиан и Дион противоречат друг другу, и первый противоречит самому себе. Эта тема полностью обсуждена В. Кольбе, *Hermes* XLIX.274 кв.

Примечание Тайера:

^a Проперций определенно был родом из Умбрии; вероятно, из области вокруг Асиса и Мевании (современные Ассизи и беванья): подробнее смотрите в моем примечании к статье в Британской энциклопедии "МЕВАНИЯ".

Однако о Тибулле известно гораздо меньше, и, по сути, известно, что он не имел никакой связи с Умбрией, ни с современным регионом с таким названием, ни с более крупным регионом римских времен. Часто говорят, что он был родом из Габий в Лациуме, но это основано на исправлении современным ученым, на мой взгляд, неубедительном, отрывка из рекламного объявления Светония, посвященного поэту, состоящего из одного абзаца (*Vita Tibulli*, q. v.). Далее мы

читаем, как данность, что Тибулл имел какое-то отношение к маленькому городку Педум — местонахождение неизвестно, хотя и находится где—то в южном Лациуме, не в Умбрии, - но и здесь нельзя быть менее уверенным: гипотеза основана на отрывке из Горация (*Ep.* 1.4.2), который, как было принято считать, относится к Тибуллу, хотя он в нем явно не назван; ученые долго обсуждали этот вопрос. Этот отрывок, во всяком случае, не дает нам права идти дальше и утверждать, что Тибулл был землевладельцем в Педуме. См. "*Латинские лета*" Доротеи Робертс (частичный перевод "*Странствий по Италии*" Грегоровиуса), стр. 60, мои заметки и *f*, с более полным набором цитат.

Глава III

Разрыв с Антонием: Действие (37-30 гг. до н.э.)

"Nous avons perdu le monde, et le monde, nous ; que vous en semble, Tristan ami ?"

"Amie, quand je vous ai avec moi, que me fault-il donc ? Se tous li mondes estoit orendroit avec nous, je ne verrois fors vous seule."

Le Roman de Tristan.

Прошло более двух тысяч лет с тех пор, как она
Была красива. ...

Теперь она всего лишь история, которую рассказывают
У камина! Ни один мужчина никогда не сможет быть
другом этой бедной королевы!

Джеймс Стивенс.

Я

В течение семи трудных лет Октавиан постепенно укреплял свое положение, которое, поначалу основанное только на имени и чувствах, теперь прочно опиралось на добрую волю народа. Он заключил союз, который имел в виду с самого начала, между теми, кто лелеял память и некоторые мечты Юлия, и теми, кто хотел увековечить дух и большинство форм Республики. Рим жаждал мира, и общественное мнение вынудило триумвиров заключить договор с Секстом в Мизене. Было ясно, что это урегулирование не устоит и что мира не будет до тех пор, пока Секст не будет сокрушен, поскольку его амбиции и обиды останутся постоянным раздражителем, а он стал объединяющим фактором для всего, что было наиболее непримиримого в римском консерватизме. Таким образом, перед Октавианом, которому сейчас шел двадцать шестой год, стояли две важные задачи. Во-первых, он должен изгнать Секста с морей и навсегда обнажить его клыки. Во-вторых, когда-нибудь должно было произойти испытание силы с Антонием. Не могло быть двух властителей империи с непримиримыми темпераментами и расходящимися целями.

р97 Поражение Секста Кампанию против Секста можно изложить вкратце, поскольку это была всего лишь неприятная обязанность, которую предстояло выполнить, и она ничего не рассказала об Октавиане, за исключением того, что он

не был великим мастером войны. Операции 37 года до н.э. были в основном подготовительными, связанными с созданием Агриппой Порты Юлиуса новой военно—морской базы, кораблестроением для пополнения небольшого флота Октавиана - нового типа тяжелого военного корабля с высокой палубой, пригодного для abordaja¹, — и обучением экипажей кораблям. Кампания 36 года до н.э. началась 1 июля,² - дата, установленная Октавианом для месяца, названного в честь его приемного отца. План, в котором мы можем обнаружить руку Агриппы, предусматривал совместное наступление на Сицилию — Октавиана из Путеол, Статилия Тавра из Тарента и Лепида из Африки с шестнадцатью легионами и отрядом кавалерии. Секст был в меньшинстве, но он максимально использовал свою позицию, расположившись в Мессане, чтобы контролировать проливы, в то время как оборону Лилибей и запада он доверил своему лейтенанту Плинию Руфу. Стихии сражались на его стороне. Третьего числа того же месяца разразился сильный шторм, из-за которого Тавр, прихрамывая, вернулся в Тарент, в то время как Октавиан, с которым был Агриппа, потерял половину своей эскадры у Сорренто. Лепиду одному удалось высадиться на Сицилии и осадить Лилибей.

Хотя сезон мореплавания был недалек от завершения, Октавиан не осмеливался ждать. В Риме царил брожение, репутация Секста возросла, и Мецената отправили обратно, чтобы успокоить население. Октавиан в спешке переоборудовал свой поврежденный флот, объехал колонии, чтобы набрать побольше ветеранов, и к середине августа снова был готов к выходу в море. Его новая позиция находилась ближе к Сицилии, в Вибо, в то время как Тавр находился в Сцилациуме, • в тридцати милях к востоку через перешеек суши. Секст, к которому перешел Менас, наблюдал из Мессаны за возможными местами высадки на северном берегу острова.- Новый план Агриппы состоял в том, чтобы занять его, пока Октавиан и Таурис высадились в Тауромениуме на восточном побережье, объединятся с Лепидом и войдут в Мессану с юга. Сначала все шло хорошо. Агриппа добился небольшого морского успеха при Милиях и занял несколько прибрежных городов. Но высадка Октавиана закончилась неудачей. Кавалерия Секста атаковала его на суше, а флот Секста разбил его на море. На мгновение может показаться, что Октавиан отчаялся и умолял друга предать его мечу. Едва удержавшись, он сбежал с одним товарищем на материковую часть Италии, где присоединился к своему лейтенанту Мессале Корвинусу. Он оставил свои легионы под командованием Корнифиция брошенными на Сицилии, он не доверял Лепиду и ничего не знал об Агриппе.

Час был темный, но близился рассвет. Агриппа захватил Тиндарис, ключевую позицию, и Корнифиций присоединился к нему после опасного похода по окраинам Этны. Секст был обречен, потому что со всех сторон вражеские легионы приближались к Мессане. Он испытал свою судьбу на море, и 3 сентября произошло решающее сражение у Милей, когда дредноуты Агриппы благодаря своей превосходящей боевой мощи одолели более легкие помпейские суда. Только семнадцать из последних спаслись в Мессане. Туда бежал Секст, но для него это не могло быть убежищем, и в гражданской одежде со своими немногими оставшимися

кораблями он отступил к Антонию на Восток. Октавиан преодолел предпоследнюю опасность своей юности.

Оставалась еще одна задача поменьше — разобраться с Лепидом и разросшейся армией на Сицилии. Лепид, мировой флюгер, затаил обиду на своего товарища-триумвира, за которую, как казалось его тривиальному уму, судьба теперь предоставила ему шанс отомстить. Он был тем генералом на месте, который принял капитуляцию Мессаны и получил возможность присоединить ее гарнизон к своим собственным силам. Командуя двадцатью-двумя легионами, он попытался диктовать Октавиану свои условия, потребовав Сицилию в дополнение к своей собственной провинции Африка. В его жалобе была доля справедливости, но он был из тех людей, которые, не имея ни твердой цели, ни достоинства характера, допускают бесцеремонное обращение. Его собственные войска предпочли последовать за Октавианом, и он был вынужден броситься к ногам завоевателя. Ему разрешили остаться Верховным понтификом, и в 99 году он удалился в частную жизнь, обогатившись награбленным своим триумvirатом. Легионы были более серьезным делом, и Октавиану пришлось иметь дело с одним или двумя отвратительными мятежами, которые он подавил, распустив двадцать тысяч человек, назначив награды тем, кто остался под знаменами, основав колонии и оказав почести офицерам в звании и без-звания офицеров. Агриппе, архитектору победы, была вручена золотая корона, украшенная носами кораблей, которую он должен был носить во всех триумфальных мероприятиях - новая честь в римском мире.³

II

Положение Октавиана В возрасте двадцати семи лет Октавиан достиг власти, которой прежде в истории не обладал никто, кроме Александра и Юлия. Под его командованием было сорок три легиона, туча кавалерии и шестьсот боевых кораблей. В его ведении находилась вся западная империя — Италия, Иллирия, Африка, галлы и Испания. За ним стояли энтузиазм ветеранов Цезаризма и сочувствие римской черни. Средние классы в значительной степени утратили свои прежние помпейские настроения из-за действий Секста и были удовлетворены возвращением многих тысяч беглых рабов с побежденных флотов.⁴ Благодаря женитьбе на Ливии он вошел во внутренний круг знати, и самые упрямые из аристократов стали видеть в нем единственную надежду на восстановление порядка и мира. Старая Республика исчезла навсегда, но в этом молодом человеке было что-то от древнеримской добродетели. Он с почтением относился к традициям и не стал бы самовольно занимать пост Верховного понтифика даже у дискредитированного Лепида. Он привел множество доказательств того, что ему нравились прежние порядки и что при любой реконструкции в центре внимания будут Рим и Италия. Главнокомандующий армиями Запада был не просто военным демагогом, но тем, кто, хотя и был наследником Юлия, явно нащупывал путь к восстановлению р100

многих вещей, которые Юлий презирал или которыми пренебрегал. Перед нами был строитель моста, который не забывал о необходимости опор в соответствии со здоровыми традициями. Все классы нации поддерживали его, и такие республиканцы, как Статилий Тавр и Мессала Корвин, теперь непоколебимо стояли на его стороне. Более того, вокруг него витала странная атмосфера божественного благоволения. Он благополучно преодолел бесчисленные опасности и одержал победу, несмотря на неисчислимые трудности. Западный мир принял веру Октавиана в свою звезду.

Сенат и народ объединились, чтобы осыпать его почестями, но этот замечательный молодой человек не проявлял особого стремления к почестям. Он получил овацию за поражение от Секста; триумф был невозможен, поскольку кампания была внутренней полицейской работой, а не иностранным завоеванием. У него были обычные статуи и триумфальные арки, а также право, которым обладал Юлий, всегда носить лавровый венок. Более примечательным был его собственный поступок, когда перед своим въездом в Рим 13 ноября он собрал людей за пределами города и рассказал им о достигнутых результатах.⁵ Так вел себя тот, кто считал себя судьей, а не тираном.

Каков именно был его статус де-юре, сказать трудно. Он был триумвиром, но расширение триумvirата было сомнительной законностью. В течение нескольких лет он носил титул императора, но это носило характер унаследованного семейного титула и не имело конституционного значения.⁶ Он сохранял свою власть по общему согласию как фактический наставник, куратор, констебль штата. Но ему была дарована одна привилегия высокого значения — неприкосновенность, которой пользовались трибуны, — привилегия, распространенная два года спустя на Ливию и Октавию. Это не были все полномочия трибуна — они появились только шесть лет спустя, — но они включали личную неприкосновенность и право заседать вместе с трибунами в Сенате. Верный инстинкт подсказывал ему, что он всегда стремился к трибунской власти p101 after the tribunician authority, which gave him not only a much-needed personal protection, but a foothold in the only body from which he might expect serious opposition.⁷

В течение четырех лет Октавиан ставил перед собой кропотливую задачу сделать Италию пригодной для проживания честных людей. Ему было нелегко из-за денег, поскольку Сицилия давным-давно была обескровлена, а Антоний получал доходы с богатого Востока. Тем не менее ему удалось снизить налоги и погасить задолженность по взносам, первоначально введенным триумвирами. Он вернул старым магистратам некоторые полномочия, узурпированные триумвиратом, и разместил свои распущенные войска без дальнейших конфискаций. Строя новые храмы и ремонтируя старые, он оказывал помощь безработным римлянам. Он боролся с разбоем по всей Италии и преступлениями насилия в Риме и с этой целью создал полицию по египетскому образцу. Агриппа в качестве эдила в 33 году до н.э. (теперь он был богатым человеком, женившись на дочери Аттика, друга Цицерона) реконструировал римскую систему водоснабжения и водоотведения.⁸ Внутренние

реформы также не отвлекли Октавиана от задачи охраны своих границ. Статилий Тавр был послан навести порядок в африканских провинциях, а Мессалла - образумить саласси в Валь д'Аоста. Лично он провел кампанию против япидов среди хорватских холмов и лесов, где снискал высокую репутацию за личную храбрость.⁹ Он осадил и захватил Сиссию, главный город паннонцев на слиянии Колпы и Савы, а в следующем году вместе с Агриппой перенес войну в Далмацию. К 33 году до н.э. он, затратив самое скромное количество людей и денег, заключил с римлянами мир по всей побережье восточной Адриатики.¹⁰

Завещание Юлия Но его главной задачей, которая придает этим годам первостепенное значение в истории, было дать возможность Италии обрести свою душу. Он установил свои права на материальное наследство как наследник Юлия; ему все еще предстояло решить, что он может принять из завещания мысли и мечты. О том, что это было за завещание, мы можем только догадываться; нелегко прочесть за размытым палимпсестом первоначальный почерк этого высшего разума; но некоторые черты кажутся ясными. Подобно Александру, Юлий задумал мировую империю, святыней и сердцем которой, но без преобладания, должен был стать Рим. Эта империя была бы ойкуменой, единством цивилизации, ее гражданский статус был бы распространен на всех, кого сочтут достойными, а римское право стало бы ее общим правом. Постоянная армия, которая также должна быть школой гражданского мастерства, и централизованная бюрократия обеспечили бы порядок и справедливое управление. Формы римского города-государства могли в какой-то степени сохраниться как антикварные диковинки, но Юлий с присущим реалистическому складу ума презрением относился к оболочкам, из которых ушла жизнь. Он выступал не за Рим или Италию, а за новую имперскую культуру, которая черпала лучшее не только из латинской традиции, но и из Греции, с Востока, даже из более диких земель Запада и Севера. Во главе этой экономики должен стоять один человек, монарх, каким бы именем его ни называли, единоличный глава армии и бюрократии, высший источник власти. Такое царствование, вероятно, Юлий сделал бы наследственным,¹¹ как простейший способ обеспечить мирное наследование, и, просто в качестве практической выгоды, он окружил бы его чем-то вроде полубожественного очарования восточных тронов; но он имел в виду, что это будет не сатрапия рабов, а ¹² Он стремился сохранить латинскую простоту и жесткий здравый смысл и сочетать их с колоритом и искусством более одаренных воображением народов. Его монархия была бы одновременно римской и эллинистической, и такие разные комментаторы, как Моммзен и Эдуард Мейер, одинаково оправданы. Но это была бы монархия, а не республика; и мы в наши дни, помня историю более поздней империи и на собственном опыте убедившись в хрупкости и неэластичности республиканских форм, вполне можем отдать должное проницательности самого смелого из всех архитекторов империи.

Некоторые из этих предложений Октавиан без колебаний отверг как невыполнимые. Например, царствование; Юлий мог бы добиться этого, но ничто, кроме высочайшего гения, не могло принудить к этому сопротивляющийся Рим. Кроме того, это была игра Антония, и он мог преуспеть только как антитип Антония. Кое-

что из этого он принял и принялся реализовывать на своих условиях — единая армия, централизованное правительство. Некоторые вещи ему не нравились, например, презрение к старым республиканским формам; он считал, что слишком опрометчивые новшества — плохая политика, и он был достаточно буржуа — в отличие от Джулиуса, который был истинным аристократом, — чтобы испытывать непреходящее восхищение старыми домами и старыми обычаями. Но особенно он отличался от теории плоского, непобедимого имперского корабля-гражданина, империи, равной во всех своих частях. Рим должен оставаться направляющим умом, а Италия — центром власти. Логика государственного деятеля, а также чувства провинциала вынудили его к такому взгляду, поскольку у него должна быть точка опоры, с которой он мог бы работать. Мы увидим, как, когда ему представилась возможность, он взялся за решение более широких задач; тем временем, когда его авторитет еще не был поставлен под сомнение, он обратил свои мысли к проблеме Италии — доказательство того, к чему лежало его сердце.

Положение Италии Италия нуждалась как в материальном, так и в духовном возрождении. Она была измучена долгими годами, проведенными в кокпите войны, и почти потеряла надежду и веру. Октавиан поставил перед собой две особые задачи — возродить ее древнюю религию и восстановить прибыль и удобства в сельской жизни. Это был благоприятный момент, поскольку р104несчастье ослабило грандиозность римского темперамента, и широко распространилась реакция на простоту. Умы мужчин возвращались к домашним вещам. Гораций, теперь милостью Мecenата принадлежащий к праздным слоям общества, сменил горечь своих ранних сатир на более мягкий и жизнерадостный взгляд на свою вторую книгу; Варрон изложил экономику и практику сельского хозяйства в учебном пособии; а Вергилий в своей *Георгики* создал эпос о сельской Италии. Хорошо управляемые солдатские поселения превратили бесчисленные маленькие фермы в большие поместья, и независимый мелкий фермер, йомен, самый сильный скот в стране, увеличил свою численность.¹³ Численность сельского населения значительно увеличилась, и сельской жизни было придано новое достоинство как единственной непреходящей вещи в мире перемен. Глубокой пропасти между городом и деревней все еще не было, поскольку у состоятельного-горожанина была своя загородная ферма, а каждый итальянский рынок находился в пределах видимости и слышимости с полей. Новый акцент на ценности итальянской земли затронул как деревенских жителей, так и горожан.

Это возрождение сельской местности включало в себя новый образ жизни и религию. Октавиан не только благочестиво восстанавливал городские храмы; он возродил многие старые обряды и церемонии, запретил отправление некоторых восточных культов и изгнал из Рима греческих и азиатских магов. Он стремился возродить "религию Нума", религию обычаев и чувств, а не вероучения, поскольку мир устал от пыли философских дебатов. Это была религия, привязанная к вещам и местам, к домашним и знакомым "колодкам и камням", полная маленьких дружеских обрядов и добрых мистерий — алтарей, пестрящих цветами и благоухающих зеленью трав, приземистых деревянных изображений Цереры и

Бахуса, увитых гирляндами цветов, множества маленьких домашних божков, больше похожих на домовых, чем на божества. Были и более дикие праздники, когда безумие весны и новолуние проникали в обряды, и серьезные церемониальные события, такие как рождение, смерть и вступление в мужскую силу. В каждом событии этого года религия играла свою роль, ибо сельский итальянец был грубым платоником¹⁰⁵ Но это была упорядоченная и восхитительная жизнь, будь то на простой сельской ферме или на вилле вельможи, жизнь рядом с природой, где каждое время года приносило свои обязанности и удобства — свежесть весны, ароматную жару лета, мягкое довольство осени, тонизирующие зимы, когда град барабанил по ставням, а домочадцам внутри и даже изображениям умерших было уютно в отблесках огня в очаге.

В выполнении этой задачи у Октавиана были августейшие соратники. Вергилий, представленный Поллионом меценату, был теперь в полном блеске общественной благосклонности, и дело итальянской земли было дорого тому, кто сам познал горечь изгнания. *Георгики*, "лучшее стихотворение лучшего поэта", как назвал его Драйден, отчасти являются "итальянскими похвалами", пылким панегириком родине, но это также руководство для новых людей, только вступающих на эту землю, чтобы "показать им путь, которого они не знают". Гораций, тоже выросший в деревне, а теперь сам оруженосец, высказал ту же мораль более острым пером, ибо он был в такой же степени моралистом, как и поэт. Он не только восхваляет деревенскую простоту, но и едким тоном напоминает римлянам об их долге перед богами.¹⁴ Оба человека видели в Октавиане провозвестника более благородного мира и толковали его мысли римскому народу и ему самому.

III

Парфянская война Тем временем Антоний следовал своим собственным курсом на Востоке как независимый и несколько враждебный правитель. Когда он покинул Италию осенью 37 года до н.э., это было для того, чтобы отправиться в давно задуманный им парфянский поход. Для этого ему нужны были деньги, и он не мог получить их ни из какого другого источника, кроме Египта. Клеопатра могла предоставить мало войск, поскольку у нее была только дворцовая стража, но у нее была хорошо набитая казна. Ее не интересовала парфянская война, но она была верна главной политике своей жизни - восстановлению Египта в том положении, которое он занимал при первых Птолемах, и чтобы достичь этой цели и заручиться помощью Антония, она должна была заплатить его цену. Она встретила его в Антиохии ранней весной 35 года до н.э., стр. 106и, испытав отвращение к Октавии, он полностью подпал под ее чары. Теперь, наконец, он стал преданным любовником. Он признал близнецов, Александра Солнце и Клеопатру Луну, которых она ему родила, и передал ей Кипр, часть Сирии и другие старые владения Египта в качестве первого взноса своей сделки. Он еще не женился на ней публично, но теперь об их тесном союзе было объявлено всему миру.¹⁵

Антоний не принял план кампании, который восемнадцать лет назад привел к гибели Красса. Он не мог позволить себе быть втянутым в затяжную войну, когда ситуация в Италии была столь опасной и запутанной. У него были перед глазами планы Юлия, суть которых заключалась в нападении на столицу Парфян, Экбатану, через Армению в качестве передовой базы, и соответственно он собрал свои десять легионов и десять тысяч всадников в Зевгме на Евфрате и повернул на север вдоль правого берега этой реки. Но план, который Юлий разработал для длительной кампании и достаточных сил, провалился, когда его привели в исполнение в спешке с недостаточным количеством войск. На высоком плато Эрзерума к нему присоединились его резервы, и он произвел смотр армии численностью более ста тысяч человек. Его первой целью была мидийская столица Фрааспа, которой он достиг примерно в середине августа и которую быстро осадил. Но, разделив его силы, парфяне смогли уничтожить часть из них, его разведывательная служба была неисправна, его армянские союзники подвели его, и, поскольку о зимней осаде не могло быть и речи, он был вынужден отступить. Он мудро выбрал трудный маршрут через горы Тебриза и после двадцати семи трудных дней, в течение которых проявил всю свою былую стойкость и находчивость, перевел своих орлов через Аракс. К концу года остатки его р107 были в безопасности в Сирии, потеряв более двадцати тысяч человек. Он сообщил Риму о победе, в которую поверили лишь наполовину. Первая попытка завоевания Парфии катастрофически провалилась.

Клеопатра встретила его на обратном пути с запасами еды и одежды, и остаток зимы он провел с ней в Александрии. Ранней весной 35 года до н.э. Октавия, узнав о его затруднениях, сочла своим долгом присоединиться к нему, но в коротком послании от него ей было приказано немедленно возвращаться в Рим. Верная своему представлению о роли жены, она осталась в Афинах, несмотря на неодобрение Октавиана, заботясь о детях Фульвии, а также о двух своих собственных дочерях. Тем временем в Александрии двое пожилых любовников — Антонию было по меньшей мере сорок-шести, а Клеопатре на десять лет моложе — приводили свои цели в соответствие. Царица Египта была не на шутку-довольна поражением парфян, поскольку оглушительный успех сделал бы Антония независимым от нее и возродил бы его престиж в Риме, и она желала, чтобы он был вынужден надеяться только на нее в осуществлении своих надежд. Его план грандиозного завоевания Востока медленно развеивался в воздухе. Он, без сомнения, намеревался снова войти в Армению летом 35 года до н.э., но беженец Секст Помпей натворил дел в Азии, прежде чем его выследили и убили, что подорвало популярность Антония среди помпеянцев в Риме. Только в 34 году до нашей эры он захватил Армению и сделал ее римской провинцией — бесплодное завоевание, не принесшее ему особой славы. Тем временем в Александрии Клеопатра придавала ему облик восточного сатрапа.

Цель Антония Какова была теперь цель Антония, ибо, хотя он и превращался в воск в руках женщины, одна роль любовника не могла его удовлетворить? Клеопатра с самого детства, обладая ясным взглядом человека, чьи страсти всегда были

подчинены ее амбициям, понимала, что, если не удастся восстановить что-либо от старой империи Птолемеев, Египет обречен на гибель. Это восстановление могло быть осуществлено только с помощью римских легионов, и повелителю этих легионов она предложила в качестве взятки не только свою персону, но и богатый и Антоний долго сопротивлялся искушению. Он хорошо понимал, как трудно было бы сделать римских солдат орудиями такого плана; это были люди Запада, последней надеждой которых были наделы италийской земли. Но судьба вынуждала его последовать за Клеопатрой. Неудача в Парфении лишила его престижа завоевателя. Октавиан вел свою игру так искусно, что привлек на свою сторону большую часть Италии. Во многих отношениях молодой человек пренебрег интересами своего товарища по триумву; он опозорил Лепида под свою личную ответственность; он не поделил с Антонием провинции, возвращенные Сексту; он не послал ему оговоренные италийские контингенты; тарентский договор был нарушен. Запад подводил Антония, поэтому он волей-неволей должен был обратиться к Востоку. Была также его любовь к Клеопатре, страсть руэ средних лет к чему-то высшему, чем просто привлекательная плоть, к живому уму и непобедимому духу. Вполне вероятно также, что годы тяжелой жизни несколько притупили его разум. Он стал более пассивным существом, склонным к ярким мечтам, а не к суровому римскому реализму.¹⁶

Новости из Египта Он объявил о своем избрании, и осенью 34 года до н.э. в Александрии произошли странные события. Антоний отпраздновал триумф своей армянской кампании — прямое оскорбление Рима.¹⁷ Пробыл час Клеопатры. Она восседала на высоком золотом троне, заняв место римского Юпитера Оптимального Максимального, чтобы принимать в дар пленников. Еще более пышной была следующая церемония, когда она сидела рядом с ним в одеянии Исиды, а чуть ниже - их трое детей, Птолемея, Клеопатра и Александр, и юный Цезарион. Антоний обратился к народу, заявив, что Цезарион - законный сын Юлия, и приветствовал его как царя царей, а его мать - как царицу царей. Затем последовало то, что известно как Пожертвования Александрии, в результате которых Александру были отданы Армения и все земли к востоку от Евфрата; Птолемею - Сирия и Киликия, а также кораблю повелителя Азии; и Сам триумвир оставался просто Марком Антонием, но это было для римлян; для восточного мира он был Дионисом-Осирисом, супругом богини-царицы Египта. Но тот факт, что он взял на себя создание королей, является ключом к разгадке его истинных амбиций. Он фактически провозгласил себя римским императором, а Клеопатру - своей императрицей, исполнив пророчество о том, что, повергнув Рим в прах, она снова вознесет его до небес, объединит Восток и Запад и положит начало Золотому веку.¹⁸

Антоний сыграл в игру Октавиана. У последнего были свои претензии к нему: несанкционированная оккупация Египта, казнь Секста, глубоко оскорбившая чувства римлян, его обращение с Октавией, его раздача чужеземцам римских земель. Но что ранило глубже всего, так это то, что он опозорил память Юлия, признав Цезариона. В римском обществе к Антонию испытывали старую нежность, и многие сенаторы были его сторонниками. Но к Клеопатре не было нежности. То,

что женщина с востока осмелилась командовать римскими армиями и править римскими землями, задело гордость Рима за живое. Более того, существовал затаенный страх перед призраком, который долгое время преследовал западный разум, перед господством Востока и переносом мировой власти с Тибра на Нил. Страстные строки поэтов показывают, насколько живым был этот страх.¹⁹ Октавиан понимал, что его политика должна заключаться в том, чтобы способствовать этому всеми средствами пропаганды. Антоний строил флот; последняя битва не могла надолго затянуться.

Темп событий ускорился в 33 году до н.э., в год второго консулата Октавиана. Он неуклонно укреплял свою репутацию благодаря успехам в пограничных войнах и внутренним реформам, и в том же году он получил от Сената почетное разрешение создавать новые патрицианские семьи для замещения священства — доказательство его признания консерваторами.²⁰ стр. 110 Он был занят завершением своих второстепенных кампаний и собиранием сил для окончательного арбитражного решения. Тем временем Антоний, совершив поход к Араксу и заключив бесполезные соглашения с мидийским царем, сосредоточивал свои силы в Эфесе, где Клеопатра присоединилась к нему с военным-сундуком примерно в четыре миллиона фунтов стерлингов. На протесты Октавиана он отвечал оскорбительными репликами. У него хватило смелости отправить депутацию в Рим с требованием одобрения Сенатом его действий в Египте. Консулами 32 года до н.э. были антонианцы Гай Сосий и Домиций Агенобарб, и они подавили это послание. Но Сенату они сообщили новость о том, что Антоний считает, что срок полномочий триумвирата истек в последний день 33 года до н.э., и не желает его возобновления. Без сомнения, он надеялся вынудить Октавиана согласиться и не оставить его без юридической поддержки его необычных полномочий.²¹

Но теперь спор зашел дальше юридических вопросов. Из Египта приходили зловещие слухи. В начале 32 года до н.э. Октавиан напал на Антония в Сенате, и консул Сосий яростно ответил и выдвинул бы против него ходатайство, если бы один из трибунов не наложил вето. Вскоре оба консула бежали к Антонию, и Октавиан объявил, что все, кто пожелает, могут поступить так же, в результате чего около-трети сената отбыло на Восток. Это доказательство антонианских настроений в Риме убедило его в том, что его мудрым решением было направить общественную вражду против Клеопатры, а не против Антония. Планк, бывший приспешник Антония, прибыл из Египта, чтобы перейти на другую сторону, и снабдил его достаточным материалом для такой пропаганды. У Клеопатры была телохранительница из римских солдат; Антоний ходил рядом с ней в окружении ее евнухов; он носил египетские одежды и оружие и играл роль в религиозных рясах, ненавистных римскому духу. Затем, в мае, пришло известие, что Антоний развелся с Октавией²² и был публично р111женат на египетской царице. В чувствах римлян возникло сильное отвращение, бывшая нежность к Антонию угасла, и страх перед этой восточной ведьмой, которую беззастенчиво клеветали агенты Октавиана, овладел умами людей. Планк также принес известие о завещании Антония, переданном на хранение девственницам-весталкам, и это завещание

Октавиан изъял и опубликовал — единственный случай, когда он нарушил религиозный обычай. Он подтвердил законность Цезариона, передал огромное наследство детям Клеопатры и предусматривал, что его тело должно быть похоронено рядом с ней в Александрии в царском мавзолее.²³ Естественным предположением было то, что Антоний намеревался перенести столицу империи в Египет. Народный гнев вынудил Сенат вмешаться. Он был лишен своего империума и смещен с поста консула 31 года до н.э., на который он был избран. Поздней осенью, во время торжественной церемонии в сопровождении отцов-призывников, Октавиан, как фетиальный жрец, объявил войну перед храмом Беллоны. Но только против Клеопатры; ибо было необходимо усилить общественное негодование против иностранки, а Октавиан уже в 36 году до нашей эры объявил об окончании гражданских войн.²⁴ Проблема стояла не между Октавианом и Антонием, а между Римом и египетской царицей, между Западом и Востоком.²⁵

Клятва верности У историков вошло в моду описывать положение Октавиана в тот момент как шаткое, но на самом деле у него уже была рука мастера. Во-первых, из-за его конституционного статуса. Номинально он все еще был триумвиром с сомнительной юридической санкцией, но он мудро не полагался ни на какие такие полномочия. Это было время революции, когда приятные юридические различия не имели смысла, и командующий легионами вернулся к власти, которая всегда подразумевалась в Республике, к власти куратора р112и констебля государства. Ранней осенью — возможно, по совету Мецената — он решился на смелый шаг и призвал весь западный мир, сенаторов, войска и гражданских лиц, присягнуть ему на верность и провозгласить его своим лидером в борьбе против Антония. Бизнес был тщательно организован, но клятва была добровольной; Бонония как старый город-клиент Антония была освобождена от нее, но даже собственные колонисты Антония подписались.²⁶ Это был беспрецедентный поступок, но он соответствовал римской традиции и в сочетании с его третьим консулатским кораблем в 31 году до н.э. за ним стояли как сенат, так и народ. Но это имело также жизненно важное значение для будущего, поскольку означало не только слияние цезарианской и республиканской партий, но и учреждение новой политической машины, формы единоличного-господства человека, которая не имела никакого отношения к восточному типу правления. Триумvirат был уничтожен, и Октавиану были предоставлены "императорские возможности", право командовать без ограничения функций или времени. Это был ответ Рима на не-римские действия Антония. Колесо совершило полный оборот. Против военной узурпации теперь был выдвинут обвинение старому духу республиканского Рима. Это было началом "цивилитас", того уважения к общественному мнению и республиканским традициям, которое должно было характеризовать империю.²⁷

Это также было доказательством зарождения "аукторитас", той личной власти, которая в гораздо большей степени, чем любое юридическое или конституционное устройство, была истинным секретом его более поздней власти. За двенадцать лет этот молодой человек завоевал исключительный авторитет. Он унаследовал очарование Джулиуса и использовал его для создания чего-то нового. Он

интерпретировал свое наследие как обязанность служить людям — стр. 113 дворянство обязывает; но он также интерпретировал это как обязанность ничего не бояться — дворянство не допускает запугивания. Он был удивительно терпелив и сдержан, и он был удивительно смел. Антоний мог аннексировать атрибуты эллинистической монархии, но Октавиан позаимствовал у нее нечто более глубокое, что было в новинку в Риме, — концепцию царя как спасителя и отца. От гомеровского Агамемнона, "пастыря своего народа", концепция проходит через всю греческую историю, через Платона, ораторов и эллинистических царей, а затем через Августа к византийским императорам — видение монарха, главным атрибутом которого должна быть любящая доброта, проявляющаяся в добрых делах.²⁸

Противоборствующие силы Если позиция Октавиана теперь была неприступна с точки зрения престижа, то с военной точки зрения она также была намного сильнее. Антоний располагал большими финансовыми ресурсами, поскольку Октавиан был беден и вынужден был прибегнуть к непопулярному новому налогообложению, но во всех других отношениях его противник превосходил его. У Октавиана была верная и компактная армия, а в лице его -главнокомандующего Агриппы - лучшего солдата своего времени. Вокруг Антония был кружокримских беженцев, безнадежно разделившихся во взглядах, и у него была неловкая компания Клеопатры. У него были последователи-короли-клиенты,²⁹ которые в лучшем случае были нерешительными и боялись бросить вызов Риму. За его спиной были Греция, Македония и Фракия, Египет, Кирена и острова Эгейского моря, но у Октавиана на Западе был лучший рассадник людей. Тщетно Антоний пытался своей пропагандой заручиться лояльностью Италии. У него был флот примерно из пятисот линейных кораблей, большинство из которых были новыми и тяжелыми судами,³⁰ и у него было девятнадцать римских легионов — общей численностью более шестидесяти тысяч человек - и около восьмидесяти тысяч азиатской конницы и пехоты. Для встречи с ним Октавиан мобилизовал не все свои силы — не более восьмидесяти тысяч пехотинцев и двенадцати 114тысяч кавалерии и, возможно, четыреста кораблей, — поскольку он не переоценивал своего врага. План кампании Антония состоял в том, чтобы занять оборону в Греции, поскольку он считал, что Октавиан не осмелится медлить, но должен быть вынужден атаковать в невыгодном положении. Для многих было загадкой, почему он предоставил инициативу своему врагу, когда вторжением в Италию в 32 году до н.э. он мог застать Октавиана в трудный час. Но у Антония не было выбора. Он не мог взять Клеопатру с собой через Адриатику, а Клеопатра не позволила бы ему отправиться без нее. Кроме того, его базой была Малая Азия, и ему пришлось сосредоточить свои силы для защиты Египта. Сосредоточить армию и флот и повести их в Италию в 32 году до н.э. было бы задачей, неподвластной самому Юлию.³¹

Actium В кампании Actium основные характеристики ясны, но многие детали неясны, и объяснения должны носить предположительный характер. Подобно Египту и Филиппам, это было решающее событие в истории, но, как и эти действия, его военный интерес невелик. Путешественник, отправляющийся на лодке с острова Корфу к Амбракийскому заливу и обзирающий его сияющие просторы, окруженные рыжевато-коричневыми холмами и голубыми Этолийскими горами, не получит нового просветления от своего осмотра. Загадка Actium кроется не в деталях сражения, а в умах сражающихся.

К поздней осени 32 года до н.э. войска Антония располагались вдоль западного побережья Греции от Коркиры (Корфу) до Метоны на крайней юго-западной оконечности Пелопоннеса. Большая часть его армии находилась на зимних квартирах в Акцииуме, южном полуострове у входа в Амбракийский залив, а в самом заливе находилась главная сила его флота. Он и Клеопатра устроили свою штаб-квартиру в Патрах, в устье Коринфского залива. Припасы могли доставляться только египетскими кораблями, и это объясняет, почему было сдано северное побережье и Эгнатийская дорога, а вместе с ними и лучшие коммуникации с Македонией и Востоком. Контингенты в Левкасе и Метоне были необходимы для защиты маршрута из Египта.

Этот факт определил первоначальную стратегию Октавиана. Он сосредоточил свои силы в Брундизии и Таренте и в начале 31 года до н.э. переправился в Грецию; почему Антоний не предпринял никаких попыток помешать ему, является одной из второстепенных загадок кампании. Меценат остался главным в Риме, а Октавиан забрал с собой всех сенаторов и всадников, которые могли бы наделать неприятностей в Италии. Чтобы прикрыть высадку, его адмирал Агриппа атаковал египетский караван кукурузы на юге, захватил Метону и убил ее командира, Богуда Мавританского. Октавиан благополучно добрался до Эпира и быстро двинулся на юг в надежде застать Антония врасплох в Амбракийском заливе. Но последний, встревоженный действиями Агриппы, поспешил к заливу, где обнаружил, что вход надежно перекрыт его кораблями, и укрепил сильную позицию на Актианском полуострове. Октавиан, потерпев неудачу в своей попытке нанести неожиданный удар, занял позицию в Микилици на холмах на северной стороне, недалеко от того места, где впоследствии был построен город Никополь, и соединил свой лагерь стенами и укреплениями со своей гаванью в заливе Комарус. Когда прибыли его резервы, Антоний попытался навязать сражение, пересек пролив и разбил свою армию лагерем • в двух милях к югу от Октавиана, одновременно направив свою кавалерию широким ударом на север, чтобы перекрыть врагу доступ к воде. Но он счел блокаду невозможной, так как не мог удерживать линию • длиной в пять миль, его кавалерийский маневр провалился, и он был вынужден отступить к Акцииуму. Теперь он был не блокадником, а объектом блокады, поскольку Агриппа разрушил его морские коммуникации. Он захватил сначала Левку, а затем Патры, и из Египта больше не поступало зерно.

Жаркое лето тянулось, и с каждым днем положение Антония становилось все более неуютным. Легионы и команды Октавиана находились в здоровых помещениях, но войска Антония были ослаблены малярией и находились на голодном пайке. Последний был вынужден привозить продовольствие из восточной Греции по горным тропам Этолии.³² Что еще хуже, участились случаи дезертирства p116, а казни подозреваемых дела не исправляли. Аминта передал Октавиану две тысячи галатийской конницы;³³ Домиций Агенобарб, теперь смертельно больной, последовал его примеру; то же самое сделал Деллий, которого, по слухам, считали любовником Клеопатры. Его силы быстро выходили из-под контроля, и все лето в его советах бушевали споры. Клеопатре эта кампания нравилась так же мало, как и парфянская война, поскольку, если Антоний победит Октавиана и с триумфом войдет в Рим, он исчезнет из ее поля зрения; но она не была глупой, и трудно поверить в предательство, которое приписывает ей Иосиф Флавий,³⁴ или в историю Ферреро о ее коварном мастерстве.³⁵ Канидий Красс бросил бы корабли, заманил Октавиана в Македонию и дал бы последнюю битву на суше — невыполнимый план при тогдашнем состоянии войск Антония. Клеопатра хотела использовать флот и проложить себе путь к отступлению; если они преуспеют, хорошо, если нет, она и Антоний смогут, по крайней мере, сбежать в Египет, перевооружить свои армии и защитить Восток от Октавиана.³⁶ Ее совету последовали, и в последние дни августа Антоний завершил свои приготовления. Дезертир проинформировал Октавиана об общем плане, хотя и не посвятил в некоторые секретные детали, и он соответствующим образом распределил свои действия.

Сначала он надеялся избежать сражения. Он предложил позволить антонианскому флоту очистить проливы, а затем перестроить его, полагая, что вид Антония, бегущего в Египет, приведет к массовому дезертирству. Но Агриппа настаивал на том, что битва неизбежна, поскольку маловероятно, что его более легкие суда смогут настичь чудовищ Антония под прикрытием парусины. После кампании против Секста ситуация изменилась, и Октавиан сменил свои тяжелые дредноуты на более мелкие и управляемые суда.³⁷ Последние дни августа были штормовыми, но утро 2 сентября выдалось ясным и погожим, с моря дул обычный легкий бриз. Летом на этих побережьях ветер меняется во второй половине дня и с некоторой силой дует с северо-запада. Этим Антоний намеревался воспользоваться; это могло позволить ему отделить флот Октавиана от его сухопутной базы, а в случае неудачи это ускорило бы его собственное отступление. Он сжег все корабли, которые ему были не нужны, а на оставшиеся погрузил около половины своей армии, в то время как отряду Клеопатры доверил свои сундуки с сокровищами. Сам он командовал своим правым крылом, а Сосий - левым, в то время как Клеопатра находилась в тылу его центра.

Бегство Антония Рано утром 2-го Октавиан вышел в море, сам взяв на себя командование своими правыми эскадрильями, в то время как Агриппа, который также был под общим командованием, возглавил левое крыло и столкнулся с Антонием. Он занял позицию чуть менее чем • в миле от входа в пролив и налег на весла. Незадолго до полудня появился флот Антония, и они вдвоем подождали, пока

ветер переменится. Когда этот момент настал, войска вступили в бой. Что последовало за этим, неясно, за исключением того, что Антоний и Агриппа вступили в горячую схватку и что более легкое судно последнего справилось с дредноутами Антония так же, как Дрейк в Ла-Манше справился с левиафанами Испанской армады. На обоих флангах борьба складывалась для Энтони неудачно, и на обоих он был в опасности быть обойденным с флангов. Дезертирство и капитуляция, похоже, начались в его центре, когда внезапно он покинул свой флагманский корабль на галере и присоединился к Клеопатре, которая поднимала паруса. Кто первым подал сигнал, неизвестно, но план был согласован заранее как последнее средство на случай поражения. Когда флот Антония увидел, что его командир обращается в бегство с египетскими кораблями, сила сопротивления была сломлена. Некоторые суда вернулись в гавань, а остальные сдались или были уничтожены. Октавиан, удивленный этой неожиданной и коронной милостью, всю ночь прождал в море, спасая людей с горящих корпусов, а утром вернулся в залив, чтобы выяснить там ситуацию. Он обнаружил, что сопротивление быстро тает. Флот ушел, но в течение нескольких дней армия под командованием Канидия удерживала позиции; но дезертирство ее полководца сломило ее дух. Вскоре Канидий бежал к Антонию в Египет, а легионы сдались Октавиану, некоторые были расформированы и отправлены to Italy, while the rest were incorporated in his own army.³⁸

Поражение Антония было непоправимым. Его собственная армия, Рим и весь западный мир отвернулись от него. Его цари-клиенты и сама Клеопатра были готовы оставить его. После Акции греческие города сразу сдались, за исключением Коринфа, который был взят Агриппой. Октавиан перезимовал в Афинах, а в январе 30 года до н.э. по просьбе Агриппы в ненастную погоду переправился в Брундиций и уладил проблему с распущенными солдатами и разоренными землевладельцами, пообещав им выплату из египетских сокровищ. Его следующей задачей было заполучить это сокровище и свести счеты с Антонием и египетской царицей. Пурпурные паруса флагманского корабля Клеопатры благополучно доставили Антония на Восток, но там он обнаружил, что его последняя надежда исчезла. Его легионы в Кирене отреклись от него и присоединились к легату Октавиана Корнелию Галлу. В Александрии он впал в глубокую меланхолию и лениво слушал о галантных планах Клеопатры захватить серебряные рудники Испании или уплыть далеко на рассвете и основать новую индийскую империю. Добродетель покинула его. Он отправил послов к Октавиану, чтобы выдвинуть условия, но Октавиан не дал ответа. Затем, в июле, когда кавалерия последнего была уже близко, он предпринял одну отчаянную попытку защититься. Его войска покинули его, и, когда он получил ложное известие о смерти Клеопатры, он пал на свой меч и, смертельно раненный, умолял отвести его в царский мавзолей, где она была уединена. Там он умер у нее на руках, к бесконечному облегчению своего победителя. Октавиан вычеркнул его из своего кругозора, и теперь он удачно удалился от мира.

Последний акт драмы был мрачным, кульминацией которого стал час романтики. Октавиан спокойно откликнулся на мольбы Клеопатры, поскольку хотел сохранить р119ее жизнь, чтобы украсить свой триумф. Это стало бы для Рима окончательным

доказательством того, что опасность с Востока миновала. В римском характере было мало рыцарства. Когда он встретил ее в Александрии, она попыталась тронуть его страстными призывами к памяти Юлия, но он слушал, опустив глаза, и ничего не говорил. Он не был склонен к патетике. Он приказал доставить ее во дворец и держать под строгой охраной. Теперь она знала свою судьбу и встретила ее как королева. Октавиан казнил двух мальчиков, шестнадцатилетнего Цезариона и Антиллу, сына Антония от Фульвии, который был на два года младше. Это был его последний акт публичной жестокости - политической, потому что, пока они были живы, они ставили под угрозу основы его власти. Она поняла, что к ней он будет не менее безжалостен. Аспид, божественный посланник-бога Солнца, был принесен ей в корзине с зеленым инжиром, и когда Октавиан, предупрежденный ее письмом, поспешил в ее покои, он обнаружил ее лежащей мертвой — в мантии и короне - рядом с ее служанками Хармионой и Ирас. Он был доволен, потому что она решила за него трудную проблему. Он позволил похоронить ее рядом с Антонием и устроил верным служанкам великолепные похороны.³⁹

V

Характер Антония Смерть Антония, когда он "не трусливо" снял шлем, была превращена гением Шекспира в момент высокой драмы. Но по-настоящему он распрощался с жизнью, когда поднялся на борт галеры Клеопатры. Фотография, на которой он сидит на корме, опустив голову на грудь, беженец с иностранкой, показывает крушение его характера и его надежд. На короткое время он был проклят в Риме; его статуи были ниспровергнуты, а его имя вычеркнуто из летописей; Вергилий, возможно, заимствовал от него разбойника Какуса из *the Aeneid*.⁴⁰ Но Рим не мог долго лелеять вражду против человека столь человеческого и во многих отношениях столь типичного римлянина. Август вернул его в Фасти, и три последующих императора гордились тем, что в них текла его кровь. В его характере, как и в лице, не было симметрии. У него были замечательные таланты, но они были плохо согласованы-, и его бурная душа пребывала в постоянном нарушении равновесия. Каждая из его добродетелей — а их было немало — была сведена на нет каким-нибудь безудержным пороком. С непоколебимой решимостью и хладнокровным, закаленным мужеством Октавиана его яркие и импульсивные качества не могли соперничать. В нем он нашел своего вечного антитипа, и прорицатель в пьесе Шекспира верно предупредил его:

Твой демон — это твой дух, который хранит тебя, —
Благороден, отважен, высок, несравним,

Там, где нет духа Цезаря; но рядом с ним твой ангел

Становится страхом, поскольку он наделен властью.

Он - классический пример второсортного человека, которому предложили первоклассную судьбу, и который, спотыкаясь вслед за ней, теряет свой путь в мире.

Клеопатра Клеопатра давно вышла за рамки клеветы, которой очернял ее репутацию перепуганный Рим, — даже проклятий великих поэтов, чья ненависть дарует нежеланное бессмертие. Дань уважения Хармион, "девушка, не имеющая себе равных", является приговором всего мира. Она стоит рядом с Еленой Троянской как одна из двух женщин, чье влияние на сердца мужчин стало легендой и символом. Но распространенное представление о ней как о мученице любви, смертной Афродите, не отдает должного ее душевным силам. Для Египта она была мудрой и способной правительницей, и в Египте долго хранили память о ней. Коптский епископ седьмого века мог бы сказать о ней как о самой выдающейся представительнице своего пола, "великой в себе и в своих достижениях". Она была известной деловой женщиной, основала промышленность и руководила ею, а также организовала снабжение армии и флота Антония. Если она написала книгу о косметике, ей также приписывают работы по чеканке монет и мерам веса. Она была другом р121таких философов, как Филострат платонист и Николай Перипатетик. У нее была такая ясная и прекрасная отвага, что ни один мужчина или женщина никогда не заставляли ее бояться. Увидев, как рушится судьба Антония, она не отчаялась, но боролась до конца и приветствовала смерть только тогда, когда все было кончено. Несмотря на то, что в ней было много землистого шлама, она все же была-в высшей степени созданием "огня и воздуха".

Легко отмахнуться от ложной Клеопатры, но об истинной можно только догадываться, поскольку материал для обоснованного вердикта утрачен. Если бы мы могли знать, что Юлий думал о ней, мы были бы в лучшем положении, поскольку, вероятно, Юлий во многом вдохновлял ее политику и был единственным мужчиной, который когда-либо пленил ее разум и сердце. Ее главная цель ясна. Она была наследницей Александра и, как мы видели, стремилась восстановить монархию Египта с помощью Рима. Но в ней было нечто большее, чем просто династические амбиции, ибо у нее были "бессмертные стремления". Она была пророчицей древней культуры, которая, по ее мнению, была обречена без ее помощи. От Юлиуса она, возможно, почерпнула идеал империи, которая должна была стать настоящим товаром человечества и в которой были бы гармонизированы все старые культурные наследия. Месяцы, проведенные в Риме, убедили ее в жестокости и ограниченности римского характера, и общение с Антонием и его друзьями не уменьшило ее неприязни к его грубости. Она бунтовала против римского мещанства, которое могло раздавить колесами своей колесницы множество древних и прекрасных вещей и свести к коммерческому единообразию бесконечное разнообразие мира, который она любила. Достоинства итальянского темперамента были скрыты от нее, и она видела только его вульгарность. Она отстаивала эллинизм и что—то еще — что-то, что понимал только Юлий, - странные и удивительные вещи, произошедшие от первобытных монархий на азиатских и африканских просторах, тайные знания, для обозначения которых в латыни не было идиомы:

Неугасимый огонь под ветвями
хризоберилла, берилла и хризолита,
хризопраза, рубина и сардоникса.

Если таково было ее кредо, история может вынести суждение о р122ее неудаче. Она придерживалась ублюдочного эллинизма, а ее концепция мировой империи была причудой. Мрачная красота великой эпохи Греции ушла из мира, и драгоценное, - подобное пламени ее духа, было заменено пламенем низменных алтарей. Эллинистическое вытеснило эллинское. Простоту и аскетизм древней Греции следовало искать в Италии, а не в Египте, с его кричащим, перегретым двором, его педантичными университетами и раболепными народами. Александрии было мало чему научить Рим. Непреходящее наследие Востока должно было появиться полвека спустя не от изнеженных преемников старых монархий, а с голых палестинских холмов. Что касается мечты о пригодной для жизни земле, мирной под властью вселенской империи, мечты Александра, Юлия и Клеопатры, движущая сила для ее реализации должна исходить с Запада, где люди все еще могли быть дисциплинированными и свободными. За холодным фасадом Октавиана скрывались дальновидность, воля и могущество.

Примечания автора:

¹ Агриппа также изобрел новый тип рейсфлюсера и складную деревянную башню.

Примечание Тайера: Аппиан, *B. Civ.* V.118; Сервий, *ad Virg. Aen.* VIII.693.

² Это дата Аппиана (V.97); Дион относит начало кампании к весне.

³ Об этой "классической короне" см. Рейнгольд, *соч. cit.*, 42-3.

Примечание Тайера: Более доступно в статье **CORONA** в словаре Смита.

⁴ 30 000 согласно *понедельнику* против. 1-3.

⁵ ДιοXLIX.15.

⁶ См. по этому поводу С. А. Н. X.122 н. Армии уже четыре раза провозглашали его императором обычным способом — в 43, 40, 38 и 36 годах до нашей эры

⁷ Грант не обладал политическими полномочиями трибунской власти, "auxilii latio", "coercitio" и "intercessio".Аппиан (V. 132, 548°), за которым следует Орозий(VI.18.34), предполагает предоставление в 36 г. до н.э. полной "tribunicia potestas" пожизненно, но Дион(,,) XLIX.15.5-6) дает понять, что трибунская власть постепенно приобреталась Октавианом, как и Юлием. См. *Mon. Anc.* (изд. Харди), 42; Райс Холмс, I.221-2; Никколини, "*Трибунато плебея*" (1932), 159 кв.

⁸ Подробнее см. Рейнхольд, *указ. соч.*, 47-52.

⁹ Плиний *Н. Х.* VII.148; Свет. *Див. август.* 20.

¹⁰ Ответственными за проведение кампаний являются App. *Иллир.* 13, 15-28 и DioXLIX.34кв. Об альпийской кампании см. Э. Паиса, "*Далекий военный поход Цезаре Аугусто*" (1918), стр. II, 375-413; об иллирийской войне см. Н. Вулич в "*Акрополе*" (1932), VII.155 кв.; Свобода, "*Октавиан и Иллирик*" (1932); и Г. Вейт, "*Фельдъегерская работа*". . . *Октавиан в Иллириене* (1914).

¹¹ К моменту своей смерти он, возможно, так и не принял никакого решения по этому вопросу. *Ср.* Plut. *Брют.* 7.

¹² Это естественный вывод из *Cic.ad Fam.* XII.17.

¹³ Об истинном статусе итальянского йомена см. Тенни Фрэнк, *Аспекты социального поведения в Древнем Риме*, глава III.

¹⁴ например, Сб. II.2.103.

¹⁵ Дата официального брака Антония с Клеопатрой по египетским обрядам оспаривается, поскольку древние источники расплывчаты. Кромайер (*Hermes*, XXIX.582-4), Ферреро (IV.264) и С. А. Н. (X.66) относят это к началу 35 г. до н.э., в то время как Гардтхаузен (*N. J. cl. Alt.* XXXIX, 1917, 161 кв.) приводит доводы в пользу 32 г. до н.э., после развода Октавии, и Райс Холмс (I.227-31), похоже, склоняется к той же точке зрения, основанной на общих вероятностях и свидетельствах Плутарха, Евтропия, Евсевия и монет.

¹⁶ Таково было мнение Сенеки — "великий человек обратился к не-римским обычаям из-за своей любви к выпивке и Клеопатре". *Ep.* 83.25.

¹⁷ Ср. Буше-Леклерк, *История. des Lagides*, II.274.

¹⁸ Ср. С. А. Н. X.80-83 и приведенные там авторитетные источники.

¹⁹ См. особенно Virg. *Aen.* VIII.685-8, 705-6; Гор. *Эпод.* IX.2; и Овидий, *Met.* 15.826.

²⁰ Дио XLIX.43.

²¹ Дата истечения второго срока полномочий триумvirата с тех пор, как Моммзен стал предметом многочисленных научных споров, которые рассматриваются Райсом Холмсом, II.231-45.

²² Ливий, *Эпит.* 132; Plut. *Ant.* 57; Дион L. 3.

²³ Suet. *Сало.* 17; Plut. *Ant.* 55. Ростовцев (*Соц. и экон. История рим. Empire*, 29) считает это завещание подделкой; но его точка зрения противоречит древним авторитетам и — как мне кажется — вероятности данного случая.

²⁴ Дион L. 6. Светоний (*Див. август.* 17) говорится, что Антоний был объявлен врагом общества.

²⁵ "omnigenumque deum monstra et latrator Anubis | contra Neptunum et Venerem contraque Minervam | tela tenent." Virg. *Aen.* VIII.698-700.

²⁶ "juravit in mea^o verba tota Italia sponte sua . . ." Пн. *Анк.* V.3-6; Дион L. 6; Сало. *Див. август.* 17. О различных взглядах на этот вопрос см. Каспари, *C. Q.* V(1911) 230 кв.,^o и Райс Холмс, II.247-51.

²⁷ Cf. Suetonius of Augustus, "clementiae civilitatisque ejus multa et magna documenta sunt" (*Div. Aug.* 51), and of Claudius, "in semet augendo parcus atque civilis" (*Div. Клод.* 12); также Тертуллиан (*Апол.* 2), "hoc imperium, cujus ministri estis, civilis, non tyrannica, dominatio." О важности клятвы см. Леви, *Оттавиано Капонарте*, II.177 кв.

²⁸ φιλανθρωπία revealed in εὐεργεσίαι. The king is φίλος, εὐεργέτης, σωτήρ. Демосфен, *de Corona*, 43; Стобей, *Florilegium* (изд. Гейсфорд) II.314.

²⁹ Для получения списка см. Plut. *Ant.* 61.

³⁰ У них было от шести до девяти скамеек гребцов — плавучие цитадели или города, говорит Флор (*Эпит.* II.21).

³¹ Этот вопрос был полностью обсужден Кромайером, *Hermes*, XXXIII.60 кв.

³² Дед Плутарха был одним из разносчиков прессы.

³³ Гор. *Эпод.* IX.17-18.

³⁴ *in Ap.* II.

³⁵ IV.90 кв.

³⁶ *Plut.Ant.*63; *DioL.*15; *ср.* Кромайер, *Гермес*, XXXIV.29 кв.

³⁷ Рейнгольд, *указ. соч.*, 55-6.

³⁸ Авторитетами Actium являются *DioLI*, кв.; *Plut.Ant.*65кв.; *Vell.* II.84; *Florus* II.21; *Orosius* VI.19; *Servius on Virg. Aen.* VIII. Лучшая современная реконструкция - это реконструкция Кромайера, *Hermes* XXXIV. См. также С. А. Н.Х.103-5; Райс Холмс, I.135-8, 259; Гардтхаузен, II.196 кв. Важными недавними исследованиями являются работы В. В. Тарна, *J. R. S.* XXI (1931) 173-99, и М. А. Леви, *Athenaeum* X (1932) 1-21.

³⁹ Более поздние авторы, такие как Светоний (*Див. август.* 17), Плутарх (*Ant.*86) и Дион (LI.14) склонны сомневаться в истории о том, как умерла Клеопатра, но более ранние авторы, такие как Гораций (*Od.* I.37.26-7) и Веллей (II.87) приняли это; *ср.* С. А. Н. Х.110 п. Ферреро (IV.114) более чем обычно фантастичен. Лучший отчет о смерти Антония и Клеопатры можно найти в книге Буше-Леклерка "*История*". *des Lagides*, II.315-44.

⁴⁰ См. Р. С. Конвей, *Создатели Европы* (1931), 74.

КНИГА III: ПЕРВЫЙ ГРАЖДАНИН

р125 Глава I

Основания

(30-27 гг. до н. э.)

Его величие перевешивает, его воля не принадлежит ему;
Ибо он сам подчинен своему рождению:

он не может, как это делают недооцененные люди,

Творить для себя; ибо от его выбора зависит

безопасность и здоровье всего этого государства.

Гамлет.

Я

Историку, оглядывающемуся назад с высоты двух тысячелетий, Actium кажется отодвиганием занавеса и впуская в мир дневного света. Он знает, что это означало два столетия мира и еще много веков упорядоченного правления и установленного закона. Но современникам казалось, что все по-прежнему находится на острие бритвы; один большой страх был преодолен, но другие остались. Фраза Плиния старшего "немыслимое величие римского мира"¹ показалась бы им безосновательной риторикой. Мир на мгновение смог перевести дух, но его нервы все еще были напряжены. Он так долго жил среди катастроф, что едва осмеливался надеяться. Рим безмолвно жаждал чего—то превыше всего остального - не свободы, но закона, и чтобы старый закон и знакомые колеи. Поэты могли бы устроить грандиозный праздник:

Nunc est bibendum, nunc pede libero

pulsanda tellus —

но к облегчению простого римлянина, пресыщенного в равной степени пылкостью демократов и жесткостью консерваторов, примешивалось немного веселья. Он признал необходимость новой схемы вещей, но она должна быть как можно более похожа на прежнюю. Его надежды были сосредоточены на молодом человеке, которому еще не исполнилось тридцати четырех, который теперь возвращался

домой с Востока.....р126 В одном только все были согласны. Этот человек должен взять управление миром в свои руки, и, что бы ни сулило будущее, в настоящее время он должен быть носителем власти.²

Реакция после попытки Август — опередивший на два года имя, под которым Октавиан наиболее известен в истории³ — провел последние месяцы 30 года до н.э., улаживая дела Ближнего Востока. Пожертвования Александрии были аннулированы, Египет был аннексирован, а его богатства перешли к Риму. Он уладил некоторые отношения между королевствами-клиентами, но по большей части оставил договоренности Антония в силе. Парфию и Армению он на время оставил в покое. Он был на Самосе, когда в первый день следующего года вступил на свой пятый консулькорабль. Путешествуя медленно, он достиг Брундизия в начале лета и был вынужден остановиться на несколько дней близ Неаполя, где его встретил Вергилий и прочитал ему завершённую *Георгику*.⁴ Эта встреча завоевателя и поэта, возможно, имела важные последствия, если, как мы вполне можем предположить, золотые строки одного возродили в другом его старый итальянский энтузиазм. В течение этих месяцев Август страдал от расслабленного и пресыщенного настроения, которое всегда сопутствует успеху, от апатии, которая следует за величайшими усилиями. В течение пятнадцати лет напряжение тела и духа не ослабевало.

Оставшаяся часть этой книги должна быть посвящена изучению его мышления, того, как он сталкивался с бесконечным количеством проблем и решал их. Теперь его моральное и материальное превосходство было обеспечено, но ему все еще предстояло испытание характера, самое суровое из всех. Всеобщим согласием он был призван к новому и огромному бремени, не меньшему, чем переустройство мира, и он был очень утомлен. Он отличался от Александра тем, что считал консолидацию империи более сложной задачей, чем ее завоевание.⁵ Его здоровье тоже ухудшилось за последние месяцы, и он был больным человеком, когда прибыл в Италию. Всю свою жизнь р127он боролся с телесной немощью. У него было слабое горло и, по-видимому, плохое кровообращение, поскольку он не мог переносить ни сильную жару, ни холод; от больших физических нагрузок у него поднималась температура; у него было плохое пищеварение, и ему приходилось соблюдать строгую диету; ему постоянно угрожали проблемы с почками. Вполне возможно, он думал, что его дней на земле будет немного и что было бы глупо прикладывать свои усилия к задаче, которую он не мог выполнить; он не предполагал, что, хотя Александру было дано всего десять лет на его работу, ему будет даровано сорок четыре.⁶ Слава в обычном смысле этого слова его несколько не заботила, и он с отвращением предвкушал почести, которые приготовил для него Рим. У него было мало тщеславия; в отличие от Юлия, он не хотел носить лавровый венок на каждый-день или красные косы альбанских королей, хотя ему нравились высокие сапоги, увеличивающие его рост. Более того, молодость, все мечты и капризы юности давно покинули его; в нем не было и капли того обаятельного мальчишества, которое Юлий сохранил до последнего дня своей жизни. Мысль о трубах, церемониале и высокопарности, которые его ожидали, была отвратительна

его усталому духу; он желал не быть на вершине и пьедестале, а раствориться в толпе и отдохнуть.

Что более важно, он, кажется, на некоторое время уклонился от стоявшей перед ним задачи. Это произошло не из-за какого-либо недоверия к своим собственным способностям, поскольку в них он всегда был уверен. Он знал себя "par negotiis" и считал себя "главой империи". Но сила духа покинула его, и он содрогнулся от долгого, трудного пути, лежащего перед ним. Не лучше ли было бы, установив во всем мире формальный мир, ему удалиться, подобно Сулле, в непринужденную частную жизнь и позволить восстановленной республике двигаться по старой колее? Дион, в своей пятьдесят второй книге, изложил пространную дискуссию, в ходе которой Агриппа советовал восстановить республиканскую власть, а Мecenат выступал за принципат. Маловероятно, что эти проповеди когда-либо произносились; вероятно, это были академические проповеди, отголоски школьных дебатов, в которых двум главным советникам, естественно, отводились противоположные роли;⁷ но тот факт, что Дион включает их в свою историю, указывает на устойчивую римскую традицию, согласно которой Август действительно проходил через какой-то такой период сомнений.⁸ У нас также есть четкое утверждение Светония,⁹ и есть некоторые основания полагать, что четырнадцатая ода первой книги Горация является призывом к миротворцу не оставлять свою задачу наполовину выполненной.¹⁰

Настроение испарилось, то ли из-за свежего вдохновения, дарованного Вергилием, то ли из-за доводов его друзей, то ли из-за солдатского нежелания покидать свой пост, и Август подчинился неизбежному; неизбежному, потому что без его направляющей руки римское государственное устройство вскоре снова скатилось бы в хаос. Задолго до прибытия в столицу он свел счеты с самим собой и принял решение. Трезво оценил составляющие своей власти. ... У него была армия — двадцать семь легионов после завершения его отпуска — то Высшее командование, которое было основой могущества Суллы, Помпея и Юлия; почти единственная армия в мире, полностью подчинявшаяся его приказам. Он занимал этот пост не в силу сомнительного триумvirата, а по всеобщему согласию, формально воплощенному в клятве, данной западным миром.¹¹ Это был приказ, высший и неограниченный, специально разработанный для чрезвычайных ситуаций.¹² У него были должность консула, высшая магистратура и большая часть полномочий трибуна. В совокупности эти три должности дали ему право переустраивать государство. Но за ними, более важным, чем любая юридическая санкция, стояло его *auctoritas*, личное-превосходство, которое он завоевал в римском сознании.

Успех, а не Победа Когда он выстраивал свои мысли, один принцип выделялся среди всех остальных. Он желал успеха, а не победы. Единственный триумф, которого он добивался, был над Клеопатрой и менойна Востоке. Он должен стараться не унижать ни одного римлянина, ни какой-либо класс, интересы или лояльность в Риме или Италии. У него были дальновидные амбиции-и железная

воля для их достижения. Светоний записал свое исповедание веры: "Пусть моей привилегией будет установить государство прочным и защищенным и пожинать плоды своего труда, чтобы я мог называться автором наилучшего из возможных правительств и нести со мной надежду, когда я умру, что основы, которые я заложил, останутся непоколебимыми".¹³ Но к этой цели прилагалось скрупулезное суждение о путях и средствах. Он должен предугадывать, что люди будут приветствовать, и избегать того, что может вызвать у людей негодование. Он должен деликатно формировать и приспособливать народную волю к своей собственной. Тот самый недостаток, который делал его плохим солдатом, — его нежелание рисковать всем ради сиюминутной необходимости — был достоинством государственного деятеля. Он не стал бы рисковать такой хрупкой вещью, как римское государственное устройство, от которого зависела судьба сорока четырех миллионов человек. Его реформы должны проходить органично, как естественный процесс. Не должно быть никаких мелодраматических сокращений, никаких грандиозных переворотов. Он не верил — так гласит одно из приписываемых ему высказываний — в ловлю рыбы золотым крючком, потеря которого перевесила бы ценность любого улова. Была и еще одна причина для осторожности. Юлий, его образец, долгое время учился в римской общественной жизни и управлении провинциями; сам он все еще был новичком, поскольку триумвират не давал образования нормальному государственному деятелю.

Его первой задачей должно быть изменение политической машины. Теперь его взгляды на этот счет прояснились. Монархию, как ее понимал Юлий, он полностью отвергал. Юлий, опять же, был радикальным реформатором, но началась консервативная реакция, и его собственные склонности были именно в этом направлении. Но в вопросе о необходимости единой личной власти он согласился с Джулиусом; только он должен придать ей правовую основу и гражданский вид.¹⁴ Вопрос о том, как и в какой форме преемственности это должно быть продолжено, он оставил на данный момент как слишком сложный. Он должен довольствоваться настоящей машиной. Рим желал не самоуправления, а хорошего правления, и это означало окончательную автократию; но Рим также хотел преемственности со своим прошлым, а это означало сохранение старых республиканских форм. Как гармонизировать консерватизм и эффективность? Более того, в работе такого сложного механизма, как правительство империи, у него должны быть добровольные помощники.

После долгих раздумий он нашел решение. Формально он сохранит древние магистратуры, но приобретет для себя полномочия без должностей.

Это ключ к реконструкции Августа. Чтобы избавиться от видимости абсолютизма, он должен побудить вельмож, которые разбирались в технике ведения дел, протянуть руку помощи и больше не дуться в своих палатках.¹⁵ В этой задаче Ливия, с ее благородным происхождением, тактом и высочайшим здравым смыслом, была неоценима. Во всех классах Рима существовало глубокое почтение к старой аристократии, даже среди ее самых яростных критиков. Эта аристократия должна

быть расширена и обогащена новыми людьми, как всегда планировал Юлий, но никогда нельзя забывать о ее давнем происхождении.¹⁶ Это ядро теперь пребывало в смиренном настроении, и он не отчаивался привлечь его на свою сторону. История принципата свидетельствует о его успехе. Среди его помощников должны были быть представители самых гордых римских домов - Кальпурнианов, Корнелианов, Валерианов, Эмилианов и Фабианов.

Италия и империя Он был убежден, что центром тяжести должна быть Италия. Он был итальянцем по рождению и воспитанию, и его взгляды, без сомнения, были окрашены чувствами; но это была также и разумная политика. Италия была включена в состав Рима всего несколько десятилетий назад, и итальянский патриотизм все еще находился в процессе становления р131. Он должен способствовать этому, возрождая старые традиции, поощряя идиоматику местной жизни и поддерживая чистоту латинского языка. Он определенно принадлежал к западному миру, а не к *мировоззрению*, как Джулиус. Рим должен быть Вечным городом; преобладающим элементом любой культуры должна быть латынь. Должен быть новый *Populus Romanus*, - принадлежащий к итальянской расе, достаточно сильный, чтобы сохранить свой характер в космополитической империи, ибо только так любое правительство может иметь прочную основу. Как по чувствам, так и по политике он предпочел быть в высшей степени местническим.

Империя, простиравшаяся на четыре конца земного шара, в его представлении была гигантским государством-клиентом, активом и одновременно ответственностью. Он дал бы ей мир, безопасность, закон, самоуважение и достойную свободу, но она всегда должна быть на втором месте после Рима. В этих огромных обезличенных государствах не было национализма, который мог бы противопоставить себя латинской гордыне. Для них Рим был простым благодетелем, в то время как экономически и, в меньшей степени, политически они могли сослужить Риму службу. Его точку зрения можно выразить в нескольких словах лорда Эктона: "Объединение различных наций в одном государстве является таким же необходимым условием цивилизованной жизни, как и объединение людей в общество. Низшие расы воспитываются, живя в политическом союзе с расами, интеллектуально превосходящими их. Истощенные и загнивающие нации возрождаются благодаря контакту с более молодой энергией. Нации, в которых элементы организации и способность управлять были утрачены либо из-за деморализующего влияния деспотизма, либо из-за разлагающего действия демократии, восстанавливаются и получают новое образование в рамках дисциплины более сильной и менее коррумпированной расы. Этот процесс оплодотворения и регенерации может быть достигнут только при жизни при одном правительстве. Именно в котле государства происходит слияние, посредством которого энергия, знания и способности одной части человечества передаются другой".¹⁷ Об Италии он думал более благородно, о других землях - менее обнадеживающе, чем Юлий; что касается Рима, империя была бы главным бенефициаром, а не благодетелем.

р132 В деталях пограничной политики он еще не определился, но главный принцип ему был ясен. Рим больше не хотел завоеваний. Армия, которую он рассматривал, была не полевой армией, а постоянным гарнизоном для поддержания порядка в различных провинциях и наблюдения за маршами. Бросив взгляд за границу, он увидел, что африканская граница от Египта до Атлантики более или менее в безопасности. Он не боялся за Галлию и Испанию, поскольку они были всего лишь вопросом внутренней полиции. В остальном естественными границами империи были водоразделы Средиземноморья, но прошлая история вынудила ее выйти за их пределы на север и восток. С этим фактом необходимо смириться. Что было необходимо, так это обрезать границы таким образом, чтобы их было легче всего оборонять, и, прежде всего, усовершенствовать приграничные коммуникации. Возможно, было бы разумно позволить Армении выйти из римской орбиты, где ей по праву не место, но столь смелая политика была затруднена недавними событиями. В одном пункте он был полон решимости; Дунай должен быть северо-восточной границей, ибо только так можно было обезопасить этот сухопутный путь к Босфору, который был стратегическим ключом к обороне империи. Что касается Рейна, он был в нерешительности. Возможно, в качестве преднамеренной оборонительной меры было необходимо продвинуться на восток в Германию и соединиться с Дунаем более коротким путем.

II

Тройной триумф 13 августа состоялся официальный въезд в Рим. Сенат уже расширился, обрушив на завоевателя поток почестей. На первый день года, все его Аста была ратифицирована; триумфальные арки были построены и в Брундиций Рим подшипник слова "республики conservata";¹⁸ днем его рождения и днем при Акциуме и его вступления в Александрии были сделаны священные дни навсегда;¹⁹ три победы будет отмечаться на Далмацию, для акций и для Египта, п133весталок, Сенат и граждане должны были приветствовать его у ворот; его звали вступили с богами в торжественных гимнов; храм Януса был закрыт уже в третий раз в истории Рима.

Август принимал только те почести, которых не мог избежать, поскольку ему не хватало римского пристрастия к пышным зрелищам; в частности, он отказался от гражданской процессии. Но триумфы были обязательными, и они достигали великолепия, намного превосходящего триумф Юлия семнадцатью годами ранее.²⁰ Племена города предложили ему субсидию в размере тысячи фунтов весом золота; он отказался и вместо этого сделал щедрое пожертвование народу из египетских сокровищ, помимо аннулирования всех задолженностей по налогам и выплаты всех своих долгов. Первый день был посвящен победам Далмации и Паннонии; на второй пришелся праздник Акциума и парад носов кораблей Антония; третьим был день Египта, когда дети Антония и Клеопатры шли в процессии, а изображение мертвой царицы несли на носилках. После этого начались игры и выставки диких зверей

беспрецедентного масштаба, освящение храма обожествленного Юлия и открытие нового здания Сената Юлия. Вдумчивого зрителя поразили два момента в этих великолепных церемониях. Изображение Клеопатры несли во время триумфа завоевателя, но ее статуе было позволено остаться там, где Юлий поместил ее в храме Венеры-Наследницы. Август не ссорился с мертвыми.²¹ Порядок проведения процессии также изменился. Республиканский обычай, по которому высшие государственные чины предшествовали торжествующему генералу, был отменен, и они шествовали позади. Это было мягким напоминанием Риму об истинном положении этого скромного, конституционно мыслящего гражданина — повелителя Египта и его богатств, воплощенного бога для трех четвертей человечества, командующего 300 000 ветеранами, бесспорного правителя мира.

Церемонии подорвали хрупкое здоровье Августа, и он был болен всю осень и большую часть зимы. Этот обязательный досуг был удачным, поскольку позволил ему детально спланировать следующие этапы. В его собственном доме на Палатине, который когда-то был домом Гортензия, и в особняке Мецената на Эсквилине было много долгих часов разговоров. Теперь Агриппа был его соседом на Палатине, на него посыпались почести, которые сделали его вторым человеком в государстве, а благодаря женитьбе на Марцелле, дочери Октавии, он вошел в правящую семью. Он был скорее солдатом, чем создателем конституции, возможно, лучше умел действовать, чем думать,²² но он обладал глубокой центральной проницательностью, которая делала его полезным балластом для сообразительных и наделенных воображением меценатов. Эти трое мужчин зимними ночами набрасывали первый план создания империи.

Два принципа новой системы заключались, во-первых, в том, что реальная власть должна оставаться в руках Августа, и, во-вторых, в том, что такому центральному контролю должен быть придан конституционный вид. Это означало, что любая схема должна быть принята и ратифицирована тем, что осталось от механизма Республики. Он жил на реальные, но по большей части нерегулярные средства, предоставленные властью; от них следовало отказаться и установить новое устройство на основе строгой законности. Его прежние способности позволили ему расчистить землю, но прежде чем он сможет строить, требовалось что-то другое. Новая власть может быть необычной и не имеющей прецедента, но она должна исходить из традиционных источников - Сената и народа. Он начинал понимать, какой должна быть окончательная форма римского государственного устройства, но у него не было намерения представлять ее в виде четкой-и полностью сформулированной схемы. Он начнет с зачатков и направит эволюцию в желаемом направлении. Он был государственным деятелем, а не политическим теоретиком.

Имя "Принцепс" Первое для его имени, поскольку у главы государства должен быть титул. "Император", к которому склонялся Юлий, он без колебаний отверг. Теперь он использовал его как преименование, как и его двоюродный дед, и добавлял к своему имени, как это делали другие генералы, которым отдавали честь на поле битвы. Но как термин, употребляемый ежедневно, он слишком сильно отдавал

диктаторским кораблем и мечом. Было одно слово, которое имело достоинство точно описывать должность p135, которую он стремился занять, и которое имело правильный традиционный оттенок, - слово "принцепс". Цицерон использовал его в отношении Перикла, который был идеальным государственным деятелем для римских публицистов всех партий;²³ и Помпея, которого он выбрал своим лидером.²⁴ Как было принято Августом,²⁵ это было популярное название, а не термин конституционного искусства, определяющий статус, а не должность. Оно описывало не отдельное сословие в королевстве, а человека, на которого должно было лечь главное исполнительное бремя государства, и лучше всего переводится как "First Citizen" — первый гражданин и главный слуга.²⁶ "Principes" не было сокращением от "princeps senatus", главы Дома, сана, который он собирался получить и который сохранял до конца своей жизни, но в нем чувствовался привкус этого старого республиканского института.²⁷ Таким образом, новый титул имел все основания. Для цезарианцев и реформаторов это наводило на мысль о Перикле, Гракхах и мечтах Юлия, в то время как для консерваторов это было связано с рассуждениями Цицерона и карьерой Помпея. Он сочетал в себе различные привязанности и не вызывал антагонизма.

Более мудрый, чем Юлий, Август задумался о титуле, под которым его следовало бы называть, поскольку понимал, что имена обладают опасной силой. Его следующим шагом было принять решение о точной форме, которую должна принять его власть. У него должна быть реальность власти, но он должен облечь ее в хитрую конституционную форму. Он хорошо знал антикварные пристрастия своих соотечественников и их страсть к мелочам конституционализма, и он был готов потакать им в полной мере, насколько это касалось теории, при условии, что на практике он руководил государством. Его интересовала не столько абстрактная власть, сколько функция. Не существовало такого понятия, как римская конституция, поскольку при Республике государственное устройство всегда незаметно менялось, и если бы он вознамерился восстановить Республику полностью, то не нашел бы общего согласия относительно того, что означала эта Республика. Таким образом, его делом было переплетение его личных "аукторитов" с институтами, которые все еще сильно привлекали римское сознание, но, поскольку эти институты не были четкими- и жесткими, он мог тонко адаптировать их к этому переплетению. Его задача была задачей не юриста, а практического государственного деятеля; логика, которой он руководствовался, опиралась не на бумагу, а на факты.

Консул и проконсул Его первый шаг был прост. Во всяком случае, для начала он должен занять главный пост, должность консула, занимать ее по старинке путем ежегодных выборов. Это придавало бы ему достоинство традиционного главы римского государства, а недостаток коллегиальности корабля можно было бы преодолеть, выбрав подходящего коллегу. Но одного корабля "консул" было недостаточно. Основа его авторитета заключалась в том, что он командовал главной — и, если не считать парфян, единственной — армией в мире. Как можно было узаконить это командование? Только с разрешения "имперского проконсула", так

что он был бы одновременно консулом и проконсулом. Это было отклонением от обычной республиканской практики, но не лишенным прецедента, поскольку в 52 году до н.э. Помпей занимал двойную должность, а Помпей все еще был дорог консервативным настроениям. Эдуард Мейер прав, когда утверждает, что Август был наследником Помпея, а не Юлия.²⁸

Но империя проконсула не имела силы в 137 г.г. Риме, и в любом случае требовалась какая-то власть, которая позволила бы ему более тесно общаться с народом и скрыть правду о том, что его высшая власть заключается в командовании армией. Популярная должность трибуна была закрыта для него как для патриция, но он уже получил многие привилегии трибуна.²⁹ Теперь он должен быть наделен властью вместе с другими, поскольку ключом к его новой политике было получение власти без должности. Юлий сделал это в 48 году до нашей эры, когда ему дали место на скамье трибунов в Сенате, и в этот момент Август был готов послушно последовать примеру своего двоюродного дедушки. Все полномочия трибуна имели неоценимую ценность для человека, который стремился управлять государством без видимости вечной диктовки. Он завоевал личную неприкосновенность, право созывать Сенат и контролировать его дебаты, председательствовать на выборах в Ассамблеях, выдвигать и одобрять кандидатов, накладывать вето на действия любого магистрата, вмешиваться в отправление правосудия и контролировать его, оказывать помощь любому гражданину в пределах города и в миле за его пределами. Поскольку полномочия были отделены от должности, он избежал препятствия коллегиальности, при котором в старые времена один трибун мог свести на нет работу другого. Он должен быть во главе трибунов и в то же время вне их досягаемости. Такой острый критик, как Тацит, видел в трибунской власти истинный секрет господства Августа.³⁰ Принципат не был кораблем диктатора, или королевской властью, или более могущественным кораблем консула, но превознесенным кораблем трибуна. Это определенно связывало принцепса с популярной традицией Гракхов и Юлия и ставило его перед миром как-в высшей степени защитника интересов простого человека. Военная империя была фактической основой его власти, но трибунская власть была одновременно и ее популярной окраской, и источником ее моральной привлекательности. *Res Gestae* показывает, как высоко Август ценил это.³¹ Королевская власть в средние 138 века была главной защитой прав народа; она унаследована от Римской империи; фантастично ли рассматривать эту обязанность как прямое происхождение от той, которую сейчас взял на себя основатель империи?

Сенат Была еще одна власть, которой он должен был обладать, прежде чем сможет справиться с самой сложной частью своей проблемы - статусом сената. У него должны быть некоторые права цензора. Без них он не мог приступить к преобразованию Сената и аристократии, что было необходимым шагом в его реконструкции. У него не было желания занимать пост цензора, поскольку он мудро решил избегать умножения личных достоинств, но он должен обладать цензорской властью. Он мог осуществлять меры по реформированию общественной и частной морали с помощью трибунской власти; но для проведения переписи населения,

которой пренебрегали с 70 г. до н.э., и пересмотра Сената и всей классовой системы в целом, он должен был обладать *специальными* полномочиями. В 28 году до н.э. он вступил на свой шестой консулатный пост со своим коллегой Агриппой, и незадолго до этой даты сенат даровал ему специальную "цензорскую власть", в силу чего он провел перепись населения, очистил Сенат, который стал невыборным и громоздким, пополнил патрициат за счет хороших плебейских запасов и провел торжественное жертвоприношение очищения от имени народа, чего Рим не знал уже сорок-двадцать лет.³²

С очищенным и сокращенным численно сенатом и очищенной аристократией он теперь был готов к своему великому шагу — разделению бремени империи между Сенатом и им самим. У него не было необходимости сильно беспокоиться о народных Собраниях. Теоретически высший законодательный орган, они пережили краткое возрождение при демократическом режиме Юлия и все еще были полезны в особых случаях, но они превратились в скучные неорганические вещи, без индивидуальности или престижа. Но Сенат — это совсем другое дело. Он был самым сердцем и душой республики и все еще сохранял в глазах народа очарование древнего достоинства и долгого происхождения. Возродив отличительные черты его членов, изгнав элемент низкого происхождения, привнесенный Юлием и Антонием, он мог объединить их с собой в деле управления государством. Его намерением было восстановить всю Республику, которая могла бы работать; республика ничего не значила без Сената, а Сенат потерял бы касту без аристократии. Сенат, основанный на разрозненном патрициате, римский обычай, а не, как предполагал Юлий, имперская приправа, вместилище всего лучшего в римских традициях — таков был его идеал. На такой орган он возложил бы все обязанности, которые он мог бы эффективно выполнять, но о такой эффективности он был бы судьей. В конце концов, армия отдала ему решающий голос, хотя у него не было никакого желания выставлять напоказ эту высшую власть. Сенат должен править как современный конституционный монарх, и ему должно быть разрешено управлять на полном пределе своих возможностей.

III

Конституция провинции Теперь была подготовлена почва для того, что должно было стать одновременно восстановлением и преобразованием римской конституции; но сначала необходимо было создать соответствующую атмосферу. Во время своего шестого консулата в 28 году до н.э. Август скрупулезно делил со своим коллегой Агриппой как почести, так и обязанности. Единственным эдиктом он отменил с этой даты все акты триумвиров, чтобы стереть память о старом абсолютизме. Он увеличил раздачу бесплатного зерна, а также делал денежные подарки нуждающимся сенаторам, чтобы они могли занимать государственные должности. Его целью было восстановить моральный дух римлян, вселив уверенность в свою мягкость и порядочность. Прежде всего, он стремился доказать

свою лояльность Риму и ³³ Он продолжал свои градостроительные планы, восстанавливал полуразрушенные храмы и строил новые; большую часть расходов он покрывал из собственного кармана и не допускал жесткой экспроприации земли. Он убедил своих друзей подражать его дару людям. Открытие карьеров в Карраре позволило ему обшить мрамором много старого кирпича и цемента. Многие знаменитые здания и общественные сооружения начали обретать форму: храмы Весты и Юпитера Капитолийского, а также храм Аполлона на Палатине, где хранились книги Сивиллиных; храм Марса Ультора, обетованный со времен Филиппов; перепланировка Марсова поля с его великим мавзолеем дома Юлиев; в то время как Агриппа закончил мраморную Септу Юлия, которую Юлий начал из травертина, и воздвиг первый пантеон, ³⁴ Статилий Тавр завершил строительство первого амфитеатра, а Планк построил великий мавзолей Юлиев. храм Сатурна. "Здесь, — сказал обычный гражданин, увидев, как строители трудятся во всех кварталах, - настоящий римлянин, а не дерасине" - тот, кто любит Рим и верит в его вечность.

Август мог строить из мрамора на все времена, но у него не было иллюзий относительно временного характера конституции, которую он собирался предложить народу. Это была пробная поездка, предварительное соглашение, строго ограниченное по продолжительности, структура, которую, возможно, придется коренным образом изменить. Фундаментальные принципы, которые он старался не подчеркивать чрезмерно, он действительно считал важными, но детали должны были в значительной степени зависеть от медленной эволюции и приспособления. Он призывал Рому стать партнером в великом эксперименте и откровенно посвящал ее в свои тайны — уверенно, потому что знал, что обладает величайшими преимуществами. Одним из них была глубокая усталость всех классов и их стремление к . Он подарил миру мир, и теперь мир обратился к нему за безопасностью. Вторым было его богатство, состояние его семьи и сокровища Египта, которые позволили ему облегчить общественное бремя и списать государственные долги, а также начать великие работы по сокращению безработицы и восстановлению гордости Рима, не прибегая к новым налогам. Третьим был тот факт, что у него не было конкурента. Не было фигуры, которая хотя бы на мгновение могла сравниться с ним по авторитету. Что более важно, не было страстно отстаиваемого политического кредо, которое могло бы стать препятствием для его собственного. Доктринерский республиканизм почти исчез из поля зрения; он стал не столько догмой, сколько давним чувством, с которым он был готов примириться, поскольку сам разделял его.

Одно кредо действительно могло быть грозным соперником — завещание Юлия, — и Август, возможно, столкнулся с самыми серьезными трудностями в своей собственной ранней лояльности. Но легенда о цезаре уже начала растворяться в воздухе. ³⁵ Дальновидная политика Юлия- никогда не была хорошо понята в Риме, и даже те, кто ее понимал, редко были приверженцами. Август с самого начала отбросил многое из этого и дал автократии, на которой она была основана, более тонкое толкование. Консерваторам казалось, что августовская традиция во многих

отношениях была прямой противоположностью юлианской. Цезарианцы были довольны, потому что их великий человек был полностью отомщен, и они так и не проникли в тайны его дерзкого ума. Лишь кое-где какой-нибудь сбитый с толку мыслитель, возможно, осознал, что чудесное видение покинуло мир, и продолжал втайне преклоняться перед своими несбыточными мечтами.

Примечания автора:

¹ "immensa Romanae pacis majestas," *N. H.* XXVII.3.

² Тактика. *Hist.* I.1; Dio LIII.19;^o Florus, *Epit.* II.14.

³ См. стр. 143 *ниже*.

⁴ Donatus, *Vita Virg.* II.40.

⁵ Плут.*Мор.* 207.

⁶ У Кромвеля их было всего девять; у Наполеона после 18 Брюмера - только пятнадцать.

⁷ Эта манера, заимствованная из школ риторики, характерна для всех римских историков, даже для малоизвестного Тацита. *Ср. Анн.* III.33-4; XI.23-4; XIV.20-1.

⁸ Нет никаких свидетельств того, что у Агриппы когда-либо была хоть малейшая доля республиканских настроений. See Reinhold, *op. cit.*, 65; P. Meyer, *de Maecenatis oratione a Dione ficta* (1891).

⁹ "De reddenda republica bis cogitavit: primum post oppressum Antonium." *Div. Aug.* 28.

¹⁰ Таково было мнение Франке, *Фасты Горациани* (1839); ср. Конвей, *Создатели Европы*, 54кв.

¹¹ Пн. от Рождества Христова. VI.13-16 (cf. Изд. Харди, 151кв.); Райс Холмс, I.262-3; Гринидж, указ. соч., 338.

¹² О параллелях в римской истории см. Хаммонд, *Принципат Августа*, 15-17.

¹³ *августа*. 28. Это был ответ на обращение Цицерона к Юлию, *поддерживающему Марка*. VIII.23-5.

¹⁴ Я заимствую фразу у Л. Гомо, *Огюст*, 111.

¹⁵ "Из всех обществ в мире тем, которым всегда будет труднее всего избежать абсолютного правления, будут именно те общества, в которых аристократии больше нет и быть не может". Де Токвиль, *Древний режим*, предисловие, xvi.

¹⁶ Так.Энн.I.2.

¹⁷ *История свободы и другие очерки*, 290.

¹⁸ *C. I. L.* VII.872.

¹⁹ О священных днях Августа и календаре Августа в целом читайте в приложении "Le calendrier d'Auguste" в изд. Гаге. из "*Решительных действий*" (Париж, 1935).

²⁰ Virg. *Aen.* VIII.714-23.

²¹ Dio LI.22.

²² "consultis facta conjungens." Велл. II.79.

²³ "princeps civitatis suae." *de Rep.* I.25.

²⁴ *ad Fam.*I.9; *pro Planc.* XXXIX.93. *Cp.ad Att.* IX.4 Он также использовал это слово в отношении Юлия, *ad Fam.*IX.17. Греческий перевод (как и в Пятом Киренском эдикте) был ἡγεμών.

²⁵ Он использует его трижды в *Рескрипциях* (*Пн. Предок.* II.42-5; V.44-9; VI.6-8.

²⁶ "Президент", которому отдает предпочтение Ферреро (IV.134), безусловно, является неправильным переводом, если использовать это слово в современном смысле. Концепция "первого слуги государства" четко изложена в связи с Траяном Дионом Хрисом. (*Or.*I.22) и Плинием (*Pan.*63-5); "не существует "princeps supra leges", а есть "leges supra principem". "

²⁷ DioLIII.1. Различные точки зрения на этот счет см. в Rice Holmes, I.263-4. Греческий перевод этого слова в связи с Сенатом был πρόκριτος, DioLVII.8. *Cp.* Мамы. *Staatsr.*, II.774, 776 n.

²⁸ *Монархия Цезаря*, 548; Страбон (XVII.3.25) говорит, что командование армией было специально предоставлено Сенатом, а закон, предоставляющий его Веспасиану (С. I. L.VI.930), говорит о том, что оно было передано Августу, но, вероятно, это произошло из-за путаницы де-юре и де-факто. Нет никаких свидетельств о каком-либо предоставлении Августу военной империи, за исключением той, которая подразумевалась в "imperium proconsulare". О "законе об империи Веспасиани", содержащемся в табличке, установленной Риенци в Сент-Джон-Латеране, а ныне в Капитолийском музее, см. Дессау, 244. Мамочки. *Staatsr.*, II.878, и С. А. Н. XI.404-8.

²⁹ См. стр. выше.

³⁰ Он называет трибунскую власть "summifastigii vocabulum", *Ann.* III.56.

³¹ *Понедельник*. I.28-30; II.21-23; III.12-17. Ферреро (IV.242н.), похоже, ошибается, недооценивая это.

³² Увеличение патрициата осуществлялось в соответствии со специальным законом, *lex Saenia* (*Мон. Анк.* II.1; Dio LII.42.5). Существует много споров относительно предоставления цензорских полномочий. Несомненно, в отсутствие цензоров консулы выполняли цензурные функции (ср. Э. Херцог, *Рем. Staatsverfassung*, I.797), и некоторые ученые предположили, что Август действовал в соответствии с цензорской властью, присущей консулу (Харди, изд. из *Мон. Анк.*, 56; Хаммонд, указ. соч., главы IV и X). Но Фасты Ветузийские (С. I. L.IX.422) прямо говорят, что Август и Агриппа проводили занятия "censoria potestate", и представляется разумным предположить вместе с Моммзеном специальное разрешение Сената на тот момент, когда Август хотел всяческого конституционного подкрепления. Этого же мнения придерживаются С. А. Н. X.123 и Райс Холмс, I.261-2.

³³ *Ср. Гор. Од.* III. 3. По этому вопросу, который на протяжении целого поколения волновал римский ум, см. Паскаль, "Аббандоно ди Рома" в издании I. L., LVII (1924), 713-24.

³⁴ Нынешнее строение было перестроено Адрианом, предположительно по первоначальным линиям. В здании Агриппы находилась статуя Венеры с серьгами, сделанными из жемчуга Клеопатры (Плиний *N. H.*IX.121). В вестибюле стояли статуи Августа и Агриппы (DioLIII.27).

³⁵ Такой друг Августа, как Ливий, мог совершенно откровенно спросить, не было ли несчастьем то, что Юлий когда-либо жил. Реакция очевидна у более поздних авторов. Даже такой убежденный цезарец, как Веллей Патеркул, не сожалеет о мартовских идах, а Светоний, который высоко ценит Августа, считал убийство Юлия справедливым поступком.

Глава II

Respublica Conservata (B.C. 27-23)

Les Lois, dans la signification la plus étendue, sont les rapports nécessaires qui dérivent de la nature des choses.

MONTESQUIEU, *L'Esprit des Lois*.

Так мы, наделенные мудростью и досягаемостью,
С помощью лебедек и анализа предвзятости,
Косвенным путем находим направление.

Гамлет.

Я

Сцена была подготовлена, и пришло время для отречения, которое должно было стать прологом к новой эре. 13 января 27 года до н.э.,¹ перед очищенным сенатом, Август, вступающий в свое седьмое консульство, совершил великую резню. Сидя в своем курульном кресле, с лицом, все еще бледным после недавней болезни, этот молодой человек, прошедший половину из своих тридцати-шести лет в неустанном труде, передал римскому народу все свои экстраординарные прерогативы. Он был консулом, у него был почетный титул принцепса, он обладал трибунской властью; все остальное он вернул к первоначальному источнику. Он зачитал свою речь, поскольку редко импровизировал и никогда не выступал в серьезных случаях, и, хотя мы не можем принять риторику, которой Дио наделяет его², за подлинные слова того, кто любил строгий стиль, смысл ясен. "Я больше не буду руководить вами. . . . Верните себе свободу и Республику; примите во внимание армию и подвластные провинции и правьте сами, как привыкли".

Сенаторские голубятни затрепетали. Те члены парламента, для которых эта речь стала неожиданностью, были искренне встревожены, поскольку опасались возвращения старых плохих времен, соперничающих армий, разделения командования и административного хаоса. Но достаточное количество сенаторов было посвящено в тайну, чтобы гарантировать, что то, на что рассчитывал принцепс p143, будет осуществлено гладко. Они с благодарностью приветствовали его отставку - и отклонили ее. Полномочия, которые он им вернул, они вернули ему в новой форме и со свежими полномочиями.

При Имени Августа Сначала они выразили свою благодарность очередным ливнем почестей. 16 января Сенат постановил, что дверные косяки его дома должны быть украшены лавром, что на его притолоку должна быть водружена гражданская корона из дубовых-листьев, пожалованная солдату, который спас жизнь товарища в бою, что месяц Секстилис должен быть назван его именем и что на золотом щите в здании Сената должна быть начертана дань его "доблести, милосердию, справедливости и благочестию".³ Что более важно, по предложению консула Планка этот старый прирожденный предатель⁴ ему дали новое имя. Точно так же, как Сулла был известен как "Удачливый", а Помпей - как "великий", так и Октавиан навсегда должен носить имя "Август",⁵ почетный термин, а не служебный титул. Он бы предпочел "Ромула", которого Рим всегда приветствовал как лидера, приведшего его из тьмы к свету;⁶ Вторая основательница Рима должна носить имя ее первой. Но Ромул был царем, и следует избегать самых отдаленных намеков на монархию. "Август", который не встретил никакой критики, вероятно, был идеей Мецената, эминенса гриза на заднем плане, и он был выбран хитро. Его простое значение во многом совпадало с современным "милостью Божьей"; оно предполагало любимца Небес, кого-то, по словам Дио, "больше, чем человека",⁷ но в то же время человека, а не восточное божество. Своим происхождением он подразумевал авгуральную функцию, которую Август всегда подчеркивал, поскольку "lituus" часто встречается на его монетах. Строка Энния на стр. 144 сделала знакомым выражение "Augustum augurium" применительно к Ромулу, Цицерон говорил об основателе Рима как о "оптимусе авгуре", в 29 году до н.э. Октавиан праздновал "augurium salutis". Этот эпитет связывал принцепса со старым религиозным обиходом и с первым королем Рима, чье имя нельзя было присвоить. Это была достойная прелюдия к новой "инаугурации".⁸

Явился спаситель, который, сохранив государство от разрушения своими чрезвычайными полномочиями, теперь вернул эти полномочия римскому народу. Республика была восстановлена — или, правильнее сказать, законсервирована, поскольку она никогда не прекращала своего существования. Мечта покойного Цицерона сбылась.⁹ Не было и речи о том, чтобы принцепс возложил на себя эту задачу; человек не станет тщательно выбирать новое имя, страстно желая получить имя основателя Рима, если у него есть хоть малейшая мысль об отставке. Его отставка была формальностью, частью мудрого этикета, чтобы Сенат и народ могли почувствовать, что от них зависит формирование нового государства. Но характер реконструкции уже был согласован в частном порядке, и Сенат был готов последовать совету того, кто был одновременно самым могущественным и опытным из ныне живущих государственных деятелей.

Он должен занимать главную республиканскую магистратуру не только из уважения к традиции, но и для того, чтобы придать себе статус в Риме и Италии. Должность ежегодного консула в сочетании с трибунской властью сделали бы его исполнительным главой во внутренних делах, а тот факт, что у него были бы коллеги, позволил бы ему ввести выдающихся сенаторов в административный круг. Он должен продолжать командование армиями, и для этой цели он должен

иметь проконсульского империя и губернаторкорабль из тех провинций, где армия дислоцировалась. Это было разумное решение, если границы должны были быть безопасными, и в карьере Помпея были хорошие прецеденты для этого. Конечно, он не мог управлять этими провинциями лично; это должно было осуществляться через легатов преторианского ранга, для чего также существовал помпейский прецедент. Десять более богатых и густонаселенных провинций были оставлены сенату для управления бывшими-консулами и бывшими-преторами по старинке. Только в двух странах, Иллирии и Африке, существовала какая-либо вероятность возникновения проблем. Август захватил пограничные территории на Западе, Севере и Востоке — Испанию и Лузитанию; галлов с их германскими пограничными землями; Сирию и Киликию; Египет, которым в течение трех лет управлял как своим частным владением, и Кипр, который был тесно связан с ним.

Во всем этом не было ничего революционного, ничего, что не имело бы здравых республиканских параллелей. У принцепса были коллеги в его магистратурах с равными полномочиями; проконсульная империя была разделена с Сенатом, и если только в Африке проконсул-сенатор имел войска под своим командованием, то это потому, что в других местах они не были нужны. Если воля принцепса действительно была доминирующей, то причина заключалась в его славе и моральном превосходстве, а это были вещи, которые не могли быть законодательно закреплены. Он осознал глубокую истину о том, что революция, если ей суждено выстоять, должна быть в значительной степени реакцией, возвращением к врожденным образам мышления, которыми пренебрегали. Он был формально оправдан в своем заявлении в "*Решении суда*": "Я отказался принять какую-либо должность, несовместимую с установлениями наших предков. ... Я стоял впереди всех по авторитету, но реальной властью я обладал не больше, чем мои коллеги в каждой отдельной магистратуре".¹⁰

р146 Новые полномочия сената Та же сдержанная изобретательность проявилась и в других деталях реконструкции. Достоинство Сената возросло, а сфера его влияния расширилась. Он снова получил контроль над обычными финансами и стал главным законодательным органом. Согласно республиканской теории, народ отдавал приказы, а Сенат воплощал эти приказы в официальные резолюции.¹¹ Прежний союз был сохранен, но народные собрания теперь были скорее формами, чем реальностью, хотя Август скрупулезно сохранял видимость народного контроля. Они по-прежнему выполняли формальную функцию выборов в магистратуры и могли использоваться в особых обстоятельствах для принятия законов, к которым было желательно добавить конкретную народную санкцию.¹² Но их древние судебные функции не были восстановлены, и они утратили свои прерогативы заключения мира и ведения войны. Есть свидетельства того, что Август, как и Юлий, забавлялся идеей наделить Собрания большей властью и сделать их представителями всей массы граждан Италии;¹³ но это было невыполнимо, поскольку фактическими избирателями в обычных случаях могли быть только непредставительные римские плебеи. Но то, что было утрачено Собраниями, было передано Сенату. Он стал главным законодателем-. Ему были предоставлены

обширные судебные полномочия; на него были возложены обременительные исполнительные обязанности; прежде всего, он стал высшим источником власти, поскольку принцепс черпал из него свои полномочия, и то, что он дал, он мог удержать.¹⁴ Принцепс мог подчинить это своей воле, но это было из-за его "auctoritas", а не из-за какой-либо юридической привилегии. Сенат был чем-то большим, чем современный конституционный монарх, царствующий, а не управляющий; на его долю приходилось значительное количество руководящих полномочий. Она воплощала в себе два основных принципа; она сохраняла традиционную аристократию и была полностью римской, тем самым ставя Рим в глазах заморской империи центром власти. Формально р147она пользовалась большим авторитетом, чем когда-либо со времен Суллы; на практике у нее были весомые, но тщательно определенные исполнительные функции. Несмотря на консульскую, проконсулярскую и трибунскую власть принцепса, это была субстанция, а не тень.¹⁵

Доказательством того, что такова была цель Августа, является его решимость привлечь Сенат к административной работе. Высшие государственные должности и военное командование были зарезервированы за его членами, и к сенаторской карьере было добавлено несколько новых должностей. В поисках руководителя для империи он сильно опирался на сенаторский класс. В наставлениях, написанных после его смерти, он настаивал на том, что государственные дела следует поручать всем, у кого есть к этому способности,¹⁶ но при прочих равных условиях он всегда предпочитал старую аристократию. Еще более заметным свидетельством является создание им кабинета или тайного совета при Сенате для оказания ему помощи даже в тех вопросах, где ему была предоставлена верховная власть. Этот кабинет, впоследствии увеличенный как по численности, так и по продолжительности пребывания в должности, состоял из консула, претора, эдила, трибуна, квестора и пятнадцати сенаторов, выбранных по жребию, и занимал свои посты в течение шести месяцев. Это подготовило работу для Сената и, будучи микрокосмом этого органа, могло держать его в курсе настроений Сената; похоже, это также помогло ему в решении его собственных административных проблем.¹⁷

Характер реконструкции Такова была первая схема строительства; пробная схема, поскольку она должна была продлиться всего десять лет, после чего должна была быть обновлена или пересмотрена. Это была виртуозная попытка совместить Республику не в ее первоизданном виде, а в том виде, к которому она медленно развивалась со времен Гракхов, с требованиями новой империи. О нем следует судить по его практической эффективности, которая включает в себя его популярность среди населения, а не по его соответствию старинным обычаям или законам. Следует избегать двух ошибок. Первый, стр. 148, на котором было основано обвинение Августа в двуличии, заключается в предположении, что более позднее развитие принципата было с самого начала предвидено его основателем. Соглашение 27 года до н.э. должно было стать экспериментальным и изменяться под давлением фактов, поскольку Август, как и Рейли, верил, что "советы, на которые не назначено время, не ратифицируют".¹⁸ Дион в этом отношении особый

грешник. Имея в виду развитие принципата вплоть до его собственного времени, он предположил, что это развитие было намерением Августа, и многие более поздние историки последовали его предположению. Но главным достоинством урегулирования было то, что центру тяжести была предоставлена свобода смещаться по мере того, как этого требовали потребности правительства. Вторая ошибка состоит в том, чтобы воображать, что Август имел в виду жесткий кодекс политической философии и права, которого он лживо заявлял, что придерживается, подрывая при этом его принципы. Его целью, напротив, был практический компромисс. Столь же бессмысленно приписывать ему, как это делают позднейшие греческие историки, политическую мысль своего времени или, подобно римским юристам, жесткие правовые концепции старой Республики. Никогда на свете не жил человек, образ мыслей которого был бы менее абстрактным и более прагматичным.

Восстановил ли он Республику? Вопрос на самом деле лишен смысла, хотя и вызвал массу неуместной изобретательности.¹⁹ Какая республика? Это был старый простой город-государство? Но никакое антикварное благочестие не могло бы возродить это к жизни снова, поскольку это означало бы сокращение римского народа до приемлемой численности, отмену системы, согласно которой ранг зависел от должности, возвращение к составу армии, существовавшему до-марианской эпохи, и восстановление примитивных манер и морали. Ни один римлянин любого класса не принял бы такую революцию. Касается ли вопрос восстановления гражданской свободы? Тогда давайте будем осторожны в наших определениях. Римская "либертас" никогда не была греческой "элеутерией"; это была не неограниченная свобода, а свобода от произвола, и она не предполагала атомной самостоятельности, но могла быть с таким же успехом или лучше достигнута как часть большего целого; ее можно было определить, по словам клерка Максвелла, как "отказ от своеволия без угасания воли". ... таким образом, вместо того, чтобы быть сознательно свободным и действительно подчиняться неизвестным законам, оно становится сознательно действующим по закону и действительно свободным от вмешательства непризнанных законов ". "Principatus" и "libertas" были аналогами, а не противоречиями.²⁰

Суверенитет Август сохранил все республиканские институты, которые еще сохраняли жизнеспособность, и приспособил их к новым целям исполнительной власти. Принципат не может быть полностью определен юридическими категориями, хотя его основа уходила корнями глубоко в древнее право. Это был продукт настоятельной необходимости, эксперимент, который предполагалось развить, и поскольку он был основан как на традициях Рима, так и на практических потребностях, он обладал органической эластичностью, реальной способностью к адаптации. Монархией в общепринятом смысле это не было; но ее можно было бы назвать ограниченной монархией, если бы акцент был сделан скорее на прилагательном, чем на существительном. Предложенный Моммзеном термин "диархия"²¹ имеет смысл в отношении стр. 150к распределению административных обязанностей; но пока существовало разделение труда, разделения суверенитета не было. Или, опять же, как предполагает Олтрамар, теоретически это можно назвать

"триархией" в соответствии с формулой Цицерона,²² представляющей собой смешение королевской, аристократической и народной власти. Но проще смотреть на это не как на монархию и не как на республику, а как на смешанную конституцию, новую вещь, развитие которой должно быть на коленях у богов. Все началось с установления баланса, но сместится ли акцент на принцепса или Сенат, покажет только время.

В юридическом суверенитете в более узком смысле не могло быть сомнений. Как и во времена республиканцев, он принадлежал Сенату и народу. Теоретически они были высшими; от них исходили все полномочия принцепса, и то, что они предоставили, они могли отозвать. Это право на возобновление было подчеркнуто ограничением срока предоставления до десяти лет. Это был возврат к до-сулланской конституции. Его проконсульская власть, та империя, которая была краеугольным камнем его авторитета, заключалась в восстановлении старой неограниченной консульской власти прежней Республики. Все еще можно было привести неопровержимые доводы в пользу полного и безраздельного народного суверенитета. Принцепс был магистратом в традиционном смысле этого слова, с экстраординарной юрисдикцией, установленной республиканским способом после убедительных республиканских прецедентов.

Но юридический аспект был не единственным и не самым важным. Фактически Август обладал статусом, который законы не могли ограничить, статусом, завоеванным сильными людьми во все века, несмотря на формы конституции. Доминирующим фактом была его "аукторитас", его личное господство. Он был мастером главного аргумента в любом споре - армии; и, хотя его военное командование исходило от Сената и могло быть отозвано Сенатом, не было альтернативы между его сохранением и анархией.²³ Кардинальным фактом принципата было то, что легионы 151 по всей империи, где бы они ни были размещены, принесли военную присягу Августу и подчинялись только ему как своему суверену. Логика фактов заключалась в том, чтобы сохранить это высокое командование на всю жизнь, поскольку какие-либо изменения были немыслимы. Он был полон решимости никогда не выпускать из рук бразды правления, и Рим был полон не меньшей решимости, и поэтому было ясно, что время увеличит, а не уменьшит его влияние. Старые институты, хотя Август приложил всю волю к их сохранению, были обречены на увядание в тени новых. Он призвал энергии прошлого, чтобы узаконить будущее, но эти энергии были уже наполовину исчерпаны. Если все его полномочия имели республиканские прецеденты, то их объединение в руках одного человека было новшеством в лице человека экстраординарного административного гения. Не вся его конституционная честность и антикварное рвение могли вдохнуть жизнь в умирающие вещи. Механизм маленького города-государства не мог долго сочетаться с механизмом, необходимым для огромной империи.

Новое государственное устройство было подтверждено законом как сенатом, так и народом.²⁴ несогласных не было. Юристы-консерваторы, такие как Антистий Лабео,

могли сомневаться, но они хранили молчание, как и стройная школа традиционалистов,²⁵ представленная позже такими людьми, как Тразей Паэт и Гельвидий Приск. Их кредо было настроением, подобным якобинству восемнадцатого века в Британии, с большой гордостью за происхождение, но без надежды на потомство. "Les républicains," in the words of Lamennais, "sont faits pour rendre la république impossible."

II

Август в Галлии Большинство мужчин, запустив новый проект управления, сочли бы себя обязанными оставаться в центре событий, чтобы следить за его работой. Но Август был так уверен в достоинствах своего плана и в уступчивости Рима, и так уверен в своей звезде, что, проследив за ремонтом Виа Фламиния, Великой Северной дороги, он отправился в первое из тех путешествий, которые сделали его, за исключением неугомонного Адриана,²⁶ главным путешественником среди императоров. Он понимал, что в долгосрочной перспективе оправдание принципата заключается в его практической эффективности, и стремился не допустить ошибок. Императорская гражданская служба, основы которой заложил Юлий, должна быть организована, а для этого ему нужны были знания местного значения. Сначала он обратился к тому, что для Рима было самой насущной проблемой, - к Западу.

Осенью 27 года до н.э. он отправился в Галлию, взяв с собой своего сводного-сына Тиберия, сына Ливии от первого брака, которому сейчас пятнадцатилетнему мальчику, и Марцелла, который, возможно, был на год старше, сына от первого мужа его сестры Октавии, вдовы Антония. Его целью было реорганизовать провинцию, завоеванную Юлием и укрепленную Агриппой и Мессаллой, и к этому периоду мы можем отнести новое разделение на Нарбонну на юге, Аквитанию на юго-западе, Лугдуненсис в центре и Бельгику на севере. Общественное мнение в Риме, если можно верить поэтам, предвосхищало новую попытку завоевания Британии, но, хотя он, возможно, рекламировал это намерение как предупреждение, целью Августа была консолидация, а не завоевание. Последние месяцы 27 года до н.э. он провел в Нарбонне, расширяя и благоустраивая ее города, основывая школы по всей Галлии для преподавания римского права и латинского языка и проводя перепись населения с целью налогообложения.

Но с началом 26 года до н.э. ему пришлось изменить свои планы. Внезапно в различных частях империи возникли проблемы. Племена на македонской границе снова угрожали, несмотря на победы М. Красса в предыдущем году; саласси в Валь д'Аоста занимались своим старым делом - совершали набеги, а в северной Испании царил опасное беспокойство. Испания, p153старейшая римская провинция на Западе, и главным источником империи минеральных богатств, требовала своего первого внимания. Его задачей было подчинить астурийцев и кантабрийцев на севере и западе с помощью двух римских армий, каждая численностью в три

легиона, расквартированных в Ближней и Дальней Испании. Подробности этих кампаний неясны. В сражении 26 года до н.э. против кантабрийцев, которым он сам командовал, прорубил себе путь к побережью в Сантандере и был вынужден дополнить полевые победы тяжелой партизанской войной. Тяжелый труд и лишения подорвали его пошатнувшееся здоровье, и он был вынужден удалиться в Таррако, оставив войну в 25 году до нашей эры своим лейтенантам. Были достигнуты определенные успехи, но иберийских горцев можно было победить только в результате медленного процесса истощения, и только в 19 году до нашей эры и кампании Агриппы они были окончательно покорены. Более важной, чем меч, была его политика строительства городов, переселения племен и набора представителей племен в легионы для иностранной службы. Военные дороги служили уздечками для беспорядков, а новые колонии ветеранов были одновременно сторожевыми вышками и стратегическими базами.

Из Аравии и Египта с Востока тоже приходили тревожные новости. Одной из главных целей путешествия Августа на запад было изучение и корректировка финансовой системы, от которой, по его мнению, должно было зависеть будущее империи. Большая часть его времени в Галлии была посвящена этой задаче; главным мотивом испанских кампаний была защита испанских рудников, а экспедиция против саласси, вероятно, была в такой же степени попыткой контролировать добычу золота в их альпийских долинах, как и вопросом обороны границ. Но Египет был краеугольным камнем его новой экономики, и любые беспорядки или катастрофы там вызывали серьезную озабоченность. Он относился к стране как к родовому поместью, управляемому его собственным префектом, и первым, кто занял этот высокий пост, был его старый товарищ по оружию Корнелий Галл, друг Поллиона и Вергилия и сам неплохой поэт. Возможно, по предложению Галла, в 25 году до н.э. была отправлена экспедиция против сабеев, которые оккупировали то, что было Эльдorado того времени, Аравию, с ее легендарным богатством драгоценных камней, пряностей и золота. Может показаться, что к августу простой способ наполнения своей казны, и его поразили воображение римских поэтов.²⁷ Но экспедиция была плохо спланирована и с треском провалилась. Вместо того чтобы сесть на корабль в Беренике, он отплыл из самой северной египетской гавани Арсинои, и ему пришлось совершить шестимесячный переход, прежде чем он достиг сабейской столицы. Там легионы были вынуждены отступить из-за нехватки воды и с трудом переправились через Красное море. Это была первая и последняя схема эксплуатации диких-кошек, к которой Август приложил свою руку.

Более серьезной была ситуация в самом Египте. Корнелий Галл на своем новом посту, похоже, дал волю своей фантазии и был чрезмерно впечатлен собственным величием. Подавив восстание в Фиваиде, он двинулся на юг и провозгласил протекторат над частью Эфиопии, движимый, возможно, давней мечтой найти истоки Нила. Из Египта начали доходить странные слухи о диких похвальбах префекта и о его статуях с высокопарными надписями, установленных по всей стране. Он был официально обвинен в Риме и отозван Августом, который запретил

ему появляться в имперских провинциях. Что последовало за этим, неясно. Сенат, по-видимому, слишком поспешил истолковать желания принцепса и издал указ об изгнании Галла и конфискации его имущества, тем самым доведя его до самоубийства. Август глубоко переживал трагический конец своего старого товарища, тем более что он был также близким другом Вергилия; он прослезился, когда пришло известие, и горько жаловался, что он был единственным человеком, который, казалось, не мог ограничить свое недовольство друзьями.²⁸

Болезнь Принцепс вернулся в Италию в конце 25 года до н.э. с озабоченным видом. У него все еще было плохое здоровье, и его новая машина, казалось, обладала большой выдержкой. Помимо тревог за рубежом, ситуация в Риме была р155непростой. Он оставил Агриппу, своего коллегу по должности консула 27 года до н.э., отвечать за внутренние дела. Но у Агриппы было много других дел, связанных с реорганизацией императорской армии и флота и строительством благородных общественных памятников, и год спустя Август назначил Мессаллу Корвина на пост городского префекта. Это была старая магистратура, должность "префекта города"; но Мессалла, придерживавшийся жестких республиканских настроений, счел это слишком смелым нововведением и через шесть дней подал в отставку. Августу было ясно, что он все еще должен действовать осторожно.

Но больше всего его занимал вопрос о том, как продолжить принципат в случае его преждевременной смерти. Хрупкость его тела заставила его глубоко задуматься о будущем. Не было вопроса о наследовании по наследству, как в монархии; единственная надежда на преемственность состояла в том, что он должен подготовить человека, который станет его преемником, и ознакомить Рим с перспективой. Если бы он внезапно умер, Агриппа последовал бы за ним; но если бы ему был предоставлен разумный срок жизни, он, естественно, пожелал бы иметь преемника из своей собственной семьи. У него было два подходящих молодых родственника: Марцелл, его племянник по крови, и Тиберий, его приемный-сын. Юлии, его дочери от Скрибонии, сейчас было четырнадцать, и в 25 году до нашей эры ее выдали замуж за Марцелла, который в то время вернулся домой с войны, причем церемонией руководил Агриппа. В 24 году до н.э., после своего возвращения в Рим, Август предпринял официальные шаги, чтобы обозначить свои взгляды на вопрос о престолонаследии. Марцелл был уполномочен Сенатом заседать в рядах преторианцев и баллотироваться на пост консула за десять лет до достижения совершеннолетия, в то время как Тиберию было разрешено досрочно избраться кандидатом на пятилетний срок. Это означало, что первый будет курульным эдилом в следующем году, а второй квестором. Это были те же почести, которые в 43 году до нашей эры были оказаны молодому Октавиану.

23 год до нашей эры начался неудачно. Был сорван заговор против жизни принцепса, в котором были замешаны два видных сенатора, один из них, Мурена, победитель Саласси и шурин-Мецената. Вне всякого сомнения, в Риме все еще существовали элементы недовольства и неудовлетворенных амбиций, которые требовали обуздания сильной рукой. р156Затем предстояла тяжелая задача по

детальной разработке новых административных и финансовых механизмов для империи. Агриппа, чей собственный дом был сожжен, теперь жил с принцепсом на Палатине и находился в непосредственной близости от своего господина. Юный Марцелл оказался немного трудноват, поскольку его женитьбу на Юлии и не по годам развитое достоинство юноше было трудно поддерживать без высокомерия, но, к счастью, Агриппа, истинный коадьютор принцепса, был слишком мудрым человеком, чтобы быстро обидеться. В довершение всего Август тяжело заболел.²⁹ Вопрос о престолонаследии возродился в острой форме, ибо он смотрел смерти в лицо.

Он созвал главных судей и сенаторов к себе в комнату больного и произнес, как он полагал, прощальную речь. Своему коллеге-консулу Кальпурнию Пизону, республиканцу старой закалки, он представил подробный отчет о военном и финансовом положении империи, над которым они с Агриппой долго работали. Агриппе он вручил свой перстень с печаткой, тем самым выделив его как человека, которого он рекомендовал Сенату и народу как наиболее подходящего для выполнения его задачи. О Марцелле не упоминалось; бразды правления нельзя было доверить неопытному парню, все еще подростку. На какое-то время Рим затаил дыхание. Август придерживался строгого конституционного этикета, указывая на свои предпочтения, но оставляя выбор своего преемника Сенату. . . . Но выбора не требовалось. Греческий врач, вольноотпущенник Антоний Муса, с помощью процедур с холодной водой еще до середины лета восстановил здоровье принцепса.

Пересмотренная конституция Кризис выявил Августу определенные недостатки в его имперской схеме и определенные слабости в его собственном положении. Ежегодный пост консула был не только личным бременем и из-за своего коллегиального характера представлял потенциальную помеху, но и чрезмерно ограничивал должности, на которые могли претендовать сенаторы. Существует необходимость проведения коренных реформ в областной администрации, дело, в котором Агриппа должен был стать его главный агент, и для этого он должен иметь четкое верховную власть, даже в сенатских провинциях. Вопрос о престолонаследии мог на время отойти на второй план; со временем Рим привыкнет к мысли о Марцелле, а тем временем Агриппа был как раз тем человеком, который должен был действовать в чрезвычайной ситуации. В самом Риме предстояло многое сделать, и требовалось более четкое определение его фактических полномочий; административная реформа была достаточно сложным делом и без осложнений, связанных с *ultra vires*. Республиканские чувства также должны быть более деликатно смягчены, ибо только так можно ускорить их продвижение к достойной смерти. Таким образом, он подготовился к пересмотру конституции. Во-первых, чтобы расчистить почву, он подал в отставку с поста консула 1 июля, договорившись, что его преемником станет Л. Сестий Квириналий, который, как и Пизон, был старым республиканцем и сражался на стороне Брута.³⁰

III

В июле он встретился с Сенатом. Он начал с подтверждения своей верности конституции, предложив в качестве доказательства зачитать свое завещание, чтобы показать, что в преддверии смерти он не назначил преемника, а оставил выбор за римским народом. Сенат отказался это слушать. Они заявили, что им не нужны доказательства по этому вопросу; временная нехватка зерна в Риме заставила их больше, чем когда-либо, стремиться к сильному администратору, и они настаивали (политика была тщательно подготовлена-), что пришло время, когда власть принцепса должна быть более полно определена и расширена. Решение сената, позже одобренное Ассамблеей,³¹ придало этому органу окончательную юридическую форму.

Сначала появился краеугольный камень - империум. Отказавшись от ежегодного пребывания в должности консула, Август теперь владел империей только как проконсул и не мог осуществлять ее в Риме или в провинциях, отведенных сенату.- Эта трудность была преодолена благодаря выдаче "maius imperium", который действовал во всех провинциях p158, а также в пределах городских стен.³² Это означало, что он обладал высшей властью во всей империи он завербовал все войска, назначил всех офицеров, и военная присяга была принесена от его имени; он был единственным источником чести; он принимал решения о распределении общественных земель и расселении ветеранов; и от него зависело объявление войны и заключение мира. Он мог вмешиваться в управление сенаторскими провинциями, когда считал это необходимым.³³ Схема, аналогичная позиции Помпея между 67 и 62 годами до н.э., была разработана для обеспечения того, чтобы верховное командование постоянно находилось в руках одного и того же человека без угрозы для государства. Разумно, что соглашение было ограничено сроком в несколько лет.

Не менее важным было предоставление трибунской власти пожизненно - пожизненно, но с ежегодным продлением, чтобы все документы можно было датировать годами, начиная с 23 года до нашей эры, в котором он ее занимал. Этот титул впервые появляется на его монетах, чтобы показать важность, которую он им придавал. Это была его высшая связь с Римом и его народом, и мы уже видели, какие права это давало ему контролировать государственные дела. Его отставка с поста консула лишила его определенных привилегий в отношении заседаний Сената, и они были специально восстановлены за ним. Ему были предоставлены консульские полномочия по ведению дел, право созывать Сенат, право издавать сенаторские указы, и с помощью своего тайного совета он мог определять повестку дня каждой сессии.

Эти прерогативы - неограниченный проконсулярный империум и трибунская власть - были двумя основами новой версии принципата. Он мог бы попросить больше, но он оценил их достаточно. По сути, они сделали его-всесильным. Он командовал армиями и правил заморской империей. Он мог руководить обсуждениями в Сенате и Собрании p159, а также контролировать выборы магистратов. Он обладал

неприкосновенностью трибуна. Он обладал высшей законодательной властью. Хотя он и не был Высшим понтификом до смерти Лепида в 13 году до н.э., фактически он отвечал за все религиозные вопросы и назначал членов священных коллегий. Он председательствовал на смотре ордена всадников. Политика, общественные работы и снабжение Рима зерном были в его руках. Поскольку он мог пополнять государственную казну из своих личных средств — его собственный дом был крупнейшим банковским и коммерческим предприятием в Риме, — он был на пути к контролю над финансами государства. И все эти многочисленные и разнообразные полномочия были приобретены без насилия над республиканскими чувствами, и, хотя их главной санкцией был его личный престиж, они были надежно подкреплены обычными законами.

Смещение акцентов За четыре года принципат едва начал тот процесс формирования, который должен был сделать его одной из самых сложных и в то же время отлаженных систем правления, известных истории. Но, благодаря фактам, с 27 года до н.э. оно сделало смелый шаг вперед. Акцент явно сместился с Сената на принцепса. Появились два поразительных нововведения. Верховная власть принцепса теперь не была, как в случае с Помпеем, задумана только для экстренного случая и, следовательно, может быть прекращена; хотя юридически ей был установлен предел, понималось, что она должна продолжаться по крайней мере до тех пор, пока жив Август, поскольку альтернатива была немыслима. Что еще более важно, верховное командование было определенно отделено от гражданского правительства. Технически Август больше не был магистратом; хотя он обладал консульскими, проконсульскими и трибунскими полномочиями, он не был ни консулом, ни проконсулом, ни трибуном. При условии лишения его полномочий Сенатом и народом — что было практически, хотя и не теоретически невозможно, — он имел решающее слово по каждому вопросу. День византийского самодержавия был отложен на триста лет, но, несмотря на весь свой республиканский колорит, принципат далеко ушел от Республики. Теперь государство имело двойственный характер, в котором тонко смешались идеи римской магистратуры и эллинистической монархии, и именно эта смесь должна была придать ему власть над разнообразным населением империи. p160Август не задумывал ту форму, которую она приняла, но его мудрый оппортунизм позволил появиться конституции, обладавшей органической жизнеспособностью, потому что она соответствовала фактам. Один великий ученый упрекнул его в том, что он "пожелал невозможного и установил непостоянное";³⁴ но то, чего он пожелал, было предварительным, осуществимость чего была оставлена на проверку временем, и насмешка над непостоянством бесполезна в случае института, который просуществовал столетия и все еще является частью структуры современного мира.

Революционное развитие 23 года до н.э. не имело серьезной критики. Литературные свидетельства о ранней империи испорчены, поскольку исходят в основном от интеллектуалов и традиционалистов; гораздо важнее доказательства из эпиграфики и археологии, свидетельствующие о широко распространенном удовлетворении

новым дизайном, удовлетворенности, которая вскоре перерастет в почти религиозное почитание. Тацит вкладывает в уста Гальбы слова, которые точно описывают настроение Рима и Италии: "Те, кем ты должен править, - это люди, которые не могут вынести ни полного рабства, ни полной свободы".³⁵ Аристократия смирилась с этим; за четыре года принципата многие восстановили свое состояние, а некоторые вернулись к своему старому занятию - обустройства гнезда за государственный счет. Август был скрупулезен в предоставлении высших постов вельможам всех партий. Если бы Агриппа и Статилий Тавр были низкого происхождения, он мог бы указать на другую сторону - Валерия, Корнелия и Кальпурния, потомков гордых домов Эмилия Павла и Сципиона.³⁶ Средние классы согласились, поскольку теперь у них была некоторая надежда на мир и коммерческую безопасность, и они знали, что Август намеревался в полной мере использовать всаднический орден. Пуританская часть римского общества, а она была немалой, видела в нем приверженца древних приличий p161 Пролетариат, напуганный голодом и разливами Тибра, надеялся, что он защитит их ненадежные средства к существованию и скудные удовольствия. Чего они жаждали, так это компетентного правительства, поскольку они были первыми жертвами неэффективности. Слишком часто забывают, что городская мафия и ее лидеры, популярны, никогда не были демократами в современном смысле этого слова. Провинции смотрели на Августа как на своего защитника от злых дней эксплуатации со стороны жадных проконсулов. У них не было сентиментальности по отношению к сенату и народу, поскольку они знали о полной некомпетентности своего правления.³⁷ Молодежь тоже видела перед собой более широкое будущее, не только благодаря имперским идеалам, но и тому факту, что политические должности теперь были открыты для молодых людей, и что, поскольку государственные должности теперь оплачивались, талантливым людям со скромным достатком предлагалась карьера.³⁸ Страбон, переживший все это, изложил вердикт своих современников, написав: "Никогда Рим и его союзники не пользовались такими благами мира и процветания, как те, которыми Август одаривал их с тех пор, как он получил абсолютную власть".³⁹ Позже должны были вспыхнуть восстания против того или иного принцепса, но никогда - против принципата.

IV

Установив конституцию, Август теперь был свободен посвятить себя задаче, которая была ему больше всего по сердцу, - радикальной реформе имперской администрации. В нем было мало от юриста и еще меньше от философа; его талант, как он хорошо знал, был направлен не на теорию, а на практику; он думал не об абстрактном совершенстве системы, а о ее значении в жизни людей, которых она затрагивала. Его заботили люди и вещи, а не доктрина. Но он также понимал, что догма может быть фактом в не меньшей степени, чем налог или кампания, и он не пренебрегал общественным мнением. Юридическим советником у него был Атей

Капитон, а ловким и утонченным Меценатом - его р162министр пропаганды, врач, который следил за душой и духом Рима.

Агриппа Но Агриппа оставался его главным советником и главным исполнительным директором. Вопрос о престолонаследии еще не был решен, но предварительная договоренность была достигнута; Марцелла предстояло подготовить к этой задаче, и Рим постепенно привыкал к этой мысли, в то время как в чрезвычайной ситуации государство можно было оставить в сильных руках Агриппы. Современные римские сплетни, точно воспроизведенные более поздними историками, естественно, предполагали некоторую ревность между юношей, столь внезапно превознесшимся, и ветераном, вынесшим жару и тяготы дня. У пожилого человека могут быть моменты раздражения, поскольку он не был недвусмысленно честолюбив,⁴⁰ но его миссия на Восток осенью 23 года до н.э. не была, как принято говорить, вынужденным изгнанием во избежание трений с Марцеллом.⁴¹ Это объяснение не согласуется с тем, что мы знаем о характерах как Агриппы, так и Августа. Он был отправлен на восток с поручением доложить о случившемся, поскольку именно в этой части лежали главные заботы принцепса. Он отправился в качестве наместника Августа со вторичным проконсулом империи, который давал ему власть над всеми имперскими провинциями в этой части; Сирия, которая считалась главнокомандующей имперскими провинциями, была его особой обязанностью, но здесь он управлял легатами, предпочитая осуществлять общий контроль с Лесбоса.⁴² В то же время Август, возможно, желал, чтобы отсутствие Агриппы позволило Марцеллу более заметно выделиться в глазах Рима. Он был его племянником и мужем его дочери, и, если бы у него был сын, будущий принцепс мог бы происходить по прямой линии от его собственной крови.

Смерть Марцелла Этой надежде было суждено рухнуть, ибо до конца года Марцелл был мертв. Он подхватил ту же лихорадку, что поразила Августа, и, хотя Антоний Муса усердствовал с лечением холодной водой, он скончался от болезни - или от лекарства., он умер. Мы мало знаем об этом двадцатилетнем юноше, но горькая скорбь Августа и Октавии, которые с тех пор жили в уединении, и широко распространенная народная скорбь⁴³ предполагают, что он обладал всем изяществом юности и обещанием возмужать. Он происходил из прекрасного рода, потому что его отец был человеком знатного происхождения и характера, а мать - святой. Эпитафия была написана Вергилием в самых благородных строках, когда-либо посвященных наследнику несбывшейся славы, когда Эней в подземном мире встречает стройную тень с трепещущей Ночью на челе.⁴⁴

Heu pietas, heu prisca fides invictaque bello

dextera! Non illi se quisquam impune tulisset

obvius armato, seu cum pedes iridescent in hostem

seu spumantis equi foederet calcaribus armos.
Heu, miserande puer, si qua fata aspera rumpas!
tu Marcellus eris. Manibus date lilia plenis,
purpureos spargam flores animamque nepotis
his saltem accumulem donis, et fungar inani
munere.

Примечания автора:

¹ Дата определена Овидием *Фастом*.I.587.

² LIII.4.

³ Пн. Предок.VI.16-21; С. I. L.IX.5809;Макроб. *Сатурн*.I.12; Лив. *Эпитет*. 134.

⁴ "morbo proditor," Vell. II.83.

⁵ Веллей (II.91) и Дион (LIII.16) подразумевают, что заключение сената по этому вопросу было дополнено законом Собрания.

⁶ "o pater, o genitor, o sanguen dis oriundum, tu produxisti nos intra luminis oras."

⁷ LIII.16. "Август" было переведено с греческого через σεβαστός, "почитаемый", но в Риме, как объяснялось выше, оно имело более богатый и разнообразный смысл. Это

слово было очень редким в латыни до первого века до нашей эры. Цицерон использует его тринадцать раз, главным образом в *de Legibus*.

⁸ Оригинальное соединение имени Хаверфилдом с использованием AUG° on Mark Antony's coins will be found in *J. R. S.* (1915), V.249,. О связи Августа с Ромулом см. J. Gagé в *Mel. de l'É. F.*(1930), 130-81. Современный Рим был жив благодаря пророческому оттенку этого названия; ср. Овидий. *Пост.*I.603-4, и *Virg.Aen.* VII.153, где Сервий объясняет "augusta moenia regis" как "augurio consecrata".

⁹ В течение последнего десятилетия произошло возрождение цicerоновщины. "Закон" был опубликован, и количество экземпляров "*Республики*" увеличилось. В сентябре 30 г. до н. э. сын Цицерона стал коллегой Октавиана и "консулом-суффектом" и официально объявил о смерти Антония. Ср. Олтрамар, "Цицеронская реакция" в *Rev. des É. L.* (1932).

¹⁰ *Пн.*I.37-9; VI.21-3. Некоторые утверждали, основываясь на Ульпиане, *Dig.*I.16 и ДионеLIII.32, что Август теперь был наделен подавляющей властью над сенаторскими провинциями. Но я разделяю скептицизм профессора Макфайдена по этому поводу (*C. P.*, 1921, XVI.34-7). Влияние Августа в этой сфере в соответствии с соглашением 27 г. до н.э. было, я думаю, обусловлено его общими "аукториями", а не конкретным грантом.

¹¹ "senatus censuit populusque jussit," *Cic. pro Planc.* XVII.42.°

¹² После Тиберия больше не было технических "легий", за исключением одного или двух после императоров-антикваров, таких как Клавдий и Нерва.

¹³ См. p205 *infra*.

¹⁴ Когда он заболел в 23 году до н.э., Август передал свои отчеты своему коллеге-консулу, а тот оставил их сенату после своей смерти. См. стр. 156*ниже*.

¹⁵ Веллейус резюмирует официальную точку зрения на реконструкцию: "восстановление законности, судебных полномочий, сената величеств, имперского магистрата и пристойного режима редактирования . . . *prisca illa et antiqua reipublicae forma revocata.*" II.89.

¹⁶ Dio LVI.33.

¹⁷ Это кажется очевидным из Пятого эдикта Кирены. Эти указы датируются 7-4 годами до н. э. и были впервые опубликованы Г. Оливериио в *Notiziario Archeologico*(1927), IV.

¹⁸ "Зная, что на самом деле стало результатом того или иного действия, легко предположить, что это было частью сознательной цели действия, что не всегда так. Даже если верно, что восстановление Республики было нереальным, это само по себе не является достаточным доказательством того, что Август хотел, чтобы это было нереально, или был полностью виноват в ее нереальности. Действительно, можно показать, что в значительной степени нереальность происходила из-за причин, за которые он никоим образом не был ответственен". Марш, *Основание Рима. Emp.*, 219.

¹⁹ Различные точки зрения можно резюмировать следующим образом: Что касается реальности реставрации, то древними авторитетами являются Пн. VI.13, and II.89, а среди современных - Ферреро, IV.135; Э. Мейер, *Кляйне Шифтен*, 441-92; Момм. *Staatsr.* II.747кв.; О. Хиршфельд, *Die kaiserlichen Verwaltungsbeamten*, 470; Марш, *указ. соч.*, 219; Пелхэм, *Очерки*, 31-2; Хаммонд, *Принципат Августа*, 4кв., Среди древних авторитетов Тацит, *Энн.* III.28; Дион, LII.1; Страбон, XVII.3.25; среди современных авторов за ним следует Гардтхаузен, *N. J. cl. Alt.*(1904), 214-51; Дессау, *Gesch. der röm. Kaizer*, I.39; Ростовцев, *Соц. и экон. Hist. of Rom. Emp.*, 38-43, и Райс Холмс, II.180 *н.* An intermediate position is adopted by Mitteis, *Röm. Privatrecht*, 352; Schönbauer, *Untersuchungen z. röm. Staats- und Wirtschaftsrecht, Zeitschrift der Savigny-Stiftung*, XLVII (1927), 264-318; Kolbe, *Von der Republik zur Monarchie* (1931), 39-65, and P. de Francisci, *Storia del diritto romano*, II.232 sqq.

²⁰ Тацит (*Агрик.* 3) похвалил Нерву за то, что он "воссоединил принципат со свободой", что показывает, что он не считал эти две вещи несовместимыми.

²¹, Возможно, лучше "двоевластие", как предлагает Гардтхаузен (II.306 н.), по аналогии с διθύροс и δίφθογγος.

²² *Представитель* I.69.

²³ "Август не устанавливал военную тиранию и не делал армию главным элементом в своей империи. Он, конечно, сосредоточил в своих руках всю военную мощь государства, но сделал это как слуга государства и с целью предотвратить посягательства на государственную власть, которые произошли при поздней Республике". Хаммонд, *указ. соч.*, 148; *ср.* Ростовцев, *указ. соч.*, 40.

²⁴ Dio LIII.12.

²⁵ В *спорах* Сенеки старшего сохранилось несколько имен непримиримых, в основном ритором, таких как Тит Лабиен и Кассий Север.

²⁶ Двенадцать из двадцати-одного года своего правления Адриан провел в имперских успехах. Август посетил все провинции, кроме Сардинии и Африки.

²⁷ *Ср.* Гор. *Од.* I.35; Проперций III.1.

²⁸ Suet. *Div. Aug.* 66; for the relations of Gallus and Virgil see *Ecl.* VI и X. Галл, возможно, был автором *Ciris*, традиционно приписываемого Вергилию; *ср.* Skrutsch, *Vergil und Gallus* (1905). По словам Сервия, странная неуместность второй половины четвертой книги *Георгики* связана с тем фактом, что она должна была завершиться восхвалением Галла, но у этого взгляда есть очевидные трудности, о которых см. У. Б. Андерсон, C. Q. (1933), XXVII.

²⁹ Болезнь, вероятно, была брюшным тифом, при котором холодные компрессы и холодные ванны когда-то считались подходящим методом лечения.

³⁰ Придворный поэт Гораций посвятил ему оду (I.4), помещенную после од Меценату и Августу, что показывает политическое значение назначения.

³¹ Ульпиан, *Dig.*I.4.1.

³² ДиоLIII.32. Точку зрения, отличную от принятой выше, см. Макфайден, "Принцепс и сенаторские провинции", *C. P.*(1921),XVI.

³³ см. слова в пятом указ Кирены, ὅσῃν φροντίδα ποιοῦμεθα ἐγὼ τε καὶ ἡ σύγκλητος.

³⁴ Hirschfeld, *Die kaiserlichen Verwaltungsbeamten*, 468, quoted in *C. A. H.* X.181.

³⁵ *Хист.*Я.16.

³⁶ Изучение фастов показывает преобладание аристократов на высоких должностях. Ср. Марш, *Основание Рима. Емр.*, 241-2.

³⁷ *Ср.*Так.Энн.I.2.

³⁸ Dio LIII.15.

³⁹ VI.288.

⁴⁰ Cf. II.79, "parendi . . . , sed uni, scientissimus, aliis sane imperandi cupidus." Он пытался убедить Горация отпраздновать его деяния, *Од.* I.6.

⁴¹ Велл. II.93; ДионLIII.32; Suet. *Div. Август.*66; *Тиб.*10; Плиний *Н. Х.* VII.149.

⁴² Иосиф Флавий понимал эту позицию, *Ант.*XV.10. Этот вопрос полностью обсужден Рейнхольдом, *указ. соч.*, 167-75.

⁴³ Тактика. *Энн.*I.3; *С. I. L.V.*7376.

⁴⁴ *Аен.* VI.878-86. Эти строки непереводимы, но вот Маккейл в прозе и Драйден в стихах:

"Увы его доброте, увy его древней чести и деснице, непобедимой в войне! никто не встречался с ним невредимым в бою, встречался ли он с врагом пешим или вонзал шпоры в бока своего покрытого пеной коня. Ах, бедный мальчик! если ты сможешь сломать суровую преграду судьбы, ты станешь Марцеллом. Дайте мне лилии полными руками; позвольте мне осыпать их яркими цветами, и эти дары, по крайней мере, позволят мне щедро одарить душу моего потомка и оказать бесполезную услугу".

"В тебе восстанет новый Марцелл!

Принеси полные канистры благоухающих лилий!

Позвольте мне возложить похоронные цветы к его телу;

Дары, которыми родители обязаны одаривать своих детей,
по крайней мере, этот бесполезный дар я могу преподнести!"

Глава III

Творческая эволюция

(23-2 год до н. э.)

Et du premier consul déjà, par maint endroit,

Le front de l'empereur brisait le masque étroit.

VICTOR HUGO, *Les Feuilles d'Automne*.

Начиная с 23 года до н.э. историк, изучающий образ мыслей Августа, выполняет две задачи. Задача летописца - фиксировать последовательность событий, но иногда он должен останавливаться в своем повествовании, обозревать положение дел и оценивать его значение, поскольку, как и в человеческом теле, небольшие изменения в привычках и структуре могут иметь глубокое органическое значение. В этой главе его задача - рассмотреть двадцать лет эволюции, в течение которых принципат Августа достиг своей зрелой формы.

Я

Августу не терпелось приступить к выполнению задачи, которую он считал своим главным долгом, - сделать жизнь безопасной и сносной для каждого класса в империи. Ему пришлось приобрести необходимые полномочия, но это был только пролог; тяжелая работа заключалась в том, чтобы использовать их для разработки новой системы управления и права. Программа была обширной, и ее могло выполнить только сильное центральное правительство, не подверженное периодическим изменениям. Он также понимал, что потеря старой республиканской свободы должна быть компенсирована эффективностью новой власти. Если бы людям было запрещено думать о себе неправильно, они должны были бы быть довольны тем, что ими хорошо управляют. Мудрый патернализм казался ему неотъемлемым спутником автократии.

Сначала он отправился на Сицилию, остров, который погрузился в нищету. Некогда житница Рима, она была вытеснена из-под монополии на торговлю зерном Египтом, Сардинией и Африкой, и ее земли в значительной степени перешли от пашни к пастбищам, огромным ранчо, которыми владели римские землевладельцы, отсутствовавшие на данный момент. Его целью было возродить небольшую смешанную ферму и свободного земледельца. Он использовал общественную землю там, где она была доступна, и купил еще больше, и на ней он основал семь колоний,

частично из ветеранов, частично из итальянских соотечественников, надеясь таким образом восстановить экономическое равновесие и создать ядро романизации на острове, который так и не смог полностью усвоить римские традиции.

Агриппа и Юлия В 22 году до н.э. настоятельно требовали его возвращения в Рим. Наводнения и голод привели людей в ужас, и толпа пригрозила сжечь здание Сената, если Август не будет немедленно назначен диктатором. Он отказался от - корабля "диктатор", в котором не было необходимости, но взял в свои руки поставки зерна и за несколько дней восполнил дефицит за свой личный счет. Он отказался также от должности постоянного консула и цензора, на которые ему давили; это были пустые названия, поскольку у него уже были полномочия. Но Рим выходил из-под контроля, поэтому он вызвал Агриппу с Востока в качестве своего регента в столице. Агриппа в течение 21 года до н.э. с восхищением выполнял свою задачу. Он восстановил порядок и наложил эмбарго на египетские обряды, которые становились нездоровой модой в Риме. В доказательство того, что он признал Агриппу своим коллегой по правительству, Август предложил ему руку своей дочери Юлии, вдовы Марцелла. Говорят, что Меценат посоветовал этот брак на том основании, что Агриппа теперь стал настолько могущественным, что должен либо стать зятем- принцепса, либо быть предан смерти. Наблюдалась печальная разница в годах, поскольку Юлии было самое большее восемнадцать, в то время как ее муж был немного старше ее отца; более того, Агриппе пришлось развестись с Марцеллой, дочерью Октавии и матерью его детей. Этот союз пожилого солдата, всецело поглощенного государственными заботами, и блестящей, любящей удовольствия девушки был первым из тех браков по расчету, которые поставили под угрозу семейный покой Августа.

Когда Рим снова пришел в порядок, следующие два года Агриппа провел в Галлии и Испании. В Галлии он приступил к работе по реорганизации, которую Август начал шесть лет назад, улучшив дорожную систему и, в своей привычной манере, украсив города. Первым из своих великолепных зданий Немаус (Ним) был обязан его предприимчивости. Затем его призвали в Испанию, где он завершил завоевание кантабрийцев, свою первую военную службу с 31 года до н.э. Он доложил о своем успехе не Сенату, а Августу, и отказался от триумфа, поскольку, по его мнению, высшая военная слава не должна достаться независимым полководцам, но что все победы должны рассматриваться как одержанные принцепсом.¹

Тем временем Август уехал с Сицилии на Самос, где провел зиму 21-20 года до н.э. Для Греции он мало что сделал, кроме как отделил ее от Македонии и образовал провинцию Ахайя. Захудалый город, который когда-то был Спартой, получил некоторое признание. Коринф получил определенные блага, поскольку это была юлианская колония, но Афины, которые постоянно принимали сторону проигравших в гражданских войнах, были оставлены на произвол академического упадка. Он не был филэллином, как, впрочем, и немногие из правящих римлян.² Но когда он переправился в Азию, то оказался на более благоприятной почве, поскольку азиатский эллинизм приветствовал его как суверена в точном

соответствии со своими традициями. Он путешествовал через Малую Азию в Сирию, борясь с нищетой в городах, регулируя размер дани, прокладывая дороги, учреждая общественные работы, вознаграждая заслуги и наказывая некомпетентность и неправильное управление.

Армения Его главной проблемой была проблема королевств-клиентов, в частности Армении, с которой была связана безопасность восточной границы. Королевская власть-клиент была полезным институтом, который просуществовал уже два столетия и который позволял Риму осуществлять окончательный контроль, не обременяя себя повседневным управлением. Армения была сложным предприятием. Географически она принадлежала к парфянской сфере влияния, поскольку была связана через средства массовой информации с Иранским нагорьем, а ее население было полностью иранизировано. Если бы Рим аннексировал его, он фактически вбил бы клин в Парфию и усложнил бы оборону ее границ; если бы он оставил его в покое, он оказался бы во власти Парфии и стал бы опасной базой для нападений на империю. Таким образом, в то время как Иудея, Каппадокия и Коммагена сохранили свой прежний статус, Армения находилась в постоянном движении. Артаксес был его царем, а Фраат был царем Парфии, и сын последнего был заложником в Риме. Артаксес правил плохо и был удачно убит, но Август, вместо того чтобы сделать Армению римской провинцией, передал трон брату покойного царя, Тиграну. Он отослал сына Фраата обратно к его отцу при условии, что будут возвращены римские штандарты, потерянные Крассом и Антонием, и у него был Тиридат, претендент на парфянский трон, в качестве оружия, которое можно будет использовать в случае необходимости. Теперь он вынудил парфянского царя выполнить свою сделку, и Тиберий в Сирии получил знамена и нескольких пленников, которые почти забыли свою родину. Рим пришел в ярость от этой новости, поскольку Карры долгое время были занозой в национальной памяти, а Парфия - мрачным кошмаром. Ни один выдающийся поэт не отказался отдать ему дань уважения,³ и на целое поколение это стало постоянной темой римской литературы. Теперь с Парфией был заключен мир: римский суверенитет над Арменией был принят в качестве платы за это, и у Рима были развязаны руки для выполнения своих задач на Севере и Западе.

Это был дипломатический триумф, хотя римское население предпочло бы громкую победу на поле боя, и Август на закате своей жизни не утратил гордости за это.⁴ Он прекрасно понимал, что это не окончательное урегулирование, а всего лишь передышка. Армения должна была оставаться центром бурь, требующих периодических кампаний, и аннексия Траяна и уход Адриана были не лучшим решением проблемы восточной границы. Но на данный момент у него был спокойный ум. Зиму 20 года до нашей эры он провел, отдыхая на Самосе, где принимал посольства из многих стран, даже одно из далекой Индии, которое принесло на Запад первого тигра. Смерть Вергилия В начале 19 года до н.э. он перебрался в Грецию, где был посвящен в Элевсинские мистерии, что было странной выходкой для его персонажа. Он познакомился с Вергилием в Афинах, и поэт

отправился с ним в Брундиций, где 22 сентября скончался в возрасте пятидесяти-одного года.

Смерть Вергилия была воспринята Августом как тяжелая личная потеря. По темпераменту у этих двух мужчин было мало общего. Худощавый поэт с простоватой речью и манерами, чьи меланхоличные глаза и изможденные черты лица сохранились для нас на мозаике Гадруметума,⁵ был действительно далек от того великолепия, которое предстает перед нами в статуе Прима Порты. Но Август обладал даром осознавать ценность многого из того, что он недостаточно понимал. Он не мог проникнуть в тайный мир Вирджилла, но понял, что в нем было нечто такое, что много значило для нового общества, которое он стремился создать. Ломанные строки, странный полумрак, задумчивость, щемящее "желание", которые делают Вергилия уникальным среди латинских поэтов, должно быть, были скрыты от солидного, четырехугольного властелина мира, но он мог оценить строгую изысканность искусства, которое внесло новизну в латинский язык. Он смутно ощущал, что этот человек воплощает в себе все лучшее, что было в его эпоху, как то, во что он сам мог войти, так и то, что он мог уважать только со стороны. Вирджил подарил миру не только барабаны, но и звуки флейты; ликование победы и трепет власти, а также скромные будни крестьянина и благодатную магию сельской местности.⁶ Все это Август понимал, но больше всего его заботило то, что в эпосе, на создание которого у него ушло одиннадцать лет, поэт написал новые священные писания для Рима. За этой работой он наблюдал с большим интересом, написав из Испании в 25 году до нашей эры, чтобы спросить, как продвигается работа. Это была сага о его собственной семье, Юлианах, которые утверждали, что происходят от кудрявого сына Энея. Но это была также великая история Рима — *"tantae molis erat Romanam condere gentem"* — гордое воспоминание и яркое вдохновение. Вергилий был истинным римлянином, любителем дикой природы и Севера, но также и приверженцем городов, поскольку после юности он оставил Мантую позади и всецело жил в Риме и Неаполе. Вся Италия, вся империя были его домом. Руководствуясь здравым смыслом, Август запретил душеприказчикам поэта выполнить его желание и сжечь рукопись, сохранив тем самым для мира бесценное сокровище. Для римлян Вергилий был проповедником более благородной морали и пророком более великой судьбы, ибо он дал выражение всему лучшему, что было в обществе, и сделал имперский идеал предметом видения и высокой поэзии. Но не менее он был толкователем человечества в каждую эпоху, его страданий и утешений, и, следовательно, поэтом не только ушедшего Рима, но и духовного Рима, Вечного Города, который никогда не может погибнуть, поскольку он построен из человеческих надежд и мечтаний.

II

Август прибыл в Рим в октябре 19 г. до н.э. Во время отсутствия Агриппы в Испании там возникли проблемы из-за консульских выборов, и в Кампании его

встретила встревоженная депутация сенаторов и магистратов, радовавшихся приезду человека, от которого зависели все классы общества. Он отказался от какого-либо триумфа и ночью тихо проскользнул в город. Следующие два года он оставался в Риме, что было периодом напряженного труда. Точно так же, как его зарубежные поездки были не просто инспекционными, а насыщенными деталями административной реорганизации, месяцы, проведенные в столице, были наполнены непрерывным трудом. Принципат медленно развивался под его руководством. В 17 году до н.э. десятилетний грант империи подошел к концу и был продлен еще на пять лет. Это было предрешиено, но был сделан следующий шаг. Было подтверждено совместное-регентство Агриппы, ныне вернувшегося домой из Испании. Ему была дарована власть над провинциями на тот же срок, что и принцепсу, а также трибунская власть. Фактически эти два человека теперь были совместными правителями империи с равными полномочиями, но Август оставался p170старшим в силу своего личного "auctoritas". Старая республиканская коллегиальная система была фактически возрождена, но вместо двух ежегодных консулов теперь было два принципала со сроком полномочий в пять лет. Этот хитроумный прием временно решил вопрос о престолонаследии. В случае смерти Августа Агриппа занял бы его место по чистой случайности. Только у него в руках были все нити управления. Более того, Юлия родила ему двух сыновей, Гая в 20 году до н.э. и Луция в 17 году до н.э., и Август, по римскому обычаю, усыновил детей. По всеобщему согласию предполагаемым наследником теперь был Агриппа, а его преемником, в свою очередь, естественно, стал бы Гай, который был бы подготовлен для выполнения этой задачи. Таким образом, была установлена форма наследственного наследования, но с республиканским привкусом и прочной конституционной основой.

Административные реформы Августу, согласно Диону,⁷ также были предоставлены на пять лет цензорские полномочия. Цензоры были назначены в 22 году до н.э., но оказались бессильными, и возможно, принцепс, следуя своей одобренной практике, приобрел полномочия без должности.⁸ Нечто подобное было необходимо, если он хотел добиться реформ в манерах и морали, которые, по его мнению, были не менее важны, чем реформа правительства. Но более вероятно,⁹ что знаменитые Юлианские законы о поведении, которые будут рассмотрены позже, были введены и приведены в действие благодаря трибунской власти. В качестве предварительного шага Август сделал то, что сделал десять лет назад, и пересмотрел список сенаторов. Это всегда было непростой задачей, поскольку ни один сенатор не признал бы свою недостойность и добровольно не ушел бы в отставку. Сначала он пытался действовать через комитет сенаторов, но в конце концов был вынужден сам выдвигать кандидатуры и столкнуться с одиозностью. Он не смог опустить цифру ниже шестисот, что было вдвое больше того, что он считал телом рабочего человека. Краткость его упоминания о бизнесе в *Res Gestae* является доказательством того, насколько неприятным он его находил. Более того, это было очень близко к акту самодержавия, поскольку он действовал только в соответствии с сомнительным цензорским правом, подразумеваемым p171в его консульской власти, которая, в свою очередь, подразумевалась в его империи.

Это были наиболее заметные черты двух лет крайней занятости. Он выбрал все отрасли государственной службы для своей провинции и посвятил долгие часы муниципальному управлению, реорганизации армии, общественным работам, финансовым хитросплетениям, в то время как проблемы, требующие его решения, постоянно прибывали со всех концов земного шара. Одной из его главных реформ было распределение определенных обязанностей старых магистратур между новыми избранными комиссиями, утвержденными Сенатом, но контролируемые им самим. Ему также предстояло создать свой секретариат,¹⁰ и новую государственную службу, и он был занят проведением статистического обследования империи с целью более справедливой корректировки налогообложения. Ни один пункт не был слишком мал для его личного внимания. Свидетельства эпиграфики показывают, что потоком эдиктов, рескриптов и распоряжений он регулировал мельчайшие детали провинциального управления. Мало-помалу он создал эффективный секретариат, и в вопросах политики ему помогал его тайный совет, но ясно, что инициатива в большинстве случаев исходила от самого Августа, и что основная часть работы принадлежала ему. Агриппа был великим солдатом и гениальным строителем, но он принимал мало участия в более крупных делах государственно-корабля, в то время как Меценат был прежде всего специалистом по невесомости общественного мнения; его талант был консультативным, а не исполнительным.

Священные люди В 17 году до н. э. Август немного отдохнул от своих трудов. Большая часть предварительной работы была проделана, и настало время отпраздновать рассвет нового мира. Повсюду витал живой дух надежды, ощущение того, что старые несчастливые дни ушли в прошлое и что Рим вступает во вторую молодость. Нужна была какая-то грандиозная национальная церемония, чтобы придать конкретности этому видению и поразить воображение людей. "В нем должны быть соединены в живописной гармонии краткое изложение "Возрождения мира", социальные идеи олигархии, правившей империей, этрусская доктрина десяти веков, итальянская легенда о четырех эпохах мира, стр. 172 оракулы Сивиллы, возвещавшие о приближении царствования Аполлона, воспоминания из эклоги Вергилия, предсказывавшей Золотой век, пифагорейская доктрина о возвращении душ на землю, которая учила, что по прошествии четырехсот сорока лет тело и душа снова живут в своем прежнем состоянии, и что после четырехсот сорока лет тело и душа снова живут в своем прежнем состоянии".¹¹ Таким образом, общество вернулось к своему прежнему состоянию".¹¹ Должно быть освящение будущего путем связывания его с прошлым. Вергилий сделал это в "Энеиде"; более того, он пророчески предвосхитил такое празднование,

Augustus Caesar, divi genus, aurea condet

saecula qui rursus Latium regnata per arva

Saturno quondam.¹²

Церемониал должен быть традиционным, и соответствующий прецедент был найден в *Ludi Saeculares*. Они были учреждены в год основания Республики и повторялись каждое столетие, но пятому празднованию, которое должно было состояться в 49 году до нашей эры, помешала разразившаяся гражданская война. Это был древний ритуал, который можно было приспособить к новой цели и сделать поводом для торжественного объединения старого и нового, религии и политики, церкви и государства.

В феврале Сенат санкционировал проведение фестиваля и возложил эту обязанность на *Quindcemviri*, Коллегию из пятнадцати человек, которые, в свою очередь, выбрали Августа и Агриппу своими представителями. Юрисконсульт принцепса Атей Капитон принял этрусскую идею о столетии как о ста десяти годах и нашел сивиллиного оракула, подтверждающего его точку зрения.¹³ Тот же оракул сообщил мельчайшие подробности ритуала, которые Август изменил и расширил. Дис и Прозерпина были главными божествами старого обряда, но теперь вдохновителями должны быть скорее Аполлон¹⁴ и Диана, богини солнечного света и верхнего мира.

p173 Более торжественного представления в Риме никогда не устраивалось. Глашатаи были разосланы по всей Италии, чтобы созвать деревенских жителей в столицу. Между 26 и 28 мая раздавались сера и битум, поскольку старый обряд начинался с очищения, и первые плоды пшеницы, ячменя и бобов для жертвенных лепешек. Затем, в последнюю ночь мая, начались церемонии. Было полнолуние, и около двух часов ночи на Марсовом поле — некогда болоте, а теперь, по милости Августа, обители великолепных памятников, главным из которых является Мавзолей его собственного дома — собралось огромное собрание. Там принцепс принес в жертву Судьбе девять ягнят и девять козлят и повторил любопытную архаичную молитву тем богиням, которые правили судьбами людей и народов. Затем последовало зарево факелов и костров, которые превратили серебристый лунный свет в багровый, и сто десять матрон устроили ритуальный пир в честь Юноны и Дианы.

На следующий день, 1 июня, церемонии переместились в Капитолий, где мрамор новых храмов сверкал белизной на солнце. Август и Агриппа принесли в жертву Юпитеру по тельцу, в то время как на Марсовом поле весь день продолжались игры, и римские матери устроили второй пир. Той ночью в том же месте снова было совершено полуночное жертвоприношение; на этот раз бескровное, потому что оно состояло из лепешек, а почитаемыми богинями были Илитии, дарившие женщинам плодородие. 2 июня на Капитолии Август и Агриппа принесли в жертву Юноне по корове в присутствии ста десяти матрон, выбранных из самых знатных семей Рима. В ту ночь на Марсовом поле состоялась церемония, сохранившаяся с незапамятных времен, когда Август приносил в жертву Матери-Земле беременную свинью и просил у нее благословения для своих детей.

3 июня было великим днем, ибо это был день Аполлона и Дианы, божеств нового света, к которым обращался римский разум, подобно тому как разум Средневековья

обращался от суровости Отца и Сына к доброй человечности Божьей Матери. В храм Аполлона на Палатинском август и Агриппа предложил Бескровную Жертву, а затем, после раздражительный р174Латинской древней молитвы, пришел Кармен Saeculare, воспетый двадцать семь юношей и двадцать семь девушек. Если бы Вергилий был жив, он, без сомнения, стал бы ее автором; как бы то ни было, Гораций написал ее не слишком охотно. Едва ли это его лучшее произведение; среди его од есть более прекрасные произведения на ту же тему; но оно должно занимать высокое место среди официальных стихотворений, поскольку точно соответствовало случаю. В него он вплел все цели ритуала — ночное узнавание того, что было древним, зависимость от щедрости Матери-Земли, дневные молитвы старым капитолийским богам и особым божествам новой империи. Чистые детские голоса поочередно пели, сначала о благоговении перед Судьбами, Землей и Богами, а затем о достижениях и устремлениях своей расы — Мидия, Скифия и Индия предлагали дружбу, сам Рим "bellante prior, jacentem lenis in hostem" — слушающие толпы, должно быть, демонстрировали себя свидетелями как возрождения старого благочестия, так и наступления более счастливого мира.¹⁵

III

События Ludi Saeculares ознаменовали начало двух десятилетий внутреннего мира. Обычные магистраты, которым помогали новые специальные комиссии, были вполне способны управлять делами в Риме и Италии, а Август и Агриппа могли свободно заниматься укреплением границ и внутренним развитием провинций.

Август в Галлии Принцепс выбрал Галлию для выполнения своих особых обязанностей. Его восточные границы все еще были беспокойны, поскольку там постоянно велись небольшие войны с альпийскими кланами, а на Рейне германские племена сугамбри, усипетес и тенктеры угрожали вторжением. Губернатор, Марк Лоллий, был разбит этими старыми противниками Юлия, а орел V легиона взят в плен, но захватчики пока не имели желания бросать вызов мощи р175 г. Август взял с собой своего сводного-сына Тиберия, которому сейчас двадцать пять лет, который в тот год был претором; Друз, младший сводный-сын, которому сейчас двадцать-два года, принял на себя преторианские обязанности своего брата, а Статилий Тавр был назначен префектом города. Целью Августа в его путешествии было не вторжение в Британию, как полагали некоторые, или установление границ, где он не ожидал непосредственной опасности, а завершение романизации Галлии. Это была его любимая провинция, арена триумфов его семьи, и старые ворота в Ниме, на которых выгравировано его имя, до сих пор напоминают нам о его пристальном интересе к этой земле. Нарбоннез, тихий и процветающий, был передан от принцепса сенату; все, что он там делал, - это основывал новые колонии, из которых наиболее известными были Ним, Авиньон и Экс. Но три кельтские галлии - Аквитания, Лугдуненсис и Бельгика - нуждались в некотором внимании.

Его первой задачей было исправить злоупотребления. Имперским прокуратором, ведавшим сборами в Лугдунуме (Лион), был некто Лициний, галл, которого Юлий взял в плен и освободил, и он унизил свою должность бесстыдным вымогательством. Он был уволен и уехал на пенсию в Рим, но сведений о его наказании нет; ценой его неприкосновенности, возможно, были взносы на общественные работы из его несправедливо-полученных доходов. Затем Август приступил к радикальному пересмотру финансовой системы, почву для которого подготовила его перепись населения 27 года до нашей эры. Налогообложение по римскому плану было трудно ввести в обществе, которое имело племенную, а не городскую основу.¹⁶ Существовал земельный налог и налог на личность,¹⁷ и к ним он добавил небольшой сбор на импорт и экспорт. Лион был превращен в монетный двор и центр финансового управления, и был подготовлен путь к той полной латинизации, которая вскоре должна была сделать его политически вторым городом империи.

Галлия быстро росла в богатстве и уже по некоторым товарам становилась серьезным конкурентом Италии. стр. 176 Он обладал огромными природными ресурсами, а его дороги, и особенно реки, представляли собой высокоразвитую транспортную систему. Во времена Юлия это была страна горных городов; при Августе она превратилась в страну речных городов, поскольку главным занятием ее жителей теперь была торговля, а не оборона. Знаменитые старые крепости Бибракте и Герговия прекратили свое существование, а затем жители были переведены в новые города на равнинах, Августодунум (Отен) и Августонеметум (Клермон). Но в общении с местными обычаями он показал себя дальновидным государственным деятелем. — Он не вмешивался в права племен при своем новом разделении провинций и позволил старым культам и старым методам местного управления оставаться неизменными. Насколько энергичной и идиоматичной была местная жизнь, показывает тот факт, что именно галльские племенные, а не римские названия городов сохранились на протяжении всей истории — Реймс, Париж, Амьен и Лангр, а не Дурокортум, Лютеция, Самаробрива и Андоматунум.¹⁸ К Галлии и галльским обычаям Август, по-видимому, питал особую нежность. Его усилия по латинизации были ограничены стимулированием роста городов, улучшением коммуникаций, распространением знаний латинского языка и установлением тесных личных контактов, сделав себя легкодоступным апелляционным судом для рассмотрения провинциальных жалоб.¹⁹ Обращение с Галлией остается одним из его выдающихся достижений и самым чреватых счастливыми последствиями для будущего. Его успех подтверждается тем фактом, что страна продолжала настолько процветать при системе, созданной первым принцепсом, что ее мало трогали безумства его преемников.

Но внутреннее благополучие не могло избавиться от пограничной проблемы. Как только Рим пересек Северные Альпы, он вступил в новый мир, в котором было такое же грубое единство, как у шевитов. Завоевание северной Галлии рано или поздно означало завоевание Британии. Точно так же на востоке германцы могли снова восстать, или новый Митридат выступил с рассветом, и протяженную,

прямоугольную границу, образованную Рейном и Альпами, было бы трудно защищать. В последнем регионе беспорядки вспыхнули в 16 году до нашей эры, и почти десять лет Рим был вовлечен в пограничные войны. Агриппа на Востоке Агриппа отправился на Восток, где ему предстояло совершить свое последнее великое служение императору. В сопровождении своей жены и двух сыновей, сильно страдая от подагры,²⁰ он отправился сначала в Афины, к которым относился более благосклонно, чем к Августу, затем во фракийский Херсонес, владельцем которого он теперь был,²¹ а оттуда в Сирию. Одной из его главных обязанностей было создание новых колоний для ветеранов. Там он встретился с Иродом Иудейским и по его просьбе посетил Иерусалим и принес жертвы богу евреев.²² После величественного путешествия по городам Азии он двинулся на север в начале 14 года до н.э. и разрешил спор о троне Киммерийского Боспора, который был захвачен узурпатором. Это царство имело большое стратегическое значение, поскольку оно было единственным препятствием против парфянского господства на Эвксинском полуострове. Он, как и прежде, докладывал непосредственно принцепсу и отказался от триумфа, предложенного сенатом. Проведя зиму на Лесбосе, он вернулся в Италию в начале 13 года до н.э. Поэтому меры предосторожности на северном фронте были возложены на двух юных пасынков Августа, Тиберия и Друза.

По всей границе от Приморских Альп до Далмации начались волнения, отчасти вызванные буйством расовых различий, нашедших свое последнее прибежище в горах, отчасти волнениями могущественных племен, населявших территории, которые сейчас являются Граубюнденом, Тиролем и южной Баварией. Это была ситуация, которая нуждалась в молодых и энергичных генералах, и Тиберий блестяще справился с ней. Весной 15 года до н.э. они предприняли тщательно продуманный стратегический маневр; Друз наступал с юга через Адидже, в то время как Тиберий заходил во фланг противника с запада. Первый разгромил повстанцев Реети и Винделичи в битве 178 года близ Трента и последовал за ними через Бреннер, в то время как Тиберий одержал победу на берегу Боденского озера. Затем братья взяли за руки и завоевали Баварию до самого Дуная. Результатом стало существенное расширение империи за счет аннексии Норика и создания провинции Ретия, которую будет обслуживать новая *Via Augusta* вдоль долины Адидже. Подвиги молодых полководцев вызвали энтузиазм Рима, и в одах своей четвертой книги Гораций, по просьбе Августа, прославил возрождение древнеримской "виртуса". В 13 году до н.э. Тиберий вступил в свое первое консульство, и Друз стал легатом Галлии.

Август вернулся в Рим в том году со спокойной душой, но кампании на этом не закончились. В Паннонии начались новые волнения, которые утихли под угрозой прихода Агриппы, но вспыхнули снова в 12 году до н.э., и Тиберию пришлось провести на этой границе большую часть трех лет. Но основной местностью была немецкая граница. Сугамбри переправились через Рейн в Брандент, в то время как Друз был занят освящением Августу великого алтаря в Лионе, который должен был стать главной святыней имперской Галлии. Он прогнал захватчиков обратно за реку

и, с согласия принцепса, начал кампанию, которая определенно имела целью продвинуть римскую границу до Эльбы и раз и навсегда покончить с германской угрозой. Где-то близ Кельна он переправился через реку, разбил узипетов и двинулся против сугамбри. У него была флотилия на Рейне, и он прорубил канал к Зюйдер-Зее, чтобы его корабли могли поддерживать его в операциях вдоль северного побережья. В том году он достиг Везера; в 11 году до н.э. он занял территорию, которая сегодня является-Вестфалией, и построил несколько фортов. В 10 году до н.э. он расправился с хаттами, а в 9 году до н.э., в год своего первого консульства, он прорвался через земли херусков и маркоманнов к Эльбе, где воздвиг трофей в знак ограничения римского контроля.²³ Его задачей было не только завоевание, но и укрепление, поскольку он оставил за собой цепь крепостей, в то время как линия новых гарнизонов защищала Рейн вплоть до страсбурга. Это р179 было смелое движение вперед, которого мудрость будет рассматриваться в более поздней главе, но его достижение было в природе сложный рейд, там по-прежнему остается медленным задача порабощения, если Германия вторая Галлии.

Смерть Друзаса Это был последний эпизод в короткой и блестящей жизни. По дороге домой, где-то между Заале и Рейном, его лошадь упала, и он сломал бедро. Тиберий, посланный Августом к нему, за день и ночь проехал • почти двести миль и нашел его умирающим. Он сопровождал тело пешком до самого Рима, где после пышных похорон прах погибшего солдата был положен в Императорский мавзолей. Потеря Друза была большей трагедией для Рима, чем смерть Марцелла. Красоте его личности соответствовали изящество и достоинство его духа. Его обожали его войска и все, кто соприкасался с ним, поскольку, в отличие от своего брата, он не страдал укоренившейся клавдиевской гордыней.²⁴ Его помолвка с Антонией, младшей дочерью Октавии и Марка Антония, была воспринята римским народом как идеальный союз мужской и женской добродетели. Очевидно, что он обладал такими же военными талантами, как и Тиберий, и гораздо более человечным и привлекательным характером. Когда его настигла смерть, Рим стал относиться к нему с надеждой и гордостью как к последнему наследнику принципата.

Возвращение принцепса в 13 году до н.э. было встречено широкими народными демонстрациями облегчения и благодарности. По своему обыкновению, он тихо вошел в город ночью, а на следующий день взошел на Капитолий и возложил лавры со своих фасций на колени статуи Юпитера. Сенат постановил, что алтарь, посвященный Миру Августа, должен быть установлен на Марсовом поле и превращен в место ежегодных жертвоприношений. Рим полагался на него как на своего главного гаранта упорядоченного мира, и всякий раз, когда возникала угроза возникновения трудностей, требовал его вмешательства. Во время его отсутствия в Галлии Гораций умолял его вернуться: "Клятвами и молитвами ваша страна призывает вас ибо здесь, с вами, бык в безопасности возделывает 180 поля, Церера и щедрое Счастье обогащают наши фермы; наши моряки бороздят воды, не тронутые пиратами; общественная честь неприкосновенна; целомудренные дома не запятнаны прелюбодеяниями, и наказание быстро следует за преступлением. ... Кто

боится парфян, скифов, немцев или испанцев, если Август будет в безопасности? Каждый мужчина мирно встречает близкий день на своих родных холмах, приучает свои виноградные лозы к овдовевшим деревьям и возвращается домой с легким сердцем, чтобы выпить вина и благословить тебя, как истинного бога".²⁵ На старой латыни, а не на восточный манер, простой человек начал приносить клятву гением Августа, думая о нем не как о далеком божестве, а как о близком и дружелюбном покровителе. Его "аукторитас" теперь приобрели что-то вроде почитания, подобающего тому, кто был-подобен богу, если еще не был им. Его сила принесла ему почтение, но его "провиденция", его нежная забота о своем народе, завоевала ему любовь.

Обширные путешествия Августа подошли к концу, поскольку он уделял личное внимание как Востоку, так и Западу и теперь мог обосноваться в Италии. В том году его империя была продлена еще на пять лет, и Агриппа получил такое же продление своей совместной империи и своей трибунской власти. Оно было продлено снова в 8 году до нашей эры, на этот раз на десять лет. Он провел еще один пересмотр списка сенаторов, повысив имущественный ценз, и в 8 году до нашей эры провел перепись населения. Смерть Лепида в 13 году до нашей эры позволила ему, наконец, стать Высшим понтификом. В течение шести лет, пока на границе звучали трубы, он по большей части находился в Риме, занимаясь деталями управления, церемониями и мелкими реформами. Ара Пацис В 9 году до н.э. Ара Пацис был официально посвящен. Скульптурные фризы этого, одного из самых благородных римских памятников, в значительной степени сохранились и представляют собой великолепное представление о политике Августа, живописный аналог *Res Gestae*. Самые красивые - это дети, сделанные с простотой и нежностью, со всей торжественной чопорностью младенчества.²⁶ Примечательно также место, отведенное стр. 181 Сам Август, поскольку он занимает место в группах как обычный участник. "Ара Пацис поражает не столько величиим Империи, сколько той человеческой и личностной концепцией принципата, которую Август хотел подчеркнуть. В этих фризах нет ничего монархического в восточном смысле, который ставил монарха выше его подданных, хотя династический идеал проявляется в присутствии множества потомков".²⁷ К этому периоду относится еще один знаменитый мемориал, поскольку в 7 году до н.э. сенат установил памятник с именами сорока-шести покоренных альпийских племен на скале Ла Тюрби над Монако, между горами и морем.²⁸

Смерть Агриппы и Мецената

Бюст Агриппы, найденный в Габиях в 1792 году, попал в коллекцию Наполеона в 1807 году; сейчас находится в Лувре.

Фото ©Ливиус.Org 2004, с любезного разрешения;
со страниц сайта Agrippa.

В эти годы Август понес и другие тяжелые утраты, помимо смерти Друза. Весной 12 года до н.э. Агриппа умер на своей вилле в Кампании, после того как угроза его прихода уладила паннонское восстание. Он болел несколько лет. Сам Август произнес надгробную речь, произнес ее за занавесом, поскольку Верховный понтифик мог не смотреть на мертвых, и прах был положен в мавзолей Юлиана. Эта честь была вполне заслуженной, поскольку Агриппа был главным архитектором империи и самым преданным, а также способнейшим из коллег Августа. Никакие недоразумения никогда не омрачали их дружбу. Принцепс был обязан ему всем, ибо без его помощи в кампаниях против Секста Помпея и Марка Антония он не смог бы победить, а после Акциума Агриппа был его главным инструментом как в упорядочении Рима, так и в заселении провинций. Привязанность между этими двумя людьми была продемонстрирована тем, что Агриппа оставил Августу большую часть своего огромного состояния и тем, что Август долго оплакивал своего умершего друга. Эта карьера, начатая в восемнадцать лет и завершившаяся в пятьдесят-один год, является одним из чудес истории. Агриппа обладал воинскими способностями высокого уровня. Он также был самым способным администратором и умел выполнять любой порученный ему план, хотя в гражданских делах он, возможно, был скорее исполнителем, чем инициатором, и его разум был водоемом, а не фонтаном.²⁹ Он вышел из неизвестности; какое-то время его дом сиял подобно комете, пока не закончился кровью и ужасом Нерона; но сам он стоит особняком, олицетворяя все добродетели, которые Рим любил чтить. У него была древняя "серьезность" и "благочестие", но он также был человеком широкой культуры с

тонким вкусом в искусстве и архитектуре; он написал автобиографию, которая, к сожалению, утрачена, и он был страстным географом и составил карту мира.³⁰ Его особые достижения заключались в том, что он поддерживал связь принцепата со средними классами, из которых он происходил, и примером своей преданности главе государства, от имени которого он настаивал на одержании всех своих побед, прививал лояльность армии гражданской администрации. В привычках, несмотря на свое огромное богатство и власть, он сохранял, как можно судить по его честным, резким чертам лица, прекрасную простоту.³¹

Агриппа действительно одна из самых замечательных фигур в истории по двум причинам. Хотя он был парвеню в аристократическом обществе, все мужчины говорили и продолжают говорить о нем хорошо. Любящие посплетничать римские летописцы, которые находили пятнышки на любом другом солнце, никогда не предлагали скандала или критики по поводу его общественной или частной жизни. Он был для них, как и для Диона,³² благороднейшим римлянином своего времени. Опять же, он является главным примером в истории человека первоклассных талантов, который был доволен тем, что подчинил их интересам друга. Он много раз обладал военными способностями Августа, и его любила армия, но ему никогда не приходило в голову даже мечтать о нелояльности. В этом, должно быть, было нечто большее, чем личная привязанность. То, что он сохранил свое превосходство над этим могущественным слугой, является наивысшей данью моральному и интеллектуальному росту p183 of Augustus that he maintained his ascendant over this mighty servant.³³

Осенью 8 года до н.э. Мecenат умер. Он был больным человеком в течение нескольких лет, особенно страдая от бессонницы, и всю свою жизнь отличался слабым здоровьем. Мecenат - вечная загадка. Суровое лицо не соответствовало характеру, в котором сочетались женоподобный гедонист и предусмотрительный и тонкий государственный деятель. У него не было вульгарных амбиций, поскольку, хотя он и был одним из трех самых могущественных людей в государстве, он никогда не занимал какой-либо должности и не перешел из класса наездников. Во время многих переломных моментов в своей карьере он давал Августу проницательные советы и, не колеблясь, резко упрекал его, когда тот ошибался. Возможно, больше, чем кто-либо другой, он видел деликатные компромиссы, на которых должен быть построен принципат. Но ясно, что в нем было что-то античное и гротескное. У него были все слабости эстета и щегольствомелкого мэтра.³⁴ Он вполне мог бы стать великим писателем, но его проза была такой же суровой, как и черты его лица — Сенека назвал ее "пьяной", — а Август смеялся над "сочащимися ароматом завитками его стихов";³⁵ все, что осталось от последнего, - это равнодушный фрагмент из "приапеев", прославляющий жизнь, даже если она прожита в муках.³⁶ Похоже, что Август не испытывал к нему такой же устойчивой привязанности, как к Агриппе; в последние годы его жизни произошло некоторое отчуждение, вызванное, как утверждали римские сплетни, романом принцепса с Теренцией, его красавицей женой, которая была на много лет моложе своего мужа; но, похоже, произошло окончательное примирение, и Мecenат сделал Августа

своим наследником. Он оказал неоценимую услугу принципату, услугу, которую мог бы оказать только он, ибо он привлек на его сторону литераторов, которые ранее были республиканцами, и тем самым обессмертил славу Августа. У Мессаллы Корвина был небольшой круг приближенных, в который входил Тибулл, но у Мецената в его доме на р184 Эсквилинском полуострове был главный салон в Риме, самыми яркими звездами которого были Вергилий, Гораций и Проперций. В его задачу входило чувствовать пульс общественного мнения и давать советы более прямолинейному уму принцепса, а также создавать общественное мнение как для своего времени, так и на все времена. Литература может дать заметный перевес в гонке за посмертной славой. В Британии потребовалось столетие, чтобы репутация Каслри очистилась от клеветы поэтов.

Смерть Горация Несколько недель спустя Гораций, как он и предсказывал давным-давно, в ^{37-летнем} возрасте последовал за своим покровителем в могилу. Ему шел пятьдесят седьмой год, и он только что закончил "*Поэтическое искусство*". Это был пухлый маленький человечек с преждевременно поседевшими волосами, и в нем всегда было что-то от валетудина. К Меценату он испытывал теплую благодарность, и к этому странному позеру он, возможно, тоже испытывал умеренную симпатию, но между ним и Августом была сильная привязанность. Гораций был придворным поэтом, но не придворным; он не боялся мягко посмеяться над патернализмом Августа и его верой в то, что люди добродетельны по закону, и он лелеял и постоянно выражал своего рода литературный республиканизм. Никогда еще не было более независимого поэта-лауреата. У этих двух мужчин действительно было много общего, поскольку оба смотрели на жизнь с холодным реализмом, которому не позволялось становиться циничным; оба любили старые обычаи страны; оба ненавидели снобизм, роскошь и невоспитанную показуху. -В душе каждого из них была твердая сердцевина и приятная, вяжущая сухость. Поэту, которого он хотел сделать своим личным секретарем, Август писал в стиле раздевания, который мужчина придерживается для своих близких. "Считай себя привилегированным гостем в моем доме . . . вы всегда будете уверены в радушном приеме. . . . О том, какие теплые чувства я испытываю к вам, вы можете узнать, в частности, от Септимуса, поскольку на днях я говорил о вас в его присутствии. Вам не нужно думать, что из-за того, что вы настолько великодушны, чтобы отвергнуть мои предложения, я намерен сесть на ту же высокую лошадь и отплатить вам тем же ".³⁸ Однако учтивая и критичная душа Горация была воспламенена целями Августа, и он превратил скучные вопросы политики в поэтическое видение. В своих одах, изобилующих топонимами, он ярко подчеркивает территориальную необъятность империи. С изысканным искусством он изображает очарование глухой страны и привлекательность простой жизни. Он отдает создателям империи дань уважения, которая с тех пор эхом отдается в ушах людей. Этот поэт, чьи произведения, как и произведения Вергилия, вскоре вытеснили в римских школах сухость Ливия Андроника, поставил своей задачей разъяснить идеал Августа тому образованному среднему классу, который был истинной силой Рима. Прежде всего, он поддерживал Принцепса в его культе Аполлона, избранного бога нового гуманизма. Его высшей похвалой Августу является то, что он слуга Аполлона. Именно Аполлон,

покровитель просвещения и мира, в основном прославляется в Кармен Сакуларе, и при освящении величайшего здания Августа, храма Феба на Палатине, Гораций не злорадствует, подобно Проперцию, над архитектурным великолепием, но просит у бога те дары, которые Август стремился принести Риму:

О каком благословении должен молить бард
нового-усопшего Феба, когда мы наливаем
вино в-кубок? Не колосья пшеницы

На каком—нибудь сардинском гумне;
Не индийское золото или слоновая кость - нет,

Не стада, которые бродят по Калабрии,
Ни поля, которые Лирис, тихая и медлительная,
незаметно поедает.

.

О, даруй мне, Феб, спокойное довольство,
Непоколебимую Силу, цельный разум,
Старость без бесчестья, проведенную

, И без поддержки лиры!³⁹

IV

Смерть Агриппы оставила Юлию вдовой. В очередной раз вопрос о престолонаследии оказался нерешенным, и Август взялся за его укрепление. Он имел в виду сыновей Агриппы как своих конечных наследников, но тем временем он должен был найти кого-нибудь на место Агриппы и обеспечить Юлию. Поэтому он вынудил Тиберия развестись со своей женой Випсанией, дочерью Агриппы от предыдущего брака, и жениться на вдове Агриппы. Тиберий был глубоко привязан к Випсании, от которой у него был сын, и не испытывал особого уважения к Юлии, чьи манеры отличались легкомыслием, пугавшим его, и чьи вкусы сильно отличались от его собственных. С горьким сожалением он выполнил приказ принцепса, и с тех пор, когда случайно встречал Випсанию, было замечено, что его глаза с тоской следили за ней и что он не мог удержаться от слез. Джулия отправилась с ним в его далматинскую кампанию и родила ему ребенка, который умер. Когда после смерти Друзаса он отправился на север, чтобы разобраться с сугамбри и германской границей, она осталась в Риме и жила своей собственной жизнью.

В 7 году до н.э. Тиберий был в Риме, где отпраздновал триумф в своих северных войнах и вступил на свой второй консуль-корабль. Затем он вернулся в Германию на два года, чтобы завершить обустройство границы. До сих пор его карьера неуклонно продвигалась, и он был в наилучших отношениях со своим отчимом. Гай и Луций Взгляд Августа на престолонаследие состоял в том, что Тиберий должен унаследовать должность Агриппы и стать принцепсом в случае его преждевременной смерти, в то время как Гай и Луций должны занять место Марцелла и, в конечном счете, увековечить на высшем посту происхождение Юлиев. В 6 году до н.э. Тиберию была предоставлена трибунская власть на пять лет. Но гордому и амбициозному человеку было нелегко приспособиться к ситуации, когда тяжелая работа ложилась на него, а награда - на других. Гай и Луций, одному из которых сейчас четырнадцать, а другому одиннадцать лет, получили опасное воспитание. Как предполагаемым наследникам принципата, все мужчины льстили им, и можно предположить, что их мать была не самой мудрой опекуной молодежи, в то время как их отец Агриппа постоянно находился за границей в своих кампаниях. Август внес свою лепту, установив строгую учебную программу и наняв лучших преподавателей, но он был слишком занят, чтобы уделять этому вопросу много личного внимания. Следствием этого было то, что мальчики были избалованы и росли высокомерными и своевольными. Тиберий уже подверг их испытанию, и их гордость не была ослаблена почестями, на которых настаивал Сенат, чтобы осыпать их. ¹⁸⁷ Гай был избран консулом, хотя Август не позволил ему занять этот пост, и обоим было разрешено стать назначенными консулами, причем вступление в должность было отложено на пять лет. В 5 году до н.э., когда Август вступил на свой двенадцатый консулатный корабль, Гай облачился в мужское одеяние, будучи представлен в общественную жизнь самим принцепсом; Сенат предоставил ему немедленное право присутствовать на своих заседаниях, а римские рыцари приветствовали его как "принцепс ювентутис". Прямое значение этого титула заключалось в том, что теперь он был главой будущих офицеров армии, но подразумевалось, что его обладатель был назначен преемником принцепса.⁴⁰ Три года спустя, во время тринадцатого и последнего консулатного правления Августа, те же почести и привилегии были предоставлены Луцию.

Тиберий считал такое положение невозможным. На Востоке возникли новые проблемы, поскольку в Армении шел процесс восстания, и Август предложил ему навести там порядок. Он отказался и, несмотря на мольбы матери, удалился на Родос, где в течение следующих семи лет посвятил себя изучению астрономии. Это был странный случай в жизни, полной активных действий, и Рим усердно размышлял над его причиной. Много лет спустя Тиберий сам защищался в том смысле, что, если бы он остался в Риме, его военная слава не только затмила бы все, что могли бы сделать молодые принцы, но и что ему было бы трудно поддерживать мир с двумя тщеславными мальчишками; и он привел в качестве прецедента отставку Агриппы в 23 году до н.э., чтобы избежать видимости соперничества с Марцеллом.⁴¹ Возможно, таков был главный мотив его изгнания, но другой можно найти в растущем несчастье его брака. Джулия предавалась тем нескромным удовольствиям, которые три года спустя привели к катастрофе.

Характер Тиберия трудно оценить, поскольку между маршалом Августа и усталым и циничным человеком, который был преемником Августа, существует р188 глубокая пропасть. Сейчас ему было недалеко до сорока, и он находился в расцвете своих физических и умственных сил. Как солдат, он едва дотягивал до первого ранга, был уважаем, но не любим своими войсками, мастер деталей и суровый приверженец долга. Он был настоящим аристократом, ибо презирал популярность и не стремился примирить противника. Свидетельства показывают, что в юности и начале среднего возраста он придерживался республиканского аскетизма и в целом жил тяжело и сдержанно, хотя время от времени устраивал запои. В нем тоже было что-то от ученого, потому что он хорошо знал греческий и писал стихи на этом языке, при этом он всегда был страстным любителем антиквариата. Но у него не было ни одной из тех граций, которые подразумеваются под словом "бландития". Его манеры были неуклюжими и нескладными, и это объяснялось не застенчивостью, а глубокой духовной гордостью. Он в полной мере обладал клавдиевским высокомерием, которое в старости могло перерасти в своего рода безумие.⁴²

В отсутствие Тиберия Август обнаружил, что его труды умножились. После смерти Агриппы и Мецената у него не было коллег его уровня, и, за исключением Л. Домиция Агенобарба, внука старого врага Юлия, и, возможно, Квирина, у него не было выдающегося таланта маршала. Это неясный период в истории принципата, и, должно быть, это было тяжелое время для принцепса. Он был больным и изможденным, и он старел. Отец Отечества Но он не ослаблял своих трудов, и в начале 2 года до н.э. его ободрило доказательство благодарности народа. Сенат присвоил ему титул "отец отечества", который из всех многочисленных полученных им почестей он ценил больше всего.⁴³ Резолюция была внесена старым республиканцем Мессаллой Корвином, сражавшимся на правом фланге при Филиппах. "Удачу и божественное р189пользу", - сказал он, "участвовать в тебе, и дому твоему, Цезарь Август; ибо так мы чувствуем, что мы молимся за продолжительное благосостояние нашей страны и счастье для нашего города. Сенат и народ Рима приветствуют тебя, Отец твоей Страны". Август со слезами на глазах ответил: "Отцы-призывники, я оправдал свои самые высокие надежды. Что еще я мог сделать? Должен ли я просить бессмертных богов, чтобы я мог сохранить это ваше единодушное одобрение до последнего дня моей жизни?"⁴⁴ Титул, с его старой республиканской традицией, сделал империю семьей, над которой он имел "patria potestas". Теперь на банкетах вошло в моду, когда гости пили за его здоровье, вставая и декламируя: "Отец твоей страны, цезарь, лучший из людей".⁴⁵

V

Ирод Иудейский Оглядываясь на мир в это время, поражаешься отсутствию влиятельных фигур. У Августа было одинокое -возвышение. Ни в одной части империи не было человека, способного бросить вызов его власти, или в землях за

границей, хотя такой человек достигал зрелости в германских лесах. Также, за единственным исключением, не было ни одного защищенного принца, который поднялся бы над посредственностью. Исключением был Ирод Иудейский, и его территория и его народ были из всех царств-клиентов наиболее интересными для римского сознания. Палестина, как и Армения, имела большое стратегическое значение для защиты восточной границы от Парфии. Евреи, ныне рассеянные по всему земному шару, были постоянной загадкой для Рима, и сам Ирод в своей экстраординарной карьере покорил воображение римлян. В нем была та гениальность, которая делает человека неисчислимым.

p190 Со времен Гракхов в Риме существовала еврейская колония, и сейчас там, возможно, было столько же представителей этой расы по отношению к населению, сколько в Америке по-день. Рим был добр к ним и даровал им освобождение от любой службы, несовместимой с их вероучением. Юлий дал им привилегии, а Август и Агриппа с особым уважением относились к их вере. Они имели значительное влияние подземлей, поскольку их банковский бизнес играл большую роль в финансах империи. О своей религии римляне имели очень смутное представление. Очевидно, их обряды сильно отличались от обычных пьянящих мистерий Востока. Некоторые представители образованных классов признавали величие их монотеизма, а некоторые даже обращались в христианство, но обычному человеку их вероучение было непонятно. Существовало много историй о великом храме в Иерусалиме, где одни говорили, что объектом поклонения был серебряный осел, а другие - что таинственный дух, обитавший в старом ящике. В Риме они жили по большей части в пригороде за Тибром, и, хотя их терпели и даже уважали, их не любили.⁴⁶

Правителем родины этого странного народа был новообращенный Ирод, родившийся в Идумеи. Эпитет "Великий" не является неправильным в его случае, поскольку он был человеком бесконечной смелости и находчивости. Он постоянно принимал не ту сторону в гражданских войнах и всегда оказывался другом победителя. Он был за Кассия против Антония и за Антония против Октавиана, и в каждом случае добивался власти своими изменами. Преступным путем заполучив жалкое маленькое владение Иудея, он превратил его в значительное царство. Он исповедовал иудаизм, но не был истинным евреем и неоднократно надругался над святостями этой веры. Его целью было объединить иудаизм с эллинизмом и иметь за своей спиной сильную руку Рима. Август оценил и поддержал его намерение, поскольку хотел, чтобы кто-то контролировал беспокойное население Иерусалима и был барьером против Парфии.

Ирод попытался оседлать двух лошадей и потерпел неудачу с p191на обеих. Ему действительно удалось превратить Иудею в самое важное из царств-клиентов, но он завоевал неугасимую ненависть всех ортодоксальных евреев, особенно аристократии, и ему не удалось полностью эллинизировать свою землю. С одной стороны, он принес жертвы Юпитеру Капитолийскому: превратил Самарию в Севастию и основал великий порт Кесарию, оба в честь Августа; сделал из

первосвященства семейное пособие; наполнил свой двор евреями, получившими греческое образование, такими, как Николай Дамасский; учредил театры и игры по римскому образцу даже в Иерусалиме; заставил своих подданных клясться именем Принцепса и ежедневно приносил жертвы в его честь. Около 18 года до нашей эры он посетил Рим с государственным визитом. В то же время он называл себя набожным евреем, защищал интересы евреев в Малой Азии перед принцепсом и начал с грандиозным размахом восстановление Иерусалимского храма. Около 8 года до н.э. он впал в немилость Августа, который с горечью сказал, что предпочел бы быть свиньей Ирода, чем его сыном.⁴⁷ После этого, пока он не умер в 4 году до н.э., чувство неудачи обострило его страсть к жестокости. Он нарушил все законы еврейства, предал смерти своих сыновей, вырезал фарисеев и сошел в могилу в кровавой оргии. Вероятно, он сошел с ума. Был подготовлен путь к концу царства-клиента, превращению Иудеи в обычную римскую провинцию и обострению еврейских чувств, которое закончилось разрушением Иерусалима.

В 7 году до н.э. Квирий, наместник Сирии, только что завершивший успешную кампанию против таврских разбойников, издал указ о переписи населения этой маленькой страны, которая для целей налогообложения проводилась каждые пятнадцать лет. Все евреи должны были присутствовать в центре своего племени. Некий Иосиф — плотник из Назарета в приятной стране Галилея — был вынужден зимой отправиться на юг в Вифлеем на Иудейском нагорье, город Давида, поскольку он был из колена Давидова. С ним поехала Мария, его нареченная. Там, в Вифлееме, в лачуге, где сквозь соломенную крышу просвечивали звезды p192, родился сын. Имя, данное ребенку, было Иисус.⁴⁸

Примечания автора:

¹ О конституционном значении этой точки зрения см. Momms. *staatsr.*, I.135; его составителем был Юлий, который использовал "легаты".

² Дион Златоуст, обращаясь к Траяну, говорит о "Сократе, старом и бедном афинянине, о котором ты, возможно, слышал". *Или.* III.1.

Примечание Тайера: Читатель заметит, что в издании Леба, на которое дана ссылка выше, у нас есть гораздо более сглаженный перевод. Но пока это возможно, греческого — "Σωκράτης Ἀθήνησι, πρεσβύτης ἀνὴρ καὶ πένης, ὃν καὶ σὺ γινώσκεις

ἀκοῆν" — на самом деле, наверное, требует еще сильнее перевода: "Сократ, старый и бедный афинянин, из которых *хотя* вы, возможно, слышали."

³, например,, Virg.Aen. VII-VII-.6046; Гор.Ер.І.12,18;Od.IV.15; Propertius III.10, IV.4, 5, 12,^o V.6;^o V.6;ОвидийФаст..567-94.

Примечание Тайера: Я не смог исправить цитаты из Проперция. Нет книги V; нет IV.12. Если вы можете их исправить, пожалуйста, напишите мне, конечно.

⁴ See *Mon. Anc.* V.40-3, "Parthos trium exercituum Romanorum spolia et signa reddere mihi supplicesque amicitiam populi Romani petere coegi."

⁵ Найден в 1896 году в Сусе в Тунисе. См. изд. Маккайла. из *Энеиды* (1930), xlvii.

⁶ Примером может служить книга VIII "*Энеиды*", описание "щита Энея", в которой приводится прекрасное сравнение с матерью-итальянской крестьянкой, которой приходится вставать до рассвета.

⁷ ЛИВ.10.

⁸ Как в 29 году до н. э. См. стр. 138 *выше*.

⁹ См. отрывок в *Пн. Анк.* I.37-9.

¹⁰ Светоний (*Вит. Гор.*) говорит, что он пытался заполучить Горация в качестве личного секретаря, но поэт отказался.

¹¹ Ферреро, Ст.81.

¹² "Цезарь Август, сын бога, который установит золотой век в Лациуме на полях, которые когда-то были царством Сатурна". *Эн.* VI.792-4.

¹³ Для расчетов см. Зосиму II.6; Цензоринус, *"О смерти натали"*, XVII.10; Нильссон в Паули-Виссове, 1696 г.кв.

¹⁴ See on this point C. Pascal, "Il culto di Apollo in Roma nel secolo di Augusto" in *Bull. del. C. A.* (1894), XXII.52-88.

¹⁵ Свидетельства о Ludi Saeculares в основном взяты из эпиграфов и будут найдены в *C. I. L.* и Дессау. Надпись, обнаруженная на дне Тибра в 1891 году, дает нам официальную программу, заканчивающуюся словами: "Кармен композит Q. Гораций Флакк. *C. I. L.* VI.32323. See also J. Gagé, *Recherches sur les Jeux séculaires* (Paris, 1934).

¹⁶ О народном недовольстве в Галлии, *ср.* Тас. *Ann.* III.40; *Hist.* IV.74.

¹⁷ Именно это, а не подушный-налог, по-видимому, является истинным значением слова "податный капитал".

¹⁸ См. по этому поводу Райс Холмс, II.59-60; Арнольд, *Исследования римского империализма*, 88.

¹⁹ Джуллиан, *История. у де ла Голя*, IV, есть полное исследование этого предмета.

²⁰ Плиний *H.* X.VII.45.

²¹ ДиоЛив.29.

²² Агриппа изо всех сил старался примирить евреев и был очень популярен среди них. Одна из их синагог в Риме носила его имя. Ср. Иосиф Флавий, *Ант.* XVI.2; *C. I. G.*.

²³ На основании древних источников невозможно с уверенностью установить точный порядок событий 11-9 г. до н. э.

²⁴ "insita Claudiorum superbia."

²⁵ *Од.* IV.5.

²⁶ "В Ара Пацис ребенок с триумфом вступает в искусство и занимает там положение, с которого его никогда не смещали. Он больше не миниатюрный мужчина или женщина из греческого искусства, и его очарование и грация не присущи традиционному эллинистическому *путти*, но здесь изображено настоящее детство во всем его бесконечном разнообразии". Э. Стронг, *Искусство в Древности. Рим*, I.155.

²⁷ С. А. Н.Х.548; ср. Том листов, IV.112 кв., и Колини в *Енс. Итальянка*, с.В. "Ара Пацис".

²⁸ *C. I. L. V.* 7817; *Pliny N. H.* III.136..

²⁹ Нет никаких свидетельств того, что, помимо реорганизации армии и флота и, вероятно, римской городской полиции, Агриппа внес большой вклад в основную структуру.

³⁰ Плиний *H. X.* III.17. Это было закончено Августом.

³¹ "vir rusticitati proprior quam deliciis." *Там же.*, XXXV.26.

³² LIV.29 — ἄριστος τῶν καθ' ἑαυτὸν ἀνθρώπων διαφανῶς γενόμενος . . .

³³ "Зависимость великого Человека от более великого - это Подчинение, которое низшим Людям нелегко понять". Лорд Галифакс, *Мысли и размышления*.

³⁴ *Ср.* Велл. II.88; Юв. I.66, XII.39; Сенека, *Ер.* 114.

³⁵ Суэт. *Див. Августа*. 86.

³⁶ Сенека, *Ер.* 101.

³⁷ *Od.* II.17.

³⁸ Сало. *Вит. Гор.*

³⁹ *Od.* I.31 (Перевод Конингтона).

⁴⁰ Пизанский кенотаф (Дессау, 140) говорит о Гае после его смерти как "jam designatus justissimus ac simillimus parentis sui virtutibus princeps". Название имело республиканские ассоциации и используется Цицероном, *ad Fam.* III.11.

⁴¹ Велл. II.99; Сало. *Тиб.*10.

⁴² Свет. *Тиб.*68; Плиний *Н.Э.*XXVIII.2; Так. *Энн.* I. 4. Тацит, Светоний и Дион нарисовали мрачную картину пороков Тиберия, но писатели первого века, такие как Филон и Веллей, дают иное описание, а Сенека, Плиний, Иосиф Флавий, Плутарх и даже Ювенал, умалчивают об этом предмете.

⁴³ *Понедельник.* VI.24-.

⁴⁴ Suet. *Div. Aug.* 58.

⁴⁵ Овидий *Постный.* II.637-8. Титул долгое время использовался неофициально (DioLV.10; Дессау, 96, 101); и Цицерон, и Юлий получили его, первый неофициально; Гораций предвосхитил это — "Nis ames dici Pater atque Princeps". *Од.*I.2.

⁴⁶ Самые добрые эпитеты Тацита — "род невидимый" — "синистра" — "детерминирующий род" - "перспективатиссима pars servientium".

⁴⁷ Свинья, конечно, была анафемой для еврея. Смысл высказывания заключается в использовании греческих слов ὄς и υἱός.

⁴⁸ От Луки ii.2. Тертуллиан назначает Сатурнина губернатором Сирии (*adv. Marc.*, IV.19), но смотрите сэра У. Рамзи в "*Толкователе*", ноябрь 1912 г., и *JRS* VII.273; ср. также Левин, *Fasti Sacri*, XXIII кв. и *Hastings' Dictionary of the Bible*, s.v., "Хронология". Наиболее вероятной датой Рождества Христова, по - видимому, является 7 год до нашей эры

КНИГА IV: ОТЕЦ ОТЕЧЕСТВА

стр. 195 Глава I

Полный Принципат

Долгое время существовал серьезный вопрос о том, может ли какое-либо правительство, не слишком сильное для защиты свобод своего народа, быть достаточно сильным, чтобы поддерживать свое существование в чрезвычайных ситуациях.

АВРААМ ЛИНКОЛЬН, 10 ноября 1864 г.

Принципат был теперь по существу завершен, и наше дело - более подробно изучить структуру в том виде, в каком она вышла из рук Августа. Поэтому мы должны немного предвосхитить и включить модификации, которые он вносил до конца своей жизни. Поскольку это была органическая вещь, созданная для обеспечения роста, необходимо четко представлять различные ее элементы. Были части, которые оставались нетронутыми до тех пор, пока существовала империя. Были части, которые он намеренно оставлял подвижными, чтобы изменять по мере изменения условий. Были принципы, которые, по его мнению, сохранятся и которые должны были измениться к лучшему, и были элементы, которые он считал не менее важными, и которые должны были быть изменены к худшему.

Я

Этот огромный механизм, как мы видели, был основан на двух принципах, глубоко укоренившихся в истории Рима. Первое заключалось в том, что народ был сувереном, единственным источником власти; второе, что эта власть была делегирована в форме империи магистрату, и что в чрезвычайной ситуации такое делегирование могло быть все-всеобъемлющим и универсальным. Если бы чрезвычайная ситуация казалась людям чем-то постоянным, тогда делегированные полномочия были бы бессрочными. Но в лучшем случае они не могли бы продолжаться дольше срока полномочий такого судьи. После его смерти оно должно быть возвращено народу и вручено заново; оно не может передаваться непосредственно от человека к человеку; оно должно сохранять р196характер специального поручения. Принципат, каким его представлял Август, изначально

представлял собой в основном переплетение существующих институтов со всем их традиционным авторитетом и исторической привлекательностью. Он, должно быть, предвидел, что некоторые из этих учреждений окажутся слабыми, а другие приобретут другой цвет в новой ткани; но вначале материалы должны быть знакомыми. Новизна должна заключаться в узоре.

Но даже более важным, чем элементы конституции, был центральный контроль. Речь, которую Дион¹ вкладывает в уста Мecenата в начале принципата, затрагивает суть дела. "Наш город, подобно большому торговому судну, укомплектованному экипажем всех рас и лишенному лоцмана, вот уже много поколений качается и погружается, дрейфуя то в одну, то в другую сторону в бурном море, как корабль без балласта". Требовались определенные конструктивные изменения на судне и более опытная команда, но остро требовался лоцман. То, что Гальба в 69 году нашей эры избрал преемника, он изложил как общепринятую доктрину. "Если бы огромное тело империи могло стоять и сохранять равновесие без чьего-либо контроля, тогда я бы с радостью восстановил Республику. Как бы то ни было, дела давно пошли таким образом, что моя старость не может дать римскому народу лучшего подарка, чем хорошего преемника, а твоя молодость - ничего лучшего, чем хорошего императора".²

Принцепс, получающий свой мандат от Сената и народа; и мандат, который мог быть отозван и который, следовательно, влек за собой обязанность управлять в соответствии с общественным мнением — такова была концепция Августа о системе, которая представляла бы собой Республику, ставшую практически эффективной и адаптированной к потребностям империи. Он ясно видел опасность. Если бы временная должность стала постоянной, как это и должно быть, всегда существовал риск того, что она скатится во что-то вроде монархии и первый гражданин станет хозяином, а не лидером. Когда Плиний и Дион Златоуст читали Траяну лекции о политике, они подчеркивали разницу между "dominatio" и "principatus".³ Ибо недостаток стр. 197 принципата — его недостаток, а также его сила — заключался в том, что он не мог быть полностью выражен ни в каком своде законов или совокупности институтов; скорее, это была общая концепция, содержание которой каждый принцепс должен определять сам. Август истолковал это одним образом; преемник мог истолковать это по-другому и стремиться стать богоподобным-королем, как Калигула, или тираном, как Домициан. Судьбе было угодно постепенно склонить его к монархии, так что при Коммоде слово "dominus" можно было использовать по отношению к принцепсу, а при Диоклетиане оно стало официальным титулом. Однако личный престиж Августа был настолько силен, что он смог установить традицию, которая, хотя и могла прерваться при Нероне, Домициане или Коммоде, могла быть восстановлена великими Флавианами и Антонинами.

Принципат был настолько изменчивой штукой, что вопрос о престолонаследии имел первостепенное значение. Он, конечно, не мог установить постоянный закон, но он мог предусмотреть своего собственного преемника и тем самым создать прецедент.

Простые всенародные выборы были невозможны, и Рим не желал признавать наследственную монархию, о которой мечтал Юлий. План, который разработал Август, состоял в том, чтобы выбрать коллегу, который получил бы проконсульскую власть и трибунскую власть и который, поскольку он понимал весь механизм правления, неизбежно сменил бы его, если бы гражданская структура не распалась полностью. Для этой цели он выбрал Агриппу, а после его смерти - Тиберия. Но вполне естественно, что он страстно желал преемника, который увековечил бы его кровь и семейные традиции Юлиев.⁴ У этой точки зрения было некоторое обоснование. При республике сын часто сменял отца на посту; семья всегда много значила для Рима; престиж дома Юлиев был велик, а его собственные "аукторитас" колоссальны, и это обеспечило бы мощные санкции для любого нового принцепса. Более того, армия, которая в конечном счете была всемогущей, питала пристрастие к его расе. Итак, сначала Марцелл, а затем Гай и Луций были выбраны в качестве его конечных наследников, и только когда в его крови не осталось мужчин p198, он вернулся к своему приемному сыну Тиберию.

Недостатки этой квази-наследственной системы очевидны, и то, что он должен был с этим согласиться, было одной из его редких ошибок. Это не давало никакой защиты от Калигулы, Нерона, Домициана или Коммода. Если бы номинальный преемник не был сильнейшим человеком в государстве, у такого человека, если бы он существовал, было бы постоянное искушение самому претендовать на трон; ибо принцепс не всегда мог рассчитывать на самоотверженность, которую Август находил в Агриппе, а Веспасиан - в Муциане. Это сработало достаточно хорошо после его смерти, поскольку Тиберий был самым способным человеком в империи, но позже это привело к появлению сумасшедшего в лице Калигулы, грубого педанта в лице Клавдия и монстра в лице Нерона. Гальба откололся от него, выдвинув кандидатуру Пизона Лициниана, но семейный договор был восстановлен вместе с Флавианами. После Домициана пришла более совершенная система, которая открыла принципат для лучших людей и произвела на свет великих императоров, таких как Траян, Адриан, Антонин Пий и Марк Аврелий. Последний ввел обычай назначать при жизни не лейтенанта, а коллегу, так что к моменту его смерти наследование уже было определено. После него произошел возврат к династической моде, которую время от времени меняли удачливые претенденты, пока она не достигла кульминации в системе двух августов четвертого века.

II

Рим был сердцем и пульсом империи, цитаделью которой была Италия гласис, и от его благополучия зависело будущее цивилизованного мира. Его граждане были правящим классом, людьми, от которых принцепс получил свой мандат и которые должны были обеспечивать персонал для имперской администрации. Наш первый вопрос заключается в том, кем были римские граждане? Начнем с свободных жителей Италии; но гражданский статус по природе вещей должен расширяться, и

через свою империю принцепс имел право присваивать ее как в ее полной форме, так и в измененной версии, известной как латинский статус. Джулиус в 1969 году был очень свободен в обращении с франшизой. Его колониционная деятельность делала это неизбежным, но он также мечтал об империи, которая была бы единым великим Римом, гражданами которого были бы все свободные люди. О размерах его дарований можно судить по тому факту, что в 70 году до н.э. в гражданских списках числилось всего 450 000 человек,⁵ в то время как сорок-два года спустя, при первой переписи Августа, их было 4 063 000. О скудости пожалований Августа свидетельствует цифра, полученная при его последней переписи населения, проведенной сорок-один год спустя, которая составила 4 937 000 человек, что⁶ немного превышает естественный прирост.

Консервативные настроения, без сомнения, сыграли свою роль в этой политике, поскольку он решительно выступал против идеала Юлия о единой империи. Но были и веские причины государственного управления повлиять на него. Интеграция Италии не была полной; когда он начал свое правление, полуостров был присоединен к Риму всего двадцать лет назад, и было очень необходимо воспитывать итальянский патриотизм и самоуважение. Во времена Цицерона итальянский провинциал находился в невыгодном положении по сравнению с метрополией; было важно устранить это клеймо, и это могло быть сделано только путем придания новому статусу метрополии всей Италии такого же привилегированного положения. Опять же, была финансовая причина — гражданствокорабля означало свободу от определенных налогов; была и военная причина — перспектива получения франшизы побуждала заморских провинциалов служить в армии. Самое главное, что его схема латинизации была в значительной степени основана на урбанизации провинций, и Август был полон решимости не делать ничего, что могло бы принизить гордость провинциальных городов. Он не хотел обесценивать гражданскийкорабль Лиона, делая слишком многих его жителей гражданами Рима. Его представление о римскомгражданскомкорабле было совершенно иным, чем об исключительном гражданскомкорабле Греции пятого века, о чем-то, что было совместимо с лояльным членом ^{корабля меньшей муниципальной} единицы, о чем-то дополнительном, инклюзивном и имперском,⁷ и миру потребуется некоторое время, чтобы привыкнуть к такой идее.

200 Следовательно, консерватизм Августа был средством достижения сиюминутной цели. В его реальности нет сомнений. Он отказался предоставить гражданствогреческому протектору Тиберия, если этот человек не предстанет перед ним лично и не убедит его в своей состоятельности. Он отклонил просьбу Ливии от имени галла, предложив вместо этого освободить его от уплаты-налогов, поскольку потеря казны была предпочтительнее унижения римского достоинства.⁸ В завещании, оставленном после его смерти, он повелел своему преемнику не создавать слишком много новых граждан, поскольку Рим должен быть возвышен среди подвластных народов.⁹ Но он понимал, что придет время, когда эта исключительность послужит своей цели, и совет, который Дион вкладывает в уста Мecenата, — сделать всех свободных людей в пределах империи гражданами Рима

— станет практической политикой. При Клавдии возобладали более либеральные идеи; при нем число граждан выросло почти до шести миллионов.¹⁰ Концепция двойного гражданства, местного и имперского, ко времени Антонинов стала общепринятой. Оратор Элиус Аристид мог провозгласить, что "империя - это город, состоящий из городов", и что "чем каждый город является для своей страны, тем Рим является для всего мира"; а Марк Аврелий превратил ту же формулу в мистическое видение человеческого общества: "Человек — гражданин Высшего Города, в котором другие города подобны домам".¹¹ Полвека спустя эдикт Каракаллы даровал гражданство всем свободным людям в пределах империи. Именно в мрачные дни пятого века галл Сидоний Аполлинарий подытожил это великое предоставление гражданских прав знаменитой фразой. "Рим, - сказал он, - это город, где нет чужака, кроме варвара и раба".

При изучении этой социальной структуры хорошо бы напомнить себе, что разделение было по классам, а не по кастам. Человек, если ему повезет, мог свободно перейти на уровень p201 и получить более высокое звание. Аристократия основывалась на должности, а не на крови; тот, кто служил государству на высоком посту, облагораживал своих потомков. По этому каналу средние классы, сословие всадников, легко переходили в сенаторское сословие, в то время как они, в свою очередь, постоянно пополнялись из третьего сословия плебса.

Рабство В основе лежала язва старого мира - рабство. Войны Рима в период его великой экспансии наполнили город и сельские районы рабами, большинство из которых принадлежали к расам с высокой цивилизацией. В богатой семье были мужчины и женщины, искусные в любой работе, от самой черной до самой искусной. Римлянину не было необходимости выходить за пределы своего дома ни для какого ремесленника. Рабами были секретари, переписчики и бухгалтеры; плотники, металлурги, ювелиры, ткачи и сантехники; повара, пекари и парикмахеры; управляющие загородными поместьями, а также сельские батраки; художники и строители; врачи, хирурги и окулисты. Их экономическая ценность накладывала определенную узду на капризы хозяев, но их положение всегда было шатким. Они могли быть выпороты или заклеяены по воле своего хозяина, в уголовном процессе их показания давались под пытками, и были установлены строгие ограничения на приобретение ими собственности. Было принято выставять больного раба напоказ в храме Эскулапа на острове Тибра и полагаться на его выздоровление. Ближе к концу Республики появилось более гуманное отношение, во многом благодаря стоической доктрине братства людей, и это быстро развивалось в ранней империи.¹² Август взял на себя инициативу в этом вопросе. Он выступил против бессмысленной жестокости по отношению к рабам,¹³ и их массового наказания в случае смерти непопулярного хозяина.¹⁴

Вопрос об их освобождении рано привлек его внимание. Окончание завоевательных войн значительно уменьшило приток рабов из-за границы, но их численность поддерживалась за счет тех, кто вырос в Риме, и многие по-прежнему прибывали

обычным торговым путем. Эти последние запасы отличались от предыдущих: они принадлежали либо к расам, родственным римлянам, либо к культуре не ниже их; часто они были варварского происхождения и придерживались грубых традиций. Было невозможно, даже если бы он того захотел, ограничить приток рабов, но он поставил перед собой задачу регулировать их доступ к свободной жизни города, ибо в противном случае Рим вскоре превратился бы в многоязычный сброд. Освобождение становилось слишком популярным и слишком простым, и не было никакой гарантии за хороший характер тех, кто был освобожден.¹⁵ Формальное освобождение, дающее право на получение полноправного гражданства, требовало разбирательства в магистрате и уплаты пошлин; но существовал простой и недорогой вид неформального освобождения простым заявлением, которое придавало смысл свободе. Рядом законов Август пресек это злоупотребление. Закон от 17 г. до н.э.¹⁶ г. до н.э. предоставил законное положение неофициально освобожденным рабам и сделал их детей свободнорожденными, но резко ограничил их право приобретать собственность и передавать ее по наследству. Во 2 году до н.э. он ограничил количество рабов, которых хозяин мог освободить по своей воле,¹⁷ а четыре года спустя он строго ограничил право хозяина на освобождение при его жизни. Рабы, которые имели что-либо против своего характера, после освобождения подвергались тяжелым увечьям,¹⁸ и не получали ничего, кроме личной свободы. Результатом этих мер стало удержание класса вольноотпущенников в разумных пределах. В остальном это был класс, к которому Август проявил хорошее расположение. Он разрешил вольноотпущенникам занимать высокие посты на флотах и служить в городской полиции и пожарных частях; он присвоил звание всадника выдающимся вольноотпущенникам, таким как его врач Антоний Муса; он сделал вольноотпущенника Лицина своим прокуратором в Галлии с катастрофическими результатами, а из вольноотпущенников он набрал своих личных секретарей.

А как насчет сокращающегося свободнорожденного населения Рима? Давно прошли времена отважных бюргеров, которые выиграли битву с патрициями и были опорой римского оружия. р203Они сражались и погибли в завоевательных войнах; многие из них обосновались в колониях по всей империи; некоторые, без сомнения, гонимые конкуренцией рабов, исчезли в дикой местности, подобно "белым беднякам" на американском юге;¹⁹ слишком многие погрузились в нищую городскую чернь. Их качество, равно как и численность, снизилось, поскольку для человеческого общества, как и для валюты, действует Закон Грэшема, и подневольный труд вытесняет свободный. Высшие отрасли промышленности империи были укомплектованы вольноотпущенниками, а низшие - рабами.²⁰ Что, в самом деле, оставалось делать римскому рабочему, когда все пути, даже самые скромные, были перекрыты для него людьми, за спиной которых стояло покровительство богатых? Он мог бы поискать покровителя, но большинство покровителей уже были присягнуты своим вольноотпущенникам, и прошли те веселые времена, когда он имел какое-то общественное значение и мог встать под знамена Клодия или Милона. Теперь он мало что значил для государства, разве что как потенциальный источник беспорядков.

Август понимал проблему и не был черствым. Он не был готов презрительно отмахнуться от этих скромных сограждан как от "выгребной ямы Ромула" или "сброда Рема". Его законодательство о вольном освобождении было разработано для создания большего спроса на бесплатную рабочую силу. Рим всегда признавал обязанность государства облегчать нужду, и он увеличил максимальное количество тех, кто имеет право на бесплатное зерно.²¹ Помимо обычных подачек, он раздавал особые дары в виде еды и денег и, по-видимому, за первые двадцать семь лет своего правления потратил на это около 400 000 фунтов стерлингов.²² Два других шага, которые он предпринял, чтобы наделить римский плебс как обязанностями, так и правами. Одним из них было его разделение города на районы (regiones) и муниципальные районы (vici) и предоставление в последнем своего рода выборного местного самоуправления. Это была не очень успешная попытка²⁰⁴, но она показывает его желание вызвать у населения прямой интерес к общественным делам. Вторым шагом была попытка найти замену старым шумным политическим клубам путем развития торговых гильдий (коллегий). Они были в значительной степени подавлены сенатом в 63 году до нашей эры, и все, кроме нескольких, были распущены Юлием после того, как в них отпала необходимость; но они снова ожили и требовали присмотра. Как обладатель трибунской власти, Август считал себя защитником бедных. Он стремился поощрять гильдии, вносить в них изменения, а также контролировать их, поскольку никакая деятельность не должна выходить за рамки единого государства, к которому он стремился.²³ Поэтому он постановил, что каждая гильдия должна иметь лицензию и в некоторой степени находиться под контролем правительства. Это были строго благотворительные общества, а не профсоюзы, поскольку рабский труд делал последнее невозможным. Забастовка в Риме была бы величайшей глупостью.

С упадком Ассамблей политическое значение и интерес римской бедноты исчезли. Август, верный своему желанию наделить все классы органической функцией в государстве, охотно пересмотрел бы их в определенных пределах. Как бы то ни было, Ассамблеи были похожи на Совет по присоединению²⁴ в Британии, который происходит от старого Витана — антикварной реликвии без серьезных функций. Ассамблея кюри превратилась в фарс, и никто не хотел восстанавливать Ассамблею Веков; но с самого начала казалось, что с Ассамблеей Племен можно что-то сделать. Юлий, очевидно, думал возродить его, если мы можем судить по тому, что он предоставил новое место для собраний в Септе Юлия, а предоставление гражданства провинциалу Октавианом в его втором триумвирате сформулировано так, что предполагает, что избирательное право будет осуществляться на Ассамблее в Риме. Сложность заключалась во времени и расстоянии. При существующем положении вещей голосовать могли только представители городских племен, а голос народа был голосом лишь наименее достойной его части. Сам Август желал, по вполне очевидным причинам, возродить Ассамблею и восстановить ей, в определенных пределах, ее древние выборные и законодательные права.²⁵ Он разработал схему, с помощью которой голоса членов муниципальных сенатов в провинциальных городах Италии могли быть отправлены в урны для голосования в Рим и подсчитаны вместе с городскими голосами.²⁶ Но идея так и осталась

мертворожденной, отчасти, без сомнения, из-за технических трудностей, а отчасти потому, что Рим в тот момент переживал консервативную реакцию и не имел склонности к новшествам. Практическое препятствие можно было бы преодолеть с помощью какого-нибудь метода репрезентации, но любопытно, насколько чуждой была древнему миру вся репрезентативная концепция в целом.²⁷ Знаменитая доктрина Берка показалась бы ей совершенно непонятной. Оно понимало делегирование полномочий, но концепция одного человека, назначенного думать и принимать решения за множество, потому что он был типичным для их образа мыслей и поэтому пользовался их доверием, была далека от его политической философии. Перед каким-нибудь ученым стоит задача исследовать путь, которым репрезентативная идея вошла в мир. В чем-то она обязана христианской церкви, а в большей степени племенным привычкам северных рас. Без этого конституционное правление в современном смысле было невозможно.

Собрание медленно впадало в запустение. Номинально он одобрил выборы, но это было лишь формальное согласие, и Тиберий в первый год своего правления передал Сенату даже эту незначительную прерогативу.²⁸ Август начал с того, что использовал его в качестве законодательного органа, но с возрастом отказался от этой привычки; за первые двадцать лет его принципата был принят двадцать-один закон, но за вторые двадцать лет - только четыре. "Септа Джулия", торжественно открытая с такой помпой, превратилась в нечто вроде зоологического сада, где проводились гладиаторские бои, а однажды там содержался носорог. Своего рода Собрание действительно продолжалось почти три столетия, когда народ был торжественно созван в соответствии со старыми республиканскими формами²⁰⁶ для утверждения некоторых полномочий принцепса, и красный флаг развевался над Яникулумом, а, а, а, а, но это была тень тени. От этого конкретного республиканского приема Августу волею-неволей пришлось отказаться. Люди все еще могли выражать свою волю, но это было путем массовой агитации, а не судебного процесса.²⁹ Популярный элемент в принципате заключался в трибунской власти принцепса. Истинным преемником Ассамблеи была новая армия, и такой Ассамблея была с самого начала.

Выше плебса стоял средний класс, который был примерно идентичен сословию всадников. Это было смешанное общество, поскольку по своему социальному характеру оно включало многих, у кого не было золотого кольца рыцаря; поэты, философы и литераторы были приняты в него как джентльмены из вежливости. С одной стороны, это было похоже на незнатное дворянство Англии, поскольку некоторые семьи всадников могли похвастаться долгим происхождением. На другом он изображал людей, добившихся успеха самостоятельно, которые сколотили состояния на торговле или банковском деле и находились на периферии аристократии.

Восстановление этого ордена было одним из главных и наиболее долговременных достижений Августа. Он рассматривал ее не как политический довесок, подобно Гаю Гракху, или, подобно Юлию, как плутократию, которую можно было доить, а как ценную социальную ступень, из которой он мог черпать кадры армии и высших

государственных служащих. Чтобы поступить в этот класс, человек должен был быть свободнорожденным и обладать хорошим характером, обладать состоянием в размере от трех до четырех тысяч фунтов и получать специальное пособие от принцепса. Ему не обязательно проживать в Риме или в Италии, и упор, делаемый на орден, был одной из сил, способствующих единству империи. Для Августа этот многочисленный средний класс был особой заботой. Он подчеркивал его военный характер и каждый июль сам отдавал честь верхом на коне на параде рыцарей. Легат легиона должен быть сенатором, но трибуны были рыцарями, и центурион получал это звание при увольнении. Молодой человек ордена мог подняться до командования р207 Домашней бригадой, управлять имперской провинцией, такой как Норикум, Реция или Мавритания, или в Риме контролировать поставки зерна и командовать городской полицией. Прежде всего, он мог стремиться стать вице-королем Египта. Если рыцари утратили свою старую привилегию собирать налоги, им были предоставлены все основные финансовые посты в империи. Везде, где затрагивались личные интересы принцепса, должностным лицом был рыцарь. Таким образом, орден стал не только эксплуататором быстрорастущей торговли Рима, но и основным источником, из которого формировалась имперская бюрократия. Это было мудрое решение, поскольку средние классы были самой сильной частью римского мира. В отличие от аристократии, у них не было жестокой классовой гордости, которая стереотипировала их характер. Их постоянно набирали снизу, и они, в свою очередь, предоставляли рекрутов для Сената. Они предлагали способной молодежи блестящую карьеру, обладали жизнелюбием людей с широким кругозором и реализмом людей, которые были архитекторами своей собственной судьбы. Больше, чем любой другой класс, они все еще обладали суровыми добродетелями, которые создали римское государство. История принципата - это история неуклонного продвижения рыцарей до тех пор, пока они не вытеснили вольноотпущенников из кабинета императора и не взяли в свои руки все нити управления. Империей на ее наиболее процветающей стадии управлял высший средний класс.

На вершине социальной структуры находилась сенаторская аристократия. Это были уже не те оптиматы, власти которых бросил вызов Юлий. Знаменитые старые дома быстро умирали от истощения. Олигархия, которая во имя свободы и Республики боролась за сохранение своей исключительной власти, рухнула по неумолимым законам природы. Политика Августа заключалась в том, чтобы беречь то, что осталось от этой исторической крови, и выделять деньги, позволяющие более бедным членам церкви поддерживать свой ранг.³⁰ Но тем временем обогащение сената за счет продвижения по службе из низших слоев общества позволило ему создать новую знать, и благодаря своей цензурной власти он мог р208настаивать на стандарте качества. В начале своего правления он был уполномочен создавать новые патрицианские семьи. Эта политика была продолжена его преемниками до тех пор, пока патрициат не стал широко привлекать рекрутов из итальянской и провинциальной буржуазии, а также из армейского командования. Сначала Веспасиан привлек к работе провинциалов, и среди тех, кого он признал, были такие люди, как Траян и Агрикола. Принцепс был обычным представителем этой знати,

поскольку Август выступил против создания королевской касты. Его отличие заключалось в должности, а не в ранге. Сенаторы были ему равными, его коллегами;³¹ никогда, в отличие от всадных прокураторов, они не были его слугами.

III

На этой социальной основе была построена структура принципата. Сенат - первая часть структуры, которую следует рассмотреть. Здесь задачей Августа было не столько творчество, сколько сохранение. Он расширил его границы своим "adlectio", допуском компетентных людей, которые еще не достигли дворянства благодаря занимаемой должности, но это было не более того, чего всегда требовала народная партия Республики. Его прежнее положение верховной власти в государстве действительно исчезло, но оно было утрачено по его собственной воле, поскольку задачи правительства вышли за рамки его полномочий. Для Августа было жизненно важно сохранить достоинство Сената, поскольку он был главным связующим звеном с прошлым, единственным органом, который представлял собой сохраняющуюся идентичность римского государства и члены которого имели некоторый опыт государственной службы. В разделении функций, как мы видели, он отводил этому большую роль. Она управляла большим количеством провинций; ее члены занимали высшие официальные посты; она отвечала за государственные финансы; она заменила Ассамблею в качестве законодательного органа; она обладала обширными судебными полномочиями. Его реальный суверенитет был утрачен, поскольку он больше не командовал армиями, но ему было предоставлено множество прав и обязанностей, неизвестных его республиканскому коллеге. Август стремился сделать из нее настоящего коллегу и всячески повышать ее престиж и достоинство. Как мы видели, у него были большие полномочия по определению конституции и контролю за дебатами, но он хотел оставить эти полномочия на заднем плане и позволить Сенату свободно обсуждать и принимать решения. Он искренне нуждался в помощи в выполнении своей огромной задачи, и, прежде всего, он трудился через Сенат, чтобы поддерживать тесную связь с образованным мнением. Пока позволяло здоровье, он лично присутствовал на заседаниях Совета, в дебатах высказывал свою точку зрения последним, чтобы не повлиять несправедливо на решение, и не возражал против насмешек или даже грубости.³²

Кораблю-партнеру суждено было добиться успеха. Отношения между Сенатом и принцепсом менялись на протяжении всей империи; они были плохими при Калигуле, Нероне и Домициане, достаточно хорошими при таких сдержанных людях, как Веспасиан, Адриан и Антонины, но никогда не были по-настоящему сердечными. Принцепс мог найти преданных коллег в отдельных сенаторах, но не в Сенате. Для этого было две причины. Общество утратило корпоративную жизнеспособность, как и сама знать; его члены больше не были суровыми королями, которые заставили замолчать вторгшихся галлов. Они были склонны быть придиричливыми и инфантильными и уклоняться от своих обязанностей. Чтобы

обеспечить аншлаг в палате представителей, Август был вынужден еще в 29 году до н.э. запретить сенаторам покидать Италию без его разрешения. В 17 году до н.э., и снова в 11 году до н.э., ему пришлось увеличить штрафы за неявку-. Он остановил публикацию его протоколов, которые Юлий торжественно обнародовал, без сомнения, для того, чтобы мир не увидел наготы этой страны. Вторая причина заключалась в том, что, даже если бы Сенат был послушным и компетентным, его юридическое превосходство неизбежно было бы подорвано практической эффективностью принцепса. У него был, по крайней мере теоретически, голос во внешней политике, и Август неоднократно обращался к нему с подобными вопросами, но, поскольку он контролировал армии, решение должно было оставаться за ним, и Сенат был вынужден снова передать эти вопросы в его руки.³³ У него были новые и расширенные судебные функции, но принцепс имел право передать любое дело из-под его юрисдикции в свое собственное. Это был обычный законодательный орган, но когда в час паники он дал ему право издавать указы, это проложило путь для нового типа законотворчества-, которое было намного проще и быстрее, чем старые неуклюжие методы. До Адриана ни один принцепс не претендовал на законодательную власть, но начиная с Августа они создавали как административное, так и частное право.³⁴ Исполнительная власть должна иметь какие-то быстрые средства для выработки правил на случай чрезвычайных ситуаций. Август тоже, из-за трудностей с формированием полного состава Сената, был вынужден использовать тайный совет,³⁵ и при последующих императорах это, как правило, был не столько комитет сенаторов, сколько кабинет друзей. Решениям этой камарильи была придана сила сенаторских указов.³⁶ Если бы Сенат был более высокого качества, ему все равно было бы трудно сохранить свой статус перед лицом множества исполнительных задач, которые мог выполнять только принцепс. Как бы то ни было, это становилось все более и более достойным анахронизмом, раздражительным, если с ним обращаться неумело, послушным под руководством благоразумного принцепса, но не обладающим унаследованной силой инициации или сопротивления. Не лишено значения, что Август в первом из Киренских эдиктов говорит о "Сенате и мне", а в последнем - о "мне и Сенате".³⁷

Республиканские магистраты — консулы, трибуны, преторы, эдилы и квесторы — продолжали выполнять свои традиционные функции. Основные изменения, внесенные Августом в служебную иерархию, заключались в том, что любой человек, стремящийся к государственной службе, должен был начинать службу в армии, и что прежде чем занять пост квестора, он должен был занять одну из двадцати второстепенных городских должностей. Номинально выборы были возложены на Ассамблею, но, благодаря своему праву выдвижения кандидатур и похвалы, он мог обеспечить успех любому кандидату. В целом он строго придерживался правила, согласно которому высших достоинств можно было добиться только в традиционной последовательности. Не всегда было легко найти кандидатов на некоторые должности из-за бедности или расхлябанности сенаторского сословия, и Августу не раз приходилось прибегать к принуждению.³⁸ Такой назойливый человек, как Клавдий, еще больше понизил статус

республиканской магистратуры, поскольку, по словам Тацита, "он привлек к себе все функции законов и магистратов".³⁹ Существование империи принцепса в самом Риме делало магистратов все более зависимыми от него, а новая государственная служба отнимала у них многие задачи. Корабль претора, например, передал некоторые из своих обязанностей специальным комиссиям, которые работали под присмотром принцепса и которые занимались основными городскими службами, такими как снабжение зерном, водоснабжение и уход за улицами. Август нашел этого полезного человека, профессионального члена комитета.

Единственной должностью, которую он пытался сохранить неприкосновенной и сделать целью своих амбиций, был пост консула; но для того, чтобы иметь достаточное количество консулов для высоких должностей, он был вынужден увеличить их число с помощью системы "suffecti consules", которые занимали должность всего несколько месяцев, так что в любой год консулов могло быть четыре или пять. После 2 года нашей эры это стало обычным обычаем. Этот пост приобрел достоинство благодаря тому, что принцепс часто занимал его: Август занимал его тринадцать раз, Тиберий - пять, Калигула -четыре, Клавдий и Нерон - по пять каждый, в то время как у Веспасиана и его сыновей был двадцать-один консул. Калигула и Нерон могли стремиться унизить этот пост,⁴⁰ но более мудрые императоры относились к нему с уважением. Но никакое антикварное рвение не смогло сохранить жизнь кораблю р212, и в четвертом веке он сохранился только как муниципальное достояние. Республиканские магистратуры в конечном счете были убиты более широким размахом и большей эффективностью имперской службы.

Управление Римом стало серьезной проблемой, для решения которой Август уделил особое внимание. Его работа в этой сфере действительно была одним из его главных успехов. "В Риме Августа, не меньше, чем в современном-Лондоне, существовала потребность в не-политических органах, способных решать практические проблемы местного самоуправления Он, действительно, не создавал городской совет, независимый от Сената, но к концу его правления все департаменты местной администрации находились в опытных руках, и Рим был более здоровым и мирным городом, чем он, вероятно, был в любой период своей истории".⁴¹ Он подарил ей великолепные общественные здания - храмы, бани, библиотеки и места собраний; он дал ей эффективную инфраструктуру. полиция и бдительная пожарная команда; он сносил трущобы и надзирал за новыми районами застройки; он защищал ее от наводнений Тибра; он следил за тем, чтобы она никогда не нуждалась в хлебе. Прежде всего, он подарил ей гражданскую гордость. Он преподал ей свое собственное кредо о мире, где латинская культура должна быть универсальной, а сам Рим - источником и хранителем этой гордой традиции, городом, "которому нет равных".⁴²

Юлий со своими Оппием и Бальбом заложили основы императорского секретариата, но Августу было поручено превратить его в государственную службу. Эта служба постепенно должна была перерасти в сложную бюрократию, которая стала

цементом, скреплявшим империю воедино. Август проложил основные линии, поскольку он создал важные посты, которые могли занимать рыцари и вольноотпущенники, и сделал свой собственный дом центром, от которого расходились все провода. Такое изменение не обошлось без трений, поскольку имперские секретари и управляющие относились к старшей аристократии с неприязнью, и, как все бюрократы, они были склонны преувеличивать свои полномочия. Только при Клавдии служба была полностью р213организована с генеральным секретарем (*ab epistulis*), финансовым секретарем (*a rationibus*), секретарем по подаче петиций (*a libellis*) и судебным секретарем (*a cognitionibus*), высококвалифицированными вольноотпущенниками, которые вместе составляли одно из самых деловых бюро в истории. Во времена Адриана рыцари заменили вольноотпущенников во главе основных ведомств, но общая организация просуществовала столько же, сколько существовала империя.⁴³ Эти люди были наемными чиновниками, в отличие от республиканских магистратов, и их иерархия была такой же строгой, как старый "*cursus honorum*". Они не были государственными министрами в современном смысле этого слова, хотя и являлись исполнительными главами крупных департаментов; они были личными слугами принцепса, ответственными только перед ним — концепция, которая в чем-то была обязана эллинистическим монархиям, но в большей степени староримской моде, согласно которой дом вельможи сам по себе был микрокосмом правительства. Королевства Меровингов - еще один пример распространения методов королевской семьи на административную структуру нации.

Правительство, впервые в истории Рима, стало опытным и профессионализированным. Это была одна из самых продолжительных реформ Августа, и без нее Рим и империя погрузились бы в хаос. Бюрократия должна была изменить свою окраску: при Адриане она стала более тесно связана с армией и приобрела военную выверенность; во времена Диоклетиана она стала такой жесткой и запутанной, что стала налетом на империю. Вольноотпущенники, которых Август использовал в качестве администраторов, возможно, были менее честными, но они, вероятно, были более компетентными и либеральными, чем отставные полковники более позднего периода. Система Августа страдала от недостатка всех бюрократических структур, заключавшегося в том, что со временем машина стала настолько грандиозной, что чиновники заботились только о ее бесперебойной работе, а не о цели, которой она должна была служить, - о нуждах людей. Тем не менее, в течение нескольких столетий она обеспечивала такое недорогое, чистое и эффективное правительство, каким никогда не обладала ни одна империя. Гиббон не преувеличивал, когда писал: "Если бы человеку было поручено зафиксировать период в мировой истории, р214в течение которого состояние человеческой расы было наиболее счастливым и процветающим, он бы без колебаний назвал тот, который прошел со смерти Домициана до восшествия на престол Коммода. Огромная территория Римской империи управлялась произвольной властью под руководством добродетели и мудрости".⁴⁴

IV

Вот и все о структуре; остается рассмотреть услуги, встроенные в нее. Республика увеличила свои доходы за счет двух основных источников: в Италии - за счет таможенных сборов, арендной платы за общественную землю и пятипроцентного налога на вольнонаемных рабов; в провинциях - за счет различных прямых налогов на недвижимость и движимое имущество, а также за счет арендной платы, таможи и лицензионных платежей за добычу полезных ископаемых. Прямое налогообложение было противно итальянскому нраву, но был маленький бог, который благоволил к косвенным налогам.⁴⁵ Республиканские доходы были невелики — Цицерон говорит, что из провинций только Азия оплачивала их содержание, — и собирались они наиболее расточительно, в то время как тот факт, что они находились в ведении магистратов с короткими сроками полномочий, делал невозможной непрерывную финансовую политику. С другой стороны, в мирное время расходы были невелики; не было социальных служб, не было государственного долга, и большинство чиновников служили без зарплаты.

Реконструкция Августа изменила все это. Эксперименты с патернализмом, оплачиваемая государственная служба, большое количество общественных зданий, долгая служба и более высокооплачиваемая армия значительно увеличили расходы правительства. Поэтому он был вынужден провести радикальные финансовые реформы. Система налогообложения-сельского хозяйства в провинциях была значительно изменена, и все прямые налоги там собирались его собственными прокураторами. Тщательно составленный реестр жителей предотвратил уклонение от уплаты налогов-. В Италии он предпринял смелый шаг. Пограничные войны и улучшение условий содержания солдат и пенсий раздули его военный бюджет, и он р215сначала покрывал это увеличение из собственного кармана, но к 6 году нашей эры оно стало слишком большим для частной щедрости. Он создал специальный военный фонд, в который сам внес сумму, эквивалентную полутора миллионам фунтов стерлингов, и наложил на Италию два новых налога: смертную казнь и налог с продаж. Высшие классы были шокированы, поскольку такие прямые налоги казались им оскорблением итальянского народа, но они капитулировали, когда Август, указав на необходимость сбора денег, предложил вместо этого возродить старый "трибутум" или налог на имущество, который не взимался с 167 г. до н.э. Помимо армейского сундука, "aerarium militare", существовал обычный "aerarium Saturni" или казначейство, номинально подчинявшееся Сенату, но на самом деле управляемое префектами, назначенными принцепсом. На эти цели были уплачены все доходы, итальянские и провинциальные, за исключением тех, которые предназначались для военных нужд. Был также личный кошелек ("patrimonium Caesarum"), имущество, которое он унаследовал или получил по наследству и из которого он делал пожертвования государству. В его доме был специальный финансовый офис под названием "фискус", где его рабы и вольноотпущенники вели точный учет всех финансов империи. Это было бюро, а не, как утверждалось, частное казначейство, которое было отделено от казначейства и в которое поступали

доходы Египта. Эти, как и все другие поступления, поступили в "аэрарий". Лишь позднее "фискус" приобрел характер дополнительного казначейства.⁴⁶

Принципат был самоокупаемым, но было ясно, что его больше нет. Налоогобложение было невысоким, и при Августе расходы строго контролировались. Впоследствии платежеспособность зависела от принцепса. Тиберий был бережлив, Нерон экстравагантен, Флавианы были скупы, в то время как начиная с Траяна установилось устойчивое неблагоприятное равновесие, так что Марк Аврелий был вынужден продать императорские драгоценности, чтобы собрать деньги на свои войны. В третьем веке разразился финансовый кризис, который привел к обесцениванию валюты, после чего контроль ослаб, и центральная машина неуклонно двигалась к банкротству. В этом, как и в других вещах, успех политики Августа зависел от продолжения августовской традиции. В области финансов он был верен своему плану медленного и косвенного завоевания контроля за счет более высокой эффективности и, в не меньшей степени, получения полной отдачи от каждого потраченного динария.

Август оставил своим преемникам в качестве главной государственной максимы предписание не расширять территорию империи. Такова была его политика с момента его первого прихода к власти, и он провел свою жизнь в поисках защищаемой границы. За две стороны он не испытывал страха, поскольку на юге у него была пустыня, а на западе - Атлантический океан; но на Востоке у него была ненадежная граница с Парфией, а на Севере были непрочные реки Дунай и Рейн. Как следствие, этому любителю мира приходилось уделять большую часть своего времени войнам за пределами империи, и он расширил территорию империи больше, чем Юлий. Когда он умер, Египет, Галатия, Мезия, Паннония, Реция, Норик, а также верхняя и нижняя Германия находились под властью Рима.

На море не было никакой опасности. Римляне не были расой моряков, и больше всего от него требовалось охранять Средиземное море от пиратов и время от времени использовать флот, как это делал Друз, для содействия сухопутной кампании. Он сохранил часть военно-морского флота, сражавшегося при Акциуме, и основал военно-морские базы в западной и восточной Италии, в Мизене на берегу Неаполитанского залива и в Равенне недалеко от устья По.⁴⁷ Большинство рядовых военно-морского флота были рабами, хотя во времена Клавдия мы находим свободных провинциалов, которые служили в 217 году; офицеры были либо вольноотпущенниками принцепса, либо бывшими-легионерами всаднического ранга. Боевые корабли вышли из моды, и легкая галера заменила трирему.

Армия рассматривалась в первую очередь как силы пограничной обороны, выполняющие полицейские функции в менее населенных приграничных провинциях. Август был никудышным солдатом, и легионеры никогда не были для него "коммитантами", какими они были для Юлия; но у него было чутье государственного деятеля на стратегическую опасность, и он обладал даром выбирать способных командиров на поле боя. Как мы видели, он связал

командование армией с гражданской администрацией и, рассматривая солдат как граждан, а не как наемников, значительно улучшил их положение. Его армия никогда не была очень большой. После Акциума его численность сократилась не более чем до двадцати семи легионов; при нем его обычная численность составляла около 300 000 человек, и, вероятно, ни разу за первые три столетия существования империи общая численность вооруженных сил не достигала цифры в 450 000 человек. Он был набран только для дипломатической службы, и после закрытия триумвирата в Италии не было расквартировано ни одного легиона до Септимия Севера. Следуя примеру Юлия, Август стремился поощрять профессиональные навыки и боевой дух, а также сделать жизнь солдата привлекательной. Это была армия с выслугой лет, сначала шестнадцати, а затем двадцати; она пополнялась путем добровольного призыва, за исключением кризисных моментов; ее набирали не только из Италии, но и из всех частей империи,⁴⁸ а вспомогательные силы набирались полностью из провинций. Главными стимулами к службе были пенсия и право гражданина на корабль, которые ожидали солдата при увольнении. Жалованье тоже было адекватным, и при Августе не было никаких трудностей с поиском рекрутов.⁴⁹

В дополнение к линейным полкам существовали 218 девять полков домашних войск, "преторианцев", которые составляли императорскую телохранительницу и охраняли закон и порядок в Италии. Они были строго телохранителями и не подлежали действительной службе, если только принцепс или кто-либо из членов его семьи не выступал в поход. Ими командовали два префекта всаднического ранга. Эта сила была изобретением Августа, хотя для нее можно было бы найти республиканские прецеденты, и, хотя нечто подобное было необходимо, это был эксперимент, полный опасностей для будущего. Поначалу это не имело никакого отношения к столице, и порядок там поддерживала городская полиция. Август всегда следил за тем, чтобы в Риме оставалась только одна-треть, и только при Тиберии все девять когорт расположились лагерем за северо-восточными воротами — шаг, обусловленный амбициями Сеяна, которому было суждено иметь судьбоносные последствия.

Август не желал проводить жесткого различия между гражданской и военной жизнью и поэтому настаивал на том, чтобы зародыши государственных деятелей служили некоторое время с орлами. Этот доблестный непрофессионализм был достаточно хорош в первые дни Республики, когда "рука должна была держать голову" и каждый мужчина был обучен владению оружием. Но теперь это стало анахронизмом. Бывший-претор или экс--квестор, который в качестве легата командовал легионом, был не более чем любителем. Вскоре военный энтузиазм угас в римских высших классах, в то время как удержание армии на границах убило интерес к обороне у населения в целом. Мир внутри защищенных границ стал не только невоенным, но и невоинственным и не мог защитить себя от захватчика, который прорвал внешние рубежи. В этом заключалась одна из слабостей армейской политики Августа. Другой причиной было то, что, хотя условия службы были разумными, дисциплина строго не соблюдалась, а в офицерском классе

наблюдалась некоторая коррупция.⁵⁰ Это был пример того ослабления нити в центре, которое в конечном итоге привело к разрушению империи.

Сила армии заключалась в ее унтер--офицерах, центурионах, набранных из итальянских йоменов. p219Ибо римская армия все еще была сильна и должна была на века остаться одним из чудес света. Никогда еще огромная территория не была так экономно расквартирована: тысяча двести человек в Лионе поддерживали порядок по всей Галлии. Куда бы ни направлялись легионы, они распространяли римские идеи и латинский язык; они были силой единства в другом смысле, поскольку войска часто принадлежали к той же расе, что и люди, которыми они командовали или против которых сражались, и таким образом между римлянами и варварами был перекинут мост. Знаменитые города возникли из столовых полевых войск, которые выросли рядом с их постоянными лагерями. Питаясь всего лишь пшеничной кашей, они смотрели в лицо солнцам Востока, снегам и лесам центральной Европы и безлюдным курганам Севера и превратили пустыню в пригодное для жизни место. На протяжении многих поколений их утренний призыв гремел на горизонтах мира, и они удерживали ворота цивилизации достаточно долго, чтобы сохранить для будущего самую важную часть наследия Рима.

Из этого закон о завещании составлял основную часть. Римляне как раса обладали юридическим гением, и их юридические концепции, разработанные на заре Республики и кодифицированные великими юристами более поздней империи, были основой права средневекового и современного миров. Здесь не место пытаться вкратце описать судебную систему Республики. Это была сложная структура, выстраивавшаяся медленно, ячейка за ячейкой, и если она была неуклюжей, то всеобъемлющей. Как по гражданским, так и по уголовным делам обычным трибуналом были суды присяжных под председательством преторов. Претор на предварительном слушании должен был удовлетворить определенный вид иска, и были изобретены новые виды исков с учетом новых обстоятельств, точно так же, как английским юристам в прошлом приходилось изобретать новые виды судебных приказов. В частности, необходимо было найти новые формулы для случаев, когда одна из сторон была иностранцем, что положило начало международному частному праву. Уголовный процесс до времен Суллы малоизвестен, но мы знаем, что он создал множество уголовных судов, каждый из которых занимался особым классом преступлений, и что его система сохранялась и при империи.

Главные изменения Августа заключались в судебных Сенат был судом консулов, который всегда заявлял о своей юрисдикции в определенных делах, но теперь он превратился в обычный высокий суд, как первой инстанции, так и апелляции. Его значение заключалось главным образом в уголовных делах, особенно о преступлениях против государства, обо всем, что попадало под широкую рубрику "величества" или государственной измены. Теоретически приговор Сената не подлежал обжалованию, но на практике принцепс обладал эффективным правом ходатайства и вето. Сам принцепс мог передавать дела в Сенат и лично

председательствовать, а также он мог появляться и давать показания в обычных судах присяжных, но его реальная власть находилась в его прямой юрисдикции. Это касалось любого уголовного преступления и могло осуществляться его делегатами. Теоретически это основывалось на его власти, а на практике, возможно, возникло из необходимости рассмотрения апелляций из провинций. Относительно всей судебной системы в целом следует отметить две вещи. Не существовало юридического процесса, посредством которого гражданин мог бы отстаивать свои права против государства. Существовал тщательно продуманный механизм апелляций, заканчивавшихся этим к самому принцепсу, но не было трибунала для вынесения решения между государством и частным лицом, ничего, что соответствовало бы английскому "иску против короны". Принципат всегда был судьей в своем собственном деле. Опять же, юрисдикция принцепса отличалась от любой другой, будучи исполнительной, а не судебной, применяя исполнительную власть к вопросам, подлежащим надлежащему судебному разбирательству. Это давало ему большую свободу действий и гарантировало, что со временем он сможет отменить все другие формы судебного разбирательства. "Апелляция к кесарю" должна была стать кардинальным фактом в законодательстве империи. То, что Рим принял это с такой готовностью, возможно, объяснялось его традиционным предпочтением закону, определяемому судьей.⁵¹

Новые судебные полномочия принцепса были неизбежным ростом, столь же важным для эффективного правления, как и командование его армией. В этом вопросе Август действовал медленно и тактично. Он не был юристом, и у него не было такого суеугольного интереса, как у Клавдия, к работе судов. У него не было такого широкого видения, как у Юлия, который начал ту кодификацию римского права, которая была продолжена Адрианом и завершена Юстинианом. Его реформаторское рвение проявлялось скорее в меньших методах процедуры, чем в других. Помимо создания своего собственного нового трибунала, он расширил списки обычных присяжных, чтобы обеспечить более широкую область выбора, и сделал их более демократичными, допуская людей с небольшим состоянием.⁵² Он затруднял получение взятки, препятствуя любым отношениям между истцом и присяжными заседателями. Чтобы прояснить список дел, он увеличил количество дней, в течение которых суды заседали, и ограничил продолжительность судебных процессов.⁵³ Он пользовался своей особой юрисдикцией экономно, беря не больше, чем мог, и проявляя большую готовность делегировать полномочия сенату и судам присяжных. Он давал показания на суде скромно, как обычный гражданин.⁵⁴ Он оказывал юридическую помощь всем, кто обращался к нему, по традиционному обычаю римской знати, и возвысил профессию юриста, создав группу опытных юристов для консультирования. Более того, тот самый принцип Юлия о единой империи, который он отверг с политической точки зрения, он принял с юридической. Он разрешил грекам заседать в суде наравне с римлянами,⁵⁵ тем самым проложив путь к высшему гражданству в империи. Независимость судебной власти, которая является аксиомой современного конституционного правления, была невозможна в условиях всемирной реконструкции, но можно сказать, что Август как судья использовал свою высшую

исполнительную власть умеренно и с должным учетом предписаний и условностей закона.

Экономическая политика республиканского Рима была политикой индивидуализма и невмешательства. В те приятные дни, до появления журнала *economist*, это было скорее инстинктом, чем обоснованным кредо. Джулиус придерживался другой точки зрения. Из того, что мы знаем о его планах, складывается впечатление, что он намеревался оказать государственную-помощь торговле и сделать ее объединяющей силой по всей империи. Август р222принял этот патернализм, поскольку увидел, какая сила для интеграции заложена во всемирной торговой сети с центром в Риме. Только в одном пункте он отличался от своего предшественника, поскольку был полон решимости, что Италия должна находиться на ином уровне, чем остальная империя. Экономические условия должны были привести к этому без каких-либо усилий с его стороны, поскольку под его правлением Италия достигла бесспорного коммерческого-превосходства,⁵⁶ и не было необходимости возводить тарифные стены. Во времена республики была предпринята попытка защитить итальянское сельское хозяйство, запретив производство вина и масла в провинциях,⁵⁷ но эксперимент не был повторен. Римская империя начиналась и продолжалась как зона свободной торговли.⁵⁸

Причин этого экономического процветания было много. На первом месте стоял Августовский мир, при котором торговля по морю и суше могла развиваться в условиях безопасности. Другим фактором был подъем среднего класса, банкиров, торговцев и промышленников, которые теперь имели большое влияние в государстве. Это было открытие путем завоевания и аннексии новых рынков; распространение латыни как мирового языка; универсальная золотая и серебряная валюта; создание новых гаваней и улучшение старых; неуклонная урбанизация провинций и рост новых вкусов; великолепная система дорог, протянувшихся из Рима на край света. Следствием этой деятельности стало то, что в Западных и Северных провинциях Италии появился огромный рынок сбыта ее продукции, а также экспортных товаров, таких как масло и вино. На Востоке она была главным покупателем, поскольку такие страны, как Египет, экспортировали ей не только кукурузу, но и множество предметов восточной роскоши, таких как специи, шелка, драгоценные камни, редкие продукты питания и приправы, а также промышленные изделия, с которыми она не могла соперничать. Провинции платили дань золотом, что объясняет стремление более бедных стран Запада и Севера найти рудники драгоценных металлов. Это золото вернулось на Восток в качестве р223оплаты за восточные товары, поскольку Восток мало что брал в виде итальянских товаров. По мере того как Галлия сама становилась страной-производителем и развивала собственную экспортную торговлю, был подготовлен путь к неблагоприятному торговому балансу против Италии и экономическим сложностям более поздней империи.

Эти торговые отношения были одним из главных центроостремительных факторов в империи, силой, которая автоматически скрепляла части до тех пор, пока не затвердевал политический цемент. Импульс исходил от Августа, и его главным вкладом были эксперименты в поисках новых рынков и тщательно продуманное строительство дорог. Как и Юлий, он был увлеченным географом и любителем карт, и он заразил свой народ той же страстью. Ранняя империя была периодом расцвета исследований. На суше связь всегда была открытой и особенно быстрой. Существовало два больших боковых пути: один вниз по Дунаю к Черному морю, а другой из Черного моря через Анатолию в Сирию и Египет; и в каждой провинции существовала сеть дорог, повторяющая конфигурацию страны. Август взял на себя особую ответственность за итальянские дороги, и его легаты за границей последовали его примеру, как мы знаем из табличек, найденных повсюду от Карпат до Тавра и от Пиренеев до Ливана. Уход за дорогами был поручен специальной комиссии с куратором каждой из главных дорог, и в 20 году до н.э. на Форуме была установлена золотая веха, отмечающая место, где сходились все пути мира. Также была введена имперская почтовая служба, в рамках которой правительственные сообщения регулярно отправлялись ретрансляторами, хотя частным лицам все еще приходилось искать свои собственные средства передвижения. Сначала эта служба была бременем для общин, через которые проходила дорога, бременем, которое продолжалось до тех пор, пока расходы для Италии не были переданы государству при Нерве, а при Септимии Севере - всей империи.

Август желал для Рима, как сердца империи, не только политических реформ, но и морального и религиозного возрождения. В последующей главе мы рассмотрим более тонкие аспекты этой работы; здесь нас интересует только стр. 224ее воплощение в институтах и законах. В республике всегда была государственная церковь с признанным списком божеств и церемониалом, который контролировался государственными чиновниками. Она не интересовалась частными верованиями граждан, но как государство исповедовала определенное вероучение, которое требовало общественного признания. Он был очень готов принять новые культы в качестве дополнения, поскольку Рим отличался чрезвычайной терпимостью и не желал оскорблять ни одного бога; но он решал, какие храмы следует разрешать внутри городских стен, и после Пунической войны запретил мистерии Диониса как представляющие общественную опасность.

Август поставил перед собой задачу возродить государственную религию, культ олимпийцев, как часть своей политики связывания прошлого и настоящего, а также как инструмент восстановления старой морали. По своей сути это была общепринятая вещь, гарантия общественного приличия, религия внешнего соблюдения, а не рвения или личной святости, что, пожалуй, лучше всего описывается греческим словом *евсевия*.⁵⁹ Как Верховный понтифик и, следовательно, официальный глава государственной церкви, он вдохнул жизнь в долину сухих костей. Дух, побудивший к празднованию *Ludi Saeculares*, прослеживается во многих его работах. Он вынудил Сенат открывать свои заседания

актом поклонения — подношением благоволий. Он предоставил девственницам-весталкам официальную резиденцию Верховного понтифика и повысил их престиж и привилегии. Он подготовил исправленное издание римских священных писаний, Сивиллиных книг, и копия пролежала четыре столетия в новом храме Аполлона на Палатине, пока не была сожжена Стилихоном.

В этой работе Гораций был его усердным помощником. Влияние поэта мы можем проследить и в одном дополнении, которое Август сделал к римскому богослужению, - культе принцепса. Это — в Италии скромное уважение к его "гению", но в других частях империи особая государственная религия, а в некоторых частях почти мистический культ — было больше, чем политическая целесообразность, и будет обсуждаться позже в связи с более глубокими аспектами его духовного возрождения.⁶⁰ За кампанией за моральную реформу р225 стоял также Гораций как энергичный пропагандист. Маловероятно, что Август верил, что сердце может быть очищено внешним соблюдением правил, а порок искоренен законом, но он придерживался точки зрения практического государственного деятеля, что внешние факторы имеют большое значение, поскольку они влияют на мнение, а мнение влияет на моду, а мода отражается на поведении.

При изучении мышления Августа важным моментом является тот факт, что он предпринял эту кампанию, а не сложные детали его ограничительного законодательства, от законов Юлия 17 г. до н.э. до Закона Папии Поппеи 9 г. н.э..⁶¹ Он видел, что римская мораль скатывается в опасное состояние. Мир и безопасность привели к росту роскоши и повысили уровень жизни; но, поскольку доходы выросли непропорционально, браки были в дефиците, рождаемость упала, и праздный охотник за наследством ухаживал за безбрачными и бездетными. Мы видели, как он пытался законодательно регулировать свободу рабов и ограничить класс вольноотпущенников. Следуя примеру Юлия, он издал законы о роскоши, ограничивающие суммы, расходуемые на банкеты и свадебные застолья, в надежде сделать показное поведение вульгарным. Законы Юлия были направлены на восстановление брака. Они запрещали браки сенаторов с определенными типами женщин; делали развод менее легким; давали жене больше власти над ее собственным имуществом; предусматривали суровые наказания за соращение и супружескую измену; накладывали серьезные ограничения на холостяков; и предоставляли существенные привилегии родителям многодетных семей.

Такое законодательство было крайне непопулярно, особенно среди среднего класса, но Август придерживался своей политики, и она продолжалась, с изменениями, в течение трехсот лет. Это действительно полностью соответствовало римской традиции и лучшему римскому образу мыслей.⁶² а значит уклонения были только нашли, и не подлежит сомнению его законы были заранее генерала р226 общественное мнение, мнение которых выросла более либеральных шли годы. Закон следует рассматривать как эластичную ткань, которая покрывает растущее тело. Эта ткань, эта одежда должна сидеть точно по фигуре; если она будет слишком тесной, она разорвется и воцарится беззаконие; если она будет слишком свободной,

это будет препятствовать движениям. Она не должна слишком отставать или слишком опережать рост общества, но должна, насколько это возможно, совпадать с этим ростом. Эксперименты Августа опережали желания Рима, и хотя они могли остаться в своде законов, их постигла участь недавних законов о запрете в Соединенных Штатах.

Quid leges sine moribus

vanae proficiunt?⁶³

Безбрачие не вышло из моды. Гораций и Вергилий умерли неженатыми, и по иронии судьбы было отмечено, что оба консула, давшие свои имена Lex Papia Poppaea, были холостяками. Тацит сообщает, что через шесть лет после смерти Августа законы потерпели неудачу на практике,⁶⁴ а Тертуллиан называет их "исчезающими законами".⁶⁵

Однако цель не была полностью достигнута. Мораль, утвержденная актом парламента, является недостижимым идеалом, но такие акты могут способствовать созданию "климата общественного мнения". Они действовали как тормоз, хотя и слабый, на пути к одному из видов этического упадка. Но истинная цель Августа была достигнута не его ограничительным и уголовным законодательством, а его позитивной работой по внушению своему народу новой веры и нового взгляда на жизнь. В последнем задании, как мы увидим, он добился заметного успеха.

V

Италия за пределами Рима в первые годы принципата была, пожалуй, самой удачливой частью империи: ее сельское хозяйство процветало, жизнь и собственность были в безопасности, ее древние города обогащались за счет торговли, а новые военные колонии превращались в города. Большая часть ее силы заключалась в муниципальной жизни, которую поддерживал Юлий;⁶⁶ стр. 227the граффити на стенах Помпей показывают, насколько сильным был интерес населения к местному самоуправлению. Август также развил особую итальянскую традицию, поощряя старое учреждение - Лигу молодежи, которая обучала мальчиков спорту и владению оружием и регулярно проводила соревнования, известные как Троянские игры. Благополучие Италии должно было оставаться главной заботой последующих императоров, даже тех, кто не был итальянцем по происхождению. Тиберий выделил миллион фунтов стерлингов из своего собственного кармана на преодоление аграрного кризиса 33 года н.э.; Клавдий издал закон против отсутствующих землевладельцев и спекулянтов, которые превращали пашню в пастбище; Веспасиан прекратил набор итальянцев в рекруты в интересах сельского хозяйства; Домициан и Траян потратили большие суммы на сельскую Италию; а Адриан взял ее муниципальную жизнь под свой особый надзор. К третьему веку

начался великий упадок, и доказательством правильности суждений Августа является тот факт, что серьезного ослабления империи не было, пока она не пришла в упадок в самом сердце Италии.

Обеспечение правительства заморских провинций было крупнейшей и наиболее сложной из задач Августа. Он стал наследником мудрой традиции. Рим за всю свою историю никогда не проявлял педантичной любви к единообразию, и в этом отношении он был истинным римлянином. Его целью было единство не буквы и формы, а духа. Он столкнулся с поразительным разнообразием законов и институтов, культов, языков, социальных привычек, экономических установок и культурных традиций - от африканских кочевников и кельтских племен Испании и Галлии до тех восточных земель, которые были обломками империи Александра. Его политика по отношению к ним была во многом такой же, какой Британия следовала в своих азиатских и африканских владениях. Он с уважением относился к местным культам, подавляя только такую варварскую практику, как друидизм, которая имела уродливый политический подтекст. Он держался от них в стороне, отказываясь во время пребывания в Египте навестить тельца Аписа и хваля своего внука Гая за то, что тот держался подальше от иерусалимского храма; но он предоставил их самим себе. Возможно, он вмешивался слишком мало, поскольку человеческие жертвоприношения финикийскому богу в Африке были отменены только во времена Адриана. От провинций он не требовал ^{p228} nothing, кроме того, чтобы они поддерживали мир между собой, платили дань и предоставляли рекрутов для армии. Он не принимал во внимание расовые различия и не признавал никаких цветных-полос. Он сохранил в неприкосновенности местные обычаи и принял местные методы управления; в Африке, например, он следовал современной британской практике "непрямого правления" и оставил местные племена во главе с их собственными вождями. То, к чему он стремился, было единством чувств, а не бесстрастным единообразием, и он достиг этого. Он нашел решение главной политической проблемы современного мира, "как сообщества могли бы жить вместе и в то же время жить своей собственной жизнью".⁶⁷ Его методы заключались в том, чтобы обеспечить честное правление и гарантию мира, внушить подвластным народам благодарность и почтение к Риму и, установив культ собственного гения, обеспечить личный объект для этой привязанности. Галл, взиравший на великий алтарь Рима и Августа в Лионе, азиат, приносивший цветы и благовония в его святилище в Эфесе, египтянин, приносивший жертвы этому новому божеству как члену своего собственного пантеона, видел в нем того, кто выполнял все обязанности бога-покровителя.

Мы видели общую схему правления — разделение провинций между Сенатом и принцепсом.⁶⁸ Провинция могла быть передана принцепсу от Сената, а Сенату от принцепса, в зависимости от риска войны в пределах ее границ, и последний всегда имел право въезда в целях защиты.стр. 229. Новая система обеспечивала преимущество политики, тщательный отбор губернаторов, достаточные средства для подачи жалоб в штаб-квартиру и, через имперских прокураторов, строгий надзор за финансами. Скандалы республиканского режима теперь были

невозможны. Прокураторы были даже в сенаторских провинциях, так что финансовая политика была единой по всей империи. Принцепс был в курсе всех деталей, и губернаторы, сознавая, что работают под его присмотром, и зная о карьере, открытой для достойных, имели все основания быть эффективными и честными. Налоги были, в целом, очень низкими; хороший пастух, как сказал Тиберий, должен стричь овец, а не сдирать с них шкуру.⁶⁹ Особым случаем был Египет. Согласно Тациту,⁷⁰ одним из секретов империи было то, что Египет должен был иметь особый статус. Он считался закрытой территорией, и сенаторам и рыцарям разрешалось входить на него только с разрешения принцепса. Для этого было две причины. Это была главная житница Рима, питавшая столицу в течение четырех месяцев в году, как позже она питала Константинополь.⁷¹ Опять же, в Египте Август был преемником божественных царей Птолемеев и обладал для египтян царской властью, которую было желательно сохранить, если сложная социальная и экономическая система должна была сохраниться; но, поскольку это было аномалией в империи, необходимо было отделить ее. Соответственно, он управлял страной через своего собственного вице-короля,⁷² и поддерживал большинство местных институтов.⁷³

В управлении провинцией Август преследовал две цели — неуклонную латинизацию и бдительное соблюдение традиций провинциальной жизни. Последнее в конце концов оказалось настолько успешным, что сам Рим стал полупровинциализированным, поскольку в сенаторских и всаднических орденах было полно не-римлян, провинциалы командовали легионами,⁷⁴ а на троне восседали провинциальные императоры. Но не менее тщательной была латинизация — с помощью торговли, с помощью правительства, присутствия армии, эмиграции итальянцев, как военных колонистов, так и обычных поселенцев. Сенека справедливо писал: "Там, где Рим побеждает, он обустроивает свое жилище".⁷⁵ Отчасти успех Августа был обусловлен его акцентом на городскую жизнь, о чем свидетельствует бережное отношение к старым городам и строительство новых. Он думал об империи в основном как о союзе городов-государств. "civitas", которые он признавал как единое целое, на Западе могли быть племенным сообществом, но на Востоке это, как правило, был город. У этих городов были разные отношения с центральной властью, некоторые обладали особыми привилегиями, но все обладали толикой самоуправления; действительно, без такой степени местной автономии управление империей должно было рухнуть из-за огромной тяжести бремени, возложенного на Рим.

В силе провинциальных муниципалитетов можно не сомневаться; действительно, в благополучные времена их члены соревновались друг с другом в желании брать на себя общественные обязанности и щедро тратить деньги. Меньшие единицы также были сгруппированы в более крупные организмы, которые могли выражать общественное мнение и влиять на имперскую политику. На Западе "консилиумы" представляли группы городов и племен и образовывали своего рода местный парламент; на Востоке древнегреческая койна выполняла ту же функцию. Оба начинали с религиозной цели, к которой постепенно добавляли светский интерес.

На Востоке Август нашел систему готовой к использованию, но на Западе он ее создал. Это не было демократично в современном смысле этого слова, поскольку местные сенаты и советы находились в руках местной плутократии, но это, по крайней мере, сохраняло идиому провинциальной жизни. "Римская провинция, - по словам Голдвина Смита, - была намного выше сатрапии, хотя и намного ниже нации".

За пределами вежливости империи, за пределами пограничных провинций и королевств-клиентов, лежали неизвестные земли и незнакомые народы. Время от времени какое-то давление издалека подталкивало их к его зубчатым стенам. День Роман "Липки" или бледно был еще далеко, когда лишь холмик из земли, отделенной от цивилизации р231дикость, ибо на большинстве границ была еще обширная нет-человека Земли, чтобы служить в качестве буфера. Рим не страдал узостью кругозора. На Востоке она смотрела на дорогу, ведущую в Индию и Китай; на юге - на бескрайние пустыни, во владения магии и ужаса; на севере - на страну туманов, снегов и бесконечных лесов; и на запад, за Геркулесовы столпы, в сказочную страну поэтов, где Геспериды дремали в безбрежном океане.

VI

Кратко резюмирую. — Основы были верховной властью принцепса, властью, полученной от народа, отзывае­мой теоретически, но безотзывной на практике — властью, согласно плану Августа, которую каждый занимающий должность должен был разделить с наместником, который был бы *ipso facto* его преемником. Эта власть была исполнительной, законодательной и судебной, но в основном первой. По закону она опиралась на народный дар, но фактически на командование армией и личную "аукторитас", которая была укреп­лена культом его Гения. Его прерогативы были разделены с Сенатом и обычными магистратами, которые поощрялись в выполнении своих обязанностей, но принцепс имел решающее слово во всех важных вопросах. Провинции были разделены для фактических административных целей, но принцепс обладал большим правом надзора за всеми. Его наемная бюрократия была исполнительной властью как в Риме, так и за рубежом, и ее члены в основном принадлежали к среднему классу. Конституция была строго неписаной и, по общему признанию, подлежала пересмотру в свете новых событий.

Эта обширная структура была работой одного ума. Август опирался на традиции и использовал существующие институты, но что он модифицировал, а что трансформировал, и добавил много нового. Его дополнения производились так терпеливо и уклончиво, что не вызвали большой критики даже со стороны самых консервативных. Он достиг не только формального, но и духовного единства. Он создал систему р232обороны, которая просуществовала столетия, пока варвары с Севера и персы с Востока не вторглись на ее границы. Более того, хотя мы можем

назвать это "извращенной республикой",⁷⁶ в основном это было содружество, а не сатрапия или королевство. Благодаря своей бюрократии и всеобщему почтению к Риму он обеспечил строительный раствор, который скреплял стены, когда разразился шторм, и не поддавался до тех пор, пока ураган не превратился в землетрясение.

Я намеренно попытался представить работу Августа как практическое решение ряда насущных проблем. Было бы легко облечь это в язык более позднего конституционализма и показать, насколько неортодоксальным было сочетание исполнительной ответственности, законодательной власти и финансового контроля. Легко, но бесполезно; ибо эти концепции имеют за собой долгую историю, которая придала им, для нас, особую атмосферу, и они не были представлены в их современной догматической форме римскому сознанию. В древнем мире были свои сложности, но он не был, в отличие от нашего, сильно завален обломками спекулятивных систем. Конструкция Августа представляла собой объединение в одном государстве набора решений, навязанных самому практичному уму суровым принуждением фактов.

По мере того, как мы его изучаем, обнаруживаются очевидные дефекты, и маловероятно, что они ускользнули от честных глаз его создателя. Во всяком государственном строительстве присутствует элемент искажения, и архитектор должен использовать свой шанс. Слишком много было возложено на принцепса, и система предполагала существование расы людей высшего качества, если не полубогов. Партнерские отношения с Сенатом вскоре должны были рухнуть, и огромный груз ведения бизнеса лег на плечи одного только принцепса. Последним лозунгом Септимия Севера было "Лаборемус".⁷⁷ "Император должен умереть стоя", - сказал умирающий Веспасиан. Простого объема работы было достаточно, чтобы сокрушить самого прилежного из правителей и подавить самых жизнелюбивых. Только бюрократия спасла ситуацию, когда принцепс оказался дураком или развратником. Опять же, не было никаких положений для этого р23Зизменения, без которого, согласно Берку, конституция не имеет средств самосохранения, кроме воли принцепса, а каприз одного человека является несовершенным средством эволюции. Опять же, принцепса ничто не стояло между ним и народом, когда Сенат перестал иметь вес, ничто не могло смягчить удар народной критики или послужить проводником народных чувств. Единственным буфером была бюрократия, и этого было недостаточно. Это отсутствие связи с обычным мнением и обычными условиями жизни привело к окончательному падению. Даже добросовестный император не подозревал о падении качества своего народа и растущей экономической неразберихе, и когда трон перешел к грубым солдатам с границы, конец был не за горами. "Редко кто из них понимал даже элементарные социальные и экономические потребности Империи, и никто даже отдаленно не был осведомлен о традициях, которые сделали Рим могущественным. Их простая задача состояла в том, чтобы силой удержать Империю единой, чтобы сохранить в неприкосновенности налоговый механизм, который позволял им платить за эту силу. Когда эта система растратила ресурсы впустую, ослабила механизм

производства и распределения и, благодаря институту крепостничества, лишила граждан Империи возможности служить в армии, тупые императоры нанимали немецких наемников для защиты границ, пока эти наемники не завладели Империей, за охрану которой им платили".⁷⁸ Наконец, Август ошибся в своей оценке своих "аукторитов". Как бы это ни было здорово, оно не могло передаваться бесконечно.

Тем не менее, это передавалось очень долго. Восстановление единства Аврелианом более чем на столетие отсрочило окончательный крах, и его восстановление было в духе Августа. В течение трехсот лет каждый мудрый император призывал имя Августа и тем самым добивался народного одобрения своего режима. Это похоже на то, как если бы правительство современной Британии все еще находилось в тени Оливера Кромвеля или сегодняшнее французское государственное устройство, - вдохновленное кредо Ришелье. Чем больше мы изучаем становление принципата, тем больше на нас будет производить впечатление хватка и проницательность его основателя. Это была гораздо более масштабная и сложная задача, чем наполеоновское переустройство Франции, и ее вполне можно причислить к числу выдающихся политических достижений человеческого гения.

Примечания автора:

¹ ЛП.16.

² Тактика. *История*. I.16.

³ Плиний *Пан.* II.24; Дион Хрис. *Или.* I.22, III.48.

⁴ Взгляды Августа на принцип наследования можно почерпнуть из его писем в Свет. *Тиб.* 21 и Авл. *Gell.* XV.7.

⁵ Ливий, *Эпит.* 98.

⁶ *Пн. Предок. II. 1-11.*

⁷ Это, по-видимому, подразумевается тоном третьего Киренского эдикта.

⁸ *Сентября. День. августа. 40.*

⁹ *Dio LVI.33.*

¹⁰ *Так. Энн. XI.25.*

¹¹ *Мед. III.12.*

¹² *Ср. Сенеку, Ер. XLVII.1, 13,18; Плиния Ер. II.17.*

¹³ Смотрите историю званого обеда у Поллиона в "ДиоЛIV.23.

¹⁴ *Сенека, Нац. Quaest. I.16.*

¹⁵ *Ср. рассказ Дионисия Галикарнасского, IV.23кв.*

¹⁶ закона Юности. Я принимаю точку зрения профессора Х. Ласта относительно даты, *С. А. Н. Х, примечание 9*. Оно было отменено Юстинианом, поскольку сослужило свою службу.

¹⁷ lex Fufia Caninia.

¹⁸ lex Aelia Sentia.

¹⁹ Тенни Фрэнк, *экономист. История Рима*, 332.

²⁰ See Kuhn, *de opificum Romanorum conditione* (1910).

²¹ Юлий ограничил его 150 000 с проверкой на достаточность средств (Suet. *Div. Jul.*41); Август увеличил его до 200 000 (*Пн. Анк.*III.19-21).

²² Ценность таких денежных подарков (*congiaria*) очевидна, поскольку они могут позволить порядочному гражданину надолго подняться выше прожиточного минимума.

²³ В третьем веке, при Севере Александре, все отрасли промышленности были объединены в лицензированные гильдии.

²⁴ Энсон, *Закон и обычай Конституции*, II.1.269.

²⁵ Велл. II.99.

²⁶ Suet. *Div. Aug.* 46. Интересное предлагаемое исправление текста Светония см. в Гардтхаузене, II.315.

²⁷ Ближайший подход к этому можно найти в местном самоуправлении в провинциях империи.

²⁸ Так *Анна*. I.15. Веллей (II.124) говорит, что это было сделано по указанию Августа.

²⁹ *Ср.* беспорядки в защиту Юлии и семьи Германика, а также против Тиберия, Сеяна и Нерона.

³⁰ Ювенал (I.106) упоминает некоего Корвина, который был чернорабочим на овцеводческой ферме, а в 58 году н.э. некоему Валерию Мессалле было выделено 5000 фунтов стерлингов, чтобы вытащить его из "безупречной нищеты".

³¹ ὁμότιμοι - это слово Диона.

³² года жизни.12; LV.34. Сало. *День. август.* 53.

³³ Дион LIII.33, LV.33; Иосиф Флавий, *Ант.* XVII.229.

³⁴ *Ср.* Гринидж, *указ. соч.*, 381. "Римляне веками жили в основном под властью истолкованного или созданного судьей закона, и теперь римский мир, расширенный и объединенный, обращался за руководством не к "комициям", которые находились в упадке, или к сенату, чьи контакты с провинциями становились все реже, но к единственному толкователю, которого знал каждый судья и каждая сторона в судебном процессе и чьи высказывания можно было услышать на самых дальних концах земли. Именно сила обстоятельств, а не какая-либо конституционная теория, сделала принцепса высшим из всех законодательных органов, потому что он был величайшим из всех органов толкования".

³⁵ См. стр. 147 *выше*.

³⁶ Иосиф Флавий (*Ант.* XVI.6) цитирует эдикт Августа, начинающийся словами: "Это кажется хорошим мне и моим советникам"; *ср.* также DioLVI.28.

³⁷ ἡ σύγκλητος καὶ ἐγὼ — ἐγὼ τε καὶ ἡ σύγκλητος.

³⁸ Дио ЛИВ.26; ЛВ.24.

³⁹ *Энн.* XI.5

⁴⁰ Калигула пригласил двух консулов на ужин и внезапно разразился хохотом. Когда его спросили, почему, он ответил, что ему стоило только подать сигнал, чтобы их обоих задушили. Сало. *Gaius* 32.

⁴¹ *С. А. Н.* X.199.

⁴² "cui par est nihil et nihil secundum." Mart. XII.8.

⁴³ Какое-то время Светоний был генеральным секретарем Адриана.

⁴⁴ *Упадок* (изд. Бери), I.78.

⁴⁵ "genius portorii publici."

⁴⁶ По сложному вопросу о "фискусе" при Августе см. Велл. II.39; Сало. *Див. августа*.101; Мамы. *Staatsr.*, II.998; Hirschfeld, *Die Kaiserlichen Verwaltungsbeamten*, 1-52; Mattingly, *The Imperial Civil Service*, 14 sqq.; E. Meyer, *Kleine Schriften*, I.461; Hammond, *The Augustan Principate*, 317-18. Невозможно прийти к какой-либо точной оценке имперских доходов; ср. Арнольд, *Рим. Пров. Администрация*, 211. Август оставил своим наследникам личное состояние в размере около полутора миллионов фунтов стерлингов, лишь одну-шестую часть того, что он получил в наследство, а армии и народу - чуть меньше миллиона. Вероятно, при Республике он был не богаче Красса, и умер беднее, чем начинал. См. Тенни Фрэнк, *JRS* (1933), XXIII.143-8.

⁴⁷ Равенна в то время располагалась на сети лагун, сообщающихся с морем; сейчас она находится • в четырех милях от берега. Во Фрежусе находилась третья небольшая военно-морская база для защиты западных торговых путей.

⁴⁸ Уже при Тиберии не-италийский элемент был самой сильной частью армии. Тактика. *Энн.* III.40.

⁴⁹ Расположение легионов на момент смерти Августа, по-видимому, было примерно следующим: один в Африке, два в Египте, четыре в Сирии, семь в районе Дуная, восемь на Рейне и три в Испании. Легион с его вспомогательными войсками был примерно эквивалентом современной дивизии. По всему вопросу о легионах при Августе см. Р. Сайма в *J. R. S.* (1932), XXII; Риттерлинга в Pauly-Wissowa, *C.B.* "легио", и Паркера, *Римские легионы* (1928).

⁵⁰ Ср. начало правления Тиберия, Тас. *Ann.* I.16-30; Дион LVII.4; Велл. II.125.

⁵¹ Ср. Гринидж, указ. соч., 381, цитируется на стр. 210 выше.

⁵² Плиний *H.X.XXXIII.1*; Свет. *Див. августа*. 32.

⁵³ Гай, *Inst.* II.279; IV.104.

⁵⁴ Сало. *День. августа.* 56; ДионЛИБ.3.

⁵⁵ Это ясно из Киренских эдиктов, которые отменили практику старого закона Рупилии (Cic. *in Verr.* II.13).

⁵⁶ Ростовцев, *Соц. и экон. История. из Рим. послания.*, 74.

⁵⁷ *e.g.* in southern Gaul. Cic. *de Rep.* III.9.

⁵⁸ Не было необходимости защищать итальянское сельское хозяйство от импорта зерна из Египта и других стран, поскольку к тому времени, когда такое зерно доставлялось в Рим, стоимость перевозки поднимала его цену выше цены продукта, выращенного в стране.

⁵⁹ См. Нок, *Обращение*, 10.

⁶⁰ См . p271 *infra*.

⁶¹ Этот вопрос полностью обсуждается в С. А. Н.Х, гл. 14, и Ferrero, V, гл. 3.

⁶² Это, по-видимому, подверглось критике со стороны юриста-консерватора Антистия Лабео как отход от традиции; Авл. Gell. XIII.12, цитируется Ферреро, ст.64 н.

⁶³ Hor. *Od.* III.24.35.

⁶⁴ *Ann.* III.25.

⁶⁵ *Apol.* IV.

⁶⁶ от *lex Julia municipalis. C. I. L.I.120.*

⁶⁷ *C. A. H.XI.853.*

⁶⁸ В конце жизни Августа распределение было следующим (Арнольд, *Рим. Пров. Admin.*, 278-9):

Сенаторский:

При консульском проконсуле: Азия, Африка.

.

Под властью преторианского проконсула: Сицилия, Бетика,
Нарбоннская Галлия, Македония, Ахайя, Вифиния, Понт, Кипр, Крит с
Киреной.

Император:

Под консульским легатом: Тарраконская Испания, Паннония,
Далмация, Мезия, Сирия.

Under praetorian legati: Lusitania, Aquitania, Gallia Lugdunensis, Gallia
Belgica, Galatia.

При прокураторе: Реция, Приморские Альпы, Норикум, Сардиния,
Иудея, Киликия.

Под руководством префекта: Египет.

.

⁶⁹ Сало. *тиб.* 32.

⁷⁰ Энн. I.59.

⁷¹ Плиний *Пан.* 31.

⁷² Несмотря на то, что вице-король Египта был рыцарем, он обладал империумом проконсула. Ульпиан I.17.

⁷³ См. М. А. Леви в *Египте*. (1924), V.231-5.

⁷⁴ Ср. Так. *История*. IV.74.

⁷⁵ Минусов. *ad Helviam* VII.7.

⁷⁶ Гринидж, указ. *соч.*, viii.

⁷⁷ *Щ.А.* (Северус), 23.

⁷⁸ Тенни Фрэнк, экономист. *История Рима*, 511.

Примечание Тайера:

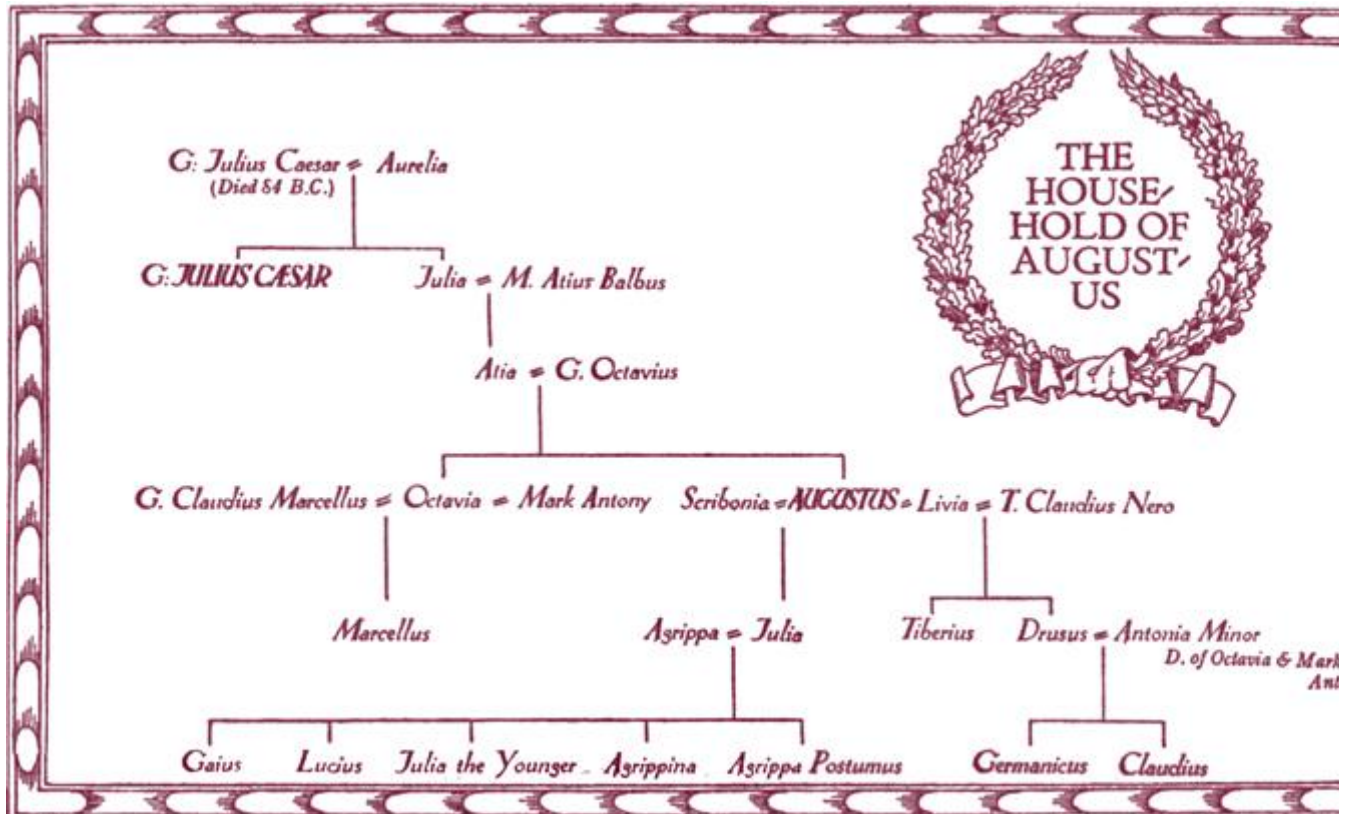
^a Дион объясняет это очень ясно, XXXVII.28.

Глава II

Дом Цезаря

Какова цена опыта? мужчины покупают его за бесценок?
Или мудрость за танец на улице? Нет, это покупается ценой
всего, что есть у человека: его дома, его жены, его детей.

Уильям Блейк.

Я

Великий человек может быть удачлив в управлении государством, но не иметь такого счастья в собственном доме, возможно, по той причине, что качества, необходимые в государственных делах, слишком жестки для маленького семейного анклава. В знаменитой парижской камеи,¹ которая датируется началом правления Тиберия, Юлии-Клавдии представлены счастливой группой, а над ними возвышается обожествленный Август. Именно такую фигуру он хотел бы представить, но в тот самый год, когда честолюбие его жизни было удовлетворено и его приветствовали как Отца своей Страны, он предстал перед миром как

равнодушный отец семейства. Рим был потрясен позором Юлии, его дочери и единственного ребенка.

Юлии были главными дамами в его доме. Там была его двоюродная бабушка, жена Мария, надгробную речь на похоронах которой произносил сам Юлий. Была его бабушка, сестра Юлия. Была дочь Юлия, которая умерла молодой и вышла замуж за Помпея, на двадцать лет ее старше, это был первый из нескольких злополучных политических браков. Его собственная дочь Юлия родилась в тот самый день, когда он развелся со Скрибонией, женой, характер которой он находил невыносимым.² Старшие женщины рода Юлиев р236были, подобно Октавии, нежными и верными, но в этой Юлии, похоже, было что-то от своенравия ее матери. Теперь, в возрасте тридцати семи лет, она оказалась в центре скандала.

Место женщины в Риме Удивительно, что авторы романов, которые так старательно прочесывали древний мир в поисках сюжетов, пренебрегли этой дочерью Августа, поскольку в ее карьере было много подлинных элементов трагедии. Рим в то время был трудным местом для женщин, особенно для такой, как Юлия. Их жизнь была одновременно опасно скованной и опасно свободной. Они играли заметную роль, как и во всех аристократиях. В героическую эпоху Греции женщины были могущественными фигурами; с демократией города-государства они канули в безвестность; в аристократическом по своей сути обществе Рима они снова стали заметными. Согласно патриархальной системе Республики, жена находилась под контролем своего мужа, но даже по закону Двенадцати Таблиц женщины в семье имели свои права, и наследство без завещания делилось поровну между сыновьями и дочерьми. Со временем старый торжественный тип брака был в значительной степени вытеснен тем, что было не более чем личным контрактом. Контроль мужа стал всего лишь формой, а жена сама управляла своим имуществом. Развод был простым и дорогостоящим делом. Знатная дама могла оставаться послушной женой и матерью и в то же время играть большую роль в общественной жизни; такой была Корнелия, мать Гракхов, у которой был знаменитый салон; такой была ее внучка Семпрония, которая была замешана в заговоре Катилины. Жажда власти превратила некоторых из них в несексуальных вираго, таких как жена Антония Фульвия, или озорных распутниц, таких как Клодия. Но женщины могли бы оказывать большое влияние на общественные дела, не теряя при этом своего характера. "Мы правим миром, - сказал старый Катон, - но наши женщины правят нами".³

Браки среди аристократии заключались по р237договоренности, по финансовым или политическим соображениям, и могли сопровождаться привязанностью, а могли и не сопровождаться. У нас есть много примеров нежнейшей преданности между мужьями и женами, и прекрасная эпитафия из могилы на Аппиевой дороге могла бы быть написана о бесчисленных римских матронах.⁴ Женщины, подобные Октавии, безропотно выполняли свой долг в самых жестоких условиях. Но не было никакой гарантии, что брак, заключенный хладнокровно, приведет к таким счастливым последствиям. Целомудрие жены было важно, но двустороннего моногамного идеализма не существовало. Муж может получать удовольствие там, где ему

заблагорассудится, не подвергаясь критике. Секс для римлян был обычным явлением, в нем было мало очарования и меньше рыцарства, а римский темперамент был далек от *Frauendienst* средневековья. Любовь была ужасной вещью, трагическим безумием, как в греческих драмах и в страсти Катулла к "горящим глазам" Лесбии;⁵ или это была спокойная домашняя привязанность; или это была обычная чувственность. Древний мир в целом придерживался мнения доктора Джонсона о том, что он "не оказывал большого влияния на жизнь в целом". Единственная любовная трагедия в *"Илиаде"* - это история Антеи и Беллерофонта, которая занимает шесть строк из пятнадцати тысяч. В римской литературе едва ли есть намек на романтику юной любви и ее невинности. Синтии, Делии и Пирры поэтов были рабынями или куртизанками.

Женщина, родившаяся в таком обществе, могла бы, если бы была счастлива в браке, найти удовлетворение в муже и детях; но если бы она упустила это, единственными другими путями были амбиции и супружеская измена. Она могла отдать свое сердце власти или удовольствию. Юлия Джулия, похоже, унаследовала что-то от р238утонченности и духа расы своего отца, омраченные капризом ее матери Скрибонии. Ее портреты показывают, что она была красива,⁶ но в ее темных волосах рано появилась седина, что вызывало у нее большое беспокойство. Ее детство в доме на Палатине не могло быть веселым. Ливия, ее мачеха, была женщиной старой закалки, со строгими представлениями о воспитании молодежи, а Август, хотя и стремился играть роль отца, был слишком занят, чтобы часто видеться со своей дочерью. Девушка вряд ли нашла бы много очарования в серьезном и озабоченном Агриппе, или в сухом адвокате вроде Атея Капито, или в манерах и позах Мецената. Джулия, по-видимому, в детстве была в легких отношениях со своим отцом, ей позволялось подшучивать над ним и дерзко отвечать. Ее тщательно оберегали от молодых людей, и она чрезмерно гордилась своим положением, так как ей больше не о чем было думать.⁷

В четырнадцать лет она вышла замуж за своего двоюродного брата Марцелла, что могло бы быть достаточно хорошо, если бы Марцелл был жив, но в шестнадцать лет она осталась вдовой и сразу же была выдана замуж за престарелого Агриппу. Она родила ему пятерых детей: Гая, Луция, младшую Юлию, Агриппину и посмертного сына Агриппу. Кажется, она была достаточно счастлива с ним. Она сопровождала его в путешествиях по Востоку, чуть не утонула в Скамандре и была провозглашена богиней в различных азиатских городах — плохой поступок для женщины с ее чрезмерной гордостью за свое происхождение. Но это была старая история о раздражительном возрасте и юности. У нее было много свободного времени, когда Агриппа был по долгу службы за границей, и она развлекалась книгами, но главным образом нарядами и снискала славу экстравагантности. Она также начала слишком часто встречаться с молодыми людьми, особенно с одним из Гракхов. Август ругал ее, но не присматривал за ней, хотя Ливия была бдительной дуэньей.

Агриппа умер, и Юлия снова оказалась на рынке. В настоящее время, в возрасте двадцати восьми лет, она была замужем за Тиберием, который был на три года

старше. Ее новому мужу, чье сердце принадлежало жене, с которой он был вынужден развестись, было не суждено стать супругом блестящей и дерзкой женщины. Поначалу она, похоже, делала все, что могла, поскольку сопровождала его в Далматинском походе и там родила ему сына, который умер. Но после этого разрыв расширился. Юлия в Риме жила исключительно среди молодежи, и о ее деяниях начали распространяться истории. Ее видели с пьяными гуляками на улицах, и она была частой гостьей на сомнительных мужских вечеринках. Тиберий был хорошо осведомлен о скандалах и переносил их молча, но для гордого человека это положение было невыносимым и стало одной из причин его отступления на Родос.

Затем внезапно Август узнал от Ливии, что происходит, поскольку об этой истории узнал весь Рим. Он был уязвлен в своей гордости и самоуважении. В то самое время, когда он пытался очистить римскую мораль, его собственное дитя проявилось как лидер того легкомысленного разгильдяйства, которое он ненавидел. Он, должно быть, также осознавал, что не свободен от вины, и в крайности его гнева мы можем уловить укол совести. Он передал дело в Сенат и потребовал законного наказания. Двумя ее главными любовниками были сын Марка Антония и Фульвии и молодой Гракх; первый покончил с собой, а второй был изгнан. Сама Юлия была сослана на остров Пандатария, у побережья Кампании.

Такова была судьба этого яркого и хрупкого создания, которое при более счастливых обстоятельствах могло бы стать великим, поскольку обладало превосходным умом и, как показала ее популярность у римской черни, магией личности. Ни ее отец, ни муж никогда больше ее не видели. Ей было отказано в простейшей роскоши, и, хотя позже ей разрешили жить на материке, ее изгнание так и не было отменено. Когда она умерла через несколько недель после Августа, ее праху запретили выносить из императорского мавзолея. Ее трагедия не закончилась и в Пандатарии. Ее дочь, младшая Юлия, вышедшая замуж за Л. Эмилий Павел шел той же дорогой. В 9 году нашей эры она была уличена в супружеской неверности и была сослана на остров Трезус на побережье Апулии, где, получая скудное пособие от Ливии, она жила в нищете до 240 своей смерти двадцать лет спустя. Ее падение сломало крылья поэту-бабочке, поскольку Овидий, очевидно, был посвящен в это дело и сам был сослан на суровые берега Черного моря. Трагедия его дочери ослабила престиж Августа в Риме, поскольку возникла сильная партия Юлиев, и это оставило глубокий шрам в его душе. По словам Светония, "он перенес смерть своих родственников с гораздо большим смирением, чем их проступки".⁸

II

Предполагаемые наследники Поскольку его дочь была в опале, а Тиберий дулся на Родосе, Август с почти страстной привязанностью обратился к двум внукам, на которых возлагалась надежда на наследование Юлием престола. Мальчики страдали

от всех недостатков предполагаемых наследников, поскольку слишком рано получили известность в обществе и не умели скромно носить свои почести, и их окружали льстецы, которые усиливали их высокомерие. В 1 году до н.э. Гай был отправлен с кочевым поручением в восточные провинции, получив специальный проконсул империи. Начальником его штаба был М. Лоллий, который не очень преуспел с легионами на Рейне. Прощаясь с ним, его дед пожелал ему "честности Помпея, мужества Александра и удачи ему самому". Тиберий договорился о встрече с ним, но беседа не принесла удовлетворения. Лоллий настроил Гая против его отчима, и внук написал Августу порочащий отчет; следствием этого стало то, что просьба Тиберия о разрешении вернуться домой была отклонена.⁹ В Парфии были беспорядки, поскольку Фраат, царь, вернувший знамена Риму, был убит, и ему наследовал его сын Фраатак, который также организовал революцию в Армении, где Артавазда сменил Тигран. Таким образом, первой задачей Гая было решить эту новую пограничную проблему. Он встретился с Фраатаком на острове в Евфрате и заключил неудовлетворительное перемирие. Лоллий из-за разоблачений парфянского царя впал в немилость и был уволен. Его преемник, Квинтий, один из лучших солдат того времени, был другом Тиберия, и, главным образом благодаря его влиянию, Гай согласился на возвращение своего отчима в Рим, согласие, которое Август поставил условием своего собственного одобрения. Ливия настаивала на своем, и более мудрые головы в Риме, видя, что на Севере сгущаются тучи, потребовали нанять самого способного из римских военачальников. Во 2 году нашей эры Тиберий вернулся в столицу, хотя ему еще не разрешалось принимать участие в государственных делах.

Надеждам, которые Август возлагал на своих внуков, было суждено потерпеть печальное поражение. В августе 2 года н.э. Луций, младший из принцев, отправленный с миссией на Запад, умер в Марселе по пути в Испанию. Гай двинулся на север, в Армению, где был убит Тигран, и, с согласия Августа, передал корону Артабазану, царю Мидии. Его следующей целью была экспедиция в Аравию, но при подавлении местного армянского восстания он был тяжело ранен. Больной и подавленный, он отказался от своего арабского плана и отправился в обратное путешествие в Италию, но в феврале 4 года нашей эры он умер в Лимире в Ликий. Это была последняя семейная утрата принцепса, и, по-видимому, он остро это переживал, поскольку стал относиться к своим внукам с глубокой привязанностью. "Свет очей моих, - писал он Гаю два года назад, - я отчаянно скучаю по тебе, когда ты вдали от меня, особенно в такой день, как этот. Где бы ты ни был, я надеюсь, что ты сохранил мой шестьдесят четвертый день рождения в здравии и счастье, ибо, как видишь, я пережил великий климактерический период, которым для нас, стариков, является шестьдесят третий год.^a Я молился богам, чтобы я мог провести оставшееся мне время в процветающем Риме, пока ты разыгрываешь из себя мужчину и учишься братья за мою работу".¹⁰

Смерть принцев оставила Тиберия единственным возможным преемником. Август смирился с неизбежным и в том же году усыновил его как своего сына, в то время как Тиберий, в свою очередь, усыновил Германика. Ему также была

предоставлена трибунская власть на десять лет. Таким образом, он был одновременно коллегой принцепса и-очевидным наследником, а по мере того, как физические силы Августа ослабевали, фактическим администратором империи. Императорская семья теперь состояла из Клавдиев — Тиберия; младшего Друза, сына Тиберия от его первой жены; сыновей старшего Друза, Германика, которому сейчас девятнадцать лет, и Клавдия (будущего императора), грубоватого четырнадцатилетнего мальчика: Юлиев — оставшихся в живых детей Юлии и Агриппы, младшей Юлии, Агриппины (которая должна была выйти замуж за Германика) и Агриппы Постума. Были также коллатерали, дети Октавии. Агриппа Постум - загадочная фигура. Похоже, у него была задержка в развитии, возможно, он был наполовину идиотом. Он обладал огромной физической силой, но не проявлял склонности ни к чему, кроме полевых видов спорта, и испытывал безумную неприязнь к своим родственникам, особенно к бабушке. С этими фактами согласны все наши авторитетные источники.¹¹ Но вполне возможно, что Ливия дала ему повод для неприязни к ней, и что при более мягком обращении с ним можно было бы чего-то добиться. Он был заядлым рыбаком, а мало кто из рыболовов бывает совсем уж мерзким. Его усыновление было аннулировано, и он был сослан под строгим надзором на остров по пути на Корсику. Есть некоторые свидетельства того, что Август во время путешествия, предпринятого незадолго до его смерти, пожелал навестить изгнанника с целью примирения,¹² поскольку он был единственным оставшимся мужчиной его собственной крови.

III

Ливии Ливии предстояло пережить Августа на пятнадцать лет и достичь почтенного возраста восьмидесяти-шести лет; пятьдесят-два года - таков был срок их супружеской жизни. Когда она умерла, она была матерью империи, такого института, как принципат, и выступать против нее означало клеветать на величие p243 . В провинциях ее называли "Mater Patriae" и "Genetrix Orbis", а во многих частях Востока ее отождествляли с местной богиней. Но всегда существовала партия, партия изгнанницы Юлии, которая ненавидела ее; они считали ее жестокой мачехой из сказок и тайно шептали мрачные сплетни. Позже, когда Юлиево-клавдиевы выродились в шарлатанов и монстров, облако подозрений поднялось против женщины, которая была ответственна за род Клавдиев. Ее обвинили в серии убийств в интересах ее собственного потомства — Марцелла,¹³ Гая и Луция, Агриппы Постума, самого Августа.¹⁴ Сплетники и даже серьезный Тацит из ненависти к Тиберию намекают или прямо обвиняют в череде преступлений, которые, будь они правдой, сделали бы ее одной из величайших преступниц мира. Для подобных скандалов нет ни тени доказательств; это просто старая легенда о "могуществе новерки", которой человеческая природа всегда склонна доверять, подкреплённая популярной репутацией некоторых более поздних императриц, таких как Мессалина и Фаустина. Тиберий был вполне способен самостоятельно совершить смерть Агриппы Постума; Ливия физически не могла

убить Гая и Луция; Марцелл погиб в разгар эпидемии; а что касается ее мужа, то у нас есть достаточно доказательств ее неизменной преданности. Массовый характер клеветы обеспечивает ее опровержение.¹⁵

Нет портретов Ливии в красоте ее юности, когда Август был ее преданным возлюбленным.^b Бюст в галерее Уффици^c изображает ее в начале среднего возраста, с благородно очерченными чертами лица и серьезной привлекательностью матроны. r244Голова из Копенгагена¹⁶ принадлежит пожилой женщине, поскольку щеки начали вваливаться, а глаза запали; волосы, искусно уложенные в ленты и локоны, обрамляют лицо, исполненное заметного достоинства и грации. Сила и учтивость заключены в четко-очерченном подбородке, изящном носе и тонких линиях рта. Она была образцом истинной римской аристократии, со всеми ее добродетелями и всеми ее ограничениями, и в этом отчасти заключалась ее привлекательность для мужа. Она воплотила в своей жизни идеал римской матроны, избегавшей публичности, скрупулезной в выполнении домашних обязанностей, сама пряла шерсть и шила своими руками одежду для мужа, подавая пример простоты и воспитанности миру, где привередливость выходила из моды. Ее целомудрие было неподвластно дыханию скандала.¹⁷ Она спасла жизни нескольким нудистам, которые встретились ей на улице, сказав, что для такой женщины, как она, обнаженные мужчины ничем не отличаются от статуй.¹⁸ Август был терпим к сквернословию за свой счет, но не потерпел бы оскорбления в адрес Ливии.¹⁹ Хотя она сопровождала своего мужа во многих его путешествиях, она не позволяла афишировать свои поступки; для нее жизнь женщины должна была быть "*fallentis semita vitae*". Ни Вергилий не упоминает ее, ни Гораций, ни Проперций, и мы можем быть уверены, что это молчание было ее собственным желанием.

В ее характере была нежная сторона. Даже Тацит признает, что она многое сделала, чтобы обуздать суровость Тиберия, и что ее апартаменты во дворце были убежищем для тех, кто попал в беду. Ее советы Августу всегда были на стороне снисхождения. Кажется, у нее были моменты, когда она могла расслабиться и забыть о великой даме в этой женщине. Она была милосердна к больным и содержала за свой счет многих девочек и мальчиков-сирот. Она предоставляла приданое бедным невестам и помощь r245родителям многодетных семей, а также достойные гробницы для своих рабов.²⁰ Она была любящей, почти чересчур любящей матерью и в высшей степени послушной женой и до конца сохранила привязанность своего мужа, которая была бы неподвластна простому образцу холодных добродетелей.²¹

Но главным ее качеством была спокойная, уравнивающая мудрость. Она создала рай домашнего спокойствия для занятого властелина мира. Однажды она призналась, что ее власть над Августом проистекала из того, что она "с радостью делала все, что ему нравилось, не вмешивалась ни в какие его дела и, особенно, притворялась слепой к фавориткам, в которых он влюблялся".²² Эта мудрая уступчивость сделала ее мужа своим рабом, как только страсти юности ушли. Она никогда не высказывала своего мнения, пока его не спрашивали, но Август часто приходил к ней за советом. Беседуя с ней, он привык записывать то, что хотел

сказать, — замечательная дань ее критической проницательности. Есть письмо от него к ней на тему того, как обращаться с ее трудным внуком Клавдием, будущим императором, которое показывает, как он стремился поддерживать ее во всех семейных решениях.²³ К этому уважению к ее уму примешивался, возможно, определенный трепет перед ее личностью. Внук сельского банкира не мог избавиться от своего почтения к чистой аристократической крови, и у его практического гения бывали моменты невольного восхищения давней и непрактичной гордыней. И ее муж, и сын, похоже, немного побаивались статной женщины, которая крутилась на Палатине. Когда законы Юлия находились на рассмотрении сената, Август был достаточно неразумен, чтобы сказать сенаторам, что они должны увещевать и командовать своими женами, и они радостно ответили, что хотели бы знать, как он увещевал и командовал Ливией.²⁴

р246 Характер Августа IV

Мы рассмотрели основные черты строительства, которому Август отдал свою жизнь, и в следующей главе мы рассмотрим более тонкую и неосязаемую вещь — душу, которую он стремился создать в своем народе, поскольку он хорошо знал, что без необходимого духа буква мертва. Иными словами, мы занимаемся изучением творческого ума. О характере, кроме ума, особо нечего и говорить. Об Августе действительно можно сказать, что ум был настоящим человеком. Его моральные качества полностью соответствовали его интеллектуальным способностям; они были такими, какие были необходимы для выполнения его задачи; в своей работе он полностью реализовал себя, и у него не осталось неудовлетворенных желаний, ни одного дара или качества, которые не нашли бы своего применения. Его общественная жизнь была также и его личной жизнью, и у него не было тайного мира, скрытого от окружающих. Все его дни прошли в блеске рекламы, и для его современников, как и для последующих поколений, он был полностью понятен; человек, подобный им самим, только сложенный в более грандиозных масштабах, фигура столь же очевидная, как Зевс Олимпийский, почитаемая, приветствуемая, но не обсуждаемая, поскольку в этом не было никаких тайн. Авторы сплетен столетие спустя нашли в нем много поводов для восхищения, но мало личного интереса для записи. Картина, которую они рисуют, в целом приятная, но бесцветная; для них он был чем-то величественным, мраморным, с немногочисленными неровными концами жизни.

Он был человеком с миссией, которую выполнял с такой же строгой преданностью, как любой святой или пророк, но в ней было очень мало мистицизма. Он начал с двух целей — отомстить за своего великого родственника и сделать себя первым человеком в государстве, и этим он следовал с холодной решимостью перед лицом отчаянных трудностей. Затем появилась цель использовать завоеванную власть для построения упорядоченного мира. В дальнейшей жизни его задачей было совершенствование своего нового механизма. Поначалу его поддерживал энтузиазм

в преодолении трудностей, а позже - личная гордость за свои достижения. Такая карьера означала постоянный тяжелый труд, кампанию, в которой не могло быть р247разрядки. У человека, часы бодрствования которого были заполнены неотложными практическими обязанностями, было мало шансов на внутреннюю жизнь. Ни одного человека в истории никогда не заставляли так непрерывно трудиться и ежедневно принимать решения по более серьезным вопросам. По его портретам мы можем видеть, какие потери это нанесло телу и духу. У всех них одинаковая тонкая вылепленность лба, рта и подбородка, одинаковые спокойные, устремленные вперед глаза; но Октавий из Британского музея - шестнадцатилетний мальчик, перед которым простирается весь мир; Августа из Прима Порты - человек, основавший принципат и получивший обратно из Парфии потерянных орлов; в "Голове Анконы" ему чуть за пятьдесят, он в зените своего могущества, первосвященник римской веры и правитель мира; в то время как в статуе из музея Терме "эпоха настигла его", лоб покрыт морщинами. , плечи немного опущены, а веки немного утомлены.²⁵

Основные черты его характера уже проявились в его работе. У него были свои увлечения, но им никогда не позволялось мешать его эффективности. Как мы видели, есть все основания опровергнуть обвинения, выдвинутые Марком Антонием против его юности, повторяемые сплетниками; но в сексуальных вопросах он не был точным, поскольку сексуальная распушенность была для римлян столь же естественной и простительной, как лишняя бутылка вина за обедом. Цицерон хвалился флиртом с актрисами сомнительной репутации; юрист Гортензий писал похотливые стихи,²⁶ и никто не думал о нем хуже; все это было тем, что Гораций называл "дозволенной снисходительностью".²⁷ Единственным серьезным обвинением в супружеской неверности является обвинение Диона в адрес жены Мецената; но история не сходится воедино, и в любом случае это маловероятно, поскольку Август в то время начинал свой пуританский крестовый поход. В зрелом возрасте его поведение было безукоризненным. Жестокость, в которой его обвиняли в юности, полностью отсутствовала в его зрелости. Он был суров, и не без оснований, к заблудшим слугам, и он был неумолим по отношению к своей дочери и внучке, но в последних случаях у него были веские основания для государственной политики. р248Он долго приучал себя ничего не делать и не упускать из виду ничего, что могло бы помешать успеху его работы.

Привычки и вкусы Тем не менее, этот человек, насколько мы можем видеть его за колоссальным фасадом его достижений, был дружелюбным, доступным, обходительным со всеми, *honnête homme*, которого все могли понять, Генрих Четвертый без гасконады. Дом на Палатине был очень скромным дворцом, без мозаики и мрамора, с колоннадой из простого альбанского камня. Он спал там в одной и той же комнате летом и зимой, но иногда, когда его здоровье было слабым, он удалялся на виллу Мецената на Эсквилине, которая считалась более здоровой и которая из заброшенного кладбища и кучи мусора была превращена в райский сад. У него было несколько загородных домов, но гораздо меньше, чем у знати. Один находился в девяти милях от Рима по Фламиниевой дороге, другой - на отроге

Альбанских гор, один - в Пренесте и один - в Тибуре. Все эти жилища были обставлены аскетично, но парки были тщательно разбиты. Бизнес, как правило, следовал за ним по пятам и занимал большую часть его времени, поэтому, когда ему захотелось по-настоящему отдохнуть, он отправился кататься на яхте вдоль побережья Кампании, используя скромную виллу на Капри в качестве базы.

Часть его силы заключалась в том, что он сохранил жесткий буржуазный здравый смысл своего воспитания. Это было нечто большее, чем застенчивая простота аристократа старого типа, и это дало ему власть над средним классом, который должен был стать стеновым хребтом империи. У него было крепкое добродушие деревенского жителя, который мог произносить и принимать простые слова. Его никогда нельзя было выставить на посмешище, потому что он всегда был готов посмеяться над собой и раздуть пузырь громких похвал. Он встречался с каждым человеком прямо на его территории, и если оказывалось, что он неправ, он признавал это. Как и Кромвель, он приветствовал откровенную речь. Переданные истории могут быть апокрифическими, а могут и не быть, но, взятые вместе, они доказывают, какую репутацию он оставил после себя. Ему можно было доверять в честном обращении с оппонентами, и даже в его упреках сквозила грубая доброта. Тиберий, истинный аристократ, обиделся на свободу слова, р²⁴⁹он разрешен, но август утешал его: "голубчик, не будь ребенком и не беспокоиться, потому что люди говорят, что трудно мне. Достаточно, если мы сможем помешать им *причинить* нам какой-либо вред".²⁸ У него была глубочайшая гордость, но он был лишен тщеславия и присущих ему недостатков. Но он не потерпел бы ничего, что принижало бы достоинство его должности. Оскорбительные пасквилы и, прежде всего, оскорбительные панегирики, которые могли вызвать презрение к принципату, строго пресекались. Существовала черта, за которую ни один человек не мог переступить, не навлекая на себя молнии его грозных глаз.

Его вкусы соответствовали лучшему типу римского сельского джентльмена. Работая с утра до ночи, у него не было времени на излишества, но достаточный досуг не располагал его к роскоши. Его одежда была домашней и со старомодным- рисунком. Он предпочитал самую простую пищу и более простые сорта вина, и его рацион всегда был скромным. Ему нравилось, когда за едой рядом с ним была его семья, особенно младшие члены клуба, и он любил хорошо поговорить. Время от времени он устраивал праздничные банкеты с профессиональными артистами и красивыми подарками для гостей. Он нашел развлечение в азартных играх, но, похоже, не играл по высоким ставкам. Распорядок его дня состоял в том, чтобы вставать через час или два после рассвета — у него часто бывали плохие ночи, и он любил поспать утром; работать до полудня; затем легкий ужин и короткий сон, не раздеваясь; немного воздуха и физических упражнений перед ужином в любое время между четырьмя и семью; затем снова работать до сна. Он редко обедал вне дома. Его ежедневными физическими упражнениями были короткие прогулки или пробежки, или игры с детьми, а когда он позволял себе отпуск, то катался на яхте или рыбачил.

У него не было серьезных увлечений. В молодости он увлекался литературой и написал трагедию; позже он время от времени сочинял эпиграммы, подготовил свои мемуары и составил сборник своих писем и речей. Гораций мог восхвалять Муз как утешительниц на досуге великого Цезаря, но он никогда не был более чем случайным их почитателем. Он знал, что он был несовершенным ученым и равнодушным писателем, и он отказался навязывать миру свои произведения. Но он много читал, особенно по греческой литературе, и был придирчивым критиком как письменного, так и устного слова, ненавидя все, что отдавало фантастикой или напыщенностью.²⁹ Он также живо интересовался географией и исследованиями и был, как сказал Тертуллиан об Адриане, "искателем всего необычного".³⁰

Уединенная жизнь В жизни, столь богатой разнообразными обязанностями, не могло быть ничего ограниченного, но, хотя дворец весь день был заполнен множеством приходящих и уходящих людей, его хозяин вел уединенный образ жизни. Поскольку не было никого, кто разделил бы с ним ответственность, не было никого, кто разделил бы его уверенность. Нельзя сказать, что у него была настоящая близость, даже с Ливией. Агриппа был его доверенным помощником и создателем большей части его состояния, но Агриппа был прежде всего солдатом. Что касается Мecenата, кузнечик, должно быть, часто становился обузой. Вергилия он любил и почитал, но у него не было возможности часто видеть его, а гладкий риторический склад ума Ливи, должно быть, приелся тому, кто любил острые углы и четкие цвета. Гораций, возможно, был ближе всего к нему по темпераменту, но Гораций не был расположен быть придворным. У него не было фаворитов среди своих чиновников, и никто из подчиненных не имел на него никакого влияния.

В той жизни, которую он вел, располагая досугом только для того, чтобы заниматься семьей, единственный шанс завести близкого человека был среди его ближайшего окружения. Тиберий удовлетворил бы его потребности, и фрагменты его писем к пасынку, которыми мы располагаем, иногда содержат нотки задумчивой привязанности. "До-свидания, восхитительнейший из мужчин! Успехов тебе в твоей войне за меня и за Муз". . . . "Когда случается что-нибудь, что беспокоит меня или требует особых размышлений, я отчаянно тоскую по моему дорогому Тиберию". . . . "Когда я слышу, что ты измучен постоянными лишениями, пусть небеса посрамят меня, если мое собственное тело не ноет от сочувствия. Я умоляю вас пощадить себя, иначе известие о вашей болезни убьет вашу мать и меня и подвергнет империю опасности. Неважно, здоров я или нет, если ты болен".³¹ Но от Тиберия могло быть мало отклика; клавдиан и Юлиан были совершенно разными людьми, и тени Випсании, Гая и Луция стояли между ними. У Августа были запасы привязанности, которые никогда не расходовались, кроме как на Ливию и маленьких детей. Он обладал огромной способностью к дружбе, ибо, по словам Светония, "хотя он и не очень охотно заводил друзей, он цеплялся за них с величайшим постоянством".³² Однако, за исключением очень немногих, это были прохладные дружеские отношения. Август так и не нашел своего истинного друга; более того, его положение и обязанности запрещали это и вынудили его погрузиться

в великолепное одиночество. Государство было для него скорее супругой, чем Ливия, и большим товарищем, чем Агриппа.

Примечания автора:

¹ В Кабинете врачей, воспроизведено в С. А. Н. (Таблички), IV.157. See Bernoulli, *Röm. Ikonographie*, II.275 sq.

Примечание Тайера: В Интернете более доступно, смотрите его страницу в **Национальной библиотеке**, ее текущее местоположение.

² Suet. *Div. Aug.* 62.

³ БФ. счет дается Цицерон (*объявление АТТ.* XV.11) на семейном совете, где Брут и Кассий находились, и Сервилия, мать Брута, взял ведущую роль. Женщины знатного происхождения тоже интересовались литературой; примерами могут служить Корнелия, Сульпиция, принадлежавшая к кружку Мессаллы Корвина, и младшая Агриппина, писавшая мемуары.

⁴ "Незнакомец, то, что я должен сказать, сказано быстро; остановись и прочти это до конца. Здесь находится некрасивая могила прекраснейшей женщины. Клаудией называли ее родители. Своего мужа она любила всем сердцем. Она родила двух сыновей; одного из них она оставляет на земле, другого закапывает в землю. Очаровательная в разговорах, с мягким выражением лица, она вела дом, ткала шерсть. Я закончила. Иди своей дорогой".

Примечание Тайера: Настоящая надпись на камне утеряна. CIL VI.15346, № 52 в книге Франца Бюхелера "*Эпиграфика Кармины Латины*",qv.; также упоминается как ILLRP 973, ILS 8403, CLE 52 и CIL I2.1211.

⁵ Сказку о Дидоне и Энее часто рассматривают как пример романтической любви, но мне кажется, она находится в том же плане, что и ἄτη о Медее и Федре.

⁶ В галерее Уффици во Флоренции есть бюст, и ее голова изображена вместе с головой Агриппы на драгоценном камне. См. Бернулли, *указ. соч.*

⁷ Макроб. *Сатурн.* II.5.

⁸ *августа.* 65.

⁹ Сведения расходятся относительно места встречи и характера приема, оказанного Тиберием (ДионLV.10.18-19; Велл. II.101; Suet. *Тиб.*12), но совокупность свидетельств, по-видимому, подтверждает приведенную выше точку зрения.

¹⁰ Аула. Gell. XV.7; Malcovati, 13.

¹¹ Тас. *Ann.* I.3; Suet. *Div. Aug.* 65; Велл. II.112; DioLV.32.

¹² Плиний *H. X.* VII.150.

¹³ Вполне возможно, что этот слух возник из-за горя Октавии. Обезумевшая мать, как нам говорят, "побеждает всех матерей и в жизни максимилиана фуребата". Сенека, *ad Marciam* II.5.

¹⁴ Так. *Анна.* I.5, III.19, IV.71, V.1; ДионLIII.33, LV.10a.10, LVI.30. Современные историки (Меривейл, Драманн, Гардтхаузен) показали готовность поверить невероятным скандалам о Ливии. Этот вопрос разумно обсуждается К. К. Барини в *Rend. Linc.* (1922), XXI.25-33.

¹⁵ Скандалы о Ливии, содержащиеся в Таците и Дионе, были критически рассмотрены М. П. Чарльзуортом в *A. J. Phil.* (1923), XLIV.145-57.

¹⁶ В Нью-Йоркской глиптотеке Carlsberg. Голова и плечи статуи, обычно идентифицируемой как Ливия, находятся на Вилле Мистери в Помпеях. Судя по сохранившемуся пигменту, у нее были каштановые волосы и глаза.

¹⁷ Обстоятельства ее брака с Августом были немного шокирующими в соответствии с римской традицией. Вполне возможно, что Друз, который по характеру совершенно отличался от Тиберия, был сыном Августа.

¹⁸ Dio LVIII.2.

¹⁹ Сенека, *de ira* III.33.

²⁰ *C. I. L.* VI.2101.

²¹ Suetonius's words are "dilexit et probavit unice et perseveranter." *День. Август.* 62.

²² Dio LVIII.2.

²³ Suet. *Клод.* 3; Malcovati, 6-7.

²⁴ Дио ЛИВ.16.

²⁵ *C. A. H.* (Листы), IV.146-51.

²⁶ как и Август, если верить Марциалу (XI.20).

²⁷ *Cб.I.4.113.*

²⁸ Августа. *День.* 51; Malcovati, 9.

²⁹ Suet. *Div. Aug.* 84-9.

³⁰ "curiositatum omnium explorator."

³¹ Suet. *Div. Aug.*..

³² Suet. *Tib.* 21; Malcovati, 10-12.

Примечания Тайера:

^a Сэр Томас Браун, "*Эпидемическая псевдодоксия*", IV.12.

^b Голова, которую мы здесь видим, действительно принадлежит молодой Ливии; к сожалению, у меня нет информации ни о ее происхождении, ни о том, было ли это известно на момент публикации нашей книги.

Голова молодой Ливии, сейчас находится
в Национальном музее Дании,
Копенгаген.

Фото ©Ливиус.Org, с любезного
разрешения;
со страницы этого сайта на Livia.

Портрет-бюст Ливии в галерее Уффици,
Флоренция.

Фотография Фрателли Алинари, около
1890 года, сейчас находится в
общественном достоянии.

Глава III

Anima Romae

Non tu corpus eras sine pectore.

ГОРАЦИЙ.

Я

"Notre ignorance de l'histoire," Flaubert has written, "nous fait calomnier notre temps." Ни к какому периоду это не относится в большей степени, чем к раннему принципату. "Серьезной ошибкой является представление об обычном человеке в Римской империи как о развращенном и жестоком дьяволе, делящем свои часы между публичным домом и пьянством, пытающем рабыню время от времени, когда ему скучно, и безразличном к страданиям и бедности других".¹ общепринятая концепция основана на более поздних сплетниках и сатириках, чьи зловещие фотографии слишком часто принимались за реальность. Это были либо люди скромного происхождения, находившие удовольствие в преувеличении пороков класса, к которому они не принадлежали, либо художники, затемнявшие краски, чтобы получить драматический контраст, либо любители прошлого, оплакивавшие воображаемое вырождение. Сатирики и сентименталисты всегда являются сомнительными проводниками. Картина Британии после Первой Мировой войны, нарисованная писателями с поврежденными нервами, представляла невменяемую, малокровную и невротичную молодежь, в то время как все это время наши молодые люди справлялись с трудным миром с образцовой стойкостью духа. В Риме Августа, без сомнения, была роскошь, но она была лишь для немногих, и она никогда не доходила до крайностей многих более поздних эпох; были случаи вульгарной показухи, но ими не восхищались; было много тех, кто вел порочный образ жизни, но их порокам не аплодировали. Общественное мнение было твердо на стороне того, что было упорядоченным и простым. Среди аристократии были дегенераты, но большинство ее представителей жили скучно и пользовались уважением. Среди среднего класса в городе и сельской местности среднестатистическая семья была такой же благополучной, как и в любом другом возрасте. Счастливая семейная жизнь, какую мы находим в рассказе Плиния младшего, была скорее правилом, чем исключением. Римская жизнь была бережливой: скупой в еде, умеренной в питье, скромной в одежде, опрятной в привычках и проводилась в основном в физических упражнениях и на свежем воздухе.

Римская беднота Мы кое-что знаем о римской знати и буржуазии, но мы очень мало знаем о простых людях. Лорд Эктон сказал нам, что историк должен научиться принимать пищу на кухне, но трудно проникнуть в более скромную римскую

кухню. Однако о кухне Гераклит сказал: "Здесь тоже есть боги", и необходимо быть справедливым по отношению к обществу, которое история несколько исказила. Клевета исходит от самих римлян. Их литераторы были склонны презирать класс, из которого вышло большинство из них. Тацит, например, не был свободен от снобизма, хотя и не был аристократом по происхождению. Он считал недостатком младшего Друзаса то, что в нем была наездническая жилка; одна из его главных обид на Сеяна заключается в том, что тот был безвестным провинциалом; он не возражает против страданий гладиаторов, поскольку они низкого происхождения.² Даже такие возвышенные люди, как Лукреций и Цицерон,³ едва ли проявляют хоть малейшее сочувствие к бедным как к человеческим существам, и для большинства римлян они были подобны крупинкам пороха, с которыми Кольридж безжалостно сравнил французскую нацию - опасные в массе, но "каждый сам по себе грязный и презренный".

Их жизнь была тяжелой и безрадостной, хотя Август дал им более гуманные законы о банкротстве и некоторую защиту от насильственного конца, а государство уберегло их от голодной смерти. Их средства к существованию в качестве носильщиков, посыльных, ремесленников и мелких торговцев были предметом конкуренции рабов и пользующихся покровительством вольноотпущенников. У них почти не было жилья, они жили на чердаках в верхних этажах многоквартирных домов в антисанитарных зонах и были вынуждены проводить большую часть своего времени на улицах. Ни один государственный деятель не интересовался тем, что они могли думать или чувствовать, поскольку политически они были незначительны. Их рацион состоял из кукурузы из государственного кошелька и иногда масла, дополненного небольшим количеством сыра, дешевыми овощами и жидким *vin ordinaire*. Мяса они никогда не видели. Они могли пользоваться общественными банями и бесплатно посещать общественные игры, чтобы заполнить свой слишком богатый досуг. При жизни у них не было домашних богов, а после смерти у них не было приличия могилы, потому что, если только они не принадлежали к похоронному клубу, их тела отправлялись на общее место захоронения. Идея избалованного пролетариата должна быть пересмотрена. Пособие по безработице было необходимой формой помощи на открытом воздухе, которая могла быть изменена, но не прекращена, хотя и имела катастрофический эффект привлечения сельских бедняков в город,⁴ и это никогда не было чем-то большим, чем простое пропитание. Игры и шоу были не проявлением общественной благотворительности, а попыткой, почти обязательной, дать малозанятым слоям населения пищу для размышлений.

Об этом великом классе, как я уже говорил, мы мало что знаем непосредственно из аристократической литературы Рима, поэтому мы должны судить о нем по эпиграфике, по косвенным свидетельствам и по проверенным фактам. Один из этих фактов заключается в том, что Август уважал его и стремился, ограничивая поставки рабов, вольную и восстанавливая гильдии, защитить его права, а также раздавая деньги уважаемым людям, создать платежеспособный рабочий класс. Он осознавал опасность для государства со стороны плебса, единственные интересы

которого заключались в "вечере и зрелищах", и верил, что древнее качество в нем не умерло. Кухня, возможно, и была убогой, но в ней по-прежнему жили боги. Бедняки Рима были не просто сбродом, о котором мы можем судить по латинской литературе. Они были грубоватыми, как большинство римлян, от природы нечувствительными к страданиям и еще больше закаленными жестокими играми в амфитеатре.⁵ Но они были способны на жалость. Жестокое обращение с р255слоны на Помпея игры претит им, и они были шокированы цепи Арсиной, Клеопатры сводная сестра, в Юлиус триумф в 46 г. до н. э.⁶ там должны быть элементы хорошего вкуса в класс, представила аудитории, и создал славу, как драматургов Плавта и Теренция и актеры, как Росция, которые могли бы оценить величие *Энеида*, а какие могут писать эпитафии, которые часто солью остроумия и трогательная нежность. Прежде всего, в нем не умерли мужество и преданность, ибо из него вышли первые новообращенные христиане.

Римское образование Интеллектуальный круг, к которому Август стремился обеспечить духовную основу своего государства, состоял как из высшего, так и из среднего классов. Десятилетия неустроенности придали ему консервативный уклон, тоску по старым добрым временам и, как следствие, острый антикварный вкус. По мере того как открывалось видение империи, просыпался все более живой интерес к чужим землям и чужим обычаям. Класс был восприимчив к новым образам мышления, новым культам и очарованию новых горизонтов; но литературное влияние Александрии пошло на убыль по мере того, как Рим начал ценить свои собственные родные формы искусства и экспериментировать с новыми, не как подражатель, а как творец. Лучшие люди были высококультурными и начитанными, но, похоже, не существовало какого-либо большого образованного класса в строгом смысле этого слова. Не существовало национальной системы образования.⁷ Сыновья состоятельных-людей ходили в частные школы, которыми обычно управляли образованные вольноотпущенники, где они читали старые латинские тексты, пока их не заменил Вергилий; но настоящее образование было дома, где их обучали мужественным видам спорта и хорошим манерам.⁸ Позже они изучали риторику и юриспруденцию у какого-то известного практика. Юлий, похоже, поиграл с идеей создания системы образования, когда пригласил иностранных учителей в Рим и пообещал им гражданство. Август ограничился основанием двух больших публичных библиотек, р256предоставлением частной школы для членов императорской семьи и освобождением учителей от закона, изгоняющего иностранцев из города во время голода.⁹ Что касается университетского образования, то оно было впервые введено Веспасианом, а при Адриане было создано на постоянной основе за счет государственных средств.

Римская наука Римлянин не был ни теологом, ни философом в конструктивном смысле. Он также не был ученым. Он был великим изобретателем и строителем, но спекулятивная и теоретическая сторона науки его мало интересовала. Такие люди, как Катон старший, Варрон и Плиний старший, любили описывать диковинки природы, но у них не было систематизирующего импульса, неутомимой страсти к

порядку, присущей грекам. Чистая наука казалась римлянину пустой тратой времени, хотя он приветствовал прикладную науку. Итак, он был хорошим полевым натуралистом, но не биологом; хорошим инженером, но неважным астрономом. Он был великим путешественником, но серьезную географическую работу за него выполнили иностранцы. Он был солдатом и делал карьеру, но не внес никакого ценного вклада в военную науку. Во всем, за что он брался, он требовал утилитарной цели и практического результата. У греков мы находим зародышевые концепции, которые являются жизненно важной частью современной мысли. Пифагор первым учил, что физическая наука основана на измерении и, следовательно, число является ключом к структуре вселенной; Гиппократ заложил кардинальные принципы медицины; Архимед основал гидростатику; Анаксагор и Аристарх Самосский предвосхитили современное учение о природе солнца и вращении земного шара; Гиппарх в 125 году до н. э. вычислил лунный месяц и ошибся не более чем на секунду с современной точки зрения; Эратосфен измерил окружность земли; у Аристотеля и Эмпедокла до него подразумевалась теория эволюции, а у Демокрита - атомная теория. Грекам было присуще бескорыстное любопытство ученого; "Новая диаграмма, - говорили пифагорейцы, - означает шаг вперед, но мы не рисуем ее так, чтобы р257составлял трехпенсовую-монету":¹⁰, в то время как римлянин потребовал немедленного возврата наличных. Только Лукреций, одинокая фигура среди своего народа, является связующим звеном между свободной спекуляцией Греции и нашими днями.

Римлянина интересовало человеческое поведение и человеческое правительство, и поэтому единственной наукой, в которой он преуспел, была юриспруденция. Юридическая практика предполагает изучение искусства убеждения, воздействия произносимого слова на умы других людей. Следовательно, риторика была для Рима одновременно искусством и наукой, главным искусством и наукой. Она имела очевидную утилитарную ценность, и ее материалами были не только точные логические концепции, но и звучные слова и благородные ритмы, которые были славой их языка. Основной работой школ было декламирование. Перед аудиторией читали новую книгу — это был, по сути, единственный способ опубликовать ее.¹¹ Мы не сможем в полной мере насладиться латинской поэзией, если не осознаем, что она была написана скорее для слуха, чем для глаз, и читалась вслух медленно и тщательно, каждому слогу придавалось полное значение — метод, необходимый при близком к текстуре языке, который допускает как количество, так и ударение. Риторика была в самой глубине души римлянина. Ему приходилось высказывать свои мысли вслух. святой Августин был поражен, когда увидел святого Амвросия, читающего про себя беззвучно, не шевеля губами.¹²

Римская философия С таким фоном философия означала для римлян не метафизику бытия и знания, а разумные правила жизни и гномическую мудрость, которая апеллировала как к интеллекту, так и к эмоциям. Сбитый с толку мир искал принцип порядка, а рассеянные умы метались в поисках полезных принципов поведения. Взгляд ратора обратился внутрь себя, поскольку он больше не мог надеяться на

общественную карьеру, подобную карьере Цицерона. Римляне не отличались оригинальностью мышления, но они могли оценить работу греческих учителей этики и воспроизвести р258ее с латинским акцентом. Так случилось, что те, кто не был удовлетворен простой гражданской религией соблюдения обрядов, дополнили ее исследованиями, которые предлагали ключ к смыслу вещей и давали ответы на головоломки, выходящие за рамки общепринятых верований, — которые, прежде всего, обещали освобождение от тех капризов судьбы, с которыми они недавно столкнулись на горьком опыте. Философия для них была агоге, схемой жизни. Его большим стимулом было то, что он давал ощущение свободы, существования, упрощенного и самодостаточного, недоступного судьбе. Поскольку жизненную драму нужно было разыгрывать, хорошо было иметь набор правил. Философия была лечебницей для больных и сбитых с толку душ;¹³ она обеспечивала человеку опору над потоком обстоятельств, доспехи для духа, которые не могли пробить стрелы судьбы и которые не могла разрушить даже смерть.¹⁴ Это было дополнением к религии или даже заменой, поскольку позволяло ее приверженцам "никого не просить о помощи и не раздражать бога молитвой". Но в целом оно было терпимо к популярным божествам, к которым относились как к аспектам божественного единства.¹⁵

Все модные философские вероучения были импортированы. Стоицизм был самым мощным, поскольку он лучше всего соответствовал римскому характеру. Его можно определить как пуританизм, лишенный элемента восторга. Он предлагал свободу через принятие великого порядка природы, который был не чем иным, как универсальным Разумом, и соответствующего направления жизни. Это с равным успехом могло бы породить святых вроде Марка Аврелия и благочестивых временщиков вроде Сенеки. Эпикурейец отличался от стоика только своей метафизикой, ибо, в то время как последний верил в Мировую Душу, имманентную человеку, первый считал, что между человеческим и божественным нет никакой связи. На практике стоическая автаркия, или самодостаточность, мало отличалась от атараксии, или спокойствия, эпикурейца. Циник проповедовал воздержание от всех распространенных амбиции, р259звание, имущество, власть, вещи, которые забивают ногами человека — попытка, в декан Инге словом, "чтобы сбалансировать наши аккаунты не за счет увеличения числителя и уменьшения знаменателя." Все эти вероучения стремились сделать человека неуязвимым, избавить его от рабства страха, будь то перед жизнью, смертью или загробной жизнью. Они усилили его сознание своего достоинства как человека и не только указали путь к хорошей жизни, но и дали ему мотив для нее. Они научили его жить, по выражению Марка Аврелия, как на вершине горы. Более того, они привнесли в этику воинский дух. Добродетель теперь воспринималась как сильно отличающаяся от мягкой, непринужденной морали аристотелевских добропорядочных Людей. Жизнь была походом, из которого не было выхода, вечной войной души против плоти, членов против духа;¹⁶ это был путь паломника, подобного пути Баньяна, из Города Разрушения в Город Бога.¹⁷

Таким образом, философия была способом прославления для сравнительно небольшого класса, который был ее достоин. Но это не было евангелием для среднего человека. Его теизм был слишком абстрактным и отстраненным, и за ним, даже в лучших произведениях, скрывался стойкий пессимизм, так что Марк Аврелий мог написать о человеческой жизни: "Каков конец всего этого? Дым, пепел и легенда — или почти легенда".¹⁸ Упадок республики и годы войны породили своего рода апатию, мало чем отличающуюся от средневековой *случайности*, которая, возможно, усугублялась распространением малярии из-за длительного пренебрежения общественной гигиеной. Казалось, наблюдался упадок интеллектуальной и духовной энергии, как будто на Рим обрушилась старость. Готовность, с которой был принят принципат, облегчила его первый этап, но второй этап был более трудным из-за самой этой покорности, ибо импульс к бунту является доказательством жизни в политическом теле. У Рима было мало надежды, если его дух стал похож на обычную эпитафию рабам: "Я не был. Я был. Я не буду. Мне все равно". Возродить душу римского народа и внедрить ее в империю в целом - это были самые деликатные задачи, с которыми приходилось сталкиваться Августу.

II

Вера Августа Каковы были его собственные убеждения? Трудно сказать. Вне всякого сомнения, он придерживался какой-то формы Бога, какой-то божественной силы, которая управляла миром. Как и у Юлия, у него были свои личные суеверия,¹⁹ которым, однако, не позволялось управлять его поведением, и он верил в свою звезду, которая была не более чем романтическим выражением уверенности в себе. Он был фаталистом, как и большинство великих людей действия. В молодости он перенял у Посидония мягкий стоицизм и написал "Наставление к философии", основанное, по-видимому, на "*Гортензии*" Цицерона. Труд Цицерона утерян, но мы знаем, какое глубокое влияние он оказал на святого Августина,²⁰ и если бы он был у нас, мы могли бы узнать больше о вероучении Августа. Мы можем полагать, что в нем не было никакой спекулятивной утонченности и проводилось оно без особого религиозного рвения. Он смотрел на жизнь спокойно, как человек, чувствующий себя во вселенной как дома, не озабоченный абсолютной истиной и готовый принять общепринятую религию как нечто, с чем можно жить дальше; прежде всего, он был прагматиком и реалистом. Он мог бы принять слова епископа Батлера за свои собственные: "Вещи и действия таковы, каковы они есть, и последствия их будут такими, какими они будут; почему же тогда мы должны желать быть обманутыми?" Но в одно он твердо верил - в необходимость религии и правильного вида религии в государстве.²¹ Он оглядел римский мир и разглядел под его скептицизмом и безразличием великую тоску. Он видел все материалы для религиозного возрождения.²²

Его проблема была тройственной, поскольку касалась души народа. Во-первых, он должен был отвести каждому классу и слою населения соответствующую нишу в

государстве. Он создал р261 огромное и запутанное государственное устройство, и оно должно обладать четко выраженной жизнью организма, а не простой функциональной дифференциацией машины. Качество не должно быть потеряно в количестве, а вид - в масштабе. Империи было бы фатально легко превратиться в бездушный механизм, и в этом случае ее гибель была бы столь же неизбежна, как и гибель старых рабовладельческих монархий Востока. Резкий язык Республики должен быть каким-то образом сохранен, или, скорее, поскольку он был размыт в прошлом столетии, его необходимо восстановить. Острота, акцент и цвет должны быть восстановлены. Личность не должна быть подавлена государством, а местность - империей. Его целью было возродить разумную жизнеспособность во всем политическом организме. Во-вторых, древней религии Рима снова следует воздать должное, поскольку она была основой гражданского этикета и главной связью с прошлым. Империя должна восприниматься не как искусственное новшество, а как естественное продолжение республиканской традиции со всеми санкциями старой веры. Наконец, поскольку римская религия по своей сути была местной, необходимо было найти какую-то новую веру, которая была бы общей для всей империи. Эта империя в том виде, в каком она существовала, была полна дисгармонии, мозаики вероучений, многие из которых были фантастическими и чуждыми римскому аскетизму. Основа имперского патриотизма уже была заложена в широко распространенной благодарности к человеку, который подарил ему мир и теперь даровал процветание; но существовала опасность, что этот патриотизм может ослабнуть от самого своего распространения в пространстве, поэтому его должна была оживить какая-то мистическая привязанность к Риму, которая могла быть достигнута только через личную преданность. В своем духовном переустройстве Август, подобно библейскому домохозяину, должен был принести из своего хранилища вещи старые и вещи новые.

Бюрократия - это обычно смерть идиомы, и бюрократией по большей части должна быть империя. Август осознал эту опасность, и его страстное желание сохранить индивидуальность проявляется в каждом аспекте его работы. Мы видим это в его решимости наделить каждое сословие его функциями, даже ценой больших хлопот для него самого; в том, что он поделился полномочиями с Сенатом и республиканскими магистратурами; в том, что он открыл карьеру талантам и поощрял р262молодежь; в том, что он использовал орден всадников; в том, что он воссоздал народные гильдии и в его попытке дать городскому плебсу какую-то форму местного самоуправления. Мы видим это по его ревностной заботе о местных обрядах и обычаях в Италии. Мы видим это в его сохранении во всех провинциях традиционных культов, в его отказе вмешиваться в любую форму правления, которая не угрожала империи, в его поощрении муниципальной жизни и провинциальных советов. Но главное доказательство - это его отношение к римскому гражданскому кораблю. Юлий сделал бы это универсальным и поставил бы Италию в один ряд с провинциями, поскольку он представлял империю как унитарное государство и мечтал о единой имперской культуре, которая включала бы в себя лучшее, что могли предоставить Рим, Греция и Восток. Для Августа такой идеал не имел никакого очарования, ибо он верил, что все закончится однообразной

серостью. Он хотел, чтобы итальянская культура была неприкосновенной и доминирующей, не для того, чтобы она могла подавлять, а для того, чтобы она могла вдохновлять других. Звание гражданина Рима должно быть привилегией, которой можно было бы достичь благодаря службе и заслугам, аристократией на самой широкой основе, новой чертой в жизни мира.

III

С религией Нума Многое было ясно; две другие задачи были более сложными, поскольку касались менее весомых вещей. Запад победил Восток, римские боги победили темных богов Египта, местные божества все еще играли важную роль в жизни нации. Таково было чувство большинства людей, какими бы скептически настроенными они ни были. Римская религия была связана не столько с верой, сколько с ритуалом. Три главных итальянских божества, Юпитер, Юнона и Минерва, выделились из массы местных культов; затем, когда величественный дом олимпийцев переместился из греческого мира на запад, римская троица была отождествлена с греческой троицей Зевса, Геры и Афины, и гостеприимный римский разум вскоре добавил к своему пантеону других эллинских богов и богинь. Но в Риме религия всегда имела особое отношение к государству. Богослужение было общественным долгом, гражданской функцией, выполняемой официальным мирским священством. Повиноваться государству означало повиноваться богам, а поклонение богам было общественной обязанностью. Это был случай не столько установленной церкви, сколько отождествления в последней инстанции гражданского и церковного. Что касается главных божеств, то частного поклонения было мало: чиновники совершали обряды для всего народа, освобождая отдельного человека от этой обязанности, чтобы при хорошем правительстве он мог спать спокойно, зная, что Небеса были умиловлены. Ни один римлянин не интересовался происхождением своего пантеона. Олимпийцы были там, странные в своем поведении, если поэты говорили правду, и их число увеличилось благодаря щедрым усыновлениям; их следовало бы смягчить, если бы народ процветал, но для рядового римлянина они имели меньше личного значения, чем самая далекая звезда на небе. Август вложил новую жизнь и достоинство в это безличное богослужение. Он восстанавливал старые храмы и строил новые; он занимал высокие жреческие должности и следил за тем, чтобы их обязанности неукоснительно выполнялись; он способствовал почитанию определенных божеств, таких как Аполлон и Венера-Прародительница; он возродил древние обряды, фестивали и игры. С помощью поэтов он создал в народном воображении образ олимпийцев, которые, несмотря на всю их удаленность и великолепие, были частью римского государства и гарантами его мира. Их культ был своего рода национальным гимном.

Частное поклонение и более интимная преданность были зарезервированы для меньших божеств, дружелюбных маленьких божков, которые руководили рутиной повседневной жизни. Здесь, среди простых людей Рима и Италии, мы находим

религию в более истинной форме, ощущение тайны жизни и необъятности, которая осеняет человека, желание ходить смиренно и умиловать невидимое не только церемониями, но и серьезным и благоговейным духом. Это "религия Нума", которая была распространена во многих городских семьях и прежде всего среди сельских жителей. В каждом лесу и водоеме, на каждом лугу и в складке холма был нумен. У каждого события в жизни было свое божество-покровитель и свой простой праздник. Сатурналии приходились на время сева, а Консуалии - на время сбора урожая. Янус надзирал за дверью коттеджа, Веста - за очагом, Пенаты - за кладовой, а добрый Лар - за всем хозяйством. Некоторые божества имели более широкий круг почитания, а Геракл и Сильван завоевали авторитет за пределами Италии. Философу это могло показаться суеверием, но оно было более действенным, чем его рационализм, поскольку было переплетено с фактами жизни. Это была самая прочная вещь в Риме, и когда гордая иерархия Олимпа сошла на нет, эти домашние и деревенские культы сохранили своих почитателей. Последним врагом, с которым пришлось столкнуться христианству, были не греко-римские боги и богини, а домовые из "пагани", деревенского люда. Именно с ними, а не с олимпийцами боролся святой Августин, и даже потерпев поражение, они оставили свой след в христианской практике.

Август трудился над сохранением и облагораживанием этих домашних культов. Например, он дал римской бедноте возможность поклоняться своим собственным Ларам-компиталесам, духам, которые правят перекрестками, и присоединил к ритуалу свой собственный Гений. Этот шаг был частью его схемы городского самоуправления, но о его политике свидетельствует религиозное значение, которое он придавал ей. Он пробудил в Риме живой интерес к этому наследию прошлого и превратил даже самых выдающихся поэтов в благочестивых антикваров. Проперций, Россетти латинской литературы, в третьей книге своих элегий отказался от своей Синтии ради описания "святых обрядов и священных дней", а Овидий в своем "*Fasti*" использовал свое богатое воображение, чтобы рассказать о старых религиозных обычаях вместо искусства любви.

Гораций и Вергилий Именно в писателях, особенно в великих поэтах, Август нашел своих главных помощников в этой задаче. Когда он был еще ребенком, умер поэт, не оставивший никакого следа в своем поколении. Лукреций завернулся в свои певческие одежды и держался надменно в стороне от беспокойной жизни людей. Его лекарством от человеческих бед было сухое философское кредо, которого он придерживался со страстью религиозного приверженца. Его вера была "квиетизмом в этой жизни и уничтожением после"; мир был стар, и его колеса быстро изнашивались; помощи от богов, которые жили далеко в

p265 ясное пространство мира за миром,
Где никогда не проползает ни облачка, ни ветер,
Никогда не падает ни малейшей белой снежной звезды,

Никогда не раздаются самые низкие раскаты грома,
Ни звуки человеческой скорби не нарушают
Их священного вечного спокойствия.²³

Гордая самодостаточность Лукреция не была лекарством от страданий мира, и писатели, которых Август собрал вокруг себя, проповедовали совсем другое. Ливий, например, восхищался древней славой Рима и черпал вдохновение в ее записях. Его жизнь была практически такой же-обширной, как у принцепса, и его работа была ценным подспорьем к плану Августа. Смешивая риторику с историей, он заставил среднестатистического римлянина осознать величие прошлого и масштабность своего наследия.

Но у новых поэтов была более живая надежда и более широкий размах воображения, поскольку они были озабочены не только прошлым, но и грядущим. Гораций дал светскому человеку то, что было названо светской псалтирью, кодексом разумной дисциплины и рационального наслаждения, основанным на инстинктах, глубоко укоренившихся в римской природе, и изложенным золотыми стихами. Он подарил поэзию тем, кто обычно не чувствителен к поэзии, и философию поведения тем, кто боялся философий. Его стихи воплощают вдохновенный здравый смысл эпохи Августа. Он отчасти отвечал потребностям Рима — в равновесии, самокритике и смехе. Более того, его любовь к своей стране и ее обычаям давала новую надежду на их продолжение; прошлое Рима было залогом вечности Рима —

dum Capitolium

scandet cum tacita virgine pontifex.

У Вергилия мы находим то божественное вдохновение, которое превосходит самую уравновешенную мудрость и самое искусное техническое мастерство. Он обращался не только к простому гражданину, но и ко всем слоям темперамента и ума. Тем, для кого, как и для меня, Вергилий является постоянной радостью, трудно судить, насколько точно он произвел впечатление на своих современников. Мы чувствуем его скрытую печаль и неудовлетворенные стремления, но Рим, возможно, сильнее, чем мы, ощущал его надежду и гордость. Возможно, они приветствовали его словами, подобными словам Виктора Гюго —

"Quel dieu, quel moissonneur de l'éternel été !"

Он дал им не интимное и домашнее, а высокое, транслунное, но его возвышенность была римской возвышенностью, и путь, который он указал, вился вверх от знакомого мира. Он предложил своему народу новое прочтение прошлого, новое

видение государства и новый образ жизни. Вергилий был проводником Данте в Ад и Чистилище, но не в Рай; но к мечтам своего времени именно в Рай он вел самым твердым шагом, в тот возвращающийся Золотой век, когда Рим осуществит свое предназначение и "народы придут к его свету, а короли - к сиянию его восхода", и он станет городом-мечтой Платона, "стенам которого можно будет позволить погрузиться в землю", поскольку среди людей больше не будет раздоров.

Экзотические культы Мы знаем, что Вергилий был популярен в массах, но его блаженное видение было доступно не всем. Государственная религия и религия Нумы, освещенные гением поэтов, привлекали тех, кто все еще придерживался римской традиции. Но было много таких, для кого эта традиция ничего не значила, поскольку они были чужаками из-за моря, и многие даже римляне по происхождению просили чего-то более интимного и эмоционального. С тех пор как закончилась Пуническая война, иностранцы толпами стекались в Рим, принося с собой свои иностранные культы, и она разрешала эти богослужения, если они явно не противоречили общественной морали. Такие культы предлагали нечто новое в виде тайных обрядов и частных обществ, церемоний очищения и надежды на бессмертие, и поэтому взывали к страстным желаниям самосознательной души в человеке. Даже ортодоксальные римляне были готовы терпеть эти новшества, ибо Рим был удивительно терпимым;²⁴ она всегда была готова признать вместе с Симмахом, что к великой тайне нет единого пути; и, оставаясь верной своей ортодоксии, принимать новые культы как своего рода-страховку; более того, посредством таинственного процесса объединения она могла даже связать их со своим собственным вероучением. Такие вещи для нее были дополнениями, а не заменителями. Кроме того, падение престижа знаменитых оракулов создало спрос на то, что можно было бы назвать магической стороной религии. Таким образом, греки и выходцы с Востока принесли в столицу свои особые культы, которые не только терпели, но и в значительной степени покровительствовали самим римлянам.²⁵ В начале принципата улицы часто были шумными из-за экзотических ритуалов, и на любом углу человека могли толкнуть иностранные священники, "хитрые медлительные существа с осмотрительными глазами".

Преступный мир Рима и большая часть высшего света превратились в музей странных верований. Некоторые, такие как культ Великой Матери, существовали на протяжении поколений; Кибела, действительно, традиционно связанная с происхождением Рима, была весьма уважаемой, и Август подарил ей храм на Палатине;²⁶ ее поклонение еще не развило ужасную церемонию "тауроболиум", или кровавое омовение, благодаря которому человек мог стать "ренатом в вечности". Дионис был более сомнительным персонажем; его однажды изгнали, и он всегда терпел. Орфический и пифагорейский культы были наполовину философиями и привлекали лишь немногих. Оба предлагали четко определенный путь спасения, но первый, похоже, попал в руки шарлатанов, а второй был слишком труден для понимания простым человеком. Более важным был ритуал Исиды, пришедший с Востока по торговым путям и обративший в свою веру представителей всех классов.

Она каждое обращение к мистической религии, ибо он был способен на глубокие, а также поверхностная трактовка, и она адаптировала свои обряды к изменяющимся обстоятельствам. Народное недоверие к Египту отодвинуло его в тень в начале принципата, но вскоре мода на него возродилась. Его великолепный ритуал привлекал внимание, но в глубине души он был скорее аскетичным, чем оргиастическим. Более того, Исиду можно было отождествлять со множеством других богинь, с Церерой, Венерой и Дианой, с Минервой и Прозерпиной, даже с Юноной, поэтому ее приверженцы стали почетными членами всех религий.²⁷ Культ Митры был принесен с Востока солдатами Суллы — чистая и прекрасная вера, зародившаяся на персидском нагорье, которой вскоре предстояло стать мощной религиозной силой в языческом мире. В особенности это было кредо солдата, рассматривающего жизнь как бесконечную битву между светом и тьмой и не признающего классовых различий между ее приверженцами. Были также евреи, которые строго придерживались своих обрядов и сумели добиться для себя привилегий, и чей жесткий монотеизм не был непривлекательным для определенных кругов в Риме. У них не было процессий на открытом воздухе, хотя по субботам у них были странные ритуалы,²⁸ но большинство других культов устраивали свои публичные празднества, когда степенного римского гражданина отталкивали дикие танцы и неистовые песнопения, и он был потрясен, увидев в толпе мрачных чужеземных лиц некоторых из своих друзей и родственников.

Привлекательность мистерий В чем заключалась привлекательность этого нагромождения мистических культов? Для бедных и необразованных людей были волнующими корибантические шествия, различные виды "армии спасения" с факелами и тарелками, приносящие краски в серую жизнь. Ходили также бесчисленные рассказы о чудесах, творимых тем или иным чужеземным божеством, о которых сплетничали в тавернах: моряки черпали пресную воду посреди-океана, слепых заставляли видеть, а хромым - ходить. Из сатирических комментариев Лукиана и простодушия Плиния мы знаем о глубокой доверчивости среднестатистического римлянина. Среди образованных людей было стремление к чему-то новому, что могло бы дать им то, чего им не хватало в государственных культах, личной религии, более тесной связи с невидимым.

Quis caelum poterit nisi caeli munere nosse

et reperire deum nisi qui pars ipse deorum est?²⁹

Мистерии могли рассказать им кое-что о том, что скрывалось за завесой смысла, о тех скрытых вещах, о которых олимпийцы хранили молчание. Они могли бы дать какой-то намек на загробную землю и обеспечить безопасность души после смерти. Исчез старый уютный мир их предков, когда человек мог просто жить в маленьком анклав, защищенном его знакомыми богами. Войны и революции разрушили географические барьеры, и с этим расширением горизонтов в человеческую жизнь пришла великая неопределенность. Теперь человек был полностью во власти судьбы и цеплялся за любую возможную защиту. Душа, эта искра божественного в

смертной глине, стала значить больше для своего обладателя по мере того, как его земное состояние становилось ненадежным; бедствия истолковывались как доказательство вины, и эту вину можно было устранить с помощью обрядов очищения. Освобождение от бремени греха, безопасность от смерти и суда, знание скрытых вещей, которые были жизненно важны для их мира, — таковы были мотивы, которые привели людей к этим новым путям спасения. Большинство верующих, без сомнения, были иностранцами, которые цеплялись за культы своих предков, но за границей царил дух, к которому мыслящие римляне не могли быть нечувствительны. Это был феномен, который, кажется, проявляется циклично, нервный срыв и, как следствие, бунт против простого интеллекта. Люди жаждали не доктрины, а откровения.

Во многих культах были элементы красоты и мудрости, сравнимые с режимом тех, кто искал телесного исцеления в храме Эскулапа.³⁰ История Луция в книге Апулея³¹ - это история истинного посвящения, за которым следует постоянное продвижение в духовной жизни. С помощью Исиды он был доставлен "в гавань спокойствия и к алтарю р270милосердия", и богиня даровала ему не только душевное спокойствие, но и значительный успех в его профессии юриста. Но не было никаких шансов на то, что какой-либо из этих культов перерастет во всеобщее евангелие. С одной стороны, их привлекательность, когда они выходили за рамки обычной магии, была ограничена людьми определенного образования; с другой стороны, посвящение было дорогостоящим делом. Мистерии не были демократичными. Омовение бычьей кровью при поклонении Великой Матери было дорогостоящим, как и орфические и дионисийские обряды, и даже членство в нео-пифагорейском братстве. Но их настоящая слабость заключалась в том факте, что они были дополнением, чем-то привязанным к жизни и не включали в себя никакого нового видения вселенной, никакой радикальной трансформации души. Их сила заключалась в их социальном характере, ибо они были братствами, тайными братствами, и они служили тем, кто из-за разрушения привычных вещей чувствовал себя немного потерянным в этом мире.

Это одиночество и беспокойство были евангелической подготовкой, открывающей путь для нового откровения. Легко видеть, насколько могущественной была бы привлекательность христианской веры столетие спустя. Христианство принесло спасителя и обещание бессмертия. Оно продолжало платоновское учение о том, что земная жизнь была сакраментальной, тенью вечности. У него были свои обряды, но также и своя философия. Он давал свободу от греха, знание истины, доспехи против судьбы, дисциплину жизни. Более того, в нем использовался язык каждой расы, класса и климата. "За исключением своих основных принципов, она приспособилась к потребностям и обычаям различных народов. В страдающих от голода регионах Анатолии его проповедники обещали рай с вечно плодоносящими деревьями; измученным трудом крепостным в Египте он предоставлял убежище в монастырях; берберским горцам Африки он давал святое основание для крестовых походов, особенно против богатых и деспотичных землевладельцев; образованным римлянам, таким как Минуций Феликс и Лактанций, он разрешал читать Цицерона и Вергилия

и не пытался лишить настоящих греков Гомера и Платона".³² стр. 271 Прежде всего, она принимала в свои ряды самых бедных и скромных. Когда Цельс спорил с Оригеном, одним из его обвинений против христианства была низость его новообращенных. "Давайте послушаем, кого приглашают эти люди: *кто, по их словам, грешник, кто бы ни был неразумен, кто бы ни был безрассуден — одним словом, кто бы ни был негодяем, — он будет принят в Царство Божье.*"³³ Что могла сказать государственная религия тем, кто не был гражданином, или религия Нумы тем, у кого не было домашних богов, или Митра больным телом и разумом, или дорогие мистерии Исиды и Кибелы тем, кто не был гражданином? без гроша в кармане или какое-нибудь из этих вероучений для усталых и обремененных?

IV

Поклоняющийся императору Август не интересовался экзотическими вещами, разве что поддерживал в них порядок. Его бизнесом была не *praeparatio evangelica*, а *instauratio ecclesiae*. Но он видел необходимость дополнить римские верования и, возможно, заменить экзотические верования новым культом, который должен был иметь всеобщую привлекательность и основываться на его собственном Гении и величии Рима. Он понял, что греческие города-государства потерпели крах, потому что у них не было центра сознательного единства, не было постоянной связи между прошлым и будущим, и что для того, чтобы империя выстояла, должна быть выкована некая мистическая и неделимая цепь. Рим обеспечивал такую связь, но она была слишком абстрактной богиней, чтобы взывать к далеким и плохо-информированным землям, поэтому к ней должен быть добавлен личный объект поклонения. Это мог быть только принцепс, и новая имперская церковь должна быть освящена во имя "Рома и Августа". Такая политика не была попыткой самовосхваления. Август был свободен, как любой человек, когда-либо живший, от прихотей по поводу собственной божественности. Он мог смеяться над подобной помпезностью с такой же готовностью, как и Веспасиан, который на своем смертном-одре воскликнул: "Увы! Боюсь, я становлюсь богом!"³⁴ Его целью было найти универсальный объект поклонения, которому можно было бы дать священство, чтобы оно служило своего рода провинциальным "списком почетных званий" и могло бы обеспечить незначительную форму представительного правления. В этом, как и во всем остальном, он был тем, кем утверждал Наполеон: "свершившийся факт в политике".

Истоки поклонения императору уходят далеко в историю. На Востоке короли всегда были божественны, а греки с их крайним антропоморфизмом стерли различие между смертными и бессмертными. Такой герой, как Геракл, и такой человек, как Александр, могли иметь как божественного, так и человеческого отца, и спасителю общества, как само собой разумеющемуся, оказывались почести божества.³⁵ В республиканском Риме такой традиции не было, но и там, насколько мы понимаем, различие было размытым. "Deus", охватывающее множество мелких божеств, имело

значение, сильно отличающееся от нашего монотеистического "Бога". Древнее государство также было церковью, и спаситель государства, естественно, вызывал религиозное почитание.³⁶ По мере расширения империи римские полководцы удостаивались божественных почестей от многих иностранных государств. Во втором веке до нашей эры Фламинин получил их от жителей Халкиды как освободитель Греции, Родос и Смирна воздвигли алтари Риму, и Цицерону в его киликийском проконсульстве угрожали таким же достоинством. Перед закатом Республики Рим все больше приближался к культу героев и антропоморфизму Греции. В отношении Юлия был сделан смелый шаг, либо по его собственному желанию, либо в результате интриг Марка Антония. Его статую пронесли в процессии богов и поместили в храме, его провозгласили *Deus Invictus*, в его честь была учреждена новая гильдия жрецов, а после его смерти — первой среди римлян — он был официально обожествлен.

Таким образом, у Августа за плечами был выдающийся прецедент, и он не замедлил им воспользоваться. С самого начала своей карьеры он претендовал на титул "Диви Юлий Филиус". Там он был в безопасности, для обожествления Юлия в соответствии с древнеримского культа р273"Ди гривы" и обычай освящать алтари мертвых, и основатели нации были всегда верили, вознесся на небо.³⁷ Но дивус отличался от деуса. Одно дело, когда великий человек становился богом после смерти, и совсем другое - когда он, подобно Птолемеям, был богом при жизни. Август держался в стороне от любой подобной глупости. Он отверг личную божественность, и в этом вопросе Тиберий скрупулезно следовал ему. Максимум, на что он претендовал, - это участие в божественности государства. Он отказался от алтаря в здании Сената и приказал разбить несколько своих серебряных изображений. Он запретил любое официальное богослужение в Риме или Италии. Поэты могли отождествлять его с Аполлоном или Меркурием, Проперций мог величать его "deus", а Гораций видел, как он пьет нектар среди бессмертных, но это была всего лишь поэтическая вольность. Самое большее, что он позволял, это культ своего "Гения",³⁸ "Лар" или "Нумен", ангела-хранителя, который обитал в каждом человеке и которого самый простой домохозяин разделял с принцепсом. Что Рим мог почитать, так это его миссию, работу, которую боги позволили ему выполнить для государства. Вполне уместно, что эта работа была увековечена в маленьких святилищах на углу улицы.

В "Роме и Августе" За границей все было по-другому. Еще при его жизни в Италии, особенно среди греческих народов юга, началось настоящее поклонение императору.³⁹ В провинциях, пока его имя было связано с именем Рима, культ не подвергался никаким ограничениям. Это началось в 29 году до нашей эры, когда римляне в Азии посвятили храмы Риму и Юлию, а греки - Риму и Августу. В настоящее время в некоторых местах, таких как Кипр и Понт, Рим был опущен. В Египте принцепс естественным образом унаследовал божественность Птолемеев. Обычай распространился по всей Греции и Азии, Сирии, Палестине и Африке, и Август стал преемником местных р274 god-Его приветствовали как "спасителя", "вестника благой вести" и даже как "Бога, Сына Божьего". На Западе мода тоже

росла, хотя там требовалась определенная государственная инициатива. Храмы и алтари были построены по всей Испании, Галлии и на границе с Германией, и даже в Мезии и Паннонии, а великий алтарь, освященный Друзом в Лионе, был печатью галльской лояльности. Для надзора за культом возникли коллегии жрецов-мирян, августалы, и поэтому в структуру империи были введены определенное представительство и ответственность на местах.⁴⁰

Этот культ, созданный на основе хладнокровного анализа фактов, был одной из самых успешных частей структуры Августа. Он держал его строго в рамках в Италии, ограничивая формами, которые имели древнюю санкцию и всеобщее одобрение, но за границей он позволил ему принять окраску каждой расы. Имперская церковь, у которой было единое вдохновение, обладала бесконечным количеством местных идиом. Это была тесная связь с Римом, поскольку, как я уже говорил, это был своего рода список отличий, на основании которого провинциалы основывали свой социальный ранг, а жреческие коллегии должны были существовать веками. "Такие титулы, как асиарх, Сириарх, финикиарх, происходящие от первосвященства культа Цезаря, уважались законодательством Константина и сохранились подобно призракам языческого прошлого, чтобы какое-то время преследовать жизнь новой вселенской церкви".⁴¹ Это отвечало требованиям мира, который искал Мессию, указывая на то, что пришел тот, кто доказал свой титул, принеся людям дары мира и процветания. К величественной легенде о Риме это добавило интереса личности и тем самым обеспечило миру общий религиозный импульс. Универсальная религия стала основой для всеобщей преданности. Каждый гражданин империи чувствовал, что судьба, направившая его жизнь, теперь была благом, которым он мог с благодарностью восхищаться. Следует также сказать, что стандарт божественности был повышен, когда к этому сомнительному пантеону присоединился подлинный благодетель-человек.

Установленная таким образом гражданская религия не была государственным идолопоклонством, как мы понимаем это выражение сегодня. -Август не согласился бы с гегелевской точкой зрения, согласно которой "государство было само по себе целью" и что его интересы преобладали над интересами личности. Напротив, он считал, что ее оправданием являются комфорт и счастье индивида, поскольку придавал мало значения философским абстракциям. Он желал не единой железной, всепоглощающей верности, а множества интимных преданностей. Его целью было создать общественный патриотизм, который взывал бы к воображению всех классов империи и в не меньшей степени к их здравому смыслу. Как к этому относились граждане римской крови? Как итог старой лояльности и традиций Рима, окрашенных личной преданностью человеку, который спас их от хаоса. А провинциалы других рас? Также как подтверждение веры их предков, которая оставалась неприкосновенной при новом покровителе. Они приняли новое божество в свой пантеон, не отвергая ничего из старого. "Рома и Август" был не безжалостной силой, уничтожившей древние достопримечательности, а бастионом, созданным для их защиты.

V

Душа Рима В Риме Август вновь-создал душу, которая быстро умирала, и оставил идеал, за который лучшие люди должны были цепляться на протяжении многих поколений. Но эта душа не смогла удержаться на тех высоких уровнях, к которым он и его поэты привели ее. *Авария* вернулась, и материальное процветание ослабило ее силу. Вскоре наступило пресыщение высокими усилиями, и натянутый лук расслабился. Еще при жизни принцепса Овидий сменил Вергилия, и Овидий был не причиной, а симптомом морального упадка; поэт лишь описывал то, что видел. Но одна часть работы Августа не провалилась. Он сделал Рим символом человеческих устремлений, а его вечность - символом веры. Должно было наступить время, когда ее голос, когда-то такой дерзкий, стал

"confusae sonus urbis et inlaetabile murmur."

Но в мрачные дни, когда варвары ломались в ее ворота, традиция Августа сохранялась, и жители отдаленных провинций оплакивали ее печали как конец своего мира. Вместе с Римом пала и церковь, и государство, церковь, все еще находящаяся в огромной тени своего основателя.

Приди, узри свой Рим, который теперь скорбит
Об одиночестве и вдове; день и ночь она взывает

: "Мой цезарь, зачем ты оставляешь меня одинокой?"⁴²

Примечания автора:

¹ А. Д. Нок, *Обращение*, 218.

² "vili sanguine," *Ann.*, I.76.

³ например, *Cic. выключен*. I.42.150.^o

⁴ Саллюстий, *Kat.*37; ПриложениеII. 120.

⁵ римляне были на удивление равнодушны к крови, о чем свидетельствуют не только их спортивные состязания, но и религиозные обычаи, такие как "тауроболиум" и "криоболиум". Эту черту характера разделяла раннехристианская церковь. Метафоры гимна Купера "Есть источник, наполненный кровью", которые кажутся нам грубыми, римлянину показались бы естественными и уместными.

⁶ Cic. *ad Fam.* VII.1; Dio XLIII.19. See also Tac. *Ann.* XIV.42кв..

⁷ Единственная система общего образования была создана в провинциях из-за желания провинциалов овладеть латинским языком.

⁸ См. Warde Fowler, *Soc. Жизнь в Риме*, глава VI.

⁹ Сентябрь. *День. августа.* 42. Смотрите по этому вопросу С. Barbacallo, *Lo stato e l'istruzione pubblica nell' impero Romano* (1911).

¹⁰ σχῆμα καὶ βᾶμα ἀλλ' οὐ σχῆμα καὶ τριώβολον.

¹¹ Описание этой практики см. в ПерсииI.15кв.

¹² *Признаться.* VI.3. Этой ссылкой я обязан мистеру К. С. Льюису, "Аллегория любви"(1936), 64-5.

¹³ Фраза Эпиктета, III.23, 30; ср.Персий III.66кв.

¹⁴ *Ср. Гор.Ер. I.16.73; Платон, Апология, 29.*

¹⁵ "Deus pertinens per naturam cuiusque rei, per terras Ceres, per maria Neptunus, alii per alia poterunt intelligi." Cic. *De nat. Deorum*, II, XXVIII.71. Обратите внимание на конструкцию "Deus . . . poterunt."

¹⁶ Слова Сенеки почти совпадают со словами Нового Завета: *ср. Ер. LI.6, LXXVIII.16.*

¹⁷ *Ibid.*, CVII.2.

¹⁸ *Med.* XII.27.°

¹⁹ *Суэт. Див. Августа. 90-92.*

²⁰ *Исповедоваться. III.4. См. стр. 67 выше.*

²¹ *Cf. Ovid, "expedit esse deos et ut expedit esse putemus," Ars amat. I.635.*

²² Этот момент хорошо освещен в "*Августе*" Ростовцева ("Университет Висконсинских исследований", № 15), 134 кв.

²³ Парафраза Теннисона из "*повторной природы*" III.18-22.

²⁴ *Ср. рассказ Ливия (XXXIX.8кв.) об умеренности, проявленной при подавлении вакхических обрядов в 186 году до н.э., когда были приняты меры для добросовестных верующих.*

²⁵ старомодных- людей были немного обеспокоены вторжением. Проперций (IV.1.17) описывает древний Рим как место, где "не было никаких внешних источников божественного".

²⁶ У Лукреция II. 608 кв.

²⁷ Посмотрите историю Луция, рассказанную Апулеем в книге XI его *Метаморфоз*.

²⁸ Ср. Персий V.179 кв.

²⁹ Manilius II.115.

³⁰ Этот режим описан Уолтером Патером в "*Мариусе Эпикурейце*", гл. 3.

³¹ *Метаморфозы*, Книга XI. Это пересказано проф. Нок в своем *Обращении*, глава XI, работе, в которой блестяще рассматривается весь вопрос.

³² Тенни Фрэнк, *Аспекты общества. Поведение в Анс. Рим*, 63.

³³ Цитируется Ноком, указ. соч.

³⁴ "Vae, inquit, puto deus fio," Suet. *Div. Vesp.* 23.

³⁵ Примерами — до Александра — являются Лисандр после Эгоспотами в 405 году до н.э. и Дион в Сиракузах в 356 году до н.э.

³⁶ Сципиону Африканскому были предложены полубожественные почести. Ливий, XXXVIII.56.

³⁷ Латин стал Юпитером Латиарисом, а Ромулу поклонялись как Квирину.

³⁸ "Гений" имел двойное значение — бога как творческого духа и демона личности (ср. Августин, *гражданский. Dei* VII.13), и на последнее значение слегка повлияло первое.

³⁹ В Кумах, ПUTEОЛАХ, Помпеях, Беневенте и других местах. См. Рашфорт, *лат. История. Надписи*, 51-61.

⁴⁰ Эта тема была исчерпывающе рассмотрена Уордом Фаулером в "*Религиозном опыте римского народа*" (1911) и "*Римских представлениях о божестве*" (1914), а также в монографиях Л. Р. Тейлора "*Божественность римского императора*" (амер. Philolog. Ass., 1931) и "*Поклонение Августу*" (амер. Philolog. Ass., 1920). See also P. Wendland, *Die Hellenistisch-Römische Kultur* (1907).

⁴¹ Гринидж, *указ. соч.*, 444.

42

Vieni a veder la tua Roma che piagne

vedova e sola, e dì e notte chiama:

"Cesare mio, perchè non m'accompagne?"

Глава IV

Августовский мир

Venient annis saecula seris,
quibus Oceanus vincula rerum
laxet, et ingens pateat tellus,
Tethysque novos detegat orbes,
nec sit terris ultima Thule.

СЕНЕКА, *Медея*.

Я

Август дал империи душу, и он также потрудился исправить дисгармонии ее тела. За полвека до Actium путешествие по древнему миру было игрой с судьбой. Человек, отправляющийся в путь по своим законным поводам, должен был считаться с определенным дискомфортом и почти несомненной опасностью. В Италии дороги кишели разбойниками и беглыми рабами, и путешественник мог навсегда исчезнуть в одной из невольничьих темниц. В провинциях из-за войн многие дороги вышли из строя, и, за исключением окрестностей городов, здесь не существовало полицейской системы. Пошлины на товары взимались капризно и коррумпированно, и торговцам часто приходилось покупать безопасность, платя шантажом. На море торговец оказывался во власти каперов — киликийских пиратов в Леванте и энтузиастов-любителей, таких как Секст Помпей в западном Средиземноморье.

Этот Принцепс произвел чудесные перемены. В Италии он сильной рукой подавил бандитизм и изгнал пиратов со всех морей. Его легионы охраняли провинции вплоть до крайних варварских пределов. Он превратил итальянские дороги в чудо эффективности и создал или завершил аналогичную сеть за границей. Вехи и столбы на перекрестках указывали путнику направление. Карты были найдены в каждой образованной семье, и с помощью р278них римская девушка могла следить за передвижениями своего возлюбленного, служащего на каком-нибудь отдаленном фронте. Большая карта мира, подготовленная Агриппиной для Августа, была выставлена на всеобщее обозрение в Портике Випсания на Марсовом поле. Правительство покровительствовало географам и исследователям и оказывало им помощь. Старые космографические представления изменились; идея опоясывающего океан течения была отброшена, и теперь общей концепцией было

то, что Африка и Азия соединяются вместе где-то на юге. Имперские посты облегчали официальную связь между всеми частями империи; постоянные дворы улучшались вместе с дорогами, и через каждые пять-десять миль появлялись почтовые станции. Тюрьмы для рабов часто проверялись, чтобы предотвратить случаи незаконного тюремного заключения. Гавани повсюду были благоустроены, а снабжение Рима зерном стабилизировалось благодаря учреждению регулярных парусных линий.¹ В таких портах, как Остия и Путеолы, существовал огромный механизм судовладельцев, судоремонтников и морских брокеров.

Передвигаться по суше по хорошо вымощенным дорогам можно было в основном в каретах и носилках; по плохим дорогам, которые были подвержены оползням и наводнениям, мужчины передвигались верхом или пешком. Суда часто были значительных размеров, регистром до тысячи тонн,² и многие из самых крупных имели в качестве портов отправления отдаленные места в Испании и Аравии. В цивилизованных странах путешествие по суше, вероятно, было более быстрым и надежным, чем в любое более позднее время до эры пара.³ Весть о смерти Нерона дошла до Гальбы через тридцать-шесть часов, когда он преодолел • триста пятьдесят миль испанских дорог, и они не всегда были одними из лучших. Обычный путешественник мог делать в среднем пять миль в час, а двадцать миль в день были по силам пешему пассажиру. В море корабль при попутном ветре мог развивать скорость не менее пяти узлов, ир279имеются записи о нескольких замечательных плаваниях; расстояние от Александрии до Путеол можно было преодолеть за девять дней, а от Гадеса (Кадис) до Остии - за семь.^a Но это было для летней погоды; зимой Средиземное море было практически закрыто для морского-судоходства, и все, что можно было сделать, - это ползти из порта в порт вдоль побережья. Этезианские ветры тоже дули в середине-июля с северо-запада, и хотя они быстро проделали путь из Рима на Восток, они практически на шесть недель перекрыли всякое судоходство в западном направлении. И все же справедливо можно сказать, что морские коммуникации были самыми быстрыми из всех, известных в Европе до девятнадцатого века, и что во многих частях Средиземноморского бассейна — в Сирии и Палестине, в Малой Азии, во Фракии и Македонии — при Августе существовал уровень комфорта и безопасности, который не достигнут-по сей день. Дань уважения Эпиктета была вполне заслуженной: "Цезарь добился для нас прочного мира. Здесь нет ни войн, ни сражений, ни грабителей, ни пиратов, и мы можем путешествовать в любое время суток и плавать с востока на запад".⁴

Золотая вежа В 20 году до н.э. в северной части Форума была установлена Золотая вежа , на позолоченной бронзе которой были выбиты названия главных городов империи и их удаленность от столицы. От него, подобно спицам колеса, расходились шоссе, которые вели к итальянскому побережью или границе - первым этапам заграничных путешествий. От Porta Capena отходила Великая Южная дорога, Виа Аппиа, которой уже три столетия. Сначала это было пригородное шоссе, вдоль которого тянулись виллы и загородные усадьбы. Когда он покинул Альбанские холмы, в Помптинских болотах был плохой участок, который не ремонтировался должным образом до времен Тиберия. Его старой конечной

станцией была Капуя, но ответвление вело к большому порту Путеолы и побережью под Везувием. Из Капуи он продолжался до Беневента, где к нему примыкала Виа Латина, а оттуда через кампанские виноградники, откуда производились фалернские и массикские вина, до Тарента и горных пастбищ Калабрии. Ответвлению на Бриндизи, как мы знаем из Горация, нечем было похвастаться р280, и ему пришлось ждать, пока Траян войдет в число хороших дорог. Великая Северная дорога, Виа Фламиния, выходила из города через Ворота Фламинии и шла на север через кукурузные поля Этрурии и через Апеннины к Ариминуму (Римини), где в 27 году до н.э. Август установил триумфальную арку в честь реконструкции шоссе. От Ариминума она разветвлялась на две: одна шла вдоль Адриатического побережья к Аквилее, воротам северо-востока, в то время как другая, Виа Эмилия, огибала подножие Апеннин, пересекала широкую долину реки По и вела в Галлию и на Север через Альпийские перевалы. Виа Салария тянулась на северо-восток от Рима через холмы Умбрии к Адриатическому морю, а Виа Аврелия через Пизу и Геную была прибрежной дорогой в Галлию. Это были главные артерии, национальные маршруты, но было множество дорог поменьше, пронизывающих каждую часть полуострова. Лицо Италии никогда не было таким улыбочным, как в начале правления принципата. Там, где сейчас дикие долины в Апеннинах, тогда были свои деревушки и поместья, на-морском берегу стояли загородные дома, а девять месяцев в году унылые пустоши Кампании белели от овец.

II

Давайте попробуем-взглянуть с высоты птичьего полета на разнообразные земли, на которых мир времен Августа лежал подобно летнему полудню. Представьте себе образованного римлянина на рубеже веков, у которого были досуг и средства, чтобы совершить путешествие по известному миру. От принцепса он получил разрешение посещать запретные страны, такие как Египет, а от своих банкиров - дорожные чеки, которые их агенты обналичивали в самых отдаленных местах. Давайте проследим за его маршрутом. Естественно, сначала он обратил свой взор на Восток.

На третьей неделе июля северо-западный ветер превратил Бриндизи в оживленную гавань, поскольку был сезон вывоза шерсти с калабрийских овчарен. Греция Для путешественника на восток первым, что он увидел на материке, были р281белые храмы Никополя (Превеза), города, основанного в память об Актиуме на северном берегу Амбракийского залива. Это было процветающее место с тех пор, как Август основал там римскую колонию, и жители обедневшей Этолии толпами устремились к новому основанию. В остальном первое впечатление было разочаровывающим. Закинф все еще был густо покрыт лесами, но города Кефалении исчезли, а Лисимахия на материке лежала в руинах. Но Патры (Patras) на южном берегу Коринфского залива были еще одной оживленной римской колонией, основанной Августом для X и XII легионов, и туда мигрировали многие жители старых ахейских городов. Здесь была развита льняная промышленность, и как порт он

занимал стратегическое положение для торговли. Расположенный на берегу Персидского залива Коринф, вновь-основанный Юлием, обладал таким же преимуществом и на сегодняшний день был самым процветающим из греческих городов. За перешейком берега Саронического залива представляли собой печальное зрелище. Мегара пришла в упадок, и Афины больше не были царицей Эгейского моря. Почва Аттической равнины, никогда не отличавшаяся плодородием, теперь была полностью обработана, как некоторые из старых табачных угодий Виргинии до-наших дней, и пашня повсюду уступала место грубым пастбищам. Там, где когда-то был знаменитый рынок, все еще торговали медом из Гиметта и мрамором из Пентелика, хотя новые каррарские карьеры снизили спрос Италии на последний. Главной статьёй экспорта предметов роскоши были изделия из бронзы для украшения богатых римских домов. Афины стали музеем мира, местом, которое стоит посетить во время большого тура ради его древней славы, а также университетским городом для тех, кто искал более сложный курс философии, чем тот, который предоставляли римские школы. Слава покинула Элладу, ибо ее главным экспортером долгое время были ее граждане. Будучи торговцами, учителями, врачами, греки были разбросаны по всей империи, сколотив состояния на сотне ремесел, и маленькая страна осталась убогой и унылой. Наш путешественник, если в нем есть хоть что-то от филэллина, должно быть, покинул Пирей без особых сожалений.

Египет Совсем иное зрелище предстало его взору, когда этезианцы пронесли его мимо Киклад и Родоса туда, где высокий александрийский фарос нес вахту над мелководными р282 Здесь был город многих рас и языков, и среди его полумиллионного населения⁵ были египтяне, греки, анатолийцы, персы, сабейцы и множество евреев. Его огромные морские гавани и сеть поперечных каналов, соединяющих все устья Нила, были переполнены судами из всех портов земного шара, а канал через Горькие озера к Арсиное в Суэцком заливе давал городу выход к Востоку. Его широкие улицы были окаймлены тенистыми колоннадами, и повсюду стояли благородные общественные здания, такие как Музей, учебный колледж штата и великая библиотека, которая была одним из чудес света. Над гаванью бросался в глаза новый и великолепный храм, возведенный в честь Августа, в который весь Египет приносил жертвоприношения по обету.⁶ Там наш путешественник чувствовал себя как дома, но странными для его глаз были египетские святилища, где поклонялись животным богам с экзотическими обрядами. Он оказался среди разношерстного народа, образованного, возбудимого, жадного до всего нового, фамильярно говорящего о самых отдаленных землях, ибо к их городу вели торговые пути из самых отдаленных мест. Они охотно говорили об искусстве и литературе, но особенно о коммерции, ибо коммерция была дыханием их существа. Из Александрии отправлялись не только огромные партии зерна для Рима, но и порфир и серпентин, кирпичи особого качества, красный и серый гранит, бумага из папируса, квасцы и красители, а из ее мастерских производились разнообразные изделия — тонкое полотно, изделия из металла, ювелирные изделия и тончайшая стеклянная посуда. Но прежде всего город был торговым центром, куда поступали товары из Аравии, Индии и даже Китая для транспортировки на

запад. Специи и лекарства, камедь и парфюмерия, редкие драгоценные камни, слоновая кость, черепаховый панцирь и тонкие шелка заполняли его благоухающие склады.

Когда наш путешественник, насытившись столицей, направился на юг по лабиринту водных путей к долине Нила, он оказался в природном заповеднике. Египет был защищен с севера Дельтой, а с другой стороны - песчаной пустошью, и через нее протекала великая река, которая была его жизнью. К югу, за первым порогом Нила, лежало Эфиопское королевство, которое представляло собой всего лишь свободный союз пустынных племен, в то время как с востока и запада никакой опасности опасаться не приходилось. Тем не менее, на земле был полный гарнизон, поскольку Рим не осмеливался рисковать своим зернохранилищем. Форты, подобные шелушащимся башням, контролировали все точки обзора. Таким образом, на-день жизненно важной проблемой была защита ирригационной системы, которая еще до появления Actium пришла в упадок. Август расширил и улучшил каналы и дамбы,⁷ и, продав часть королевских владений, поощрил крестьян-собственников. Феллахи в своих глинобитных хижинах имели преимущество в виде более справедливого налогообложения и полной безопасности.

Египет для путешественника был очарователен сам по себе, но еще больше как пограничный пункт таинственного Востока и сказочного Юга. На его улицах он мог встретить людей, отважившихся отправиться далеко в неизведанное. Некоторые побывали за пределами земель эфиопов и привезли оттуда рассказы о снежных горах, где берут начало истоки Нила.⁸ От Копта (Куфт) на реке немного ниже Фив на восток пролежала тщательно охраняемая дорога, по которой за шесть или семь дней караваны могли достичь порта Миос Хормос (Коссейр) на Красном море. Это был маршрут для той части восточных товаров, которая не шла через Арсиною и каналы или по великой дороге, которая вела через Петру в Сирию. При Августе этот товар превратился в обычную торговлю. Во времена Птолемеев, сообщает нам Страбон, менее двадцати кораблей в год проходили через Баб-эль--Мандебский пролив, в то время как теперь это число увеличилось в шесть раз.⁹ Товары, доставлявшиеся в Миос Хормос, были частично камедью и пряностями из Аравии, но в еще большей степени продуктами Индии и Дальнего Востока. Где-то на рубеже веков морской капитан по имени p284Гиппал¹⁰ обнаружил потрясающий факт периодичности муссонов, и корабли, вместо того чтобы держаться побережья, теперь могли плыть прямо к устью Инда, начиная с летнего солнцестояния и возвращаясь в Александрию в феврале следующего года. Римские деньги циркулировали в Индии, римские и греческие культы достигли ее берегов, в Майсуре был возведен храм Августа, а индийские торговцы были обычным явлением на улицах Александрии. В течение столетия Индия должна была стать, после Италии, главной производственной площадкой для империи.¹¹ Она посылала Риму предметы роскоши, в то время как обратные грузы Рима были такими же, как у более поздних эксплуататоров, — вино и дешевые изделия массового производства. Торговцы не останавливались на Малабарском побережье; они обогнули мыс Коморин, посетили Цейлон, начали продвигаться в Малайю и вскоре

оказались у границ Китая, хотя китайские товары по-прежнему доставлялись в основном сухопутными путями к Черному морю или долине Тигра. Они также отправились на юг в поисках слоновой кости и золота, на Занзибар и в Мозамбик, где им предшествовали сабейские арабы. Ни один город в истории, даже Венеция в средние века, не мог сравниться с Александрией в рассказах путешественников.

Сирия Прибрежная дорога из Египта в Сирию претендует на звание самой известной из всех дорог в истории. Вверх и вниз по склону к морю маршировали великие армии Египта и Ассирии, в то время как евреи со страхом взирали на это со своих бесплодных холмов. От Сеннахериба до Марка Антония эта полоса равнины была воротами, у которых сталкивались империи. Это был маршрут как для торговли, так и для поставок оружия; и теперь, после заключения Августовского мира, караваны из Египта шли вдоль берега до Газы, где находился важный узел дорог. Одна ветвь шла на восток через страну Идумеев к Петре в пустыне, другая шла на северо-восток к Иерусалиму, а главная ветвь продолжалась на север через равнину Аскалон. Эта последняя, в свою очередь, разделялась на равнине Шарон: западная дорога шла вдоль побережья через Кесарию, Тир, Сидон и Берит (Бейрут), пока не достигала Селевкии, порта Антиохии; восточная пересекала холмы Эфраима до равнины Ездраэлон, откуда ответвлялась на Дамаск, а оттуда спускалась по долине Оронта к Эмесе и Антиохии.

В прошлом Сирия произвела на свет выдающуюся породу моряков, но теперь ее порты были всего лишь воротами в крупные города внутренних районов страны. Из них Иерусалим среди своих холмов был обязан своей славой своей религии и своему упрямому народу, но остальные были рынками высокой важности. Антиохия, до которой можно было добраться по воде из Селевкии, уступала только Александрии в коммерческой репутации. Расположенный в цветущем саду, это был город дворцов, улицы которого по ночам искусственно освещались, как в современной столице, а в домах была подведена вода, место обмена товаров Востока и Запада, ближайший пункт к Евфрату и средоточие сети торговых путей. Дамаск, орошаемый ливанскими снегами, также был городом-садом, расположенным посреди фруктовых садов, торговым центром, но также и домом многих ремесел и отраслей промышленности. Отсюда караваны направлялись к Евфрату через чудесный город Пальмиру, о богатстве которого в Риме уже ходили легенды. В Антиохию и Дамаск поступала значительная доля сухопутных перевозок из Индии, а далеко на юге в город-крепость Петра, расположенный на скалах над набатейскими песками, поступала большая часть продуктов Аравии. Римский мир становился все менее прочным по мере того, как он распространялся на восток. Там было множество сварливых князьков, и, как хорошо было сказано, карта Сирии была похожа на карту Германии восемнадцатого века. Бедавины пустыни были беспокойными соседями даже тогда, когда перестали быть кочевниками, а за Евфратом лежала Парфия с ее плохо-очерченной границей. Рим при Августе никогда не имел менее четырех легионов в качестве гарнизона, гарнизона, который в любой момент мог превратиться в полевую силу, помимо вспомогательных войск

в укрепленных башнях для наблюдения за переправами через Евфрат. Хотя Сирия была защищена морем на западе и горами на севере, а на востоке и юге - пустынями, она никогда не была, подобно Египту, оградой постоянного мира. Путешественник чувствовал за его процветанием определенную непринужденность, р286а его роскошь была привычкой людей, для которых жизнь всегда была чем-то вроде азартной игры.

Об этом процветании не могло быть и речи. Тому, кто приезжал из Египта, где в конце лета воздух томно нависает над полноводными водоемами, сирийская атмосфера, даже на равнинах, казалась тонизирующей и ароматной. Стояла невыносимая жара, но она придавала путешественнику сил. Как только они миновали пустыню, со всех сторон его встречали свидетельства богатства. В Берите, который был колонией Агриппы и оставался самой римской частью страны, славилась виноградники и плантации льна; Шарон был садом; Тир и Сидон все еще были родиной пурпурных красок; долины были богаты урожаями, и даже на иудейских холмах в изобилии росли участки хорошей почвы; большие города были промышленными ульями; каждая гавань была забита кораблями; многочисленные дороги были забиты автоколоннами, в том числе вереницами верблюдов из-за пустынь, которые казались непривычными римскому глазу. Нынешняя-Сирия мало похожа на Сирию Августа. Тогда в нем проживало около десяти миллионов человек; стратегически это была одна из самых жизненно важных частей империи и величайший из производственных центров. Районы, которые сейчас бесплодны, тогда были продуктивными, поскольку почва не была перегружена и не было недостатка в воде. Огромные леса, которые сейчас встречаются лишь отдельными участками на территории Ливана, были тогда широко распространены, так что ручьи текли полноводно, а дожди шли в положенный сезон. Сложная система каналов и водохранилищ орошала то, что сегодня - является песчаными отходами. Недавние раскопки выявили тот факт, что в стране к северо-востоку от Пальмиры, где сейчас нет человеческих жилищ, тогда было двадцать четыре храма и пастбища, на которых разводили самых известных лошадей в мире.

Сирийская культура Сирия была не самой легкой из проблем Августа. Там была Иудея, периодически извергающийся вулкан и открытая граница с Парфией. Богатство городов нуждалось в постоянной охране, и эта обязанность полностью легла на Рим. Местные жители не были воинственной расой, и о мнении римских солдат о них можно судить по надписи, нацарапанной на валуне: "The p287Сирийцы - мерзкий народ".¹² У них была почти такая же репутация, как у евреев в-наши дни, репутация людей, которые пойдут куда угодно и сделают что угодно в плане бизнеса, коммивояжеров в эксельсисе, и мы находим их следы в самых отдаленных северных и западных частях империи. В Риме, как горько жаловался Ювенал, река Оронт впадала в Тибр.¹³ Сирия была предшественницей Венеции и Генуи в роли посредника между Востоком и Западом. Но римлянин, зимовавший в Антиохии или Дамаске, узнал, что у этого народа есть еще одна характерная черта. Страна была практически трехязычной, с латынью, греческим и арамейским языками, но, за исключением Берита, специфическая римская культура практически не

продвинулась вперед..- Эллинская и семитская ветви смешались и породили их собственную интеллектуальную активность и быстрый интерес к гуманитарным наукам. Малые искусства процветали; сирийские актеры и музыканты были в изобилии на западе, а Публилий Сир за пятьдесят лет до этого представил пантомиму Риму. Из маленького городка Гадара вышли Мелеагр, поэт "Гирлянды", Менипп, философ-киник, Теодорус, ритор, лекции которого на Родосе посещал Тиберий, и Филодем, который был учителем Вергилия. Сидон столетием ранее произвел на свет Антипатра, чьи эпиграммы украшают *Греческую антологию*. Посидоний, модный профессор-стоик в Риме, был сирийцем; действительно, эта философия привлекла с Востока некоторых из своих главных представителей, поскольку ее основатель Зенон был семитом. Этот интерес к вещам разума сохранялся веками и оказал глубокое влияние на мышление империи, на науку и философию, на религию и право, на прозу и поэзию. Сирийских кровей были Ямвлих и Гелиодор, первые романисты; Лукиан-сатирик; Николай -историк; Порфирий и Ямвлих - неоплатоники-; юристы Ульпиан и Папиниан; и множество христианских отцов, ортодоксальных и еретических.

Малая Азия У путешественника, возвращавшегося из Сирии в Рим, когда открылись весенние рейсы р288, был выбор маршрутов. Обычный план состоял в том, чтобы сесть на корабль из Александрии. Или же он мог отправиться по суше через перевалы Тавра через столовуюАнатолию в какой-нибудь порт на Черном море, а оттуда по воде в Фессалию и на восточную конечную точку Виа Эгнатия. Или, если у него было достаточно свободного времени, каботажное судно доставляло его вдоль берегов Азии в Византию. Для среднего римлянина второй маршрут мало привлекал. Это было достаточно безопасно, поскольку буферные государства Коммагена и Армения охраняли фланги с востока; но дорога вела по высокому плато, которое в лучшем случае было однообразным и пыльным. С другой стороны, каботажное плавание привело его в страну, ставшую классической благодаря литературе и истории, среди островов и городов, которые он почитал как колыбель цивилизации.

Анатолийские дороги не достигли того совершенства, которого достигли в более поздней империи. Малая Азия была прежде всего прибрежной зоной, усеянной городами, некоторые из которых эксплуатировали значительные внутренние-территории. Это была мирная провинция, и поэтому она находилась в ведении сената, и Эфес, по-видимому, был главной резиденцией правительства, а Пергам был близким соперником. Каждому городу было разрешено сохранить свою древнюю конституцию, которая давала ему самоуправление, и все они, сильно пострадав в гражданских войнах, были энтузиастами новой империи и ревностными приверженцами культа "Рома и Августа".¹⁴ Родос больше не был столицей восточного Эгейского моря: Эфес, Смирна, Кизик, Пергам и Милет были важнее, а внутренние муниципалитеты, такие как Фиатейра, Сардис и Лаодикия, служили питателями для морской- торговли. Когда-то "царская дорога" в Персию проходила по Меандру, но теперь Сирия заняла ее место как ворота Востока. Долины рек, как

тех, что выходят из Эгейского, так и из Черного морей, были высоко возделаны, и с холмов привозили лучшую шерсть, но однородными были только прибрежные земли; с богатых равнин Памфилии путешественник, направлявшийся вглубь страны, попадал в Писидию, страну полудиких горцев, р289а выносливые галаты имели мало общего с мягкими лидийцами. Полуостров, когда-то служивший мостом между Востоком и Западом, теперь утратил большую часть своего стратегического значения, но он быстро завоевывал новое процветание. Наряду с Кипром здесь добывались почти все известные минералы, все драгоценные металлы и широкий ассортимент драгоценных камней. В Италию она отправляла вино, масло, сухофрукты и различные ценные породы дерева; но ее основной отраслью промышленности был текстиль — коанские шелка, милезийская шерсть, ковры и одеяла, а также крашенные ткани из Лаодикии. Каждый порт был оживленным центром, поскольку впервые за столетия в стране установились честное правительство и мир.

Путешественник заметил еще одну вещь. Азия состояла из слоев древних цивилизаций, ионической, эллинской и эллинистической, и ее культура постоянно оставалась эллинской. Официальным языком была латынь, но Рим в еще меньшей степени, чем в Сирии, навязывал стране свой образ мыслей. Храмам Августа усердно служили, но они не могли сравниться по великолепию или славе со старым святилищем, подобным святилищу Артемиды в Эфесе. Существовало только две римские колонии, Александрия в Троаде и Париум на Пропонтиде; ни в одном городе не было корабля латинских граждан; не было никаких попыток латинизации, за исключением нерешительной попытки возвеличить Илион, или Трою, как колыбель Рима. Римлянин, посетивший сверкающие города на берегу Эгейского моря, понял, что здесь, а не в самой Греции, сохранилась эллинская традиция, и почувствовал себя в стране, во многих отношениях более чужой, чем Сирия или Египет.

Если позволяло время и наш путешественник, прежде чем завершить свой последний путь домой по великому Македонскому тракту, отправлялся на север от Византии, он оказывался в совершенно другом мире. Виноградные лозы и оливки уступили место елям, южные торговцы - рыбацким лодкам, а залитое солнцем Эгейское море - серым водам Эвксинского залива. На северном берегу лежало маленькое Боспорское царство, которое обрабатывало плодородную черноземную почву степей и снабжало ближайшие города Азии кукурузой. Это был самый дальний форпост римской власти, поскольку к западу от него располагались крымские скифы, а к востоку и северу - сарматские племена, остатки великих кочевых народов р290Центральной Азии. Путешественник в столице Боспора слышал такие грубые имена, как Япигес, Роксолани, Алани и Аорси, которые должны были быть слишком хорошо знакомы его внукам, и понял, что находится совсем рядом с краем света.

III

Африка Посетитель Африки садился на корабль в Путеоли в Неаполитанском заливе, самом оживленном порту Италии и одном из главных промышленных городов, поскольку сюда привозили для переплавки железную руду с Эльбы, а на гончарных заводах производили красную-глазурованную посуду из арретина. Целью его путешествия был Карфаген, знаменитый город, который из-за страхов республиканского Рима был заброшен, но который Юлий и Август очень мудро-заново основали. Он уже был главным африканским центром и быстро восстанавливал свое древнее богатство. Его ремеслами были выдувание стекла и крашение, но его главное значение заключалось в том факте, что это была гавань, из которой отправлялись африканские сельскохозяйственные продукты. Из этих продуктов главным была кукуруза, и экспорт в Египет уже быстро увеличивался. Говорили, что урожайность пшеницы в Африке в четыре раза превышает урожайность того же зерна в Египте и на Сицилии. Каждый-очевидец соглашался с богатством почвы; для Горация Африка была прежде всего- "плодородной землей", для Колумеллы - "изобильной кукурузой", а для Плиния старшего - "избранным домом Цереры". Земледелие велось новыми методами, поскольку склоны холмов были террасированы, а на разных уровнях росли пальмы и фруктовые сады, оливковые сады, огороды и пшеничные поля.

Жители были в основном берберами, хотя существовали различные колонии римских ветеранов и определенная примесь старого пунического населения. Городские жители были послушной расой, которая с радостью соглашалась на обряды "Рома и Августа"; но они также цеплялись за своих древних богов, и в большинстве городов были храмы Ваала и Танит. Только один легион, III Augusta, требовался для поддержания порядка и наблюдения за границей. Старая провинция Африка, современный Тунис, была теперь лишь Август отобрал Нумидию, которая примерно соответствовала тому, что представляет собой Алжир на-день, у ее короля Джубы и присоединил ее к провинции, в то время как взамен он отдал Джубе Мавританию (Марокко) и пока западные земли. Джуба был просвещенным правителем, и он превратил свою столицу, Иол Кесарию, в центр промышленности и образования, развил овцеводство в горах и леса из черного дерева и цитрусовых, экспортировал диких зверей для римского цирка и наладил процветающую торговлю пурпурной краской. Сердцем Африки при Августе была старая провинция с прибрежными землями Киренаики на востоке и Нумидийским плато на западе, а за последним находились защищенные владения короля Джубы. Не было никакой определенной южной границы, за исключением линии фортов, выходивших на Сахару. Сеть дорог связывала Карфаген и порты с богатыми долинами, такими как Баградас (Маджерда), а магистральная дорога шла вдоль побережья к Киренаике и, в конечном счете, в Египет.

Задача, стоявшая перед Римом, состояла в том, чтобы привлечь кочевые племена Нумидии и Мавритании к оседлой жизни. С этой целью были предложены щедрое пожертвования за восстановление болотистых и заросших кустарником земель, и,

по-видимому, с успехом; поскольку пахота начала заменять пастбища, и фермеры объединились в маленькие городки, почти такие же, как в-наши дни в Пикардии. Вскоре эти поселки должны были превратиться в города, которые в более поздней империи имели полный комплект храмов, бань и амфитеатров, построенных из желтого африканского мрамора, таких как тунисская Булла Регия и алжирский Тимгад. Чтобы сохранить мир, велись постоянные пограничные стычки с горцами Марокко и сахарскими племенами, такими как гараманты и гаэтули. Но в основном это была тихая и довольная земля, и доказательством тому является то, что она обратила свои взоры к далеким горизонтам. На западном побережье Марокко были поселения, и военно-морской флот Джубы проплыл мимо Геркулесовых столпов и открыл Канарские острова, привезя оттуда охотничьих собак и новую легенду о Счастливых островах. Быстрый ум бербера, подпитанный римским и пуническим влиянием, с готовностью обратился к интеллектуальным интересам. p292Со временем Африка должна была стать идеалом образованного римлянина, подобного деду Септимия Севера и Гордиану-старшему. Это должно было породить таких литераторов, как Фронтон и Апулей, юристов, таких как Сильван Юлиан, ученых, таких как Флор и Авл Геллий, богослова, такого как Тертуллиан, и в лице святого Августина оказать одно из главных влияний на человеческую мысль.

Испания Испания физически является южной страной, похожей на Африку, поскольку только в Пиренеях начинаются влажные мшистые леса, которые являются истинным признаком Севера. Ее южной границей во времена римской империи был не Гибралтарский пролив, а Марокканское нагорье, и из-за неустроенности Риффа богатства Бетики были ненадежны. Вот почему Август основал поселения на северном и западном побережье Марокко, по крайней мере одно из которых фактически находилось под властью испанского губернатора. Фермеры южной Испании импортировали баранов из Африки, и между двумя странами постоянно курсировали паромы из Ликсуса в Кадис и из Тингиса (Танжер) в Белу. Следовательно, путешественник поступил мудро, если он хотел осмотреть западную половину империи, сделав круг по часам и добравшись до Испании из ее естественной части.

Это была старейшая римская провинция на Западе,¹⁵ лет, и на завоевание ее ушло больше всего времени. Причиной этого было отчасти его естественное формирование, а отчасти характер его народа. Испания была страной с богатым побережьем, а внутри страны - высоким плато, поднимающимся на юге и северо-западе к значительным горам и изрезанным длинными, неудобно расположенными речными долинами. Коммуникации, за исключением огибающих побережье, должны были подниматься в ущелья и выходить из них, а также пересекать крутые хребты. Географически страна была дислоцирована и состояла из более или менее изолированных участков пригодной для жизни земли. Там было много рек, некоторые из них имели длинные русла и были судоходны на значительные расстояния — Гиберус (Эбро) и Сукро (Юкар) на востоке, Баэтис (Гвадалквивир) p293и Анас (Гвадиана) на юге, а также Тахо и Дуриус (Дору), текущие в Атлантику;

но они прокладывали дороги только для своих собственных долин. Страна была разделена на полутропический юг, высокое и засушливое центральное плато, давно заселенное средиземноморское побережье, а на севере и северо-западе - дикое нагромождение гор. Население приняло цвет окружающей среды. Основой был иберийский язык, вероятно, берберского происхождения, с примесью кельтского элемента, но без преобладания. Эти иберийцы были пастухами и охотниками на плато и в горах, а также отважными моряками на западном побережье, и они никогда не были так полностью романизированы, как галлы. Баски, которые представляют их по-сей день, даже в четвертом веке нашей эры были для римлянина Пруденция "*bruta Vasorum gentilitas*", и они все еще сохраняют свою древнюю независимость. Местные жители были разделены на такое количество маленьких племен — Плиний упоминает тридцать четыре из них только в Тарраконе, — что они не могли объединиться против захватчика, но трудности их страны сделали необходимым постепенно сокращать их численность. Не было единого нервного центра, по которому завоеватель мог бы нанести удар. Вот почему покорение Испании не было завершено до времен Августа и Агриппы, и для них это была нелегкая задача. Вдоль побережья существовало удивительное расовое разнообразие — римские колонисты, привезенные итальянские рабочие, реликвии всех мореплавателей, которые отважились побывать в Испании, от минойцев до карфагенян, но в других местах кельто-иберийцы были испанским народом.

Первый шаг Августа был политическим, перераспределение правительств. Двое республиканцев побывали в Испании Повсюду. Он отобрал Бетику (Андалусию) у последнего и выделил ее в отдельную провинцию под управлением сената. Он создал новую провинцию Лузитания (Португалия) и добавил к ней северо-западные территории, Галисию и Астурию, а все остальное включил в огромное правительство Тарраконенсис. Затем он энергично взялся за прокладку дороги. Из Галлии в Испанию вели три дороги — одна на западе через Ронсево в Пампелуну, одна через центральные Пиренеи в Цезароугусту (Сарагосу) и одна, Виа Домиция, на восточной оконечности. Они были продолжены как магистральные дороги через страну к южному и западному побережьям. Это были настоящие инженерные подвиги, поскольку им приходилось преодолевать высокие перевалы и наводить сложные мосты. Он также завершил строительство большой цепи прибрежных магистралей; в этом отношении Испания была противоположностью Галлии, поскольку там дороги расходились лучами от центра, в то время как в Испании значение придавалось периферии.

Мерида Он также много сделал для строительства новых городов и усиления старых в стратегических точках во внутренних районах страны, городах, которые должны были доминировать над новыми дорогами и стать центрами римского влияния. Примерами являются Астурика-Августа (Асторга) на северо-западе, Сарагоса на Эбро, Эмерита (Мерида) на Гвадиане, Италика на равнине Гвадалквивир и Таррако (Таррагона), которые террасами возвышались над голубым Средиземным морем. Мерида, резиденция губернатора Лузитании, поражает дерзостью римского гения даже больше, чем акведук в Сеговии или мост в Алькантаре. V и X легионы,

разгромившие астурийцев, были поселены Публием Карисием в 25 году до нашей эры в новом городе на Гвадиане, который должен был стать не просто пограничным военным постом, а латинской столицей и образцом римской жизни.¹⁶ Отон и Веспасиан увеличили численность населения и обуздали Гвадиану, которую Пруденций описывает как "viridante rарax gurgite", но они не расширили город, и Мерида была полностью основана Августом. Здесь был мост из шестидесяти арок длиной в километр, по которому проходила дорога из Эспалиса (Севилья), набережная для защиты от затопления шестидесяти-шести бухт, три акведука, огромное водохранилище • в четырех милях отсюда, цирк и амфитеатр. Мерида была рождена в пурпуре, ибо ее создателем был Агриппа. От нее отходила на север вторая по величине испанская дорога, через Саламанку и Самору в Кастилию, Арагон и к морю. В восьмом веке арабские завоеватели были поражены его великолепием: "Можно подумать, - восклицали они, - что люди собрались вместе со всего мира, чтобы found this city"; and still over the squalid modern pueblo".

Римлянам Испания казалась богатейшим из их владений. О ее необычайном богатстве ходили легенды, и ходили слухи, что в Бетике у лошадей были серебряные кормушки. Здесь было мало ремесел и мануфактур, но было все остальное. На побережьях и в долинах производились вино и масло, пшеница и лен, всевозможные фрукты и трава эспарто для итальянских виноделов, в то время как в портах шла оживленная торговля маринованной рыбой и соусами. Испанский мед тоже был знаменит. Но его главным богатством были полезные ископаемые, которые вскоре стали монополией императорского дома, а сама Ливия владела крупными горнодобывающими предприятиями. В этом отношении это была, безусловно, самая богатая часть империи. Финикийские и карфагенские авантюристы первыми исследовали землю и проложили шахты, и даже во времена Полибия на серебряных рудниках, находившихся в руках римлян, работало сорок тысяч человек. Главными центрами добычи полезных ископаемых были южные сьерры и горы на северо-западе. Испанское серебро и свинец были лучшими на рынке, а также россыпное золото, олово, железо и медь, ртуть и киноварь и единственная известная в мире слюдяная жила. Испания была для Рима тем же, чем Перу было для самой Испании в шестнадцатом веке, почти сказочным Эльдorado. Методы добычи и обращения с рудой достигли высокого уровня развития; на месторождениях Рио-Тинто и поныне- можно увидеть глубокие римские шахты, пробитые без взрывчатых веществ в твердом кварце, и римский шлак с таким низким содержанием меди, что это поражает современных металлургов.

Путешественник в прибрежных землях восхищался изобилием почвы, но он удивлялся еще больше, если проникал вглубь страны и видел длинные вереницы мулов, груженных рудой, на горных тропах, а по ночам зарево печей на отдаленных пастбищах для овец. Испания в руках римлян, несомненно, процветала, но процесс латинизации был медленным. Три расквартированных там легиона поддерживали мир; поклонение "Роме и Августу" соблюдалось в главных городах, а алтарь в Таррако был испанским аналогом большого алтаря в Лионе. Но старые иберийских и кельтских богов не теряют своих преданных,¹⁷ и испанец был не так готов,

как в Галлии, чтобы взять на латинском шпона. Возможно, по этой причине из него получился лучший солдат. Люди с нагорья вскоре должны были составить костяк легионов и составить лучший вспомогательный корпус; и раса, придумавшая мавританскую, а следовательно, и норманнскую арку, не была лишена оригинальных талантов. Юг, действительно, быстро перенял новую моду, и Бетика, подобно Нарбонне, стала более римской, чем Рим. Кадис, например, мог похвастаться пятьюстами членами ордена всадников, и это число равнялось только одному итальянскому городу. Это была самая процветающая эпоха в истории Испании, и жизнь сельской знати в оседлых районах была такой же приятной и разнообразной, как все, что могла показать Италия. Там была замечательная порода лошадей, предметы первой необходимости и роскоши были одинаково дешевы, сады изобиловали фруктами и цветами, а холмы изобиловали дичью, хотя кролики доставляли немало хлопот любителю охоты.¹⁸ Римское влияние распространялось медленно, но верно, и если в 227 году до н.э. имена на надписях были такими неотесанными, как Магило и Бодедиус, то два столетия спустя они стали Антониями и Флавиями.¹⁹ Из Испании должны были приехать многие из главных фигур имперской литературы, Лукан и два Сенека, Марциал, Квинтилиан, Помпоний Мела и Колумелла, а также такие знаменитые императоры, как Траян и Адриан.

Мы видели, что Август с самого начала принципата уделял особое внимание Галлии, проводя новые территориальные деления, собирая народ и обеспечивая защиту ее восточной границы. Это было особой обязанностью его дома, ибо за семь чудесных лет Юлий перенес орлов из Средиземного моря в Северное и из Рейна в Атлантику. Стратегически он занимал жизненно важное положение в p297 empire; it paid as much in taxation as Egypt; it provided the army with the best cavalry, людьми и лучшими лошадьми. Из всех провинций именно эту с наибольшей вероятностью посещал праздный римлянин. Наш путешественник, совершающий свой западный тур, естественно, въехал бы в него с северо-востока Испании по Виа Домиция, Немаусу (Ним) и Арелате (Арль). Другие маршруты пролегали морем из Остии в Массилию (Марсель) для тех, кого не пугал Лионский залив, или по большой прибрежной дороге вдоль Ривьеры. Последнее было самым любимым, поскольку содержалось в хорошем состоянии, поскольку это была одна из самых оживленных магистралей в империи. Тот, кто проезжал мимо него, мог увидеть кое-что из тех долин западных Альп, которые Август привнес в римский мир, и высокий монумент на склоне холма над Монако, увековечивающий это достижение.

Нарбоннец Нарбоннец, или южная Галлия, как провинция была старше завоевания Юлия. Он объединил в себе то, что сегодня является- Провансом, Лангедоком, Дофине, частью Савойи и уголком Швейцарии. По сравнению с остальной Галлией ее организация была городской, поскольку это была прежде всего страна великолепных городов. Каждый город присоединял к себе территорию, которая когда-то принадлежала местному племени, и эта территория была неотъемлемой частью гражданской жизни. Его порты были известными торговыми центрами, к которым обращались купцы со всех стран; каждый акр земли интенсивно

обрабатывался, главным образом для выращивания винограда и олив, и он экспортировал свои вина так далеко, как Ирландия. Нарбоннцы действительно имели мало общего с остальной Галлией, будучи, как сказал Плиний старший, больше похожи на Италию, чем на провинцию. Его жители принадлежали ко многим расам и, будучи богатыми, вели миролюбивый образ жизни и, если уж на то пошло, чересчур цивилизованный, хотя в будущем ему предстояло произвести на свет таких воинов, как Агрикола, и императора, как Антонин Пий. Сомнения, которые иногда бросают в сторону галльской стойкости, можно отнести и к этой теплой и пригодной для жизни южной земле.²⁰

Кельтская Галлия Сильно отличалась от трех северных провинций, где преобладала чистая кельтская кровь, а более бедная почва и более суровый климат создавали более тяжелые условия жизни. Мужчины были выше римлян с тонкой костью, часто светлокожие, и их одежда состояла из плащей с рукавами и штанов, как и подобало расе всадников. Их организация была скорее племенной, чем территориальной, но они оставили свой след на земле, поскольку основали большинство городов и деревень той Франции, которую мы знаем по-дню. Но они были обществом, а не нацией или, точнее, группой обществ.²¹ Предоставленные самим себе, они растрчивали свои силы на бесполезные клановые битвы, и нужна была сильная рука Рима, чтобы навязать то единство, которое означает процветание. Их темпераментное отличие от римлян заставляло их восхищаться тем, чего они не могли создать, и они оставались неизменно верными империи. Действительно, они изобрели для себя родословную, которая связывала их с Италией, а эдуи и арверны утверждали, что в них течет троянская кровь.²²

В Кельтской Галлии Рим поощрял образование городов, но страна так и не была урбанизирована, поскольку на широких холмах и рядом с медленными, заросшими тростником реками всегда было множество маленьких деревень и разбросанных ферм. Разделение между городом и деревней никогда не было абсолютным. Люди сохранили свои старые обычаи и религиозные обряды, свою старую одежду, а в сельской местности - свою старую речь. Алезия по-прежнему оставалась традиционным святилищем, и древние богини источников, холмов и лесов, Матроны, по-прежнему были популярными объектами поклонения, хотя со временем их стали путать со средиземноморскими божествами. Основную массу людей составляли ремесленники, пастухи и фермеры — в основном скотоводы, поскольку пастбища были лучше, чем пашня. Оливки и инжир не росли к Северу, а виноградники были бедными, поэтому популярным напитком было пиво, а не вино.

Земля была хорошо приспособлена для коммуникаций. Длинные глубокие реки, Рона и Сона, Мозель и сена, Луары и Гаронны, сделали галлов нацией Бурлаков,²³ и с их корабля были мелкой осадкой, они могли ориентироваться множество небольших ручьев, так что с легким волоком товары могут быть отправлены водой по всей Земле. Должно быть, здесь были хорошие дороги еще до римского завоевания, иначе Ганнибал и Юлий не смогли бы передвигать свои армии с такой

скоростью, с какой они двигались. Август взял в свои руки всю дорожную систему и с центром в Лионе проложил пять больших магистралей. Один шел вниз по Роне к Марселю и продолжался на восток и запад вдоль побережья; другой шел на юго-запад через Аквитанию к порту Бурдигала (Бордо); один шел на север по долине Сены к берегу Ла-Манша; один вел к лагерям на Рейне; в то время как пятый шел через Безансон через Юру и так через Альпы в Италию. Лион был ключом к римскому контролю. Это была настоящая столица, а также связующее звено между югом и севером. Как торговый центр галлии, он стал чрезвычайно процветающим, и в 64 году н.э., когда Рим был опустошен пожаром, смог распределить не менее сорока тысяч фунтов стерлингов. К этому времени через Альпы были проложены автомобильные дороги через перевалы Большой и Малый Сен-Бернар, а также через Мон-Женевр, и конечной остановкой этих дорог был Лион; таким образом, он стал точкой, где Италия установила самый тесный контакт с главной провинцией.

Минеральные богатства Галлии были незначительны, но по всем видам сельскохозяйственной и промышленной продукции страна была первенствующей. Мы видели суб-тропические богатства Нарбонны; в других местах продукты были в основном пастбищными: овцы на холмах, крупный рогатый скот на равнинах и свиньи в лесах. Галльская шерсть была высшего качества, и существовала большая экспортная торговля ветчиной и сырами, маринованным мясом и колбасами; морковь, новая роскошь в Риме, поступала с севера; а Плиний старший сообщает, что в его времена гусей — для фуа-гра — гнали по дорогам из Бельгии в Италию. Но главным богатством была промышленность. Галл был искусным рабочим, и ремесла, по-видимому, были небольшими семейными предприятиями. Основными промыслами были ткачество, р300выдувание стекла и гончарное дело. Сначала арретинская посуда была импортирована, но прошло незадолго до того, как галльские гончары подражали ей и совершенствовались, и таким образом завоевали мировой рынок. То же самое было и со стеклом; вскоре Египет и Сирия уже не могли конкурировать с продукцией этой северной страны. Одной из причин такого успеха были леса, которые давали дешевое и обильное топливо для печей.

Галлия также была воротами в неизвестное, поскольку на востоке лежали Германские земли, а на севере - Британия. Последняя во времена Августа не входила в состав империи, но ее местные князья были в хороших, хотя и отдаленных отношениях с Римом; между ее берегами и Галлией велась значительная торговля, предметы роскоши обменивались на металлы, как простые, так и драгоценные, зерно, шкуры и рабов, а также, добавляет Страбон, "очень хороших собак".^b Путешественник, который через Реймс и Суассон добрался до Булони, увидел за Ла-маншем призрачные белые скалы и почувствовал себя очень близким к высшим тайнам. Ибо в Галлии он слышал странные рассказы о призрачных паромов, которые перевозили души умерших по этим серым морям в их последний дом.²⁴ В Булонской гавани он также мог встретить моряков, которые на своих каботажных судах ходили на восток, в Балтийское море, и на север, мимо норвежских мысов, и могли рассказывать об океане, свернувшемся, как молоко, и огромных морских-чудовищах с бородами и клыками из слоновой кости.

Бассейн Дуная Еще одна часть империи была открыта для путешественников - земли между Дунаем, Адриатическим и Эгейским морями. Покинув Рим по Виа Фламиния, он добрался до Аквилеи, которая была воротами на северо-восточном участке границы. Там сходились дороги, которые пересекали восточные Альпы и обслуживали Рецию, Норик и Паннонию. Это была база для армий, участвовавших в пограничных войнах вдоль Дуная. Это был торговый центр для торговли землями, которые на-день являются Тиродем, Баварией, Австрией, Сербией, Болгарией, Румынией и Трансильванией, торговля в основном находилась в руках великого торгового дома Барбии. Это был р301, южная конечная точка Янтарного пути,²⁵ по которому янтарь доставлялся из Прибалтики через владения сотен диких племен, чтобы в Аквилее изготовить для экспорта ожерелья и нагрудники. Торговля пошла вслед за орлами, и товары начали поступать в Италию с северо-востока: меха, шкуры и соленая рыба из отдаленных мест, таких как южная Россия и Скандинавия. Путешествие по долине Саве к Дунаю было легким, и Рим контролировал весь южный берег последней реки. Но за ним лежали незаселенные земли. Наряду с Германией это был самый труднодоступный участок римской границы, и легионам часто приходилось браться за оружие. В Норике была своя промышленность, в Мезии были хорошие сельскохозяйственные угодья, а Паннония экспортировала металлы, помимо медведей для амфитеатра из своих мрачных лесов; но до того дня, когда бассейн Дуная, а вместе с ним и северная Италия, достигнут впечатляющего расцвета, было еще далеко.

IV

Мы должны представить империю Августа в первую очередь как прибрежный пояс Средиземноморского водораздела и западные земли, обращенные к Атлантике. Было добавлено много внутренних территорий, но это были гласисы крепости, а не сама крепость, и часто развивать их и содержать в порядке было затруднительно. За ними были сумерки малоизвестного, сгущающиеся во тьму, которую еще не развеял ни один исследователь. Там лежали дикие земли и легендарные народы. Искатели приключений время от времени исчезали во мраке и возвращались с чудесными историями, подобными тем экспедициям, описанным полтора столетия спустя в утерянном труде географа Маринуса, когда была пересечена эфиопская пустыня и римский полководец пересек Сахару в таинственное тропическое королевство. Роман взоры обратились самых р302трепетно к северной границе, давление голод в Скандинавии был за рулем племен с неотесанным имена через Балтийское море, и что-то в Центральной Азии племенным судороги или обезвоживание земли — заставляет неисчислимы полчища вниз на стройную оборону Эвксинского. Это могло быть лишь вопросом многих лет, когда волна обрушится на настоящий римский бруствер. Скифы всегда были знакомы Риму, как и древней Элладу, как общее название жителей северо-восточных равнин: но теперь это имя начало звучать само собой, и люди фамильярно заговорили о чудовищном светловолосом Роксолане; и о гетах, чья кавалерия сражалась в составе тяжелой фаланги Ирана, и

чьим богом был медведь на горной вершине; и о даках, которые строили огромные крепости из квадратного камня; и о сарматах, которыми правили женщины, которые ездили на быстрых маленьких лошадках, носили чешуйчатые доспехи и носили раскрашенные стрелы в алых колчанах. Рим давно знал о парфянской угрозе, но эти северяне были новым врагом. Они все еще были немногим больше, чем просто именами, но они неуклонно приближались, и пограничные посты уже обменялись выстрелами со своим авангардом.

Порыв надвигающегося прилива ощущался также на северо-западе. Если человек стоит сегодня-на берегу Рейна передхолмами Таунус, он смотрит на землю, которая никогда не была заселена или полностью завоевана Римом. Рим во времена Августа мало что знал об этом, полагая, что все это было глубоким, темным лесом, которому она дала название Герцинского, простирающегося безгранично к восходу солнца. Но она чувствовала его влияние, боялась его и старалась придумать какой-нибудь оплот для своей более мягкой Галлии. В последние годы жизни Августу пришлось столкнуться с первым порывом бури, которая в конечном итоге сокрушила его империю.²⁶

Примечания автора:

¹ Клавдий ввел нечто очень похожее на государственное морское страхование, чтобы стимулировать зимние путешествия. Сало. *Div. Клод.* 18, 19.

² например, сосуд, на котором Калигула привез обелиск из Египта. Плиний *Н.Х.* XVI.200. На корабле, доставившем святого Павла в Рим, было 276 пассажиров, а Иосиф Флавий отплыл на корабле, который перевозил 600.

³ Элию Аристиду в середине второго века нашей эры потребовалось 100 дней, чтобы добраться до Рима из Анатолии, но он выбрал трудный маршрут вокруг северного побережья Эгейского моря.

⁴ III.13.9.

⁵ Диод. XVII.52.6; он называет свободное население 300 000 человек; *ср.* Marquardt, *Röm. Staatsverwaltung*, I.297.

⁶ В Филе был возведен второй храм Августу как "Спасителю".

⁷ Он значительно увеличил количество обрабатываемой земли, так что подъем реки на 12 локтей в Мемфисе был таким же хорошим, как раньше на 14 локтей. Страбон XVII.1.3; Suet. *Div. Aug.* 18.

⁸ "mercatores qui ulteriora Aethiopiae scrutantur." Плиний *H. X.*VI.173.

⁹ II.5.12.

¹⁰ О Гиппале см. *Перипл*, 57; Банбери, *История. из Апс. Геог.*, II.351.

¹¹ Плиний *H. X.*XXXVII.203.

¹² οἱ Σύροι κακὸν γένος — цитируется Чарльзуортом, *Торговые пути Рима. Етр.*, 56.

¹³ III.62.

¹⁴ См. У. Х. Баклер, "Августы, Зевс Патрус", в книге преподобного Де Ф.(1935), стр. 177-88.

¹⁵ Испанцы говорили на слегка архаичной латыни, поскольку этот язык так долго существовал в стране. Напрашивается параллель с французским языком канадских жителей.

¹⁶ Точка зрения Ростовцева (*Соц. и экон. История Рима*, 547) то, что основание Августом было всего лишь небольшим гарнизонным городком, к которому позже пристроили еще один, опровергается недавними археологическими исследованиями.

¹⁷ Этих местных богов часто отождествляли с членами римского пантеона, и мы находим Юпитера Ахопаралиомега, Марса Кариоциека и Прозерпину Атецину.

¹⁸ См. Отчет Сенеки старшего, *Откр.* XVI. 22.

¹⁹ *C. I. L.* II.2633 цитируется Арнольдом, *Исследования римского империализма*, 156.

²⁰ *Ср.* Так. *Энн.* XI.18; *История.* IV.76; *Germ.* 28.

²¹ "Кельтизм оставил только возможности наций. Она сохранилась только в фундаменте нашей западной Европы и вряд ли внесла какой-либо вклад в ее сверхструктуры". ХЬЮБЕРТ, *Восстание кельтов*, 15.

22

"Arvernique ausi Latio se fingere fratres
sanguine ab Iliaco populi —"
LUCAN, *Phars.* I.427-8.

²³ Ганнибал нашел и использовал галльские лодки на Роне у Авиньона.

²⁴ Прокоп. *Колокол. Гот.* IV.20; Клавдиан, у *Руфина*. I.123-8.

²⁵ При Августе Янтарный путь был проложен легко вплоть до Дуная. Позже он был исследован более полно и, по-видимому, простирался от Карнунта (Петронелл) по этой реке вверх по долине Марша в верхнюю Силезию; затем через Калиш и Просну к долине Вислы и побережью. Плиний *Н. Х.* XXXVII.45.

²⁶ Подробности в этой главе взяты главным образом у Страбона, Тацита, Диодора Сицилийского, Плиния старшего, Иосифа Флавия, Плутарха, Колумеллы и более поздних географов — автора "*Перипла марис Эритрей*" и Птолемея. Я также в значительной степени опирался на книгу М. П. Чарлсворта "*Торговые пути и коммерция Римской империи*", а также на различные работы Ростовцева, Тенни Франка, Ф. Кумонта и Джуллиана.

Примечания Тайера:

^a Этот вопрос подробно освещен лайонелом Кассоном с полным набором ссылок на источники в книге "Скорость под парусами древних кораблей", ТАПА 82:136-148.

^b *Геогр.* Ив.5.2. Страбона, греческого, в тексте воспроизведены в Леб издание, по крайней мере, имеет *κύνας εὐφυνὲς πρὸς τὰς κυνηγεσίας*, в более точном переводе, а в той редакции, *сахара*, "собаки, которые по своей природе приспособлены к целям погони", или даже еще более строго (и более простой): "собаки от природы хорошо подходят для охоты".

Глава V

Тень на Севере

Communi fit vitio naturae ut invisis, latitantibus, atque incognitis rebus confidamus vehementiusque exterreamur.

Цезарь.

С Севера
приходит все
плохое.

Нортумбрийская
пословица.

Была одна проблема империи, для которой Август не нашел даже временного решения, - проблема границы. Мы не можем быть уверены в политике Юлия. Несомненно, он намеревался завоевать Парфию и продвинуть римскую границу на Востоке за пределы Месопотамской равнины. Будь он жив и будь на десять лет моложе, он, возможно, попытался бы также превратить Германию во вторую Галлию. Но это были бы завоевания, а не изменение границ. Юлий был великим солдатом, а солдату, даже если он государственный деятель, всегда хочется попрактиковаться в своем искусстве.

После Акции Август не имел желания увеличивать римские территории; перед ним стояла слишком тяжелая задача по управлению ими в их нынешних пределах. Его целью было найти границу, которую можно было бы легко и экономично защитить, и если в поисках научного рубежа он был вынужден расширить их границы - расширением, которым он хвастается в *Res Gestae* — это было случайно, а не преднамеренно. Его проблема заключалась в том, что Британия на северо-западной границе Индии должна была создать систему, будь то с помощью пограничных гарнизонов или буферных государств, которая обеспечила бы разумную защиту цивилизованным землям, находящимся под его властью. С самого начала он рассматривал Дунай как естественную границу — возможно, Юлий завещал ему эту заповедь, — поскольку она не только давала ему линию реки, но, как мы видели, р304защищала один из важнейших стратегических сухопутных путей империи, идущий из Аквилеи в Византию. Труднее понять причины его расширения на запад, поскольку Эльбу защищать было не легче, чем Рейн. Самое простое объяснение заключается в том, что он хотел сократить границу и избавиться от неудобного угла наклона. Эльба и Дунай между ними образовывали логичную северную границу, которая также должна включать горный четырехугольник, окружающий Богемию.

Это была политика, о которой можно сказать многое, но, как обнаружили Август и его преемники, она не имела завершения. До 6 года н.э. римское влияние перешло Дунай, и Дакия, нынешняя Трансильвания, была покорным соседом после падения Буребисты. Возможно, к этому времени план Августа расширился и включал завоевание Дакии, которого позже добился Траян, а также установление контроля над Богемией. Такое расширение дало бы Риму весь бассейн Дуная. Но поиски научного рубежа по эту сторону империи были бесплодным занятием из-за отсутствия ни одной из великих природных границ, ни моря, ни неприступного горного хребта. Если орлы двинулись к Эльбе, почему не к Висле? И Висла не была бы постоянной линией, поскольку ее можно было повернуть на север. Некоторые утверждали, что неспособность аннексировать и цивилизовать германскую равнину привела к окончательному падению империи, поскольку эта равнина была -опорным пунктом в имперской обороне, клином, который можно было использовать, чтобы расколоть их, коридором и местом встречи орд с Севера и Востока. Но даже если бы Август осознал этот географический факт, такое предприятие вполне могло показаться ему неподвластным Риму, и без того обремененному столькими обязанностями. И вполне вероятно, что он этого не понял, поскольку его информация о равнине была отрывочной; он думал о ней просто как о болоте и лесу и не мог предвидеть опасность, которая медленно надвигалась из азиатских степей.

p305 I

Богемская кампания В 9 году до н.э. Друз достиг Эльбы. С 13 по 9 год до н.э. сначала Агриппа, а затем Тиберий участвовали в ежегодных кампаниях с паннонскими племенами Саве и Драве и завоевали всю долину бывшей реки между Сиссией (Сиссак) и Сирмиумом (Митровица) и продвинулись до границы с Дунаем. В своей последней кампании Друз атаковал маркоманнов в Главной долине, и один из их князей, Марбод (Maroboduus), опасаясь окружения со стороны Рима, убедил свое племя двинуться на восток и занять холмистую местность Богемия. Там он быстро приобрел власть и престиж и был на пути к тому, чтобы основать для себя королевство, которое поставило бы под угрозу интересы Рима на Дунае. До сих пор он был в дружеских отношениях с Римом, но она не могла допустить появления второго Пирра на своей границе, поэтому незадолго до 2 года до н.э. Домиций Агенобарб повел армию от Дуная до Эльбы. Примерно в то же время другая армия, двинувшись маршем вверх по границе между Богемией и Дакией, изолировала бывшую страну на востоке. Результатом серии кампаний, о которых сохранилось мало сведений, стало то, что в 6 году нашей эры Рим смог начать завоевание Марбода и Богемского четырехугольника.

Тиберию, вернувшемуся с Родоса в 4 году н.э., пришлось поспешить к рейнской границе, где у Агенобарба возникли проблемы с херусками. Он продвинулся до Везера и получил покорность всех северо-западных германских племен, зимовавших где-то у истоков Липпе. В следующем году он переправился через

Везер, разбил лангобардов, и на Эльбе к нему присоединился его флот, обогнувший Ютландию. Теперь был подготовлен путь для завоевания Богемии. Его план состоял в том, что он должен выступить на север из Карнунта на Дунае, в то время как Сентий Сатурнин должен был двинуться на восток от Рейна, чтобы присоединиться к нему через Главную долину. Имелись в наличии крупные силы: три легиона на Рейне, два в Реции, пять в Иллирии и три в Мезии, стр. 306и вполне возможно, что фактический состав экспедиционных сил составлял двенадцать легионов, или около шестидесяти тысяч человек.¹

Тиберий и Сатурнин почти достигли места встречи, когда с юга пришли зловещие вести. Паннонцы восстали; вся Иллирия была в огне. Тиберий действовал как хороший солдат, каким и был. Ему удалось передать Сатурнину весточку с приказом возвращаться на Рейн, поскольку никто не знал, как распространится пожар. Марбоду он предложил мир и признание в качестве короля и друга Рима, и предводитель маркоманнов мудро принял эти условия, поскольку он был не только солдатом, но и государственным деятелем.

Паннонское восстание Основной причиной восстания, по-видимому, стало повторноепрекращение поставок и набор рекрутов для войны в Богемии до того, как народы Далмации и Паннонии осознали силу Рима. Их завоевание было слишком недавним, и они кое-что узнали о нравах Рима, не понимая тяжести ее руки. Первая вспышка произошла на юге, среди далматинцев, где некий Бато поднял в Сераджево —зловещее название) знамя восстания, устроил резню римских купцов и перебил-немногочисленные гарнизоны. Вскоре это распространилось на паннонцев в нижней части долины Саве, лидером которых был другой Бато. Они приблизились к Сирмиуму, главному центру Рима, и ситуация стала крайне критической. На востоке существовала вероятность того, что восстание охватит огнем всю Фракию и Балканы. На западе дорога в Италию была открыта, поскольку повстанцам оставалось только пересечь Юлийские Альпы, чтобы оказаться в дневном переходе от Аквилеи. Более того, они были грозными воинами, поскольку многие служили вспомогательными войсками и усвоили римскую дисциплину.

Тиберий не растерялся. Он выполнил свой договор с Марбодом и ранней осенью выступил на юг от Дуная, отправив вперед наместника Иллирии Мессалинуса.² Два батоса выявили старую слабость варваров, неспособность к согласованным действиям. Далматинец впустую потратил время, атакуя Салоны p307(Salona) и совершая набеги на юг до Аполлонии. Паннонец, обладавший более мудрым инстинктом, бросился на Сирмий, но он действовал слишком медленно, так как Цецина Север, новый губернатор провинции Мезия, смог вовремя подоспеть и спасти его. Тем временем Мессалин пробился к Сискии, и пять легионов охраняли дорогу в Италию. Ворота закрыли как раз вовремя. Положение теперь было таково, что Тиберий держал ключи от запада и севера, Сискии и Сирмия, но все к югу от Сейва находилось в руках врага. Сисция была в безопасности, но Сирмий находился в опасности, поскольку паннонский бато удерживал гору к северу от города. Фракийский царь Реметалк пришел к нему на помощь, но не смог выбить

осаждающих, и, когда вскоре Цецине Северу пришлось вернуться в свою провинцию, чтобы отразить нападения даков, на фракийцев выпала трудная задача предотвратить падение города, преследуя небольшими силами могущественного врага. Тиберий понимал, что речь идет не об одной великой битве, а о медленном изматывании его противников голодом и истощением. Властная гордость, которая была причиной богемской экспедиции, полностью исчезла, и далеко в 7 году н.э. ситуация зашла в опасный тупик.

В Риме царило сильное беспокойство. Она привыкла к легким завоеваниям и считала, что все земли к югу от Дуная надежно находятся под ее властью. Теперь не только Далмация и Паннония были охвачены восстанием, но и даки выступили в поход, Фракия была не слишком безопасна, и в любой момент тлеющие угли в Германии могли вспыхнуть пламенем. Она внезапно обнаружила, что пытается удержать великую империю недостаточными силами. Не было резервных легионов, которые можно было бы пощадить с Запада, и самое большее, что можно было сделать, - это призвать ветеранов к знаменам и набрать роты добровольцев, в основном из освобожденных рабов. Кое-что можно было получить с Востока, но на это потребовалось бы время, а тем временем жизненно важный пункт Сирмиум находился в опасности, и мезийская армия, занятая своими собственными неотложными задачами, не могла оказать ему помощь. В довершение своих тревог Август столкнулся с голодом, и финансы Рима были настолько стеснены, что он был вынужден р308 ввести новые налоги, приостановить официальные банкеты и сократить публичные игры.

В 7 году н.э. Тиберий в Сискии продолжил свою политику Фабианцев. Сирмий был ключом к успеху, но Сирмий нельзя было освободить до тех пор, пока Цецина и мезийская армия не были усилены. В Риме о нем говорили горькие слова; ходили слухи, что он развязывает войну, чтобы его провозгласили спасителем, но он отказался менять свои планы. Он разделил свою армию на контингенты, чтобы занять стратегические пункты и очистить особые районы, тем самым не давая далматинским повстанцам возделывать землю и пополнять свой комиссариат. Он не стал бы думать о настоящей битве, пока не был бы готов к ней. К концу года мезийская армия, усиленная с Востока, смогла собрать пять легионов, а также вспомогательные войска под командованием Цецины и Плавтия Сильвана. Теперь два батона взялись за руки и, все еще удерживая высоту к северу от Сирмия, попытались остановить продвижение римлян на запад, вверх по реке Сейв. На узком участке твердой земли, где дорога пересекала Вулканские болота, наконец-то разыгралось полевое сражение, которое едва не обернулось для римлян катастрофой. Благодаря лучшей разведывательной службе и войскам, подготовленным к работе в труднодоступной местности, двум батонам почти удалось застать римлян врасплох во время разбивки лагеря. Фракийская кавалерия сломалась, и многие вспомогательные войска были разбиты, но легионы удержали свои позиции и отбили врага. Цецина и Сильван были свободны, чтобы присоединиться к Тиберию в Сискии, где сейчас была огромная концентрация войск. Германик, младший сын Друза, квестор на тот год, прибыл с подкреплением,

и сам Август находился в Аримине, чтобы наблюдать за ходом кампании; он знал эту страну за сорок лет до того, как захватил Сисцию. Теперь Тиберий располагал силами, состоявшими из десяти легионов, восьмидесяти вспомогательных полков, фракийской кавалерии и неизвестного числа добровольцев и ветеранов из Рима. Он контролировал долину Савы и смог развернуть эти армии на широком фронте; сам он находился в Сисции, Сильван в Сирмии, а Цецина охраняла мезийскую границу.

Заключительные операции Долгая кампания подходила к концу. В следующем году, в 309 году⁸ г. н.э., паннониец Бато отчаялся в своем деле и перешел на сторону Рима; но он был схвачен и убит далматинцем Бато, который разжег новое паннонское восстание. Он, в свою очередь, потерпел поражение от Сильвануса и удалился на юг, в Далматинские холмы. В следующем году состоялся финальный раунд. Тиберий смог посетить Рим и проконсультироваться с Августом, в то время как Германику удалось захватить три важные далматинские крепости. По возвращении на поле боя-главнокомандующий организовал заключительные операции. Консул Эмилий Лепид вошел в страну с северо-запада, а Сильванус - с северо-востока, в то время как Тиберий и Германик последовали за Бато и загнали его на землю в скальной крепости близ Салоней. Вождь далматов сдался на определенных условиях и был заключен в тюрьму в Равенне. Трехлетняя война закончилась.

Это была самая серьезная военная проблема, с которой пришлось столкнуться Августу, поскольку она затронула империю в жизненно важный момент. Потеря Иллирии привела бы к опасному расколу между Востоком и Западом. Более того, восстания в Далмации и Паннонии выявили определенную бесхозяйственность в управлении провинциями, которая, должно быть, дала принцепсу пищу для размышлений, поскольку это противоречило духу его правления. "Вы, римляне, - сказал Бато Тиберию, - должны благодарить за это самих себя, поскольку для защиты своих овец вы посылаете не собак или пастухов, а волков". Как бы то ни было, Иллирия стала неотъемлемой частью империи и сформировала надежную базу для развития дунайских провинций. Три столетия спустя здесь появились великие императоры и лучшие легионы. Кампания - главный титул Тиберия, принесший ему военную славу. Он не допустил ошибки, но, избегая мелодраматических сокращений, несмотря на шум из Рима, он сломил врага единственно возможными методами — голодом, истощением и медленным, смертоносным научным внедрением. Он также поддерживал в своих разношерстных войсках хорошую дисциплину и хорошее настроение, поскольку гуманно обращался со своими людьми, хорошо их кормил и образцово заботился о больных и раненых. Восстание, которое можно охарактеризовать как Батонская война,³ р310положило конец всем грандиозным планам экспансии на север. Август был вполне доволен тем, что границей должен был стать Дунай.

На данный момент Тиберий пользовался в Риме умеренной популярностью. Его победа была должным образом признана сенатом и народом; ему был присвоен титул императора и присужден триумф, в то время как молодому Германику были дарованы триумфальные знаки отличия и право стать консулом до достижения совершеннолетия. Это было ранней осенью. Но пока обыватель обсуждал последние подробности иллирийской кампании, а секретари Августа подсчитывали ее стоимость, из Германии пришли новости, которые превратили скромное удовлетворение столицы в ужас и позор. Римское оружие встретило вторую Карру.⁴

Взоры Рима всегда с тревогой смотрели на Север. Галлия до завоеваний Юлия была в значительной степени неизвестной страной, и, будучи неизвестной, ее боялись. В любой момент из этих северных дебрей мог хлынуть новый поток, который не смог бы остановить никакой второй Мариус. Теперь Галлия была послушной и знакомой страной, и ее место в качестве *terra incognita* заняла Германия. Пифеас, грек из Марсея, отправился в Британию в четвертом веке до нашей эры и дал миру названия "Туле", что, возможно, означало северную Норвегию, и "тевтоны". Полибий знал о германском народе близ устья Дуная, а Посидоний, продолжавший его историю, первым отличил германцев от кельтов и скифов. Но в эпоху Августа было мало подробных знаний, и писатели первого века нашей эры, такие как Помпоний Мела, Плиний старший и даже Тацит, хотя и осознавали отличительный характер германских рас, не имели реального представления об этой земле или народе. Некоторое количество денационализированных германцев проживало к западу от Рейна, но для страны к востоку от реки существовали только р311новости, приносимые солдатами Друза и смелыми торговцами, проникшими в его глубинки. Как следствие, в воображении римлян сложилась безрадостная картина. Немецкие лесаГермания представляла собой одну обширную область болот и лесов, простиравшуюся на девять дней пути с севера на юг и неисчислимую протяженность с запада на восток. Дожди и туманы нависали над ним в любое время года, и к нему не было легких путей, таких как открытые холмы и широкие неглубокие долины Галлии. Рим слышала о лесных жителях Тауна, Гарца и Тевтобургского леса, предшественниках франков и тюрингов; она слышала также о диких расах, населявших песчаные равнины к югу от Балтийского моря, и о еще более диком народе в замерзших землях за этим морем. Поэтому она думала об этой стране как о кошмаре, а о ее жителях - как о крайних варварах по привычкам и вероисповеданию.

Кое-что из ее картины соответствовало действительности. На протяжении всего средневековья Таунус и Гарц окружала аура сверхъестественного как последнее пристанище первобытных богов. Римляне, привыкшие к открытой местности и долгим перспективам, боялись огромных лесов, таких обширных, что человек мог идти весь день, не видя солнца, и таких густых, что белка могла пройти несколько лиг, не касаясь земли. Более того, деревья там были не такие, как они знали. В западных частях росли дубы, ясени и вязы, но чем дальше, тем чернее становился лес, пока не осталось ничего, кроме чернильной тьмы сосен.

Люди были похожи на свое жилище. Они жили не в компактных городах, а в деревнях, подобных тем, которые и поныне можно-увидеть в Скандинавии, где коттеджи разбросаны по обширной территории, а вокруг простирался мохнатый лесной покров. В ближайших лесах они пасли стада свиней, а дальше по полям охотились на оленей, медведей и бизонов. Охотники жили сами по себе на полянах: они были Людьми Марки, главными воинами, прообразом феодальных оруженосцев. Там не было храмов для их темных божеств, только священные рощи, подобные той, что описал Адам Бременский, и священные деревья — майские шести для праздников, а также дубравы, на которых раскачивались разбойники и военнопленные. ^{p312}Такие деревья были посвящены Водину, их главному богу. Их теология была такой, какой мы должны были ожидать от людей, живущих среди мрака и разбитых фонарей первобытного леса, слышащих странные звуки в верхушках деревьев, когда гремит гром, и ужасные голоса на ветру. У Водина было особое святилище, где-то между Эльбой и Одером, и только ему приносились человеческие жертвы. Ни один человек, как говорит нам Тацит, не мог войти в это святилище без цепи на шее, чтобы показать свою покорность богу. На острове Рюген было второе святое место, где поклонялись Нертус, богине Земли; раз в год ее процессией привозили на материк в колеснице, к которой, как и к Ковчегу Завета, не имел права приближаться никто, кроме священников.⁵ Были и другие божества: -бог Грома, Тор, божество простого человека; Тир-Воин; и Бальдер, молодой Аполлон Севера. Но настоящим божеством был сам лес, ибо именно из лесных деревьев, ясеня и вяза, древние боги сотворили первую пару человеческих существ. Их Олимпом была светлая страна в лучах заката, Асгард, из которого радуга проложила мост на землю и куда после смерти отправлялись духи добрых и храбрых. В вере была мрачная жестокость, но были также глубина и красота, и столетия спустя, в "Старшей Эдде", ей предстояло расцвести в возвышенных представлениях.

Леса также были домом магии. Существовала раса мудрых женщин, подобных норвежским вольвам, гигантским существам, которые являлись мужчинам во снах. Друзас встретил одну из них, которая предсказала его смерть. Были также девы Водина, Валькирии, которые летали по ночному небу, чтобы выбрать павших в битве. Крестьянин, возвращаясь домой в сумерках, услышал, как над головой свистят дикие лебеди, и почувствовал себя в присутствии невидимого существа. Это была страна, где знамения вторгались в повседневную жизнь, и Рим, до которого доходили слухи о них, знал, что Север находится очень близко к краю пропасти. Ибо там, как верил Тацит, был слышен шум зари, и свет заходящего солнца задерживался ^{p313}до самого его восхода, так что звезд не было видно. "Illic usque tantum Natura." В такой области магии легионы сражались не только с людьми, но и с князьями и силами воздуха.

Вар Во время паннонского восстания на границе с Германией царило зловещее затишье. Командующим римской армией там был П. Квинтилий Вар, который был губернатором Сирии в 6 году до н.э. Вар, по-видимому, был скорее придворным,

чем солдатом, хотя постигшее его несчастье, возможно, побудило римских историков описывать его несправедливо; в Сирии он так успешно свил гнездо, что за два года поднялся из бедности до богатства; его устойчивое положение, возможно, было связано с тем фактом, что он женился на внучатой племяннице Августа.⁶ Он не привык к административной работе в дикой стране и, судя по легкому успеху Тиберия до его прибытия, предполагал, что с Германией можно обращаться как с любой другой римской провинцией. Соответственно, он взимал налоги по сирийскому образцу, был бестактен в обращении с племенами и отказался прислушаться к предупреждениям тех своих офицеров, которые хоть немного знали эту страну. Под его началом было пять легионов и масса вспомогательной пехоты и кавалерии. Тремя из легионов он командовал лично, а двумя командовал опытный солдат, его племянник Луций Аспренас. О недовольстве среди племен, особенно херусков, он, по-видимому, не имел ни малейшего представления.

Германия к востоку от Рейна удерживалась отдельными римскими постами и одним сильно укрепленным гарнизоном в Алисо на Липпе. В сентябре 9 года н.э. Вар находился в своем летнем лагере на западном берегу Везера (недалеко от современного Бломберга) на территории херусков и собирался возвращаться на свои зимние квартиры, Ветера-Кастру близ Ксанта на Рейне. У Арминия вождя херусков Сигимера был сын Арминий, который служил в римской армии и получил звание римского гражданина.⁷ К нему пришла мечта об освобождении своих соотечественников от римского ига. Его отец, тоже римский гражданин, отказался участвовать в проекте и послал предупреждение Вару. Но Арминий, который вовлек в заговор соседние племена, прислушался к мнению римского полководца и за ужином вечером накануне своего отъезда рассказал ему о беспорядках среди хавков и бруктеров, которые ему не мешало бы подавить по пути к Рейну. Это означало кружной путь на северо-запад по труднопроходимой местности, где Арминий подготовил засаду. Некоторые из лояльных германцев предупредили Вара, что рассказ ложен, но им не поверили. Арминию и его товарищам-заговорщикам действительно были доверены определенные подразделения из легионов, которые, как они заявили, были им необходимы для сопровождения обозов с припасами, которые они обязались предоставить.

На следующее утро Вар отправился в путь в ненастную осеннюю погоду в сопровождении женщин и детей и большого количества багажа, поскольку его путешествие было не карательной экспедицией, а простой сменой места жительства. Арминий и заговорщики сопровождали его некоторое время, пока он не углубился в страну густых лесов. Там они оставили его, чтобы, как они сказали, собрать племена для помощи в подавлении предполагаемого восстания. Вар оказался в непроходимой местности, где его войскам пришлось прорубать себе путь через густой подлесок и во многих местах прокладывать дамбы для передвижения повозок. Он обнаружил еще кое-что. Словно от прикосновения невидимых рук, огромные деревья повалились слева, справа и позади него. Они уже были разрезаны пополам по германскому обычаю, и не успели римляне опомниться, как со всех сторон их окружили бойни. Внезапно из-за зарослей послышался град стрел и

дротиков, и они поняли, что враг приближается к ним, и что этим врагом был сам Арминий.

Вар был обречен с самого начала, потому что он не выслал разведчиков и не обеспечил поддержку, как это сделал Юлий, когда у него был подобный опыт в войне с нервиями.⁸ Он развернулся и попытался направиться на р315к форту Алисо, сжег свои фургоны и той же ночью с трудом выбрался на более открытую местность. Но на следующий день его снова загнали в лес, и под проливным дождем обреченная колонна пробиралась через болота и подлесок, ослепленная бурей, искалеченная падающими деревьями и все это время беззащитная перед меткими стрелками противника. На третий день наступил конец.⁹ Кавалерийский полк попытался прорваться к Рейну, но потерпел неудачу. Вар и многие члены его штаба покончили с собой. Нескольким legionерам удалось спастись, некоторые погибли в бою, но большинство сдалось и было распято или обезглавлено в качестве подношения богам. Это было повторение в большем масштабе того, что выпало на долю Сабина и Аурункулея Котты во время галльского восстания шестьдесят три года назад, но теперь не было Юлия, который смог бы вырвать победу из катастрофы. Арминий тем временем перебил отряды legionеров, которые он позаимствовал, и теперь все римские посты к востоку от Рейна перешли к нему, за исключением Алисо. Там командовал хороший солдат, некто Луций Цедиций, который сначала отбил вражескую атаку, а затем темной ночью прорубил себе путь к отступлению и благополучно привел войска, женщин и детей в Ксантен. На мгновение показалось, что завоеватель может вторгнуться в Галлию, но Луций Аспренас поспешил из Майнца с двумя legionами, оставшимися от армии в Германии, и Рейн был в безопасности.¹⁰

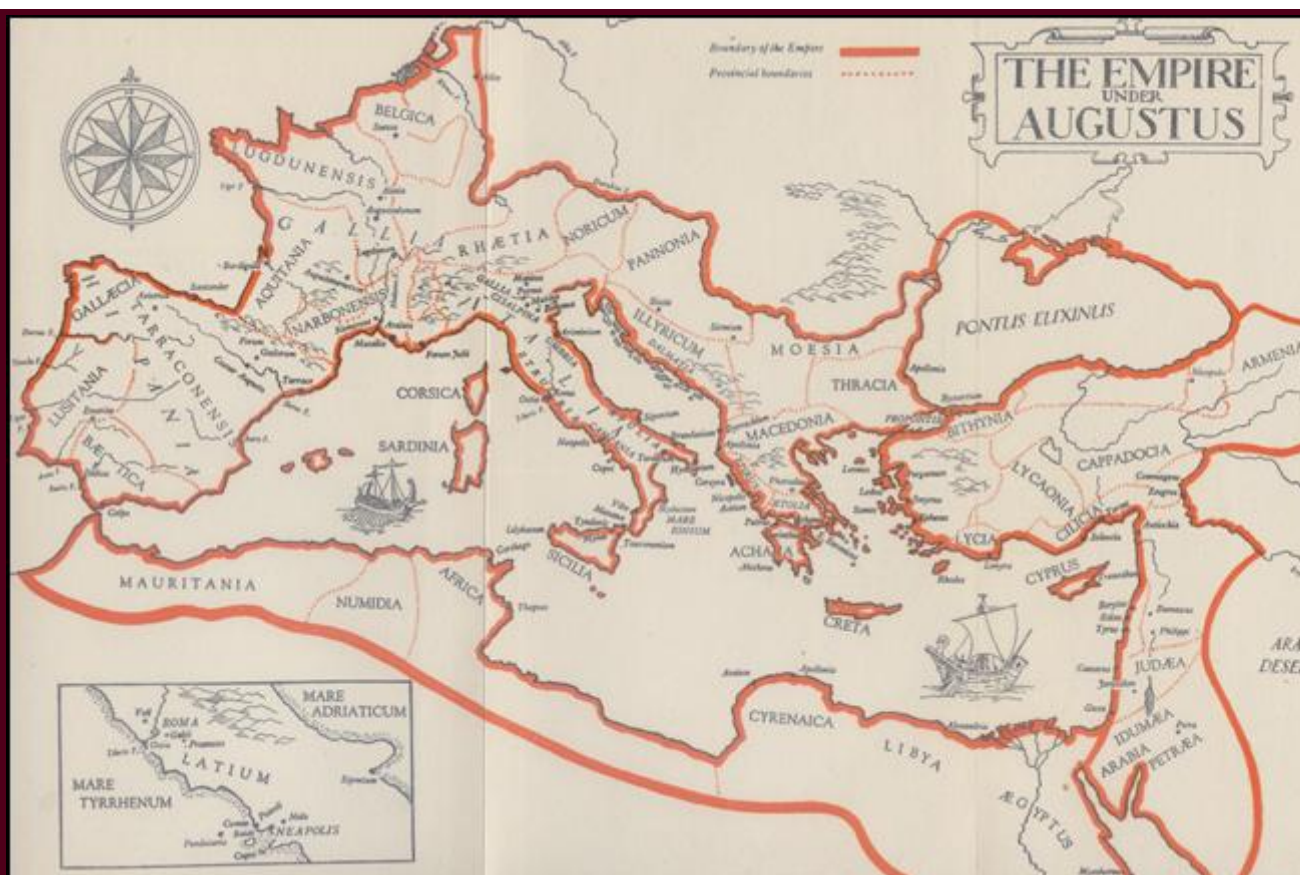
Дело тевтобургского вальда стало тяжелым ударом не только по римской гордости, но и по всей новой пограничной политике. Это произошло не из-за трусости, поскольку legionы умирали храбро, а из-за опрометчивости и невежества. Рим неправильно понял природу Германии и неопределенное положение, которое простые военные демонстрации в силе давали ей над гордым народом. Главная вина лежала не на Варе, а на Августе и Тиберии. Арминий был племенным, а не национальным лидером, поскольку германцы были еще меньшей нацией, чем галлы, и Тацит, в своем желании Но он, без сомнения, был блестящим командиром партизан, хотя и не достиг высот Верцингеторикса, великого противника Юлия. Вскоре будет рассказана остальная часть его истории. После смерти Августа юный Германик получил германское командование, переправился через Рейн и, пока Цецина Север продвигался с юга в поддержку, расправился с хавками и херусками. Он одержал несколько небольших успехов, но он не подчинил себе страну, и, несмотря на свои восемь legionов, он не покорил Арминия. Но он отомстил в глазах римлян за позор Вара и похоронил римские черепа, которые нашел прикрепленными к деревьям в священных рощах. Выступление Арминия против Германика было более блестящим выступлением, чем его завоевание Вара. Его судьба была такой, какая, кажется, преследует всех племенных вождей, ибо в 19 году нашей эры, когда он попытался стать царем херусков, он погиб из-за зависти своих сородичей.

Аналогичной была судьба Марбода, которого по праву называют первым государственным деятелем в истории германской расы. Он проявил свою мудрость, заключив мир с Тиберием в начале паннонского восстания и отказавшись от союза с Арминием, когда последний прислал ему голову Вара. Вскоре он оказался на поле боя против Арминия, и, хотя он выстоял, его королевство начало рушиться. Рим отказал ему в помощи, будучи не прочь увидеть падение того, кто доставлял ей столько беспокойства. Его концом стало изгнание в Равенне на восемнадцать печальных лет.

Смятение в Риме сделало невозможным для Тиберия его паннонский триумф и отправило его в спешном порядке на Рейн. Он еще не знал масштабов германского восстания, но понимал, что, если бы не пустая трата времени на осаду Алисо, Арминий мог бы уже перейти Рейн и опустошать поля Галлии. Это был не единственный случай в истории, когда окружение крепости врагом спасло ситуацию. Но по прибытии он обнаружил, что все не так плохо, как он опасался. Он отказался от попыток вернуть утраченные позиции и в 317 году удовлетворился усилением рейнских гарнизонов. Три потерянных легиона — XVII, XVIII и XIX — не были заменены, но остались пробелом в списках армии; и потерянные орлы не были восстановлены, так что Арминий мог похвастаться, что римские штандарты остались развешанными в германских рощах.¹¹ Импровизированные корпуса ветеранов и добровольцев были поспешно переброшены к Рейну, чтобы присоединиться к силам Аспренаса, и вскоре к ним присоединились другие легионы из Испании и Иллирии, так что эту границу удерживали не менее восьми¹² человек — мера предосторожности, которая была мерой опасений римлян. В 11 году н.э. у Тиберия был летний лагерь немного восточнее реки, но ни тогда, ни в следующем году он не предпринимал никаких репрессий. В конце 12 года н.э. он вернулся в Рим, чтобы отпраздновать свой отложенный паннонский триумф, оставив Германику контрольный корабль над марками.

Конец пограничной экспансии С Варом прекратилась политика пограничной экспансии, к которой склонился Август. Теперь он понял, что расширение римской территории до регионов, для удержания которых требовалась армия, было бременем, которое империя не могла выдержать. Это повлекло бы за собой использование вспомогательных войск в опасных масштабах и расходы, которые дезорганизовали бы всю его финансовую систему. Более того, существовал риск, что Рим таким продвижением вперед может объединить все еще разрозненные племена в нацию. Поэтому с сердечного согласия Тиберия он вернулся к своему старому пограничному консерватизму. Это была единственная серьезная проверка, с которой он столкнулся в своей карьере, и она ранила его в самое сердце. Какое-то время он отращивал волосы и бороду в знак траура; в течение нескольких оставшихся лет своей жизни он постился в годовщину катастрофы; и часто было слышно, как он плакал, как будто из него бессознательно вырывались слова: "Вар, Вар, верни мне мои легионы!"¹³ Легенда о непобедимости Рима была разрушена.

Однако в послужном списке Рима было много поражений, и р318должна была быть особая причина для такого глубокого впечатления, произведенного поражением Германии. Объяснение заключается в том, что теперь она столкнулась с чем-то, чего не понимала, чего не могла оценить и чего поэтому боялась и преувеличивала. Такой враг, как Парфия, был грозной, но понятной силой, которую можно было победить, если бы ей стоило приложить необходимые усилия. Но эта угроза с Севера была неосязаемой и уклончивой, с окутывающей ее тайной, которая лишала покоя ясный римский ум. Во время более поздней кампании Германика Цецина увидел призрак мертвого Вара, манившего его из болот, и эта история является притчей о настроении римлян. На цивилизацию, по существу городскую и Южную, обрушился благоговейный страх перед теми дикарями Севера, которые в конце концов уничтожили ее.

Империя при Августе

[Гораздо увеличенная версия, полностью читаемая, открывается здесь (1,9 МБ).]

Примечания автора:

¹ См., однако, Сайма в *JRS* (1932), XXII.25.

² Сын Мессаллы Корвина.

³ Это имя действительно встречается в надписи. Dessau, 2673. Приведенный выше рассказ является реконструкцией наиболее несовершенных источников — Dio LV.29-34, LVI.11-17; Велл. II.110кв. Сало. *тиб.* 16.

⁴ О точной дате катастрофы в Германии см. Райс Холмс, II.174-6.

⁵ Такт. *Зародыш.* 40.

⁶ Клавдия Пульхра, внучка Октавии и племянница юного Марцелла.

⁷ Согласно фон Родену (Pauly-Wissowa, II.1190), немецкое имя Герман не имеет никакого отношения к Арминию.

⁸ *де Белл. Желчный.* II.17,22.

⁹ Фактическое место катастрофы, вероятно, находилось в Тевтобургском лесу где-то между Оснабрюком и Детмольдом; но ни одна тема не вызвала новых спекуляций среди ученых от Меланхтона до Моммзена и Э. Мейера. Различные точки зрения (а также вопрос о местонахождении Алисо) были рассмотрены Райсом Холмсом, II.164-74.

¹⁰ Виновниками катастрофы на Варусе являются Велл. II.117кв.; ТактическаяЭнн. I.58кв.; *Герм.* 37; Dio LVI.18 sqq.

¹¹ Так.Энн. I.59.

¹² По-видимому, это были I, V, XX и XXI века в нижней Германии и II, III, XIV и XVI века в верхней Германии. См. Сайм, *J. R. S.* (1932), XXII.29.

¹³ Августа. *День.* 23.

Глава VI

Завершение

Я старый и одинокий человек,
Мои глаза смутно ощущают заходящее солнце,

Которое

-дня, как в другой день, как каждый день,

Роняет свои большие красные плоды горечи, как и в другие дни,
как и каждый день, В терпеливых водах.

БРАУНИНГ, *Монолог Эсхила*.

Я

Когда в начале 13 года н.э. Тиберий наконец отпраздновал свой триумф в Паннонии и Германии, Августу шел семьдесят пятый год. Продолжительность его жизни намного превышала продолжительность жизни Александра и Юлия. Благодаря строгому и умеренному режиму его хрупкое от природы тело сохранилось до глубокой старости, но теперь немощи быстро одолевали его. Ревматизм искалечил его конечности, из-за плохого кровообращения он остро мерз и легко переутомлялся. На какое-то время трагедия Вара повергла его в уныние, и, хотя он воспрянул духом, окружающим было ясно, что его жизненные силы на исходе. Принцепс стал очень старым человеком.

В те последние годы он, похоже, почувствовал свое одиночество. Его дочь и внучка были в изгнании, а единственный оставшийся в живых внук был наполовину идиотом. Не было никого его собственной крови, кто мог бы стать его преемником, и он был склонен сокрушаться об этом с печальным однообразием возраста. Он все больше и больше обращался к своему пасынку Тиберию, писал ему нежные письма и беспокоился о шансах на его благополучное наследование. Было еще несколько человек, которые могли бы претендовать на это: Луций Аррунций, например, и Азиний Галл, и Марк Лепид — все неподходящие; он должен был позаботиться о том, чтобы не произошло р320несчастливого случая.¹ Он тоже мысленно вернулся к своей долгой карьере, проанализировав каждую ее деталь, и решил составить краткое изложение своей работы, которое мог бы оставить в качестве завещания. Он уже давно занимался этим, и теперь ввел его в курс дела. Это будет опубликовано повсюду, чтобы тот, кто бежит, мог прочитать, что он сделал для Рима и империи, ибо он хорошо знал, что, когда лев умрет, собаки снова залают.²

По данным последней переписи населения, он все еще мог вести дела, но ему приходилось беречь силы. Он больше не мог регулярно посещать здание Сената, поэтому большую часть своей работы выполнял в своих собственных покоях на Палатине с помощью Тиберия и его тайного совета, и Сенат постановил, что принятые таким образом решения должны иметь всю силу сенатского приказа. Он внимательно следил за финансами и не забыл о своей былой изобретательности; обнаружив, что его налог на наследство непопулярен, он предложил заменить его сбором с земель, домов и комиссионных агентов, в результате чего Сенат поспешно утвердил первоначальное предложение. В 13 году н.э. он согласился на продление своей империи еще на десять лет, в то время как трибунская власть оставалась за Тиберием; также был принят закон, дающий последнему равные права с его отчимом в командовании армиями и правительством империи и уполномочивающий их двоих проводить перепись населения вместе. Перепись была проведена должным образом и завершилась в мае 14 г. н.э. торжественным очищением на Марсовом поле. Август был слишком болен, чтобы зачитать обычные обеты, и оставил их Тиберию. Во время церемонии происходили странные вещи. Орел покружил над его головой, подлетел к гробнице Агриппы и уселся на первые буквы имени Агриппы, как бы предупреждая принцепса, что он должен вскоре последовать за своим великим маршалом. Вспышка молнии стерла первую букву "Цезарь" на статуе Августа на Капитолии; теперь "эсар" на этрусском означало божество, а "С" означало 100, и авгуры предсказали, что через сто дней он присоединится к богам. Более того, произошло солнечное затмение,^а а метеоры в небе предвещали смерть принцев. Разум Рима был настроен на чудеса, и Август принял это предзнаменование. Он уже передал свое завещание девственницам-весталкам и теперь вносил последние штрихи в свое политическое завещание. Он закрыл свой счет в мире.

Долгое время он ощущал бремя возраста и болезней, а также меланхолическую пресыщенность жизнью. Он так много осмеливался, так много замыслил, и вот он уже в конце пути. Написание завещания принесло ему минутное удовлетворение, но вскоре оно померкло по мере того, как один тоскливый день слабости сменял другой. Слова Мильтона в *"Самсоне Агонисте"* могли принадлежать ему:

Я так сильно чувствую, как мой жизнерадостный настрой угасает,
Мои надежды рушатся: Природа внутри меня, кажется,

Во всех своих функциях устала от самой себя.

Теперь, как всегда, его единственным утешением была работа. Он изо всех сил старался закончить перепись населения, последнюю из своих императорских обязанностей, но удовольствие от этого переросло в достижение цели, хотя обязанность осталась. Анализируя свою карьеру, он видел скорее тени, чем свет, огромный, почти сверхчеловеческий труд, который при его нынешней слабости в ретроспективе казался чудовищным.³

Последнее путешествие Но, когда его последние официальные задания были выполнены, его настроение, похоже, изменилось. Час освобождения был близок, и его дух внезапно воспрянул. Он приветствовал мысль о смерти с какой-то веселостью.⁴ Он возьмет последний отпуск на р322 и снова увидит ту счастливую южноитальянскую землю, которую всегда любил. Он вернется в дом своих предков.

Этот праздник соответствовал духу здравомыслящей и напряженной жизни, подобающему "подойти вплотную" к великому эпосу. Тиберию нужно было уладить кое-какие дела в Иллирии, и принцепс решил сопровождать его до Беневента по пути в Бриндизи. Он выехал из Рима вместе с Ливией и большой свитой и по Аппиевой дороге добрался до маленького прибрежного городка Астура на берегу Антиумского залива, где река с таким названием вилась через леса к морю. Там Цицерон, когда потеря Туллии вынудила его покинуть Тускулум, купил небольшую виллу с видом на болота, где проводил дни, планируя святилище для своей умершей дочери.⁵ В Астуре компания присоединилась к императорской яхте, и, поскольку сильный ветер вынудил их погрузиться ночью, Август почувствовал озноб в животе; поэтому, испытывая слабость и дискомфорт, он добрался до прекрасного кампанского берега, где пятьдесят восемь лет назад он встретил свою мать и принял решение, изменившее ход событий в мире. Он был очень обрадован тем, что произошло в ПUTEОЛИ, где пришвартовалась яхта. Команда кукурузного -корабля из Александрии приветствовала его в белых одеждах, с благовониями и гирляндами, восхваляя его за то, что он сохранил их жизни и профессию.⁶ Это была та дань, которую он любил, и он дал по сорок золотых каждому из своих слуг, чтобы они потратили их на александрийские товары.

Его здоровье улучшилось, и он провел несколько дней на своей вилле на Капри, этом счастливом острове, где земля и вода превращают сказочную страну мечты. К нему вернулась мальчишеская веселость, как будто он избавился от бремени прожитых лет. Он устраивал обеды для своих друзей и множество подарков, заставляя компанию фантастически одеваться - римлян в паллии, а греков в тогах. Он развлекал группу молодых спортсменов, которые готовились к греческим играм в Неаполе, и присоединился к забрасыванию их фруктами и сладостями. Он сочинял плохие греческие стихи и Он шутил о Капри, называя часть острова Апрагополисом, Страной-ничегонеделания, из-за лени его жителей. Всякий раз, когда его жалоба переставала беспокоить, он впадал в юношеское приподнятое настроение.

Капри дал ему отдых, но когда он переехал в Неаполь, то перенапряг свои силы и вернул болезнь. Он не хотел разочаровывать честных людей, которые хотели сделать ему комплимент, поэтому просидел весь жаркий кампанский день, наблюдая за спортивными играми, которые были организованы в его честь. Затем он продолжил свой путь в Беневент, где-попрощался с Тиберием. По-видимому, теперь он чувствовал, что его слабость усиливается, поскольку он сразу же отправился в обратный путь. Но в Ноле, • в восемнадцати милях от Неаполя, он серьезно заболел и был вынужден остановиться. Там его уложили в постель на вилле его семьи, в той самой комнате, где, когда ему было пять лет, умер его отец. Его приближенным

было ясно, что его дни сочтены, и в спешном порядке был отправлен гонец, чтобы отозвать его пасынка. Тиберий прибыл вовремя, чтобы провести с ним несколько часов и услышать его последние наставления.

Это был август, его счастливый месяц, носивший его имя. На девятнадцатый день он взшел на свой первый корабль "консул", и это должно было стать днем его смерти. Его разум был ясен, и он не чувствовал боли, за исключением быстрого упадка сил. Он закончил свой курс и встретил конец с мягким достоинством. Гомер всегда много значил для него, и он, возможно, находил утешение в этой строке, которая является квинтэссенцией покоя: "Приближается ночь, и хорошо уступить ночи".⁷ Его друзья собрались вокруг него, и он с иронией спросил их, считают ли они, что он был хорошим актером в комедии жизни. Как Юлий процитировал цитату Менандра перед переходом Рубикона, так и он процитировал стих из греческой пьесы:

Поскольку я хорошо выполнил свою часть работы, тогда,
джентльмены, прошу вас,
поаплодируйте и отошлите меня со своей благодарностью
подалее. . . .

р324 Он остался наедине с Ливией. На мгновение его разум погрузился в кошмар, и он прокричал что-то о молодых людях, уносящих его. Он пришел в себя, послал за зеркалом, причесался и выпрямил отвисшую челюсть. Он спросил о ребенке Друзаса, который был болен, а затем, чувствуя приближение смерти, попытался поцеловать свою жену, пробормотав: "Прощай, Ливия; живи, помня о нашем браке". Он умер на руках единственного существа, оставленного ему во всем мире для любви.⁸

II

Дни были слишком жаркими для путешествий, поэтому тело ночью везли по дорогам в Рим. Мировые судьи в каждом маленьком городке вели это дело по очереди, и каждый день оно рассматривалось в местном суде. Нола отправила мертвого Принцепса в Неаполь, Неаполь - в Кумы, Кумы - в Формии, а Формии - через Помптинские болота и Латинскую равнину в Бовиллы среди Альбанских холмов. Собиратели винограда, возвращаясь домой после сбора урожая, видели траурную процессию, отправляющуюся в свой ночной путь, а на рассвете работники оливковых садов видели, как она достигла места своего ежедневного упокоения.

В Бовилле, • в двенадцати милях от столицы, находилось фамильное святилище Юлиев, гордого народа, утверждавшего, что он происходит от Богини Любви. Там,

как и подобало, начались основные церемонии. Кавалерийский орден, о котором Август особенно заботился, получил от консулов привилегию теперь взять на себя руководство корпусом, и депутацию рыцарей возглавлял странный, рассеянный юноша Клавдий, сын старшего Друза, которому однажды предстояло стать императором. Путешествие из Нолы заняло большую часть двух недель, и сейчас было начало сентября. Той ночью кортеж отправился в свой последний путь по Аппиевой дороге. Он вошел в спящий город через ворота Капена, прошел через долину между Целийским холмом и Палатином и пересек гребень под Эсквилином, пока не достиг дворца, где в вестибюле было положено тело.

Похороны На следующий день Сенат, созванный Тиберием, собрался, чтобы организовать похороны. Магистраты сбросили свои тоги с пурпурной каймой, а Тиберий и его сын Друзас были одеты в мрачное черное. Огромная волна скорби и сожаления прокатилась по Риму, и было внесено много новых предложений почтить память погибших. Один из них заключался в том, что его жизнь, от рождения до смерти, должна была быть официально известна как эпоха Августа и таким образом занесена в календарь. Принцепс оставил четкие инструкции по проведению церемонии в том же духе, что и при похоронах Агриппы, и им необходимо следовать. Завещание, составленное годом ранее, было передано Друзом из-под опеки девственниц-весталок и, согласно обычаю, было зачитано императорским вольноотпущенником. Были большие завещания Ливии и Тиберию, а также огромные пожертвования римскому населению. Затем Друзас зачитал различные завещательные записки, заявление относительно армии и государственных финансов, заметки с советами своему преемнику и краткое изложение работы своей жизни, которую мы называем *Res Gestae*. Это был торжественный момент, ибо это были последние слова Августа, обращенные к своему народу.

Затем начались похороны. Тело в гробу положили под ложе из золота и слоновой кости, покрытое пурпурными и золотыми покрывалами. Наверху, на кушетке, так, чтобы все мужчины могли это видеть, стояло восковое изображение покойника в триумфальном облачении. Процессия была сформирована, за носилками несли другие изображения Августа в золоте, а также изображения его предков и родственников, а также знаменитых римлян, таких как Помпей. Только Юлия там не было, потому что Юлий был богом. Скорбящие спустились с Палатина к Священной дороге, а оттуда к Форуму, сердцу Рима;^b мимо храма Весты и жилища весталок; мимо нового храма Кастора и Поллукса, перестроенного Тиберием в честь Друза, и колодца, где Близнецы поили своих лошадей; мимо храма Януса к Ростре, где творилась так большая часть римской истории. У Ростры кортеж остановился, и Друзас произнес традиционный похоронный панегирик добродетелям умерших. В храме Дива Юлия Тиберий произнес вторую хвалебную речь, пересказ которой есть у Диона.⁹ Это касалось главным образом его официальной работы, его преданности государству, его общественной экономии и частной щедрости, его любви к откровенности и честной речи, его выдающихся административных способностей. В речи не было никакой риторики, только много трезвых фактов; ее тон был тоном *Res Gestae*, и это была такая дань уважения, которую одобрил бы Август.

Процессия двинулась дальше в жаркий сентябрьский полдень, в то время как толпы заполонили улицы и покрыли каждый дом-с крыши. Он проехал под Капитолием и сверкающими новыми храмами, построенными Августом, и через Триумфальные ворота вышел на Марсово поле, где за излучиной Тибра возвышался огромный купол Императорского Мавзолея. Весь Рим последовал этому примеру: сенаторы и их жены, кавалерийский орден и преторианская гвардия. Тело было положено на погребальный костер, и на погребальный костер, как последнюю дань уважения, горожане бросили награды, которые они завоевали на войне. Затем центурионы поднесли факелы. Когда пламя поднялось, орел был выпущен и взмыл ввысь - обычай, пришедший из древности Востока, и символ того, что душа Принцепса вознеслась на Небеса Постепенно великое сборище разошлось, но Ливия оставалась на месте в течение пяти дней. На шестой день в сопровождении нескольких высокопоставленных мужчин ордена всадников, босых и непоясанных, она собрала прах и поместила его в Мавзолей, где хранились бранные останки Октавии, Марцелла и Агриппы.

Обожествление Августа 17 сентября Сенат официально объявил, что Август отныне причислен к божествам государства. Бывший-претор, некто Нумерий Аттик, поклялся, что видел, как он возносился к небесам, и был хорошо вознагражден за свое видение.¹⁰ Ему были воздвигнуты храмы в Риме и других местах, а священники и праздники были назначены для его культа. Его изображение на позолоченном ложе было помещено в р327храме Марса, а дом в Ноле, где он умер, был освящен.

Вскоре официальные сообщения разнесли весть о его смерти по самым отдаленным уголкам империи. Для армий это мало что значило; они принесли ему присягу, но именно Тиберий в течение последнего десятилетия руководил ими на поле боя. Народы, которые от Луары до Евфрата поклонялись ему как спасителю, на мгновение встревожились, как будто их фундамент дал трещину. Но они утешали себя, размышляя о том, что Август был богом, а боги не умирают. Они удвоили свои подношения тому, кто был не только божественным, но и теперь присоединился к своим собратьям-богам. . . .

Ребенок, рождение которого мы видели в Вифлееме той зимней ночью, когда Квирий приказал провести перепись населения Иудеи, был уже подростком и занимался своим ремеслом плотника в Назарете, где он унаследовал бизнес Иосифа. Он сопровождал своих родителей на торжественные праздники в Иерусалиме и получил известность за свое умение толковать еврейские Писания в местной синагоге. Обычно он был известен как Иисус из Назарета, но иногда и как Сын Марии. В свободное от работы по своему ремеслу время он предавался долгим странствиям, потому что, хотя и был дружелюбен ко всем, любил дикую природу и уединение. Когда весть о смерти владыки мира дошла до галилейских холмов и соседи забеспокоились, что это может означать конец миру Августа и упорядоченной империи, он, казалось, не был сильно обеспокоен, поскольку его мысли были о другом мире и другой империи. Шестнадцать лет спустя ему

предстояло провозгласить царство, более могущественное, чем Римское, и рассказать о мире, спасенном не Человеком, ставшим Богом, а Богом, ставшим Человеком.

III

Карьеру Августа можно сравнить с высоким плато, к которому предстоит долгий, крутой и опасный подъем. р328 Пятнадцать лет его ноги стояли на утесах, и сорок три года он обозревал мир со столасуши. На первом этапе его проблема заключалась в том, как завоевать верховную власть, а на втором - как наилучшим образом ее использовать. Его характер оставался неизменным на протяжении всей его жизни, в том смысле, что качества, позволившие ему превзойти своих соперников, были теми, которые позволили переделать мир — железное самообладание, бесконечное терпение и безошибочное суждение о фактах и людях. Мало кто когда-либо брался за более явно безнадежную задачу, чем Август, когда на девятнадцатом году жизни он покинул Аполлонию, и мало кто когда-либо добивался более триумфального успеха. В течение многих лет он вел жизнь, полную неустанного физического труда и душевных тревог в сочетании с плохим состоянием здоровья — немалое испытание силы духа. Сомкнутый, цепкий, осторожный и в то же время бесстрашный, он удивителен, но не привлекателен. Прежний Август - Трудлюбивый Ученик, достигший высшей власти, старший Сын из сказок, которого ничто не остановит от его наследия. Он жил в постоянной опасности, но в его благоразумные дни не было и тени очарования приключений. Он шел на отчаянный риск, но только после тщательного расчета. Он наименее романтичный из великих людей.

Когда сражались с Акциумом и он победил, он проявил те же качества, но им было придано новое направление и смягчено чем-то, от чего до сих пор было мало следов. Обычный приезжий склонен заблудиться в конце своего путешествия. Он не знает, как использовать то, что он приобрел. Те самые дары, которые сделали его грозным на пути, оставляют его озадаченным и неуверенным на пути к цели. Здесь — на стороне характера — кроется чудо карьеры Августа. Холодная, замкнутая юность сменилась добродушной зрелостью; тот, кто держался особняком, стал другом всего мира; то, что казалось всепоглощающим личным честолюбием, превратилось в тревожную благожелательность, бескорыстную заботу об огромной ойкумене, главой которой он был. К "pietas" и "gravitas" были добавлены "civilitas", а также "clementia" и "providentia", и между ними они составили законченный "auctoritas". Этими последними качествами он обладал всегда, но они были неизбежно скованы морозом в течение мрачных лет борьбы р329 Чудо заключалось в том, что они не погибли, а, когда наконец засияло солнце, смогли распусться и дать плоды.

Ум Августа Его характер, как я уже сказал, соответствовал его умственным способностям, был чем-то необъяснимым, четким, простым, вполне понятным. Он

обладал большинством основных добродетелей, перечисленных Аристотелем, но особенно у него был фронтис, та практическая мудрость, которая является неотъемлемым атрибутом правителя. Здесь мы сталкиваемся с чем-то далеко не простым. Мы видели его результаты в созданной им системе правления; было бы неплохо изучить ее повнимательнее, поскольку именно в этом отношении он превосходил других людей.

Его вдохновение исходило от Юлия. Каким было это вдохновение, мы можем только догадываться, поскольку у завоевателя мира было мало времени, чтобы четко выразить свои мысли. Ум Юлия, насколько мы можем судить, был умом мечтателя, соединенным с темпераментом солдата. Он верил в это, точно так же, как он победил своих врагов и подчинил под свою власть большую часть земли, так и он мог формировать по своей воле гражданскую жизнь мира. Его проницательное видение понимало высшие потребности империи, но он недооценил трудности на пути их удовлетворения, запоздалость процесса, с помощью которого человеческая природа может привыкнуть к новому образу жизни. Если бы он был жив, он, возможно, далеко продвинулся бы по намеченному им пути, но ни один человек ниже его по темпу не мог сравниться с ним.

Август согласился с основным догматом своей веры, согласно которому старая Республика не могла управлять заморской империей; но по четырем пунктам, как мы видели, он пересмотрел свою политику. Юлий хотел обезопасить границу новыми завоеваниями на Востоке и Севере; Август, сознавая, что он не военный гений, колебался и пошел на компромисс. Юлий стремился к наследственной монархии, в которой должно было быть что-то от святости восточных и эллинистических тронов. В конце концов империя должна была прийти к этому, но Август понимал, что время для этого еще не пришло и что республиканские настроения все еще являются силой, с которой приходится считаться. Юлий был смелым иконоборцем республиканских форм, которые пережили свою полезность; Август стремился беречь все, что можно было заставить работать из этих форм, чтобы для римлян, любящих традиции, был достойный мост между прошлым и настоящим. Наконец, Юлий отстаивал идеал универсального имперского гражданина, идеал, который однажды должен был быть реализован и который должен был стать главным цементом империи. Есть свидетельства того, что Август принял бы это как конечную цель, но он видел, что на данный момент его задачей было восстановить престиж Италии и уверенность в себе, поскольку римский гражданский корабль не имел бы ценности без авторитетного Рима. Кто скажет, что в этих вопросах он не судил мудро?

Политическое развитие Он был строителем, которого интересовали вещи, а не фантазии. Он мог бы оценить далеко-идущий план, но башни и административные здания должны подождать, пока не будет заложен глубокий фундамент. Как и у других людей, у него были свои предпочтения, но он всегда проверял их простой реальностью. Юлий был мечтателем; Август восхищался многими его мечтами,

исследовал их и отбросил. В Греции и на Востоке было много мечтателей; его острая практическая логика спасла мир как от восточной экстравагантности, так и от бесплодного мистицизма философов. В нем не было того опасного фанатизма, который можно найти у таких разных людей, как Макиавелли и Кальвин, преувеличенного представления о святости государства; он придавал государству ту святость, которая ему принадлежала, и не более. Он был свободен от эгалитарных прихотей - болезни, от которой древний мир не слишком страдал; он не верил в то вырождение демократической теории, которая воображает, что во мнениях невежд есть особое вдохновение, а в характере нищих - исключительное благородство. Но он также не верил в грубый авторитаризм; он согласился бы с определением Аристотелем цели государства — что оно возникло ради жизни и продолжалось ради хорошей жизни.¹¹ Он стремился не только обеспечить каждому классу скромный комфорт, но и возложить на него определенную функцию в обществе.

р331 Это учение о функции не было чем-то новым, поскольку оно заимствовано у греческих философов,¹² и в то время было принято большинством мыслящих людей; но после Августа ему пришлось ждать много столетий, пока оно возродилось как принцип демократии. Мы должны быть осторожны в использовании этого последнего термина, поскольку к-сегодняшнему дню он приобрел оттенок, который был бы непонятен древнему миру. Некоторые элементы знакомой демократической техники, такие как идея представительства, были в данных обстоятельствах невыполнимы. Но одно существенное демократическое правило — правительство путем обсуждения — Август хотел бы установить. Он стремился превратить Сенат, постоянно обновляемый снизу и, следовательно, в некотором смысле репрезентативный, в настоящее консультативное собрание, решения которого принцепс должен принимать или опровергать аргументами. Он бы также поаплодировал определению Перикла: "Наша конституция названа демократической, потому что она находится в руках не немногих, а многих. Наши законы обеспечивают равную справедливость для всех в их частных спорах, и наше общественное мнение приветствует и почитает лучших в каждой отрасли достижений не по какой-либо классовой причине, а исключительно на основании превосходства".¹³ Республика была тесной олигархией; империя ввела большое количество новых сотрудников на государственную службу и стремилась предоставить самым скромным людям хоть каплю гражданских интересов.

У Августа были заметные преимущества. Ему приходилось иметь дело с упрямыми реакционерами, но глупые прогрессисты его мало беспокоили. Голос революционера затих; Рим слишком насытился им и превыше всего жаждал порядка и благопристойности. Он также не страдал от мелкого интеллектуала, человека, чей талант заключается в дешевом разрушении. Рому не нужен был распылитель; ее единственным желанием было сбежать от хаоса. Более того, софист везде оказывался в невыгодном положении, когда люди искали позитивной веры. Калликл и Фрасимах были редкими личностями даже в академиях; Платон тремя столетиями ранее вывел их из бизнеса, и р332..... Наконец, Август был свободен от интеллектуальной гордыни. Он не был догматиком, но довольствовался тем, что

скромно нащупывал свой путь, а когда совершал ошибку, возвращался по своим следам. И он не переоценивал себя или свои достижения. Подобно Экклезиасту, он мог радоваться своему труду и все же признавать, что многое из этого было тщеславием, а награда за него - томление духа. У него была своя задача, которую он должен был выполнить, не думая о цене. Главной движущей силой его жизни была стоическая заповедь: "Мы тоже должны быть солдатами, причем в кампании, где нет ни перерыва, ни разрядки".¹⁴

Его достижение Мы уже видели изъяны в великой структуре, которые должны были превратиться в бреши. Главная заключалась в том, что он возложил слишком тяжелое бремя на своих преемников. При всей его изобретательности не удалось изобрести способ сделать империю надежной, и государство страдало, когда его главой был болван или дегенерат. Это было на стороне исполнительной власти; более серьезным недостатком было то, что это не приводило управляемых к какой-либо тесной органической связи с правительством и, следовательно, препятствовало росту политического потенциала и истинного гражданского корабля. Но от этого, как мы видели, было никуда не деться. Самоуправление было возможно в небольшом городе-государстве, но не было найдено способа применить его к более крупной единице; более того, можно усомниться в том, что в полном смысле такой метод еще не был открыт.

В остальном конституция Августа остается одним из основных продуктов человеческого интеллекта. Это было целое, в котором части подходили друг к другу гладко, но и целое, и части были эластичными и способными быстро приспосабливаться к непредвиденным условиям. Оно было сложным, но это было необходимо как из-за его происхождения, так и из-за его назначения. Августу наследовал мир беззакония. Теперь от беззакония нельзя избавиться просто сильной рукой. Уголовные и репрессивные меры, если они не будут вплетены в ткань, соответствующую общественному телу, останутся внешним применением, а не внутренним средством правовой защиты, и рано или поздно снова приведут к беззаконию. Цивилизация - это всегда вопрос р333 тонких приспособлений, заговора и строительства. Лекарство от анархии - иерархия.

Также требовалась детальная проработка из-за огромного диапазона и разнообразия новых обязанностей правительства. Август не слишком почитал созданные им институты и не придавал слишком большого значения какому-либо механизму ради него самого. Он был меньшим рабом панацеи, чем мы, современные люди, которые склонны приписывать какому-то типу конституции, какой-то экономической догме, какому-то международному аппарату абсолютную спасительную силу. Но он признал истину, что сложная задача требует сложной техники. Следует помнить, что Платон, враг механицизма, в *Законах*, которые он написал в глубокой старости и, следовательно, в качестве своего последнего завещания, создает для государства настоящие джунгли мельчайших правил.

По мнению большинства, римскому эксперименту не хватает очарования некоторых более ранних политических систем. В Риме Августа мы не можем искать свободного изящества и простоты Афин времен Перикла. Это неизбежно. Любая крупномасштабная организация должна утратить некоторые преимущества своего рудиментарного зарождения. Количество будет оказывать огрубляющее воздействие на качество. В "*Протагоре*"¹⁵ Платон описывает собрание перед рассветом в колоннадах афинского дома, где молодые люди встречаются, чтобы поговорить о философии, а старый Продик, все еще в постели и завернутый в овчину, рассуждает своим глубоким рокочущим голосом. Такая сцена обладает утренней свежестью, которую не найдешь в самом прекрасно оборудованном университете. Но количество составляло суть проблемы, стоявшей перед Августом, поскольку его задача охватывала весь известный мир.

В империи как таковой нет заслуг. Расширение в пространстве не обязательно означает духовный прогресс. Небольшим сообществом легче управлять, и, вполне возможно, в нем приятнее жить. Если его возможности ограничены, то ограничены и опасности. Но перед ним стояли альтернативы: империя или анархия. Он должен сотворить окаменелость мира или позволить ему погрузиться в хаос. То, чего он добился, было государством, настолько разумным и настолько хорошо приспособленным, что оно просуществовало столетия, и в своем падении оставило после себя массивный фундамент, на котором люди р334все еще строят. Афинская империя просуществовала самое большее пятьдесят лет, а грандиозное творение Александра Македонского - меньше. Какова была судьба последующих империализмов? Испанская империя просуществовала в грандиозном масштабе немногим более столетия; Наполеоновская - десятилетие; Британской империи меньше двух столетий, и в ее нынешнем виде она осталась в прошлом. За короткий период зарегистрированной истории жизнь империй была короче, чем у многих монархий, теократий и даже республик. Только Август достиг почтенного возраста. С приходом христианства ей пришлось столкнуться с величайшими из всех исторических потрясений, но ее мощь была такова, что она выдержала бурю и оказала глубокое влияние на организацию христианской церкви.

Взгляд на историю Истинное достижение Августа заключается в том, что он спас мир от распада. Без него Рим, должно быть, терял бы свои завоевания одно за другим и видел, как они впадают в варварство или вырождаются в мелких сатрапов. Дикие народы Востока и Севера опередили бы свои вторжения на столетия. Без него местечковый Рим, несомненно, был бы разрушен вечной гражданской войной. Без него великие традиции Эллады и Палестины были бы завалены обломками, ночь Темных веков наступила бы раньше, и нашей цивилизации по сей-день не хватало бы ее самых драгоценных духовных основ. Он дал миру новый и рациональный образ жизни. Кроме того — и это было не последним из его завещаний — он сохранил для нее два великих римских идеала, которые находились под угрозой гибели, - идеал характера и идеал правления. Именно благодаря ему будущий император смог написать: "Пусть Бог, который внутри тебя, будет хранителем живого существа, мужественного, зрелого возраста, занятого государственными

делами, римлянина и правителя, занявшего свой пост подобно человеку, ожидающему сигнала, который призывает его уйти из жизни, готовому уйти". Именно вдохновение Августа позволило поэту три столетия спустя отдать дань уважения Риму, которое мудрые народы приняли как свое кредо:

В одиночестве она прижимает к своей груди тех,
кого она недавно победила; теперь она называет их гражданами, а
не врагами.....

Своей победительницей они объявляют

р335 Мать, а не любовницу. Итак, ее общее имя

Enfellowпомогает человечеству, укрепляет с помощью отрядов

набожной любви далекие- дочерние земли,

Где бы мы ни находились, все это одна раса —

Должники ей, по чьей миротворческой милости

Нет странного места, но везде дом —

Одна всемирная семья, родственная Риму.¹⁶

Именно благодаря ему римские представления об общественном долге и служении все еще являются живой силой среди нас. Историки отказали ему в названии гения, которое они с готовностью присваивают Александру, Юлию и Наполеону; но если это не гениальность --создавать и вновь-управлять миром с помощью мужественного реализма и высших сил характера и разума, тогда это слово не имеет значения в человеческой речи.

Колесо рождения и смерти неумолимо вращается в той сфере человеческой деятельности, которая связана с управлением. Конституции возникают, процветают, увядают и сходят в неоплаканную могилу только для того, чтобы позже возродиться, получить признание и снова отвергнуться. Ничто не живет непрерывно, но и ничто не умирает полностью.

Multa renascentur quae jam cecidere, cadentque

quae nunc sunt in honore.¹⁷

Труд Августа на протяжении веков был слишком общепринятым фоном их жизни, чтобы люди могли подвергать его сомнению или оценивать; он считался само собой

разумеющимся, как равноденствия и времена года. В Средние века, под именем Октавиана, он стал туманной фигурой в некромантии. Но сейчас, на втором тысячелетии со дня своего рождения, ученый корабль расширил наши знания о нем, и проблемы, с которыми он столкнулся, вызывают у нас более живой интерес, поскольку они мало чем отличаются от наших собственных. История повторяется только с вариациями, и бесполезно искать точные параллели, но мы можем проследить сходство между условиями его времени и условиями наших дней. В очередной раз кора р336 цивилизации истончилась, и под ней можно услышать бормотание первобытных костров. В очередной раз многие общепринятые принципы правления были ниспровергнуты, и мир превратился в лабораторию, где незрелые и лихорадочные умы экспериментируют с неизвестными силами. И снова проблемы не могут быть удобно ограничены, поскольку наука поставила нации в непростую зависимость друг от друга. В реальной административной деятельности нет ни одного вопроса о сегодняшнем-дне, с которым Августу не пришлось бы столкнуться и на который не пришлось бы ответить.

Если бы его "великое имаго" могло вернуться на землю, он был бы озадачен некоторыми нашими экспериментами в еmрiге и вполне мог бы пожаловаться, что несовершенства его работы были приняты за ее достоинства, и что так много истин незаметно вылетело из головы. Он гордился тем, что подарил миру мир во всем мире, и он был бы поражен громким восхвалением войны как естественного и полезного спутника жизни нации. Войны, которые он вел из страстного желания защитить свой народ, как пастух строит защиту своего овчарни; но он ненавидел это дело, потому что хорошо знал смертельную "разруху", которую греческий историк отметил как следствие самой победоносной кампании. Он также был бы поражен нынешними разговорами о расовой чистоте, превознесением одной породы людей как избранных богов. Это показалось бы ему вызовом не только новому христианскому вероучению, но и стоицизму, который он искренне исповедовал. Правда, он был скуп на пожалования римским гражданам корабля, но это было сделано с временной целью, поскольку сердце принцепата сначала должно было окрепнуть, чтобы кровь свободно циркулировала по членам. С Елисейских полей он наблюдал за развитием своей империи и пришел к пониманию мудрости либерализма Юлия, ибо разве эта империя не черпала большую часть своей силы из не-италийских корней, в философах, поэтах, императорах и солдатах?

Закон и свобода Но больше всего, я думаю, его озадачила бы современная страсть к регламентации и предполагаемое противоречие между законом и свободой. Чтобы вывести порядок из анархии, он был вынужден сделать упор на первое, но он р337 также старался сохранить второе. Его целью было сохранить мужскую силу республиканского характера и лелеять также все достойные местные и провинциальные автономии, поскольку он признавал, что империя зависит от мужчин и что мужчины, чтобы иметь какое-либо значение как граждане, должны иметь приличную меру свободы. Он с грустью признавал, что созданная им машина была слишком сильна для римских свобод, и что в ее тисках римский характер утратил свою соль и железо. Будучи слишком управляемыми, люди забыли, как

управлять самими собой. Но за столетия, прошедшие после его смерти, он заметил, что мир открыл определенные методы, о которых он и не мечтал, и что для большего числа людей, чем он когда-либо управлял, стало возможным жить упорядоченной и свободной жизнью. С исчезновением рабства и распространением образования составные части общества изменились, и самоуправление не обязательно должно быть правительством толпы-. Здесь лежал путь к решению того, что было его самой серьезной проблемой, и он был бы поражен, что люди так легкомысленно отвергают ее. И когда этот знаток механизмов наблюдал за стремлением великих народов поработить себя и истерически ликовать в своих узах, недоумение в его властных глазах превращалось в презрение.

Примечания автора:

¹ Так.Энн. I.3.

² Его защита представляла собой отчет о проделанной работе, *res gestae*, против обвинения в том, что его работа была обманом, достигнутым с помощью взяток; *ср.* Тас. *Ann.* I.2. "*Militem donis, populum annona, cunctos dulcedine otii pellexit.*" Оригинал утерян, но копии существуют в Анкире в Галатии (на латыни) и в Аполлонии в Писидии (на греческом), а фрагменты другой - в Антиохии в Писидии. Смотрите редакцию Харди. из *Пн. и доп.*, Введение.

³ Корнель вышел из себя:

"J'ai souhaité l'empire, et j'y suis parvenu ;
Mais en le souhaitant je ne l'ai pas connu.
Dans sa possession j'ai trouvé pour tous charmes
D'effroyable soucis, d'éternelles alarmes :
Mille ennemis secrets, la mort à tout propos,
Point de plaisir sans peine, et jamais de repos."

⁴ Смотрите по этому поводу замечания В. Вебера в книге *"Принцепс, Изучение истории Августа"*(1934), 9кв.

⁵ *ad Att.* XII.19, 36.

⁶ "per illum se vivere, per illum navigare, libertate atque fortunis per illum frui." Сало. *День. Август.* 98.

⁷ νόξ δ' ἤδη τελέθει· ἀγαθὸν καὶ νυκτὶ πιθέσθαι. *Илиада*, VII.282.

⁸ Suet. *Div. Aug.* 99 *sqq.*; II.123; ДионЛЕВИ.30кв.; Тактика.Энн. I.5кв.; Плиний *H. X.*VII.150; Плутарх, *de garrulitat* 11. В "Таците и Дионе" есть какой-то необоснованный скандал, который исследуется М. П. Чарльзуортом, *A. J. Phil.* (1923), XLIV.145-57.

⁹ LVI.35-41.

¹⁰ Dio LVI.46.

¹¹ *Политика* I.2.8.

¹² Например, концепция справедливости Платона как выполнения каждым человеком своей задачи (τὸ τὰ αὐτοῦ πράττειν) и определение здоровья Аристотелем как "гармонии функций".

¹³ Фукидид II.37.2.

¹⁴ Сенека, *Ер.*LI.6.

¹⁵ 316 кв.

¹⁶ Клавдиан, *де конс. Стилих.* III.150-60. Перевод выполнен моим другом, покойным профессором Дж. С. Филлимором из Глазго.

¹⁷ Гор. *Настоящий поэт.* 70-1.

Примечания Тайера:

^{то} Ошибка. В 14 году н.э. нигде в Римской империи не наблюдалось солнечного затмения, ни полного, ни кольцеобразного, ни частичного. Последнее солнечное затмение, которое можно было увидеть в империи, было 10 августа 2 года до н.э., за шестнадцать лет до смерти Августа: путь тотальности пролегал из Арктики и заканчивался в Ютландии, так что близлежащие районы Бельгийской Галлии и Германии, должно быть, восприняли затмение как частичное. Большая часть империи, включая Рим, вообще никогда этого не видела.

Ошибкой было не совсем уверен, что это заявление сделано Кассий (ЛВИ.29.3) — благодарность историк Имоджен Rhia Herrad для руководителей- — или, по крайней мере, фильтруется через Xiphilinus и Зонара: ὁ τε γὰρ ἥλιος ἄπας ἐξέλιπε; вполне однозначно, общей (ἄπας) затмение на что. Тайна остается неразгаданной; по крайней мере, для меня.

^б Читатель заметит, что нижеследующие детали слегка неточны, вероятно, для стиля и удобства чтения; исключение, как мне кажется, составляют две надгробные речи: действительно ли кортеж вернулся в Храм Юлия, или надгробная речь Тиберия там была первой из двух, а не второй?